

Е. М. Верещагин
В. Г. Костомаров

Лингво-
страноведческая
теория
слова

Москва
«Русский язык»
1980

**Евгений Михайлович Верещагин,
Виталий Григорьевич Костомаров**

ЛИНГВОСТРАНОВЕДЧЕСКАЯ ТЕОРИЯ СЛОВА

Редактор Г. Г. Яроцкая. Художник И. П. Смирнов. Художественный редактор Б. С. Казаков. Технический редактор С. С. Якушкина. Корректор В. В. Аршимович. ИБ № 1072. Сдано в набор 20.09.79. Подписано в печать 21.04.80. А 06083. Формат 84×108¹/₃₂. Бумага типогр. № 1. Гарнитура литературная. Печать высокая. Усл. печ. л. 16,8. Уч.-изд. л. 17,34. Тираж 6000 экз. Заказ № 698. Цена 1 руб. Издательство «Русский язык», 103009, Москва, К-9, Пушкинская ул., 23. Ярославский полиграфкомбинат Союзполиграфпрома при Государственном комитете СССР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли. 150014, Ярославль, ул. Свободы, 97.

Верещагин Е. М., Костомаров В. Г.

**Лингвострановедческая теория слова. — М.:
Русский язык, 1980 — 320 с.**

В книге излагается *оригинальная семантическая концепция*. В ней всесторонне описан так называемый лексический фон — тот элемент семантики слова, благодаря которому язык выступает в качестве одного из хранителей духовных ценностей национальной культуры. Авторы на обширном материале из различных языков исследовали процессы накопления словом информации о действительности, роль лексики в коммуникации, а также в приобщении изучающего иностранный язык к иноязычной культуре.

Предназначается для преподавателей русского языка как иностранного, преподавателей иностранных языков, студентов-филологов старших курсов.

4602010000

74.261.3

70102—045

В—
015(01)—80—122—80

4Р

© Издательство «Русский язык», 1980

ОГЛАВЛЕНИЕ

Предисловие	5
Часть первая. Лингвострановедческая лексикология	10
<i>Глава 1.</i> Лексическое понятие и межъязыковая эквивалентность	11
<i>Глава 2.</i> Лексический фон	20
<i>Глава 3.</i> Способы объективации лексического фона	27
<i>Глава 4.</i> Осмысленность коммуникации	41
<i>Глава 5.</i> Коммуникация как передача знаний	49
<i>Глава 6.</i> Генезис и миграция семантических долей фона	65
<i>Глава 7.</i> Лингвострановедческая интерференция и компарация лексических фонов	75
<i>Глава 8.</i> Общественная динамика лексических фонов	93
<i>Глава 9.</i> Семантические доли в индивидуальном сознании	99
<i>Глава 10.</i> Экзотерические и эзотерические семантические доли	ПО
<i>Глава 11.</i> Зрительный образ как часть лексического фона	1 26
<i>Глава 12.</i> Национально-культурная семантика терминологической и ономастической лексики	157
<i>Глава 13, заключительная.</i> Итоговый пример и выбор названия для изложенной концепции	177
Часть вторая. Лингвострановедческая лексикография	196
<i>Глава 1.</i> От словаря безэквивалентной лексики к лингвострановедческому словарю	197
<i>Глава 2.</i> Лексикографические термины. Краткий очерк развития лексикографии	215
<i>Глава 3.</i> О природе филологических и энциклопедических словарей и о принадлежности лингвострановедческих словарей	232
<i>Глава 4.</i> Принципы лингвострановедческой лексикографии	253

Часть третья. Из истории концепции слова какместилища знаний	267
<i>Очерк первый.</i>	
Античное учение о слове-логосе и интерпретационные концепции	268
<i>Очерк второй.</i>	
Гумбольдтианство и современная концепция лингвистической дополнителъности	279
<i>Очерк третий.</i>	
Учение А. А. Потебни о лексической семантике и его значение для лексикографии и лингвострановедения	288
Послесловие	300
Библиография	304

ПРЕДИСЛОВИЕ

Изучающие иностранный язык обычно стремятся в первую очередь овладеть еще одним способом участвовать в коммуникации. Однако когда усвоение языка достигает полноты, человек одновременно получает огромное духовное богатство, хранимое языком, проникает в новую национальную культуру. Этот аспект обучения иностранным языкам целенаправленно рассматривается лингвострановедением. Если говорить о методике преподавания русского языка в качестве иностранного, то здесь лингвострановедением называется работа преподавателя по ознакомлению «иностраных школьников, студентов, стажеров... с современной советской действительностью, культурой через посредство русского языка и в процессе его изучения». Это определение заимствовано из нашей предыдущей книги «Язык и культура. Лингвострановедение в преподавании русского языка как иностранного», и к ней мы отсылаем читателя, который пожелает получить общий обзор лингвострановедческой проблематики. Новая книга содержит результаты дальнейших лингвистических и лингводидактических поисков авторов. Сохраняя преемственность с названной публикацией, она ее отнюдь не повторяет.

Кому адресована настоящая книга? Всем, кто избрал русский язык своей специальностью, — преподавателям, работающим с иностранцами, советским и зарубежным филологам-русистам, студентам, «спирантам, научным работникам. Хочется думать, что книга окажется полезной лингвистам широкого профиля, особенно лексикологам и лексикографам, интересующимся семантикой и социологией языка.

Предмет нашего описания, а описывается так называемый лексический фон — малоизученный компонент семантики слова, сам по себе довольно сложен и многоаспектен. Естественно, анализ, чтобы быть адекватным, также не может быть элементарно

простым. Тем не менее материал излагается доступно и несложно, поясняется многочисленными примерами; он, безусловно, вполне по силам каждому, кто имеет обычную филологическую подготовку. При построении теории не обойтись без новых терминов, но терминов не следует пугаться — они тщательно определяются и в конечном итоге значительно облегчают чтение.

Надемся, что книга будет способствовать совершенствованию лингвострановедческого преподавания русского языка.

Коммуникативная функция языка много и интенсивно обсуждается в современной науке. В исследовательских трудах, в любом языковедческом вузовском курсе коммуникативная функция называется на первом месте и по сравнению с прочими ей уделяется преимущественное внимание. В этом нет ничего удивительного: назначение языка быть средством общения очевидно, равно как любому понятна важность обмена мыслями.

Между тем в длительной истории лингвистики бывали периоды, когда сущность языка усматривали совсем не в этой функции, но, напротив, отодвигали ее на второй план. Так, для одного из основоположников новейшего языкознания В. Гумбольдта язык возникает не как «внешнее средство общения людей в обществе», а как средство познания мира, как инструмент «развития их [людей] духовных сил и образования мировоззрения» (цит. по: Звегинцев, 1960, с. 69¹). Следовательно, ведущей функцией языка Гумбольдт считал гносеологическую, познавательную. Указанная точка зрения (взгляд на язык как на непосредственную действительность мысли) покоится на обширной и разветвленной научной традиции (см. ч. 3 настоящей книги).

Гносеологическая функция языка неоднородна и в свою очередь разделяется на две — пусть связанные между собой, но все же различные — (под) функции: дискурсивную и кумулятивную. Обе функции отражают два плана в познании мира.

Дискурсивная (дискурсивно-логическая) функция языка соответствует процессуальному плану познавательной деятельности человека, т. е. мышлению, динамическому формированию и сцеплению мыслей. Бесчисленные исследования посвящены влиянию языка на мышление, единству мышления и языка, влиянию мышления на язык. Грамматические и логические категории, границы языка и границы познания, языковая форма внеязыкового содержания — эти и другие «вечные» лингвистические, логические, психологические и философские вопросы, связанные с возникновением и языковой обо-

¹ В книге принята следующая кодовая система: в ссылке указывается фамилия автора (или название работы) и год издания, по которым соответствующее название отыскивается в «Библиографии».

лочкой мысли, оставляются нами за пределами дальнейшего анализа.

Кумулятивная (накопительная) функция языка соответствует статичному плану познания, т. е. сознанию, которое и делает мышление возможным. Кумулятивная функция — это отражение, фиксация и сохранение в языковых единицах информации о постигнутой человеком действительности. Собственно, все уровни языка подобную информацию собирают и удерживают², и все же кумулятивная функция в первую очередь обеспечивается строевыми языковыми единицами — лексикой, фразеологией и языковой афористикой³. Вот этой кумулятивной функции языка, ее природе, а самое главное — ее роли в сообщении человеку новых знаний и посвящена наша книга.

С одной стороны, язык — общественное явление, и взятый в своем социальном плане, он выступает хранителем информации о мире, характерной для всего коллектива говорящих, для всей этнолингвистической, культурноязыковой общности. С другой стороны, будучи достоянием отдельной личности, усвоенный человеком язык индивидуален. Он может быть хранителем уникального, неповторимого (для другого) жизненного опыта. Однако (подчеркнем со всей ясностью) индивидуальное сознание — это подлинное сознание, совместное знание, это в значительной части продукт «социализации» человека, усвоения им хранимого языком общественного опыта.

Со-знание, о котором мы говорим, в данной книге изучается лишь применительно к лексике. Другие языковые единицы в их кумулятивной функции будут рассмотрены нами в дальнейших разысканиях. Если теперь применить сказанное выше (по поводу хранения языком результатов познавательной деятельности) только к слову, к лексике, то можно утверждать: слово вмещает в себя и хранит знания о действительности. На лексему (так называем внешнюю форму слова, см. ч. I, гл. I), так сказать, «навешиваются» идеи, сведения, мысли⁴; весь внешний мир проходит через слова и отыскивается в них⁵; слово — это коллективная память носителей языка, «памятник культуры», зеркало жизни нации; осваиваемое слово — ключ к образу жизни соответствующего народа, вообще ключ к знаниям. Можно было бы еще продолжать перечисление образных выражений, емко и точно отражающих основной взгляд на слово, о котором мы намереваемся подробно говорить: слово, наряду с назначением быть

¹ См. подробнее: Верещагин, Костомаров, 1979.

² Под языковой афористикой мы понимаем массово распространенные, всем известные пословицы, поговорки, крылатые выражения.

³ Опираемся на афоризм английского литератора прошлого века Г. Бичера «И words are pegs to hang ideas on, т. е. все слова — это гвозди (или крючки), на которые навешиваются идеи. В образной форме, замечательной тем, что на безусловно исключает буквальное прочтение, хорошо представлено существо отстаиваемой нами рационалистической концепции.

⁴ Опираемся на афоризм Ж. де Сталь.

средством общения, накапливает и хранит информацию о постигнутом мире.

Сделать такое заявление — значит не более как присоединиться к общепринятой в науке точке зрения. Мы ничуть не отрицаем значения аргументированных деклараций, но тем не менее важен не только общий вывод, но и путь, которым к нему пришли, важна не только глобальная концепция, но и практические, конкретные результаты, достижимые с ее помощью. Короче говоря, наряду с обобщением, столь же важны стоящие за ним факты — этот, по И. П. Павлову, воздух ученого. Именно поэтому значение своей работы и ее назначение мы усматриваем не столько в итоговом заключении, сколько в конкретном анализе того, как именно слово становится средоточием собираемой информации, вместилищем знаний и какова роль, практическая польза кумулятивной функции слова для прикладных задач.

Таким образом, в книге поставлены две задачи. Во-первых, анализируется феномен накопительной природы лексической семантики. Эти вопросы образуют основное содержание первой, лексикологической части работы. Во-вторых, много внимания уделено возможностям использовать слово для приобщения изучающих иностранные языки к соответствующим национальным культурам. Авторы опираются прежде всего на опыт преподавания русского языка иностранцам. Указанная проблематика составила следующую, лексикографическую часть исследования.

Кроме того, руководствуясь желанием включить концепцию слова как вместилища знаний в процесс движения научной мысли, мы в третьей части книги изложили историю развития взглядов на гносеологическую функцию языка.

Что касается способа изложения, то в работе принята методика рассуждения. Все главы представляют собой звенья в логическом развертывании материала, как бы «шаги» на пути анализа, поэтому итог предшествующей главы представляет собой постановку проблемы для последующей. Однако наряду с приемом логического вывода, в исследовании используется прием доказательной иллюстрации. Отсюда обильные примеры, многочисленные конкретные факты и наблюдения — они не избыточны, а необходимы, причем необходимы не только для наглядности или большей доступности, но и для углубления мысли, а иногда и для завершения логического построения.

Перед читателем плод почти пятнадцатилетних разысканий и размышлений авторов.

Отдельные положения книги раньше печатались в виде статей. Кроме того, мы не раз излагали их в докладах на совещаниях линг-

вистов, в том числе на всесоюзных и международных (в частности, на конгрессах и симпозиумах МАПРЯЛ). Целиком вся книга обсуждалась на расширенном заседании сектора лингвострановедения и на ученом совете Института русского языка им. А. С. Пушкина. Вопросы, связанные с лингвострановедческим словарем, были предметом рассмотрения на специальном заседании словарного сектора Института языкознания АН СССР (Ленинградское отделение).

Активное участие в выработке предлагаемой концепции слова принимал канд. филол. наук В. В. Морковкин, в соавторстве с которым в свое время была написана первая основополагающая статья. Существенный вклад в совершенствование работы внесли ее рецензенты — действительный член АПН СССР А. В. Текучев и канд. филол. наук доц. И. Г. Милославский.

Приносим свою глубочайшую благодарность коллегам и товарищам, способствовавшим в наших разысканиях.

Отзывы и пожелания просим направлять в сектор лингвострановедения Института русского языка им. А. С. Пушкина (Москва, 117218, ул. Кржижановского, 24/35) или в издательство «Русский язык» (Москва, 103009, Пушкинская ул., 23).

Лингвострановедческая лексикология

В первой части книги вводится новое семасиологическое понятие — лексический фон.

Представляется, что лексический фон может занять одно из центральных мест в социолингвистическом анализе языка. Он также (это будет показано во второй части работы) весьма существен в лингводидактическом отношении, т. е. для преподавания иностранных языков.

Авторам неизвестны целостные и законченные исследования, которые были бы специально посвящены явлению, называемому здесь лексическим фоном. Поэтому вновь вводимая семасиологическая категория обсуждается с должной обстоятельностью, на обширном иллюстративном материале и во всех характеристиках, объективированных к настоящему времени. (Выявление свойств лексического фона отнюдь не завершено: о перспективах дальнейших научных разысканий подробнее говорится в послесловии.)

Двенадцать глав первой части допускают группировку. Первые четыре описывают лексический фон как таковой, как социолингвистический феномен, как факт языка: в них данное лингвистическое понятие отграничивается от близких и смежных,

т. е. дается его определение. Остальные восемь посвящены значению лексического фона для речевой деятельности (в качестве субстрата существования знаний, в осмысленной коммуникации и т. д.), а также его свойствам (историзму, динамичности, сопряженности со зрительным образом и т. д.).

Заключительная (13-я) глава носит итоговый, систематизирующий, а не эвристический характер. В ней же рассмотрены и некоторые принципиальные терминологические вопросы.

Глава 1

ЛЕКСИЧЕСКОЕ ПОНЯТИЕ И МЕЖЪЯЗЫКОВАЯ ЭКВИВАЛЕНТНОСТЬ

Слово, как и любой другой языковой знак, обладает двумя планами. План выражения слова (его туковая оболочка) обычно называется лексемой (Толстой, 1963, с. 30). Что касается плана содержания слова, то в лингвистике (и в смежных гуманитарных науках) велись и ведутся затяжные споры по поводу того, какой категории человеческой психики соответствует семантика слова. Постепенно берет верх точка зрения, согласно которой планом содержания слова является так называемое лексическое понятие, — естественно, онтологически (т. е. применительно к реальному функционированию слова в речи человека), потому что гносеологически (т. е. с познавательными целями) семантику слова не только допустимо, но и необходимо членить и расслаивать (см.: Беляев, 1954; Выготский, 1956, с. 322; Колшанский, 1962, с. 36).

Сторонники содержательного разделения терминов «понятие» и «лексическое значение», как нам представляется, неправы, потому что они или недостаточно последовательно выделяют лексический уровень языка (включая в «значение» грамматические моменты), или правомерно сопоставляют идеальную сторону слова с терминологи-

ческим понятием. Еще раз скажем, что гносеологически вполне правильно расчленять семантику слова и говорить, например, об эстетическом, прагматическом, ассоциативном, ближайшем и дальнейшем, эмфатическом, потенциальном и других значениях слова, а также понимать «значение» слова как отношение между тем, что мы называли лексемой, и тем, что было названо лексическим понятием (так в духе логистических идей Ч. Пирса, Ч. Морриса, Р. Карнапа, К. Огдена и И. Ричардса в лингвистике поступает, например, С. Ульман). Более подробно проблематика структуры слова изложена нами ранее (Верещагин, 1967).

Логические понятия противоплагаются терминологическим. Первые — это понятия, соответствующие обыденному уровню отражения действительности, понятия обиходные, «языковые», свойственные всем членам определенной этнокультурной и языковой общности. В терминологических понятиях объективируется научный уровень отражения действительности; они, как правило, принадлежат ограниченной и временами довольно узкой сфере систематизированного (теоретического) знания и по этой причине далеко не всегда обладают свойством повсеместной распространенности. Разница между словами и терминами убедительно продемонстрирована в лингвистике, особенно в лексикографии¹. Однако сейчас все чаще приходится заниматься не противопоставлением слов терминам, а сопоставлением их, потому что в связи с повышением образованности носителей языка обыденный уровень сознания постепенно повышается до теоретического (многочисленные так называемые общенаучные термины начинают употребляться практически всеми говорящими наравне со словами)².

Итак, план содержания слова — это лексическое понятие. Но что же это такое? Рассматриваемая категория человеческой психики, как и другие сопряженные психические категории, слишком многогранна, чтобы ее можно было охватить в недвусмысленном и всесторонне пригодном определении. Обычно в определениях понятия «понятие» подчеркивают его отдельные характеристики

¹ Л. В. Щерба (1974, с. 280) привел классический пример различия между лексическим понятием слова *прямая* (линия, которая не уклоняется ни вправо, ни влево, а также ни *вверх*, ни *вниз*) и научным (геометрическим) понятием термина «*прямая*» (кратчайшее расстояние между двумя точками).

² О динамике и взаимопроникновении обыденного и теоретического уровней сознания см.: Носков, Яновский, 1974. В лингвистической литературе последних лет тезис об общеязыковом употреблении некоторых научных терминов **практически уже не оспаривается** (см.: *Проблематика определений терминов*, 1976).

(сами же определения не исключают одно другое), поэтому и мы остановимся на той трактовке явления, которая наиболее подходит для лингвострановедческих задач.

Понятие — это «правило, применение которого к описанию объекта позволяет определить, принадлежит ли данный объект к тому множеству, которому соответствует рассматриваемое наименование» (Хант, Марин, Стоун, 1970, с. 34). Таким образом, та категория психики (точнее, сознания), которая называется понятием, — это сначала (по происхождению) продукт и затем (по функции) инструмент одной из познавательных способностей человека, а именно классифицирующей³. Функция понятия состоит в установлении принадлежности или непринадлежности некоторого конкретного предмета (или явления) к известной совокупности однородных предметов (или явлений), обозначаемых данной лексемой. Предмет мебели для сидения одного человека, снабженный спинкой, например, может быть включен представителем европейской культуры в объем понятия *стул* и соответственно назван этим словом (или словом *chair*, или словом *Stuhl*), учебное заведение (в первую очередь для детей) для получения общего образования >— это *школа* (или *school*, или *Schule*) и т. д.

Таким образом, лексическое понятие тесно связано с познанием. Поскольку понятие обычно «рассматривается как итог познания, в котором резюмируется определенная совокупность знаний», оно, с одной стороны, принадлежит психике, мышлению и соответственно изучается в психологии. С другой стороны, понятие «привязано» к лексеме и принадлежит языку, единицы которого, кстати, действительно могут влиять на лексическое понятие, — следовательно, оно изучается и в лингвистике. Таким образом, если можно говорить о речемыслительной деятельности (Выготский, 1956)⁴, то именно слово является ее носителем, ее субстратом. Конечно, в исследовательских целях допустимо изолировать лексическое понятие от лексемы (и изучать его только как элемент мышления) или, напротив, изолировать лексему от понятия (и изучать ее только в составе языковой системы), но

³ См.: Кравченко А., Лазарев Б. Понятие. — *Философская энциклопедия*. М., 1967, т. 4, с. 315.

⁴ Интересный, на наш взгляд, анализ проблемы предложил М. М. Муқанов (1972). См. также: *Исследование речемыслительной деятельности*, 1974.

онтологически, по природе своей, слово не допускает чисто реляционного (внутриязыкового) подхода, потому что лексическое понятие — продукт мышления, познания, а они, в свою очередь, безусловно (целиком и полностью) определены внеязыковой действительностью.

Вернемся к понятию как инструменту классификации явлений действительности. Каким образом устанавливается принадлежность предмета классу?

Стул без спинки — табурет(ка); стул, у которого есть подлокотники, — это уже кресло. Учебное заведение, в котором получают не общее, а специальное образование, в зависимости от уровня образования называется *техникумом* или *институтом*, но не *школой*. Лексические понятия слов *стул, табурет(ка), кресло* (а также *лавка, диван, скамья* и др.) и слов *школа, техникум, институт*, (а также *училище, университет* и др.), как видно, родственны, близки друг другу. Это значит, что понятия могут между собой сопоставляться не глобально, как цельные, нерасчленимые категории мышления, а своими элементами, составными частями своих содержаний. Таким образом, понятие — это совокупность элементов (со свойствами закрытого упорядоченного множества, т. е. структуры).

Собственно, элементы содержания понятия — это тоже понятия (*предмет мебели, спинка, заведение, образование* и т. д.), они выступают как элементы лишь применительно к рассматриваемому понятию, но их также можно расчленить на составные части, которые в свою очередь окажутся понятиями, и т. д. Понятие (см.: Хант, Марин, Стоун, 1970, с. 34) — правило классификации; сформулировать это правило — значит соотнести между собой элементы из содержания понятия, построить, в терминах теории множеств, их пересечение. Пересечение множеств (или пересечение понятий) — это взаимное их ограничение: *учреждения* — не только *школы*, но и *театры* (культурно-просветительное учреждение), *детские сады, исследовательские институты* и т. д.; понятие «учебности» приложимо в равной мере не только к *школам*, но и *учебникам* (учебная книга), *классам* (учебное помещение), *урокам* (учебное занятие), а также к *научным дисциплинам, наглядным пособиям* и т. д. Сочетание двух понятий (*учебное заведение*) взаимно ограничивает их объем, а присоединение третьего (*для получения об-*

щего образования) приводит к дальнейшему ограничению объема, вплоть до того, что включаемые в понятие предметы могут быть названы только одним словом.

Элементарные (в свете сделанных оговорок) понятия в составе объединяющего их, общего для них понятия в логике и в лингвистике называются по-разному — признаками (в содержании понятия), семантическими компонентами, семантическими множителями, а мы их в предшествующих публикациях назвали семантическими долями⁵.

СД обладают свойством самостоятельности и могут входить в разные лексические понятия. Например, СД *предмет мебели* входит в лексические понятия слов *шкаф, стол, диван, тумбочка* и т. д. Количество повторяющихся СД в составе двух разных понятий может быть значительным, а для различения их необходима хотя бы одна специфицирующая (присутствующая лишь в одном понятии из пары) СД. Из сказанного, между прочим, следует, что СД — явление объективное, а не только плод научного, логического анализа.

В самом деле, носители языка вполне способны — и без какой-либо научной подготовки — выделять СД в составе лексических понятий. Если информанта спросить (такие вопросы очень приняты в диалектологических исследованиях), что значит то или другое слово, то в ответах обычно указываются как раз СД. Например, на вопрос *Что такое ветошь?* информант ответил: *Это вот трава прошлогодняя, ветошь называем* (Сахарный, Орлова, 1969, с. 89), т. е. назвал две СД (*трава; предмет, относящийся к прошлому году*). Таким образом, СД психически реальны. Собственно, само явление реально, но конкретные семантические единицы, которые выделяются учеными, нередко (или заведомо) принадлежат только анализу или нуждаются в демонстрации своей психической реальности. Например, Т. П. Ломтев (1976, с. 402), изучая совокупность наименований лиц, «определяемых по их отношению к материальным благам», выделил восемь «дифференциальных семантических элементов»: «увеличивающий свои материальные блага умеренно»

⁵ Собственно, для термина подошли бы слова «элемент», «единица», «компонент», однако все они уже используются в семасиологии в других значениях. Слово «доля» своей общеязыковой семантикой («составная часть целого») наиболее подходит для наших целей.

(*рачительный, расчетливый, экономный*); «увеличивающий свои блага неумеренно» (*стяжатель, хапуга*) и т. д.⁶. Полученные в его анализе «элементы», вероятно, не более как результат (или инструмент) научного поиска, возможно, не отражающий реально существующих (в сознании говорящих) СД. Таким образом, каждая конкретная СД, полученная априорным анализом, должна проверяться в работе с информантами.

Составляющие слово лексема и лексическое понятие, хотя и ассоциируются друг с другом, не связаны неразрывной связью. Мнение, согласно которому «связь между словом и понятием так же органична и неразрывна, как органична и неразрывна связь языка и мышления» (Богуславский, 1957, с. 275), представляется преувеличенным. Практически каждому знакомы случаи, когда предмет вполне узнается (т. е. актуализируется соответствующее понятие), но по каким-то причинам не находится обозначающей этот предмет лексемы. Наблюдается и обратное явление: слово наличествует, лексема говорящему вполне известна, но он не знает, что обозначает это слово, т. е. в его сознании отсутствует сопрягаемое с лексемой понятие. Факты, которые могут подтвердить справедливость сказанного, весьма многочисленны (Верешигин, 1967), а самым убедительным аргументом в поддержку мысли об относительной самостоятельности лексемы и лексического понятия служит существование так называемых межъязыковых лексических понятий. Межъязыковое лексическое понятие, как подсказывает общий смысл терминологического словосочетания, — это такое понятие, которое присутствует в двух этнокультурных общностях (скажем, русской и английской) и без потерь информации, адекватно выражается на двух разных языках.

Если продолжить анализ наших примеров, то *стул* — это «род мебели для сидения (первая СД) со спинкой (вторая СД) на одного человека (третья СД)» (Ожегов С. И. Словарь русского языка/Под ред. Н. Ю. Шведовой. 12-е изд., стереотип. М., 1978. Далее — Словарь

⁶ А. А. Медведев (1972, с. 16), разрабатывая для филологического словаря толкования наименований птиц, выделил 14 признаков, комбинацией которых, по его мнению, можно непротиворечиво истолковать 136 названий птиц. Эти 14 СД определенно не присутствуют в сознании носителей языка, которые, различая на словах, скажем, *трясогузку* и *пеночку*, не в состоянии указать признаков, которыми эти птицы различаются.

Ожегова). В толковом словаре английского языка (Хорнби, 1958) chair (стул) разъясняется как a seat (сиденье) (первая СД) for one person (для одного лица) (вторая СД) usually with a back (обычно со спинкой) (третья СД)⁷. Как видим, порядок следования СД в обоих толкованиях различается, но сами СД по своему качеству совпадают совершенно точно. Перед нами межъязыковое лексическое понятие, которое ассоциируется как с русской, так и с английской лексемами (если увеличить число рассматриваемых языков, то окажется, что данное межъязыковое лексическое понятие без затруднений передается едва ли не на всех языках мира). В указанных словарях совпадают также толкования слов *школа* и *school*: «учебное заведение (преимущественно о низшем или среднем)», "a building or institution for teaching and learning" (здание или учреждение для преподавания и изучения).

Самостоятельность лексического понятия, его относительная независимость от лексемы видна в том, что человек, изучающий, предположим, английский язык, совсем не должен вырабатывать в своем сознании новые лексические понятия при усвоении слов *chair* или *school*, равно как и англичанину нет нужды затрачивать усилия на усвоение понятийного плана слов *стул* или *школа*: эти лексические понятия, выработанные в одном языке, легко переносятся в другой язык, т. е. отрываются от той лексемы, с которой они первоначально были ассоциированы. Слова, лексические понятия которых являются межъязыковыми, в лингвистике и лингводидактике обычно называются эквивалентными (переводимыми) и противопоставляются безэквивалентным, т. е. таким, план содержания которых невозможно сопоставить с каким-либо иноязычным лексическим понятием (в известном смысле безэквивалентные слова непереводаемыми, их приходится передавать описательными выражениями или с помощью пояснений) (Чернов, 1958; см. также Верещагин, Костомаров, 1976б).

Из факта относительной самостоятельности обоих компонентов слова вытекает, что усвоение слова человеком включает в действие два различных механизма. Ребенок или изучающий иностранный язык прежде всего

⁷ Авторы продолжают толкование уточнением (...и с четырьмя ножками), однако оно может быть оспорено.

должен отработать «звуковую оболочку» слова, научиться его правильно артикулировать, в результате чего усваивается лексема. Кроме того (у ребенка, как правило, одновременно с усвоением каждой лексемы, а у изучающего иностранный язык взрослого только при усвоении безэквивалентных слов), формируется ассоциируемое с лексемой лексическое понятие путем постепенного накопления СД в своем содержании, что известно из исследований генезиса детской речи (Гвоздев, 1961), причем если лексема вполне усвоена и артикулируется правильно, это отнюдь не значит, что завершилось и формирование лексического понятия.

Напомним, что формирование понятия представляет собой познание действительности и что тем самым это формирование оказывается процессом. В начале развития лексического понятия в нем может быть только одна СД. Ю. А. Самарин, автор одной из психологических концепций мышления, назвал случай включения в лексическое понятие одной-единственной СД локальной ассоциацией⁸. Например, ребенок овладел СД *предмет мебели для сидения* и включил ее в объем понятия *стул*, но поскольку другие СД еще не освоены, он называет *стульчиком* и *табуретку*, и *кресло*.

Иногда и для взрослых формирование понятия ограничивается локальной ассоциацией (речь идет о редких предметах и соответственно словах с периферии словарного состава)⁹, однако чаще понятие «развивается», т. е. накапливает СД в своем содержании. Слово, таким образом, выступает аккумулятором, хранителем человеческого опыта — как индивидуального, так и общего (последнего в несравненно большей степени, потому что усвоение языка проходит только в обществе). Короче говоря, мы еще раз убеждаемся в том, что слово (его лексическое понятие) — продукт познавательной (в частности, классифицирующей) деятельности человека.

Сформировавшись, лексическое понятие становится инструментом классифицирующей деятельности, — тако-

⁸ Локальная ассоциация чаще всего — это просто отнесение обозначаемого словом предмета к какой-либо сфере (например, в ответ на вопрос «Кто такой бык Апис?» образованный информант ответил: «Это священный бык в Египте», но больше ничего не смог сказать). См.: Самарин, 1962, с. 219.

⁹ Именно поэтому говорящие иногда относят к некоторой тематической сфере много слов, но не противопоставляют их. «Многие городские жители знакомы только с различиями в означающей стороне названий птиц, цветов, ягод, но не знают, чем реально отличаются друг от друга соответствующие предметы» (Иванов, 1962, с. 83).

на (на первый взгляд, парадоксальная) диалектическая взаимосвязь продукта¹⁰ и инструмента одной и той же деятельности.

Несколько замечаний по поводу функционирования понятия как орудия классификации. Сейчас уже никто не думает, что возможно прямое соотнесение обозначаемого предмета и лексемы.

В знаменитом «треугольнике значения» (рис. 1), предложенном К. Огденом и И. Ричардсом (1927), связь «знака» (в наших терминах, «лексемы») с предметом показана не обычной сплошной линией, а прерывистой

Рис. 1. «Треугольник значения» К. Огдена и И. Ричардса

той, потому что, по мнению авторов, без посредства «мысли» («лексического понятия») связь между «знаком» и предметом невозможна. Классификация предметов и явлений состоит, следовательно, не меньше чем из двух этапов. Первый этап — узнавание: некоторый наблюдаемый предмет включается в объем соответствующего понятия. Вторым этапом — называние (или номинация): понятие приводит к актуализации ассоциированной с ним лексемы. Поэтому, может быть, правильнее сказать, что лексемы (на обыденном языке: слова) называют понятия и только через их посредство обозначают предметы¹¹.

Получается, что слово крайне важно субъективно, для данного человека, потому что лексическое понятие служит орудием познания. По И. П. Павлову, язык и прежде всего слова образуют свойственную только человеку вторую сигнальную систему действительности¹². Классифицируя мир на основании коллективного культурно-ис-

¹⁰ Формирующееся понятие уже может быть инструментом классификации. Функционирование понятия в целях классификации приводит к накоплению им новых СД.

¹¹ Что лексемы называют именно понятия, видно в случаях двуязычной номинации, когда билингв через лексему родного языка ищет лексему другого языка, — предмет исключается из поля внимания, и информант «работает» только с лексемами и понятиями (Верещагин, 1966а).

¹² «Если наши ощущения и представления, относящиеся к окружающему миру, есть для нас первые сигналы действительности, конкретные сигналы, то речь... есть вторые сигналы, сигналы сигналов» (Павлов И. П., 1951, с. 232). См. также: Платонов, 1957; Чуприкова, 1967; Шичко, 1969.

торического опыта, человек приобретает громадные потенции для его скорого и адекватного постижения. Глубоко показательно, что некоторые физиологи расшифровывают английскую аббревиатуру CNS (Central Nervous System; русский эквивалент ЦНС, т. е. центральная нервная система) как Conceptual Nervous System, т. е. понятийная нервная система¹³.

Что же касается функционирования слова коммуникационно, т. е. для другого, для собеседника, то лексема, вопреки принятому мнению, не передает информации как таковой, — она лишь актуализирует, возбуждает в сознании слушающего уже имеющиеся у него лексические понятия и тем самым создает базу для передачи информации. Например, во фразе *Мать не любит сына* информация состоит лишь в известии об этом странном факте, а лексические понятия слов *мать*, *любит*, *сын* заранее сформированы у слушающего, и, если бы они не были известны, информация не была бы воспринята. Таким образом, словами предварительно обеспечивается возможность передачи информации, но актуально передается она не словами, а комбинациями слов.

Глава 2

ЛЕКСИЧЕСКИЙ ФОН

В семасиологической литературе превалирует, как говорилось, отождествление плана содержания (значения) слова с лексическим понятием. Значение слова описывается как «высшая ступень отражения действительности в сознании человека, та же ступень, что и понятие» (Степанов Ю. С, 1975, с. 13), и определяется так же, как понятие («значение слова отражает общие и одновременно существенные признаки предмета, познанные в общественной практике людей»). Если все-таки можно обнаружить различия между значением и понятием, то они проходящи, потому что «значение слова стремится к понятию как к своему пределу» (Степанов Ю. С,

¹³ Об этом со ссылкой на Д. О. Хэбба писал А. Р. Лурия (1970, с. 106). См. также: Пенфилд, Робертс, 1964, с. 209.

1975, с. 13) ¹. Короче говоря, семантика слова исчерпывается лексическим понятием ².

Между тем некоторые лежащие на поверхности факты заставляют сомневаться в справедливости этой точки зрения.

Обратимся, например, к словам с так называемой живой внутренней формой. Мотивировка наименования, тот признак, который делается представителем понятия для сознания, — это несомненная СД, вполне подобная входящим в содержание понятия, но тем не менее мотивирующие СД обычно остаются за границами понятия. Скажем, «в слове *чернила* связь с *черный* еще достаточно очевидна, но мы о ней никогда не вспоминаем, так как признак черного цвета перестал быть характерным для чернил: они могут быть и красными, и синими, и зелеными (показательно, что в сочетаниях типа *красные чернила* мы нормально не ощущаем какого-либо противоречия и нелогичности)» (Маслов, 1975, с. 140).

В самом деле, в толковании лексического понятия слова (С. И. Ожеговым) указаны три СД (*жидкость; красящая; для писания*), но нет никакого упоминания о цвете красящей жидкости (характерно, что «чернильный» цвет как раз не черный, а темно-фиолетовый. — /ср. В., В. К.). Равным образом *столовая* — это комната, где принимают пищу, или учреждение общественного питания, а тот признак, что питаются «за столом» или что в столовой стоят «столы», в содержание понятия может и не входить. Точно так же *столяр* — это, по Ожегову, «рабочий, занимающийся обработкой дерева и изготовлением изделий из него», т. е. любых деревянных изделий, а не только «столов».

Факультативность мотивирующей СД особенно ясно видна, когда одно и то же наименование, выражающее идентичные понятия, мотивировано по-разному: в русских диалектах *одуванчик* (мотивирующая СД производна от *дуть*) называется еще *пухлянкой* (мотивирующая

¹ Ни подобных позиций стоят и другие советские авторы вузовских курсов введения в языковедение и общего языкознания (Реформатский, 1967, с. 57; Маслов, 1975, с. 116).

* Правда, ряд исследователей приписывает плану содержания слова некоторые непонятные семантические элементы (называя их «значениями» — категориально-грамматическое, деривационное, окказиональное, образное, символическое, фонетическое и другие; ср., например: Лосев, 1976; Журавлев 1974). Какова соотношенность этих «значений» с категориями мышления, обычно не указывается.

СД производна от *пухлый*), *летучий* (от *летать*) и *молочником* (так как сок его стеблей своим беловатым цветом напоминает *молоко*) (Маслов, 1975, с. 137).

Уже создатели учения о внутренней форме языка подчеркивали, что мотивировка слова не входит в его значение. Так, А. А. Потebня (1976, с. 302), который термином «представление значения» называет то, что у нас именуется «мотивировкой», указывал: «Уже при самом возникновении слова между его значением и представлением, т. е. способом, каким обозначено это значение, существует неравенство: в значении всегда заключено больше, чем в представлении. <...> Относительно широкое и глубокое значение слова (например, *защита*) стремится оторваться от сравнительно ничтожного представления (взятого из слова *щит*)». Более того, мотивировка совсем не является необходимой составной частью слова: «...третий элемент слова, то, что мы называем представлением, с течением времени исчезает» (Потebня, 1976, с. 535). Подчеркнем важное для нас: мотивирующая СД, если она есть, представляет собой несомненный элемент плана содержания слова, но этот элемент обычно не входит в объем лексического понятия³.

Существование непонятных СД, относящихся к плану содержания слова, может быть показано и другим способом — через анализ функционирования слова в речи. Непонятные СД обнаруживают себя при сопоставлении контекстной семантики эквивалентных слов разных языков.

Например, лексическое понятие слова *аптека* толкуется как «учреждение, в котором изготавливаются и продаются лекарства» (Словарь Ожегова). Перед нами межъязыковое лексическое понятие — точно такие же учреждения для продажи лекарств имеются в Болгарии, Франции, Англии или США. Однако в путевых заметках советского журналиста, побывавшего в США, читаем: «Посетитель аптеки может по ходу дела отведать сандвичи или сосиски, вкусно именуемые там "хот дог" (горячая собака), приобрести школьную готовальню, не говоря уже о жевательных резинках» («Известия», 1974, № 51).

³ Мотивирующая СД все же тесно связана с лексическим понятием. Например, *подушка* далеко не всегда кладется «под ушко», но все же преимущественно — под голову; в *чайнике* не всегда находится чай, но все же в нем он обычно заваривается или в нем кипятят воду для чая.

Другой журналист пишет, что он приобрел в американской аптеке четырехцентовую марку для письма, а также кулек конфет («Неделя», 1976, № 17). Тем не менее аптека в США не только по своему вполне прозрачному, мотивированному наименованию — *drug-store* от *drug* (таблетка, лекарство), но и по основному назначению — учреждение в системе здравоохранения страны. Для нашего соотечественника и современника фраза *Пойди в аптеку и купи почтовую марку* представляется бессмысленной (хотя она вполне правильна с точки зрения фонетики и грамматики), и это, вероятно, потому, что *СД марки продаются в аптеке* свойственна английскому слову (американского варианта языка), но не свойственна русскому.

Л. В. Щерба в свое время подчеркивал, что в содержательные планы слов непременно входят идеологические компоненты, т. е. СД, обусловленные мировоззрением, характерным для данной этнокультурной общности. «В конце концов, идеология должна сказаться не только в составе словника, но и в переводах, и это, конечно, самый важный, но и самый трудный вопрос. В самом деле, множество понятий изменилось у нас в своем содержании, но как отразить это просто и понятно в переводе? Совершенно очевидно, что, например, наш *прокурор* не то же самое, что в буржуазных странах, но тем не менее мы переводим его словом *procureur*, и так в бесконечном ряде случаев» (Щерба, 1974, с. 311).

Интересующие нас непонятнейшие СД описывались (но не осмыслялись) многократно.

Например, В. Л. Муравьев (он, правда, терминологически не различает содержательного плана слова и лексического понятия) приводит яркие францужско-русские сопоставления: разбираются русские слова *журналист*, *почтальон*, *аптекарь* и их французские соответствия *journaliste*, *facteur*, *pharmacien*. «В данных случаях, помимо основной идеи, свойственной обоим языкам, — *почтальон* — это человек, который разносит по домам корреспонденцию, *журналист* — тот, кто пишет статьи в журнале или в газете, и т. д. — появляются различительные оттенки, которые уже труднее игнорировать: французский журналист работает в совершенно иных условиях, чем его советский коллега — часто гонимый является единственным вознаграждением за его труд, французский почтальон, как правило, мужчина, французский аптекарь обычно является хозяином своего *магазина* и т. д. При всех указанных различиях основная идея ('человек, который разносит корреспонденцию') все еще является общей для двух слов. Во всяком случае, такая окраска понятий все еще не противоречит возможностям коммуникации, хотя мы сознаем, что

данные понятия, строго говоря, находятся на пути к расхождению» (Муравьев, 1975, с. 29). Он же показал, что при совпадении лексических понятий слов *chansonniér* и *куплетист*, французское слово, как правило, включает в себя дополнительную СД *автор собственных, куплетов*.

Почтовые ящики в нашей стране, как правило, висят на стенах здания, а в Великобритании (и в странах бывшей британской колониальной империи) почтовые ящики стоят на тротуаре. Ср.: «...в Лондоне вновь начали взрываться бомбы. Чугунные, как говорят, еще викторианских времен красные тумбы почтовых ящиков разлетались вдребезги, рая осколками прохожих. <...> Вчера я видел, как люди в форме почтового ведомства переходили от одной красной тумбы к другой, навинчивали на прорези для писем железные пластинки — чтобы в щель мог пролезть конверт, но без „начинки“» («Литературная газета», 1974, № 49, с. 9).

Л. Кочневска (1974, с. 160) приводит пример из практики преподавания русского языка полякам, из которого видно, что непонятные СД слов, выражающих межъязыковые понятия, могут даже препятствовать коммуникации. Она сообщает, что полякам не совсем понятны фразы одного учебника *Петровы отдыхали на юге, Мы пообедали в кафе и Я зашел в бакалею и купил мыло*. Л. Кочневска продолжает: «На юг в данном случае для русского — Крым или Кавказ, для поляка — страны на юг от польской границы. В кафе в Польше не пообедаешь: там, как известно, можно посидеть за чашкой кофе с пирожным. А мыло покупают в москательном магазине. и непонятно, зачем надо заходить туда, где торгуют крупой, мукой, конфетами, сахаром и прочей снедью».

Вот что пишет Дж. Герхарт (1974) в предисловии к пособию «Мир русских», предназначенному для американских студентов-русистов: «Важнейшая цель книги — показать отличие мира русских от нашего, как данного им мира природы, так и мира вещей, с помощью которого русские и их предки приспособились к жизни. Те, которые имеют представление о *русской печке*, не будут потрясены, когда узнают, что бабушка спит на ней. Многие животные, обычные для СССР, отсутствуют в Западном полушарии. Подобным образом и русское жилище наполнено отличными от наших предметами. Итак, зримый мир русских — другой. Далее мы обнаруживаем, что не только вещи различны, но и действия с ними и отношения к ним. *Скворцов* считают милыми маленькими пташками (американцы считают скворцов вредителями и уничтожают. — *Е. В., В. К.*)... *Рыбья икра* кажется вкусной (американцы не едят рыбьей икры. — *Е. В., В. К.*). Если вы всунете русскому из Советского Союза *термометр* в рот, то он выплюнет его и/или потребует объяснения (температуру тела американцы измеряют, вкладывая термометр в рот. — *Е. В., В. К.*)».

Приведем еще пример. Ранее мы показали, что со словами *школа* и *school* ассоциируются межъязыковые лексические понятия. Однако если рассмотреть функционирование слов в речи, то обнаруживается их значительное расхождение. Действительно, для русского (нашего соотечественника и современника) *школа* может быть на-

чальной, восьмилетней и средней, а также музыкальной, художественной, спортивной, а для англичанина к school приложимы атрибуты infant (т. е. для малышей), junior (буквально: младшая), modern (современная), grammar (грамматическая), technical (техническая) и public (общественная). Мы даем буквальный перевод, но он нередко запутывает: public schools (общественные школы), но *паблик скулз* как раз не общественные, а частные, платные (Малькова, Вульфсон, 1975, с. 120) ⁴. Таким образом, понятийная тождественность слова школа и school не мешает этим словам иметь в своей семантике ряд непонятных СД, которые противопоставляют одно слово другому.

Изложенные наблюдения — непонятная мотивировка наименования, непонятные «добавочные» СД в эквивалентных словах двух языков — заставляют сомневаться в том, что семантика слова исчерпывается лексическим понятием. Вероятно, справедливо как раз обратное: семантика слова лексическим понятием не исчерпывается.

Внесем теперь вытекающие из изложенного терминологические уточнения. Пусть вся семантика, весь план содержания слова охватывается термином семема ⁵. Семема членима и складывается из множества СД. Те СД, которые обеспечивают классификацию предмета, входят в состав лексического понятия. Если из семемы «>вычлесть» понятные СД (так можно поступить, естественно, только в ходе научного анализа, в мысленном эксперименте), то в остатке окажется совокупность непонятных СД. Эту совокупность мы именуем лексическим фоном ⁶.

⁴ См. также: Бергесс, 1973, с. 108. Ср. оценку советского журналиста В. Осипова («Британия глазами русского». М., 1976, с. 76): «Буквально *паблик скулз* переводится как *общественная школа*, однако... сочетание некоторых слов здесь совершенно не соответствует своему лингвистическому значению. И *паблик скулз* в таком ряду имеет все основания претендовать на первенство. Единственный общественный элемент в таких школах исчерпывается тем, что они находятся под наблюдением совета опекунов. <...> Остальные черты можно охарактеризовать эпитетами *частный, привилегированный, закрытый*, но только не *общественный*».

⁵ Этот термин является парным термину лексема (т. е. план выражения слова, его звуковая оболочка), который мы ввели раньше, и заимствуется у П. П. Толстого (1963, с. 30), так соотносящего оба термина: «В плане выражения слово — лексема, в плане содержания — семема. Под лексикой, таким образом, нужно понимать лишь звуковую оболочку слова, под семемой — его содержание».

⁶ Впервые сам термин и краткая теория лексического фона были введены в статье (Верещагин, Костомаров, Морковкин, 1974). Термин явно обусловлен термином «фоновые знания», т. е. он сложился в русле социалингвистической

Лексический фон — это те (взятые вместе) непонятные СД, которые входят в семему, но не участвуют в опосредованной языком классифицирующей деятельности человека (эти СД выполняют другие немаловажные функции, о чем будет сказано ниже). Эти непонятные СД, входящие в лексический фон, мы будем теперь называть по их принадлежности — фоновыми СД.

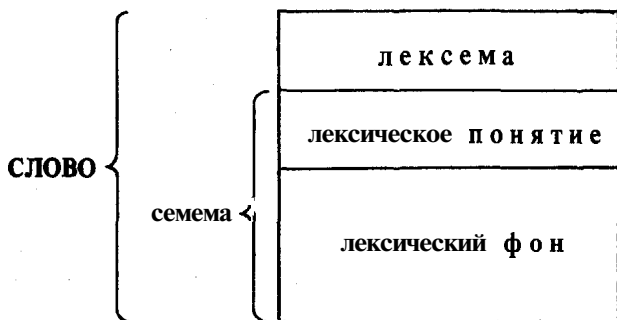

Рис. 2. Структура слова

Мысль о существовании в семантике слова некоторого «сверхпонятийного» смысла, т. е. того явления, которое мы обозначили как лексический фон, вообще говоря, высказывалась в лингвистической науке, однако тенденция отождествлять план содержания слова с некоторой нечленимой, глобальной, целостной единицей мышления (со «значением» или с «понятием») сильна и обладает такой инерцией, что писавшие по данному вопросу не идут на разрыв с ней, хотя бы терминологический.

Итак, мысль о неоднородности семантики слова, о членимости его семемы несколько противоречива: с одной стороны, в семантике фиксируются две сущности (как их назвать, неважно); с другой стороны, обе сущности включаются в объем одного и того же научного понятия (и обозначаются одним и тем же термином), т. е. фактически оказываются единой сущностью. Речь идет только о степени присутствия некоторого качества: минимум сведений, например, о *дереве*, по Потебне, — это бли-

(точнее, лингвострановедческой) проблематики, сопряженной с задачами использования лексики в показе национальной культуры, обслуживаемой изучаемым языком.

жайшее значение, максимум (в ботаническом описании) — дальнейшее. Ниже будет предпринята попытка показать качественное своеобразие лексического понятия и лексического фона, но сейчас удовлетворимся указанием на отмечавшийся в науке факт членимости лексической семантики.

В заключение приведем схему структуры слова, которая следует из сказанного выше. Из дальнейшего изложения будет видно, что в семему входит значительно больше фоновых СД, чем понятийных, поэтому на схеме отведено под фон больше места, чем под понятие (рис. 2).

Итак, выше были обсуждены: лексическое понятие (оно интерпретируется как правило классификации), семантическая доля (относительно самостоятельная и элементарная СД плана содержания слова) и лексический фон (совокупность непонятийных СД в составе семемы).

Глава 3

СПОСОБЫ ОБЪЕКТИВАЦИИ ЛЕКСИЧЕСКОГО ФОНА

Сначала о том, каким образом можно судить о фоновых СД, т. е. о составе лексического фона, о количестве и качестве входящих в него непонятийных смысловых единиц.

Первый способ заключается в непосредственной работе с носителями языка, выступающими в роли информантов. Обследование информантов принимает различные формы; мы рассмотрим только опрос и эксперимент.

Опрос — это путь, которым следуют диалектологи, когда им нужно получить толкование лексического понятия (некоторого неизвестного в литературном языке местного слова). В ответ на вопрос типа *Что такое ветошь?* информанты, как мы видели, перечисляют понятийные СД. Опрос — метод получения сведений, широко используемый в этнографии (Итс, 1974), однако в отличие от диалектологов этнографы прибегают и к вопросам, направленным на выявление лексического фона. Вопросы формулируются не только как *Что такое...?*, но и *Что вы знаете о...?*, и в ответ информант перечисляет как раз фоновые СД. Процедура опроса, естественно, мо-

жет применяться и в работе с информантами — носителями литературной речи. Интересен также «самопрос» информантов.

Сравните, например, выписку из газеты («Известия», 1975, № 211), содержащую обращенные к себе вопросы, причем ответы на них объективируют фоновые СД: «Что мы с вами знаем о *молоке*? Знаем, что оно бывает *бутылочное, пакетное, парное, топленое, шестипроцентное* и *сгущенное*, вот, пожалуй, и все. Да! Еще *прокисшее*. Но это уже не молоко, а простокваша. Спроси нас: для чего существует молоко? Чтобы его *пить!* — не задумываясь ответим мы...» (курсив наш. — Е. В., В. К.)¹. Мы вынуждены, однако, признать, что информант весьма поспешил заявить о своих фоновых знаниях: «вот, пожалуй, и все». Поскольку он обычно называет лишь один элемент контрастной пары (или тройки) слов, имеются все основания полагать, что и второй (и третий) элемент присутствует в его сознании, в его памяти. Так, едва ли автору неизвестно, что молоко бывает не только бутылочное или пакетное, но и *разливное*, что оно бывает не только парным, но и *холодным* (а также *горячим*), не только топленным, но и *сырым* (а также *пастеризованным* или *кипяченым*), не только шестипроцентным, но и *трехпроцентным*, не только сгущенным, но и *натуральным* (а также *порошковым*), не только прокисшим (*кислым*), но и *свежим*, что молоко можно не только пить, но и *перерабатывать*, скажем, в *сметану, кефир, сливки* и другие молочные продукты.

Работа с информантами, кроме опроса, принимает также форму эксперимента, в частности ассоциативного.

Ассоциация, как известно, — это «отражение взаимосвязей предметов и явлений действительности в форме закономерной связи между нервно-психическими явле-

¹ «Как вы полагаете, нужна ли современному человеку *баня*? Нет, нет, не *финская*, не знаменитая сауна с сухим паром... а обычная *русская баня с горячей водой, влажным паром и березовым веничком*. Авторы смело берутся утверждать, что нужна. Потому что баня — не просто моечное предприятие, а замечательная дань давней *традиции*, огромное удовольствие...» («Известия», 1974, № 33); «У нас в стране издавна существует традиция семейного *чаепития*. За столом вся *семья* — от мала до велика... На столе — *самовар* (чисто *российское изобретение*). Почему-то чай из самовара особенно вкусен. К чаю — *варенье, сахар, мед, пироги*. Не спеша, *со вкусом* пьет семья чай, ведет общий дружный разговор...» («Семья и школа», 1976, № II, с. 38); «Когда в „Садко“ поется „...не счесть алмазов в *Индии* чудесной“, многие представляют себе захватывающие *тайны*, гигантские *храмы*, *лунные камни* фантастической ценности, *укротителей змей* и тому подобное, но никто не думает о научно-техническом развитии» («Отечество», 1976, № 21) (курсив наш. — Е. В., В. К.).

ниями»². Поскольку психика выполняет прежде всего отражательные функции, ассоциации охватывают весь строй психической деятельности человека. Что касается языка, речи, то ассоциативные механизмы проявляют себя в том, что одно слово непроизвольно вызывает в сознании человека другое, причем если второе слово приходит на ум без усилий, само по себе, связь между словами все же отнюдь не произвольна.

Сущность ассоциативного эксперимента «состоит в том, что испытуемым предлагается в ответ на тот или иной словесный стимул выдать „первую пришедшую в голову“ словесную реакцию» (Титова Л. Н., 1975а, с 56). В эксперименте, проведенном Л. Н. Титовой (1975 б, с. 45), испытуемые привели следующие слова-ассоциаты (в качестве стимула было слово *молоко*): *белое, корова, парное, вкусное, свежее, холодное, кипяченое, пить, сметана, теплое, вкусно, кефир, вода, стакан, хлеб, бутылка, топленое, кислое, коровье, мясо, сливки.*

Мы сопоставили сведения, полученные путем опроса и с помощью эксперимента (см. таблицу), расположив слова по внешнему признаку — по алфавиту (хотя в данных Л. Н. Титовой слова расположены по мере убывания

Опрос	Эксперимент	Опрос	Эксперимент
бутылочное	белое	перерабатывать	<i>пить</i>
	бутылка		
прямое <i>кефир</i> <i>кипяченное</i> <i>кислое</i>	вкусно	порошковое	<i>свежее</i> <i>сливки</i> <i>сметана</i> стакан
	вкусное	прокисшее	
	вода	разливное	
	<i>кефир</i>	<i>свежее</i>	
букетное <i>парное</i> квасное	<i>кефир</i>	<i>сливки</i>	теплое <i>топленое</i> хлеб <i>холодное</i>
	<i>кипяченное</i>	<i>сметана</i>	
	<i>кислое</i>	сырое	
	корова	<i>топленое</i>	
квасное	коровье	трехпроцентное	хлеб <i>холодное</i>
	мясо	<i>холодное</i>	
	<i>парное</i>	шестипроцентное	

* Ярошевский М. Г. Ассоциация. — Философская энциклопедия. М., 1960, т. 1, с. 104. Систематический анализ психологических учений об ассоциативных процессах (начиная с XVII в.) см.: Ярошевский, 1976.

количества совпадающих реакций: ассоциат *белое* имеет наивысший показатель, а ассоциат *сливки*—самый низкий).

Легко заметить, что результаты опроса и эксперимента оказались в значительной мере совпадающими (эти слова набраны курсивом), и не случайно, так как опрос (т. е., несколько упрощая, обследование одного информанта) и эксперимент (предполагающий обследование такого количества информантов, чтобы полученные материалы отвечали статистическим критериям достоверности) — это разные формы одной и той же, качественно однородной работы. Различие между данными опроса и эксперимента — только количественное³, причем иногда единичный опрос может даже дополнять массовый эксперимент (например, в эксперименте по поводу температуры молока указаны только две реакции — *парное* и *холодное*, в то время как в опросе имеется и третья — *горячее*, и весьма вероятно, что она также присутствует в сознании испытуемых). Мы говорим об этом, чтобы убедиться в возможности использовать и единичные свидетельства для суждений о семантике слова.

Научная литература по вербальным ассоциациям велика⁴ и постоянно увеличивается; особенно отметим в ней недавно созданный «Словарь ассоциативных норм русского языка» (1977).

Итак, первый способ, с помощью которого можно судить о фоновых СД слова, — работа с информантами в форме опроса или в форме эксперимента. Второй способ в известной мере является продолжением или даже частным случаем первого.

О фоновых долях слова можно судить на основании лексикографических источников. Как известно, в них собраны, систематизированы и единообразно представлены результаты самонаблюдений, самоопроса составителей, данные картотек, в которых содержатся выписки из письменных материалов (художественной литературы, прессы и т. д.), и в некоторых случаях записи живой ре-

³ Достоинство эксперимента состоит в том, что он устраняет сугубо личные ответы; в этой характеристике можно, конечно, видеть и качественное расхождение между опросом и экспериментом.

⁴ Ср., например: Речь и интеллект, 1930; Бикчентай, Лаврова-Бикчентай, 1929; Виноградова, Эйслер, 1959; Палермо, 1966. Обширный обзор литературы и техники ассоциативных экспериментов см.: Залевская, 1971. Столь же подробный обзор см.: Титова А. И., 1975. Ср. также литературу вопроса на иностранных языках: Миллер, 1951; Диз, 1966; Ромметвейт, 1969; Курч, 1967.

чи. Следовательно, словарь сочетает в себе указанные ранее характеристики опроса и эксперимента.

Правда, в лексикографических работах (например, в толковых — explanatory — словарях), как правило, регулярно отражается и поясняется только лексическое понятие. Например, в Словаре Ожегова в семантике слова *молоко* вычленяются только два прямых значения: «1. белая жидкость, выделяемая грудными железами женщин и самок млекопитающих после родов для вскармливания младенца, детеныша; 2. такая жидкость, получаемая от коров и употребляемая как продукт питания». Тем не менее сопровождающие толкования иллюстративные примеры нередко отражают и непонятный СД, т. е. во вспомогательном аппарате словарной статьи (пусть неполно и далеко не систематически) просвечивает и лексический фон.

Например, оба значения слова *молоко* иллюстрируются так: 1. *Грудное м.* (женское). *Козье м. Коровье м. Овечье м.* 2. *Купить молока. М. в пакетах. Кислое м.* (прокисшее, а также, разг., простокваша). *Сгущенное м. Топленое м. Каша с м.* В «Словаре современного русского литературного языка» (АН СССР, Ин-т рус. яз. М.; Л. 1950—1965. Т. 1—17. Далее — БАС) СД фона перечисляется, естественно, больше: *молоко на губах не обсохло, птичьего молока не хватает, всасывать что-либо с молоком матери, как от козла молока, кровь с молоком, парное молоко* (перечисляем только тот материал, который отсутствует в Словаре Ожегова. — Е. В., В. К.). Если учесть иллюстративный материал к производным от слова *молоко* (например, к слову *молочный*), то число СД фона еще больше увеличивается: *молочный брат, молочная сестра, молочный поросенок (теленок), молочная промышленность, молочные продукты, молочная кухня, молочный суп, молочная диета, молочные реки (и кисельные берега), молочная спелость, молочные зубы* и др.

Таким образом, из иллюстративной части толковых словарей и из показа в этих словарях сочетаемости заголовочного слова можно извлечь немало информации, относящейся к лексическому фону.

Следовательно, общезыковые (толковые) словари содержат сведения, благодаря которым можно судить о фоновых СД слова, но эти сведения подаются без системы, выборочно, лишь для примера. Мы хотели бы, однако, отметить, что в некоторых специальных словарях семантизация лексических фонов проводится именно систематически, с широким охватом фоновых СД.

Таковы словари с этнографическим уклоном, прежде всего «Толковый словарь живого великорусского языка»

В. И. Даля (М., 1955. Т. 1—4. Далее — Словарь Даля). Несмотря на то что этот словарь, несомненно, является филологическим, он «представляет собою своего рода энциклопедию народной русской жизни, преимущественно XIX века» (Канкава, 1958, с. 115)⁵.

Например, С. И. Ожегов приводит в статье ЛЕШИЙ следующие сведения: «в русской мифологии: человекообразное сказочное существо, живущее в лесу». В. И. Даль тоже дает определение лексического понятия («лесной дух, пугало», но затем помещает систематические сведения и, в наших терминах, перечисляет фоновые СД: «лесной дух, пугало, как *домовой, полевой, водяной*; леший поет голосом без слов, бьет в ладоши, свищет, аукает, хохочет, плачет, перекидывается в мужика с котомкой, в волка, в филина, обходит мужиков и лесников, заставляя их плутать; избавляются от этого, одев все платье наизнанку; звери, особенно зайцы, в его ведении; их лешие проигрывают друг другу в карты и перегоняют из колка в колк. <...> Леший нем, но голосист, без шапки, волоса зачесаны на лево, кафтан запахивает направо, бровей и ресниц нет. Леший подходит греться к кострам, но прячет рожу. Уводит детей, проклятых отцом-матерью» (т. 2). Ср. также статьи БАБА, БУБЛИК, БАРАНИНА, БАБА-ЯГА, ДОМОВОЙ, КИКИМОРА, ПЕРУН, РУСАЛКА, СОРОКА, СУЖЕНЫЙ, ЯРИЛО и т. д.

Примечательно, что подробные сведения по лексическому фону даются далеко не для каждого слова (например, их нет в словарной статье МОЛОКО). Даль прибегал к семантизации лексического фона только тогда, когда у него имелись основания полагать, что обозначаемое словом явление неизвестно или плохо известно его потенциальным читателям. По отношению к общеязыковой лексике Даль ограничивается краткими напоминаниями, желая оживить лексическое понятие (и лексический фон) в памяти человека.

Кроме этнографических, целенаправленно семантизируют лексический фон словарной единицы и так называемые словари реалий или словари-комментарии к произведениям авторов, творивших в предшествующие эпохи. Например, в сборнике материалов о жизни и творчестве А. С. Пушкина, предназначенном для советских школь-

⁵ Из эпиграфа, предпосланного словарю Далем, вытекает, что он понимал лексикографические приемы толкования именно как разъяснение того, что выходит за пределы лексического понятия. Однако в лексикографической практике закрепилось понимание толкования не в смысле пояснения подробностей значения слова, а как пояснение самого значения: «Словарь толковый — одноязычный словарь, разъясняющий значение и употребление включаемых слов путем объяснений, парафраз, синонимов и т. п. т. е. разных вариантов (разновидностей) интравербального перевода» (Ахманова, 1966, с. 421).

ников (Боголепов, Верховская, Сосницкая, 1974), имеется «Словарь к художественным произведениям Пушкина», в котором, в частности, регулярно описывается лексический фон: «*мушка* — кусочек черного пластыря или тафты, который, по старинной моде, приклеивали на лицо в виде родинки. Мушки употреблялись не только как косметическое средство, но и как условные знаки, которыми дамы объяснялись без слов со своими поклонниками» (с. 431); «*облатка* — маленький кружок из бумаги, смазанный сухим клеем; в старину употреблялся для запечатывания писем. Чтобы наклеить облатку, ее надо было слегка смочить» (с. 439).

Эти и подобные им сведения крайне существенны для правильного понимания художественного текста (пушкинские строчки «...письмо дрожит в ее руке, облатка розовая сохнет на воспаленном языке», как видно из преподавательской практики, или просто не замечаются школьниками при чтении, или истолковываются ошибочно: у Татьяны разболелась голова, и она приняла таблетку). Значение же этих сведений для понимания переносного плана художественного произведения невозможно переоценить. С. А. Рейснер писал по этому поводу («Литературная газета», 1974, № 13, с. 6): «Современники Пушкина прекрасно понимали, что слова „Служив отлично, благодарно“ — формула служебного аттестата, а сегодняшний читатель их накрепко забыл. Читатель Гаршина в 1885 г. не нуждался в разъяснении слов „дипломат“ и „пальмерстон“ (эти предметы женского туалета фигурируют и в рассказе „Надежда Николаевна“), а нынешний читатель вряд ли знает их значение. До 1917 г. было бы нелепо напоминать, что значит „товарищ министра“, а студент 70-х гг. (сужу по опыту преподавания) уверен, что это друг министра. Тот же студент недоуменно останавливается перед словами „Возмездия“ Блока: И князь орет: „Халат, халат!“, ибо о торгочах-татарах в Петербурге он понятия не имеет. Строка Маяковского „Мы диалектику учили не по Гегелю“ отстоит от нас на сорок с небольшим лет, а ее полемическое звучание забылось и требует разысканий».

Разумеется, в словарях реалий и в словарях-комментариях, как и в этнографических словарях, не поясняется общезыковая лексика: семантизируется только то, что, по мнению составителей, может быть недостаточно известно нашим современникам и соотечественникам⁶.

И все же призыв семантизировать фоны именно общезыковых слов в лексикографической литературе нам встретился! В небольшой книге П. Хохрякова (1889),

⁶ Книга Н. Л. Бродского «Комментарий к роману Л. С. Пушкина „Евгений Онегин“», изданная в 1932 г. (5-е изд. М., 1964), в значительной мере определила форму комментариев, вышедших впоследствии. Назовем издания лишь последних лет: Пустовойт, 1964; Розанова, 1970; Войтоловская, 1971; Вайнберг, 1971; Смирнова-Чикина, 1974; Мануйлов, 1975; Гиллельсон, Мушина, 1977.

которая среди лексикографических работ стоит особняком, содержится предложение давать систематические пояснения лексических фонов общеязыковых слов: эти пояснения, полагает автор, нужны для иностранцев, которым приходится изучать русский язык. Автор обращает внимание на «слова, относящиеся до особенностей быта частного, общественного и государственного, как они были даны историческим ходом развития» русского народа, и полагает, что «они требуют обстоятельных объяснений, без которых настоящее значение их всегда останется для иностранца непонятно... Как перевести, например, русские термины *становой*, *исправник* и английские *шериф*, *атторней*? Ничего не остается делать, как объяснить их по существу до ясного представления обязанностей и деятельности этих органов правительственной власти. Между тем в каких словарях сообщаются сведения подобного рода? Составители их премудро рассуждают: это не наше дело, пусть каждый узнает особенности административных и правительственных учреждений из надлежащих книг.

Легко сказать: из надлежащих книг; разве сотая часть из лиц, изучающих иностранные языки, имеет возможность добывать себе необходимые сведения таким путем» (с. 61, 62). Истинность своих слов автор подтвердил многочисленными примерами, да и аргументация его неуязвима, но тем не менее его книга, насколько мы знаем, никакого практического следствия не имела.

Наконец, следует упомянуть о том типе толкового словаря русского языка, который готовится проблемной группой по экспериментальной и прикладной лингвистике Института русского языка АН СССР. В этом толковом словаре предполагается отражать — систематически в каждой статье — и те единицы семантики слова, которые мы называем *фоновыми* СД. Приведем для примера одну словарную статью (Альперин, 1973).

БОЛЬНИЦА. Учреждение (обычно гражданское), имеющее постоянное помещение и предназначенное для того, чтобы его сотрудники обследовали или лечили людей, живущих во время лечения в этом помещении. <...> Ср.: поликлиника, лечебница, санаторий, диспансер, медпункт, ветпункт, санчасть, лазарет, санпункт.

Лексика: стационар, лечебное учреждение, сеть больниц, главврач, лежать в больнице, находиться на излечении в больнице, больной, выздоравливающий, попасть в больницу, поступить в больницу, выписываться/выходить из больницы, класть в больницу, ложиться

в больницу, выписывать из больницы, палата (комната в больнице, в которой живут больные), халат белый (одежда врача, персонала), халат, пижама (одежда больного), койка (единица способности вместить больных): больница на 300 коек.

Классификация: 1) *по специализации:* психиатрическая (психбольница), гинекологическая, кожно-венерологическая, инфекционная, терапевтическая и др.; 2) *по подчинению* (в СССР): областная, городская, районная, сельская, ведомственная, клиническая (клиника: больница, являющаяся базой для прохождения практики студентами медицинского вуза или для научных исследований какой-либо медицинской организации).

Строение больницы: 1) *персонал:* врачи, медсестры, сиделки, санитарки (разг. нянечки); 2) *помещения:* палаты, процедурные кабинеты, перевязочные, операционные, изоляторы, приемное отделение (приемный покой), регистратура, морг. Крупные больницы часто имеют несколько корпусов. Отделения специализируются на лечении больных определенными заболеваниями, определенными средствами или процедурами (травматологическое, инфекционное, терапевтическое, хирургическое); амбулаторное (поликлиническое) отделение лечит проходящих больных (пациентов) или на дому. С момента начала лечения в больнице заводят на больного больничную карту. Врачи периодически (не реже одного раза в день) совершают обход, осматривая больных. Режим (распорядок) дня. Мертвый (тихий) час. Часы, дни посещения и передачи.

Известные больницы: Институт скорой помощи им. Склифосовского (разг. Склифосовский), больница им. Боткина, Первая, Вторая, Третья городская больница, психиатрическая больница им. Кашенко.

В приведенной словарной статье первая фраза представляет собой семантизацию лексического понятия, а остальные материалы посвящены семантизации лексического фона (правда, они иногда выходят за пределы общественных знаний).

О возможности использования еще двух типов словарей (тематических; словосочетаемости) для суждения о фоновых долях слова см. далее.

Итак, если первым способом, позволяющим объективировать фон слова, является работа с информантами (опрос, эксперимент), то вторым — анализ лексикографических источников. Обратимся к третьему способу — он в какой-то мере продолжает второй и, в частности, перекликается с мыслями П. Хохрякова.

Этот третий способ заключается в анализе суждений лиц, изучающих иностранные языки и попавших в новую для них национально-культурную общность. Воспринимаемая и оцениваемая непривычную культуру, пытаясь постичь образ жизни народа — носителя изучаемого языка, иностранцы нередко проявляют завидную наблюдательность и отмечают те фоновые СД в семантике слова, которые

ускользают от внимания члена национальной культуры. Например, никому из русских не придет в голову *варить чай* (и словосочетания такого в русском языке нет), потому что у нас *чай заваривают*, и поступать с чаем именно так кажется настолько естественным, что данная фоновая СД слова специально никогда не отмечается. Однако «с большим вниманием <венгерские> дети читают текст в учебнике русского языка для первого класса о русском чае. Им интересно узнать, что русские *заваривают чай*, а не *варят*, как в Венгрии, что русские подают к чаю торт и варенье» (Вуйович, 1972, с. 70). Мы не обращаем внимания на то, что у нас мужчины обычно пьют чай из *стакана* (который ставится в специальный подстаканник), но вот наблюдение иностранца: «Отец Маши русский и всегда пьет чай из стакана. Но мне дают чашку, потому что я американец» (Файер, 1969, с. 139). В нашей стране чай, пожалуй, самый популярный напиток, однако если «русский приглашает на *чашку чая*», то «поляк — на *чашку кофе*» (Кочневска, 1974, с. 157)⁷; когда болгарину, приглашенному в гости в московскую семью, предложили чай, то он осторожно отодвинул его и заметил, что «он не болен» (в Болгарии чай употребляется преимущественно как лечебное средство). Конечно, нередко замечания иностранцев о нашей повседневной действительности поверхностны и прямо ошибочны⁸, однако столь же нередко (правильнее сказать: чаще) эти замечания направляют внимание исследователя лексического фона на скрытые, неочевидные, неприметные СД (Андрейчина, 1976 б, 1977 а, б).

⁷ Автор продолжает цепь своих наблюдений: «...прося слово на собрании, на уроке, русский поднимает руку со сжатыми пальцами, *поляк* — два пальца; увидев лежащую на улице монету, поляк поднимет ее — это к счастью, русский пройдет мимо, так как найденная монета может принести несчастье — сам потеряешь деньги, а молодежь скажет, что это просто неудобно; в Польше Дед Мороз (св. Николай) приносит детям подарки 6 декабря, а потом 24 декабря, а в Советском Союзе — только на Новый год; и Польше празднуют, в большинстве своем, именины (день ангела), а в СССР — день рождения; в Польше учебный год начинается для школьников первого сентября, а для студентов — первого октября, а в СССР и для школьников и для студентов — первого сентября...» (с. 157—158). Л. Кочневска констатирует: «Польская действительность во многих случаях далеко не та, которую отображает содержание русского слова» (с. 137). Что касается Деда Мороза, то он и в Венгрии дарит подарки не на Новый год, а 6 и 24 декабря (Вуйович, 1972, с. 70), а в США он ездит не на тройке лошадей, как у нас, а на оленях, спускается в дом через дымоход камина и подарки кладет в чулок.

⁸ Например, в учебнике М. Файера (1961, с. 115) утверждается, что «советские граждане едят главным образом кашу, хлеб и картофель». О неадекватном восприятии нашей действительности иностранцами (особенно под влиянием так называемых стереотипов сознания) см. подробнее: Верещагин, Костомаров, 1973а, с. 7—11, 17—19, 22—23.

К рассматриваемому способу выявления фоновых СД принадлежит также его, можно сказать, зеркальное отражение, т. е. свидетельства русских, побывавших за границей, которые, делаясь своими впечатлениями, неосознанно сопоставляют факты двух культур и соответственно лексические фоны иностранного и русского (понятийно эквивалентного) слова. Например, журналист В. Губарев рассказывает о выступлениях в США советского скрипача Виктора Третьякова («Комсомольская правда», 1975, 9 февр.): «Несколько тысяч человек во власти музыки. А потом наступает тишина. Несколько секунд зал молчит и вдруг в едином порыве встает весь, до единого человека. Взрыв аплодисментов... и свиста, столь сильного, что мы, делегация советских журналистов, остолбеваем от неожиданности. Трудно все-таки привыкнуть, что свист — высший признак восхищения». В этом сообщении фактически обращается внимание на одну из СД слова *свист*: у нас свист — знак недовольствия, неодобрения (ср. в Словаре Ожегова: ОСВИСТАТЬ. Свистом выразить неодобрение, осуждение кому-чему-н.).

Приведем еще примеры из заметок советского журналиста В. Осипова («Британия глазами русского». М., 1976), в скобках указывается отличающаяся от английской фоновая СД русского слова:

«Даблдеккер — в буквальном переводе двухпалубный автобус — едва ли не самая типичная вещь во всех мало-мальски крупных городах и даже на провинциальных дорогах Англии» (у нас автобусы только одноэтажные); «Англичане, кроме шампиньонов, ни белых, ни подосиновиков, ни каких-либо других грибов не признают» (у нас грибы — излюбленная пища, даже лакомство, особенно белые); «Как правило, бесснежная в этих краях, зима неприятна своими дождями, ветрами и туманами. На лыжах катаются только в Шотландии, да и то в горах повыше. Крытых катков в Лондоне всего два. А многочисленные пруды замерзают только раз лет в двадцать. О подледном лове понятия не имеют» (русская зима вызывает прямо противоположные ассоциации: обилие снега, массовое катанье на лыжах и коньках, широко распространенный подледный лов рыбы; дожди и туманы зимой редки⁹); «В семь, восемь часов вечера англичане обедают» (у нас время обеда ассоциируется с серединой дня) и т. д.

⁹ Любопытно сопоставление отношения к слову *зима* в английском и русском языках, предпринятое Б. В. Братусем (1976, с. 132). Со ссылкой на словарь словосочетаний Дж. Родейла он показал, что слово *зима* ассоциируется с 29 прилагательными типа *злая, жестокая, скучная, унылая, безотрадная, тягелая, губительная, ужасная, отвратительная, чудовищная, мрачная, треклятая*, в то время как в описаниях русской зимы ведущее место занимают эпитеты с положительной окраской: *славная, чудная, дивная, зима-чародейка*. Ср. также: *зимушка-зима, зимние радости; в зимний холод всякий молод*.

Таким образом, восприятие культуры глазами «внешнего» человека (советской культуры иностранцем; иностранной культуры нашим соотечественником) позволяет судить о фоновых СД русских слов (именно русских, даже если, как мы видели, описывается культура, скажем, Великобритании). В этой связи сошлемся на высказывание Ю. С. Степанова (1971, с. 36): «...человек, долго проживший в какой-нибудь стране и знающий ее не лучше и не хуже, чем любой ее житель, делается обладателем ценнейших знаний об этой стране, как только переезжает в другую страну». Эти знания, как известно, в социологической и лингвистической литературе называются фоновыми¹⁰, и, по нашему мнению, они существуют в сознании не сами по себе, а привязаны к плану выражения слова, т. е. к лексеме, образуя непонятную часть второго плана (плана содержания) словесного знака — семемы.

Итак, третий способ выявления фоновых СД слова — это анализ наблюдений и впечатлений лиц, попавших в условия новой для них национальной культуры.

Четвертый и последний способ объективации лексического фона — это развертывание, экспликация информации, которая присутствует в тексте в скрытом виде. Имеются в виду в первую очередь бытовые, публицистические и художественные тексты.

Например, бытовые фразы *Взвесьте мне два кило слив, Сколько стоит десяток яиц?* и *Майя, зайдём в кафе пообедаем* имплицитно содержат фоновые СД (фрукты продаются весом, на килограммы; яйца, напротив, продаются поштучно, десятками; в кафе можно пообедать), которые, кстати, совсем не очевидны для иностранцев¹¹ и

¹⁰ О. С. Ахманова (1966, с. 498) фоновые знания определяет как «обоюдное знание реалий говорящим и слушающим, являющееся основой языкового общения». Этот же термин употребляет И. Бар-Хиллел (1962), который, рассматривая вопросы автоматического перевода, считает, что формальный, основанный исключительно на знании реляционной структуры языка, подход к переводу (машина способна только на него) не может обеспечить передачи смысла. «Полная автоматизация переводческой деятельности представляется совершенно утопичной, так как книги... обычно пишутся для читателей с определенными фоновыми знаниями» (с. 206). Примерно так же подходит к фоновым знаниям В. М. Павлов (1969, с. 132); «Адекватное понимание речевого произведения одного лица другим лицом опирается не только на их владение языком и, следовательно, на формы и значения, более или менее непосредственно воплощенные в тексте, но и на взаимное соответствие „фонового знания“ общающихся».

¹¹ И действительно, в одном учебнике русского языка, составленном за границей, можно прочитать диалог: «Почем эти сливы? Да они спелые?» — «Спелые и очень сладкие. По полтора рубля за фунт» (т. е. предполагается, что мерой веса при продаже фруктов является фунт). Другой пример. Финский

могут вызвать лингвострановедческую интерференцию¹².

Что касается публицистических и художественных произведений, то здесь экспликация скрыто присутствующих в тексте фоновых СД принимает несколько иные формы. Разберем пример (Л. Н. Толстой «Воскресение», ч. II, гл. 17): «Обедали шестеро: граф, графиня, их сын, угрюмый гвардейский офицер, клавший локти на стол...» Он, безусловно, понятен любому владеющему русским языком, но только тот, кто помнит, что в «обществе» XIX в. *класть локти на стол* считалось неприличным, уловит и второй план текста: гвардейский офицер или не обладал хорошими манерами, или не придерживался правил приличия.

Следовательно, прояснение фоновой СД (*класть локти на стол неприлично*), — она, как известно, устарела к настоящему времени и в объем нашей актуальной культуры уже не входит, — экспликация фоновой доли возможна только извне: читающий (и слушающий) сам привносит в буквально понятый смысл некоторую дополнительную информацию, которая, хотя и стимулируется исходным текстом, все же в нем не содержится. Поэтому способ объективации фоновых СД в публицистическом или художественном произведении принципиально отличается от всех других способов, рассмотренных раньше. Если раньше мы сталкивались с прямо называемыми фоновыми СД¹³, то публицистический и художественный тексты указывают на наличие в тексте фоновой СД лишь косвенно, а ее экспликация, прояснение зависят от внимательного читателя или даже от исследователя¹⁴.

стажер обратился к удивленной московской продавщице: «Взвесьте мне подкило яиц» (он полагал, что, как и в Финляндии, яйца у нас продаются на вес). Что же касается кафе, то, как утверждает Л. Кочневская, фраза *Мы пообедаем в кафе* непонятна для поляка, потому что в польском кафе не пообедаешь, там можно посидеть за чашкой кофе с пирожным.

¹² Понятие введено К. Бабовым (1974, с. 28).

¹³ Исключая, правда, одну из разновидностей третьего способа: когда нашим соотечественником описывается иностранная действительность, то он лишь намекает на аналогичные факты нашей жизни, а читатель должен сам себе их представить (не случайно нам пришлось показывать в скобках выявляемые фоновые СД).

¹⁴ Е. Д. Поливанов (1968, с. 296) писал в данной связи: «„Это поймет только тот, кто знает, в чем дело“, — говорит комический педант в одном старом водевиле, заканчивая длинную свою тираду; но в сущности все, что мы говорим, нуждается в слушателе, понимающем „в чем дело“. Если бы все, что мы желаем высказать, заключалось в формальных значениях употребленных нами слов, то нужно было бы употреблять для высказывания каждой отдельной мысли гораздо более слов, чем это делается в действительности. Мы говорим только намеками; раз они вызывают в слушателе нужную нам мысль, цель достигается; и говорить иначе было бы безрассудной расточительностью».

Вот, например, как художественно описывается начало учебного года в советской школе: «Утренний город похож был на движущийся сад или какое-то театральное действо. Из подъездов и калиток выходили девочки в белых фартучках и мальчики с белыми подворотничками. И несли цветы. Лиловые астры, царственные гладиолусы, бордовые гвоздики, осенние розы застенчивых скромных окрасок. Особенно трогательны казались малыши-первачки. Девочки, сознавая важность момента, несли букеты благоговейно, правда, стараясь не прижимать к груди, чтобы не зазеленить фартук. Взрослые при виде детей улыбались. Можно подумать, все хмурые люди в этот день куда-то исчезли из города. Остались одни добряки, которым милы взволнованные, озабоченные ребячьи рожицы, цветочное шествие и тихие желтые бульвары, придающие родному городу особенную красоту» (М. Прилежаева «Осень»).

Здесь имплицитно содержатся фоновые доли номинативного словосочетания *начало учебного года*: бывает осенью (первого сентября); это праздничный день; школьники надевают парадную школьную форму; в парадную форму у девочек входит белый фартук; первого сентября школьники дарят учителям цветы; особенно торжественно провожают в школу первоклассников. Все эти фоновые доли словосочетания являются национально-культурными: хотя само понятие «начало учебного года» интернационально, форма этого «начала», атрибутика варьируются от страны к стране.

Например, в ответ на просьбу описать начало учебного года в Финляндии финские студенты сообщили следующее: занятия начинаются в разные даты, но во второй половине августа; первый день учебы не бывает праздничным, это обычный организационный день; в школу приходят, конечно, чисто одетыми, но не в форме (ее совсем нет); все выстраиваются по классам, затем читается молитва, после которой ректор произносит небольшую напутственную речь; учебных занятий в первый день не бывает, поэтому звонок вообще не звенит и т. д. (см. подробнее: Верещагин, Тамм, 1979). Поскольку атрибутика начала учебного года в каждой стране специфична, в одном американском учебнике русского языка содержатся такие сведения: учебный год начинается первого сентября; русские школьники в школе носят форму; начало учебного года в Советском Союзе — праздничный день, с украшениями и музыкой; директор школы и учителя произносят приветственные речи, по радио устраиваются специальные передачи (см.: Аудиолингвальные материалы, 1970, с. 115).

Поэтому не случайно, а закономерно, что все перечисленные СД оказались в лингвострановедческом словаре (далее ЛС-словарь), семантизирующем школьную лексику (Денисова, 1978).

В большинстве случаев фоновая информация в художественном или публицистическом тексте бывает перифразирована, превращена в намек, аллюзию, иносказание, т. е. как бы зашифрована, поэтому ее извлечение иногда и для русского непросто¹⁵, а для иностранца без помощи преподавателя просто невозможно. Между тем без такой расшифровки подлинный смысл публицистического или художественного произведения не постигается (уместно привести бытующий в среде литературоведов афоризм «без образованности нет образности»: неподготовленный читатель неспособен к адекватному восприятию художественной книги).

Таким образом, мы разобрали четыре способа объективации лексического фона — получение сведений: 1) от носителей языка, 2) из имеющихся филологических словарей; 3) путем анализа суждений лиц, переместившихся из одной национально-культурной общности в другую, и, наконец, 4) благодаря разворачиванию информации, в скрытом виде заключенной в текстах. Вероятно, не все источники информации учтены, однако надеемся, что основные все же охвачены.

Глава 4

ОСМЫСЛЕННОСТЬ КОММУНИКАЦИИ

Теперь перейдем к разбору онтологической природы лексического фона. Собственно, принадлежит ли лексический фон к языку, к сфере ведения лингвистики, вообще филологии?

Выше говорилось о фоновых сведениях, фоновых знаниях, фоновой информации, а эти слова-термины обычно не определяются как члены лингвистической терминологи-

¹⁵ Когда культура сильно изменилась, владение языком не обеспечивает понимания художественного произведения. Например, «Слово о полку Игореве» писалось для «современников, для людей XII в.»; поэма «вся пронизана тончайшими намеками, которые с полуслова были понятны тем, к кому она обращалась, но потребовали многих десятков лет от ученых, занимающихся их расшифровкой» (Рыбаков, 1971, с. 34).

гической системы, но, напротив, обычно выводятся за ее пределы. Общеизвестно, что язык — это средство коммуникации, т. е. средство передачи информации (обмена сведениями, знаниями), и если из этого положения сделать логический вывод, то информация должна существовать вне языка и соединяться с ним только для (и во время) акта коммуникации.

Если считать язык исключительно средством передачи информации, то надо действительно исключить лексический фон из лингвистической проблематики, признать его экстралингвистическим, внешним по отношению к языку, к лексике, явлением. Заметим, что по сходным соображениям вне языка и лингвистики должно быть оставлено и лексическое, понятие, потому что оно представляет собой «итог познания», «определенную совокупность знаний». Кстати, подобные выводы в истории лингвистических учений реально представлены.

Сказанное было бы справедливо, если бы язык был только средством общения. Язык, несомненно, — средство коммуникации, но не только. Мы уже отмечали, что, хотя коммуникативная функция языка является для него основной, язык является еще и хранителем (а также выразителем) культуры, т. е., наряду с коммуникативной, ему свойственна еще функция, которую удобнее всего называть коммулятивной. Конечно, для целей анализа от этой функции можно отвлечься и рассматривать исключительно так называемую реляционную семантику языка (такая изоляция исследовательского предмета методологически правомерна), но с точки зрения реально существующего феномена, онтологически язык не только передает внеязыковую информацию, но и накапливает ее, а также сохраняет.

Для подтверждения данной мысли Н. Г. Комлев (1966) провел убедительный мысленный эксперимент. Представим себе, что к нам попала запись инопланетного языка. Культура планеты неизвестна. Лингвистическими приемами можно установить (если текстов достаточно) структурные элементы неизвестного языка и даже определить их реляционное значение, однако «семантические элементы, поскольку они связаны со своеобразием совершенно неизвестной нам жизни данных существ... остались бы скрытыми от нас навсегда».

Эту семантику слова, связанную с национальной

культурой, Н. Г. Комлев называет культурным компонентом значения слова. Он продолжает: «Признавая наличие какого-то „внутреннего" содержания слова-знака, т. е. факта, что слово-знак выражает нечто кроме самого себя, мы обязаны признать и наличие культурного компонента. Слова языка как социального явления несут на себе отпечаток жизни общества, его материальной и духовной культуры. Это „культурное значение" есть часть языка» (с. 46). Таким образом, поскольку слово непременно выражает нечто, расположенное вне системы реляционных средств выражения, передает так называемое экстралингвистическое содержание¹, лексическая семантика (пусть хотя бы лексическое понятие) представляет собой «часть языка», выступает как языковое явление.

Эта же точка зрения может быть обоснована не только лингвистически, но и философски.

К. Маркс и Ф. Энгельс подчеркивали, что «язык есть непосредственная действительность мысли» и что «ни мысли, ни язык не образуют сами по себе особого царства»², и на основе этих положений в марксистской философии принят тезис о единстве (но не тождестве!) языка и мышления. Этот тезис имеет приложимость не только к определенному индивиду, но и ко всему обществу, так что он может пониматься и как утверждение единства языка и (общественного) сознания. Именно в этом смысле возможно правильно понять знак равенства между «историей языка» и «историей мысли», который поставил В. И. Ленин, конспектируя «Науку логики» Гегеля³. Работая над книгой Лассалья о философии Гераклита, он еще раз провел параллель между историей философии (мысли) и историей языка⁴. Сознание, по Марксу и Энгельсу, «с самого начала есть общественный продукт», поэтому «Язык так же древен, как и сознание; язык *есть* практическое, существующее и для других людей и лишь тем самым существующее также и для меня самого, действительное сознание...»⁵.

¹ Исключая, конечно, искусственные (например, изобретенные в экспериментальных целях) слова, т. е. псевдослова: *глокая куздра штеко будланула бокра* (Л. В. Щерба), *недотыкомка* (Ф. Сологуб).

² Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 3, с. 448—449.

³ Ленин В. И. Поли. собр. соч., т. 29, с. 81.

⁴ Ленин В. И. Там же, т. 29, с. 314.

⁵ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 3, с. 29.

Если исходить из единства языка и сознания, то именно язык представляет собой материальный субстрат для существования сознания, поскольку план выражения языка (на лексическом уровне — лексема) безусловно материален. Однако что касается плана содержания языка, то за вычетом внутриязыковой (реляционной) семантики он может быть весьма сближен с содержанием общественного сознания (которое отражает уровень познания действительности в некоторой этнокультурной общности). П. В. Копнин (1966, с. 121) писал: «...если язык и познание взять в их полном объеме со всеми составляющими элементами, то они по существу тождественны: язык — это реальное познание, а познание в реальности существует как язык. <...> Язык прежде всего — сама реальность познавательной деятельности человека, это само познание с его результатами, которые реально существуют в обществе. Все результаты познания выступают как язык — система знаков, имеющих свои значения».

Об этом же говорит Э. Б. Маркарян (1976, с. 31): «Тождество языка и сознания проявляется в тождестве содержания сознания и языка; содержание сознания как отображение объективного мира есть вместе с тем и содержание (семантика) языка». Наиболее выпукло и с помощью анализа языкового материала мысль о познавательной функции языка изложил Г. А. Брутян⁶, в концепции которого учитывается также динамика внеязыковых и внутриязыковых компонентов плана содержания языка: «...результат отражения окружающей нас действительности преломляется через призму языка. Это означает, что знание имеет языковой характер не только в том смысле, что язык выступает как способ осуществления знания, но и в том, что язык оставляет специфический след на знании» (1976, с. 57).

Следовательно, если отвлечься от свойственных плану содержания языка реляционных значений, которые действительно возникают в результате противопоставленности языковых форм друг другу (ср. так называемую деривационную, морфологическую или синтаксическую

⁶ Г. А. Брутян (1969а, б) предложил и развил принцип лингвистической дополнителъности, позволяющей, на наш взгляд, правильно оценить роль внутриязыковой семантики в познании действительности (в противоположность В. Гумбольдту, Л. Вейсгерберу, Э. Сепиру, Б. Уорфу и другим неогумбольдтианцам, которые абсолютизировали эту роль).

семантику), то с философских позиций план содержания языка может быть приравнен к тому уровню познания окружающей действительности, который превалирует в данной культурно-языковой общности, т. е., иными словами, к общественному сознанию⁷. Данная позиция, естественно, не имеет ничего общего ни с концепцией лингвистической относительности⁸, ни с принципами логического позитивизма⁹, ни с учением лингвистической философии¹⁰.

В свете изложенного слово — точнее, план выражения слова, т. е. лексема, — мыслится как материальная основа, опора для фиксации той совокупности знаний, которую некая языковая общность относит к классу предметов или явлений, обозначаемых данным словом. Сама классификация предметов и явлений — феномен как сознания, так и языка, хотя бы потому, что она предполагает языковую номинацию. Действительно: согласно наглядному представлению на схеме К. Огдена и И. Ричардса (см. рис. 1), предмет сначала включается в мысль (в наших терминах: в объем лексического понятия), потом обозначается словом. Большинство ученых уже не сомневается в языковой природе лексического понятия, а в практике создания филологических словарей давно узаконено такое толкование лексических понятий, которое обращено к действительности, к общественному сознанию. Таким образом, лексическое понятие, отражающее, казалось бы, внеязыковую действительность, тем не менее — «часть языка».

Теперь мы хотели бы показать, что философский принцип единства языка и сознания, равно как и лингвистический принцип представленности в слове «культурного компонента значения», распространяется не только на

⁷ «Общественное сознание — это совокупность взглядов, представлений, принципов, психологических особенностей, явлений духовной культуры и т. д., характерных для членов общества, его классов, система общественных идей, теорий, отражающих условия материальной жизни данной общественно-экономической формации, т. е. исторически сложившееся общественное бытие» (Социология в СССР, 1966, с. 15). Ведущий элемент в структуре общественного сознания — идеология.

⁸ Наша позиция по этому вопросу изложена в статье «Гипотеза лингвистической относительности и страноведение» (Верещагин, Костомаров, 1973б).

⁹ Для логического позитивизма типично непосредственное сопоставление языка и объектов действительности (т. е. минуя сознание). Ср.: «Границы моего языка означают границы моего мира» (Витгенштейн, 1958, с. 80).

¹⁰ Для лингвистической философии типично признание конвенционального характера языка, его толерантности по отношению к «личностным значениям», в результате чего о семантике слова желают судить только по правилам его употребления. См. подробнее: Геллнер, 1962; Корнфорт, 1968.

лексическое понятие, но и на лексический фон, т. е. лексический фон также имеет языковую природу. Этот тезис не очевиден, и его надо поддержать в первую очередь не логическим построением, а фактами.

Вот, например, какие ассоциации вызвал у испытуемых стимул *стол*: стол, мягкий, деревянный, удобный, сидеть, кресло, стоит, сломанный, дерево, высокий, красивый, кровать, мебель, жесткий, коричневый, маленький, новый, пол (Титова Л. Н., 1975а, с. 44). Раньше мы отметили в лексическом понятии слова три СД: из них только одна объективируется в ассоциативном эксперименте (*род мебели для сидения*, ср. слова-ассоциаты *мебель, сидеть*), а две (*со спинкой; на одного человека*) не обнаружили себя. Другие слова-ассоциаты отражают не понятийные, а фоновые СД: на стульях сидят за *столом*; они бывают *мягкие* и *жесткие*; материалом для изготовления стульев чаще всего служит *дерево*, поэтому они, как правило, деревянные; не всякий стул *удобный*; ближайший вид мебели — *кресло*, а более далекий — *кровать*; стулья имеют ножки и стоят на *полу*; они *ломаются* и т. д.

Заметим, что в эксперименте выявлены не все фоновые СД (например, по противоположности ассоциатам *высокий, новый* вероятны также реакции *низкий, старый*, а также возможны *плетеный, колченогий, складной, тяжелый, гнутый, венский* и даже *гамбсовский* стул).

Достаточно увеличить число испытуемых или просить их давать больше реакций, как количество слов-ассоциатов значительно возрастает. Например, в «Словаре ассоциативных норм русского языка» (с. 169) приведены такие ассоциации на стимул *стол*: стул, круглый, черный, деревянный, письменный, мебель, дубовый, большой, квадратный, дерево, пол, полированный, в комнате, книги, кухня, кухонный, кресло, новый, парта, плоский, рабочий, сидеть, столб, табуретка, богатый, бюро, гладить, гладкий, грубый, двигать, делать, диван, диетический, длинный, еда, кривой, на трех ножках, неуклюжий, низкий, ножка, однотумбовый, писать, письмо, подоконник, поломанный, праздничный, простой, раскладной, скамейка, скатерть, стоит, телеграф, тень, удобный, учительский, хромой, чашка, четыре ноги, четырехугольный, широкий, ящик.

Слова *стол* и *стул* одноплановые, однако реакций почти в четыре раза больше, чем в опытах Л. Н. Титовой, и эти количественные показатели зависят, конечно, не от природы слова, а исключительно от условий эксперимента.

Итак, не все фоновые СД выявляются ассоциативным путем, но в ответах и понятийные СД представлены лишь

на одну треть. Более того: иногда в ассоциативных экспериментах понятийные СД не видны вовсе¹¹, но сейчас мы подчеркнем иную мысль. Ассоциативные эксперименты выявляют некоторую однородную совокупность слов-ассоциатов, и на их основе возможно судить о знаниях, сопрягаемых с предметом (который обозначается словом-стимулом). Если судить по экспериментам, то эти знания одного и того же характера. Некоторые из них, однако, обеспечивают узнавание предмета, его классификацию, т. е. входят в лексическое понятие, — данные понятийные СД имеют языковую природу. Поскольку другие выявленные в экспериментах знания не отличаются от понятийных, им также следует приписать языковую природу. С точки зрения ассоциативных опытов, понятийные и фоновые СД без какой-либо дискриминации принадлежат к тому единству языка и сознания, о котором говорилось ранее,

Таков «ассоциативный» аргумент. Совокупности слов, которые возникают ассоциативно, в лингвистике осмысляются как лексические (или лексико-семантические, а также словесные) поля. Действительно, основоположник теории лексико-семантических полей И. Трир (1931, с. 1) исходил как раз из ассоциативных связей: при произнесении слова, писал он, в сознании человека «возникает множество других слов, которые по смыслу более или менее соседствуют с произнесенным. Таковы его понятийные родственники. Они образуют между собой и вместе с произнесенным словом расчлененное целое, совокупность, которую можно назвать словесным полем»¹².

Однако в лингвистических разысканиях понятие поля не ограничилось ассоциативными совокупностями слов; оно используется в двух различных (может быть, даже противоположных) исследовательских подходах. Первый подход — дедуктивный. Исследователь подходит к делу ономаσιологически (Васильев, 1971; Заонегин, 1972; Морковкин, 1973; Даугатс, 1974), тематически (Трубачев, 1959, 1960, 1966; Толстой, 1969; Лядява, 1973; Романова, 1975) или логически; он сам выбирает (как правило, аб-

¹¹ Скажем, *пионер* («член детской коммунистической организации», по Словарю Ожегова) вызвал ассоциации: (красный) галстук, комсомолец, (всем ребятам) пример, мальчик, юный, примерный, школьник, первый, вожатый, честный, веселый, маленький, октябренок, отважный, ребенок, советский.

¹² Обзор проблематики лексико-семантического поля см.: Кузнецова, 1963; Уфимцева, 1968; Щур, 1974; Габка, 1967; Хоберг, 1970.

страктное, «общее») понятие, которое будет изучаться (скажем, *родственные отношения*, наименования *цветов спектра* или обозначения *радости*), т. е. ученый сам задает интегральную СД и сам формирует поле в согласии с ней.

Дедуктивную процедуру выявления лексических полей совершенно справедливо упрекают в известной произвольности¹³, хотя полученные с ее помощью лексические совокупности, представленные, в частности, в тематических (идеографических) словарях (Бабов, Выргулев, 1961; Тихонов, Хатамов, Емельянова, Тихонова, 1975), могут использоваться при выявлении лексического фона слова (но с осторожностью!).

Второй подход — индуктивный. С помощью формальной процедуры, не зависящей от воли исследователя, устанавливается некая совокупность слов, которая (при условии, что выявится интегральная, объединяющая все слова СД) может оказаться лексико-семантическим полем. Например, А. Я. Шайкевич (1963) на материале английской поэзии изучил совместную встречаемость двух прилагательных, статистически показал, что она не случайна, и этим формальным путем (без учета значений) обнаружил группы слов, у которых затем были выявлены и интегральные СД (*жизни, высоты, размера, тонкости* и т. д.). Исследовательская процедура состояла, таким образом, из двух этапов: «не обращаясь к анализу значения, выявить связи слов и соответствующие группы слов; в дальнейшем переходить к интерпретации этих отношений уже с учетом соответствующих реалий» (с. 15)¹⁴.

Ассоциативные поля представляет собой вид лексико-семантического поля (той его разновидности, которая образуется с помощью индуктивной исследовательской процедуры). Если, таким образом, совокупность слов-ассоциатов — это частный случай более общего лингвисти-

¹³ Вопрос, является ли дедуктивным путем полученное поле «объективно присущим языку свойством» или только эвристическим приемом, обсуждает Ю. Н. Караулов (1975). Произвол в определении состава полей бросается в глаза: если А. Вифstrand (1942) в поле *желания* включил всего два греческих глагола, хотя этот интегральный признак явно присущ большему числу лексем, то О. Духачек (1960) в поле *красоты* включает около 1000 слов, правда, у некоторых из них присутствие данного значения можно подвергнуть сомнению. Обширный список исследований, использующих дедуктивную методику, привел Ю. Н. Караулов (1976б).

¹⁴ См. также: Шайкевич, 1976. Индуктивная методика была использована и нами в процессе выявления лексико-семантических полей древнеславянского (старославянского) языка (Верещагин, 1978).

ческого явления, именуемого лексико-семантическим полем, то и «ассоциативный» аргумент в пользу языкового характера лексического фона может быть преобразован в более сильный аргумент «лексико-семантического поля».

Собственно, за ассоциативными совокупностями лексики и вообще за лексико-семантическими полями стоит единая и единственная закономерность — связь внеязыковых предметов и явлений в действительности¹⁵, отраженная в человеческом сознании (т. е. в общественном сознании некоторой национально-культурной общности людей) и соответственно в языке. Следовательно, показывая языковую природу лексического фона, мы одновременно не должны забывать его обращенности к внеязыковой действительности, т. е. о том, что лексический фон, как и вся лексическая семантика (семема), — это, собственно, форма существования общественного сознания в языке.

Итак, отвечая на вопрос об онтологической природе лексического фона, мы имеем все основания признать его «частью языка» и отнести к сфере ведения лингвистики, филологии.

Глава 5

КОММУНИКАЦИЯ КАК ПЕРЕДАЧА ЗНАНИЙ

С позиций теории лексического фона, как представляется, можно несколько по-новому подойти к процессу коммуникации.

Коммуникация — это обмен мыслями, «сообщение или передача при помощи языка некоторого мысленного содержания» (Ахманова, 1966, с. 200). Передача от кого кому? От коммуниканта А коммуниканту Б. Следовательно, коммуникация через посредство естественного языка — в самом простом и одновременно самом типичном случае¹ — имеет место между двумя людьми, владею-

¹⁵ Отвлекаемся от известной специфики плана выражения лексико-семантического поля, имеющей внутриязыковой характер.

¹ Этот случай не является ли всеобъемлющим? Он, безусловно, охватывает как индивидуальную отсроченную коммуникацию (через посредство, скажем, письма, телеграммы), так и массовую коммуникацию (с помощью книг, печати, радио, телевидения).

Щими общим языком, т. е. коммуникаций — это акт индивидуального общения. А какое содержание передается? Опять-таки индивидуально. Действительно, любой акт общения отражает конкретную (часто и неповторимую) внеязыковую ситуацию. Ср. взятый для примера из повседневной жизни диалог между покупателем и продавцом: «*Какое у вас молоко?*» — «*В пакетах, шестипроцентное*». Акт общения сугубо частный: один из коммуникантов получает интересующие его сведения. Содержание сообщения индивидуально: интересующие одного из коммуникантов сведения могут не представлять интереса для другого. Таким образом, если принимать дихотомию «язык — речь», коммуникация принадлежит, конечно, речи.

Тем не менее было бы недопустимым упрощением считать коммуникацию явлением сугубо индивидуальной природы. Двойственный характер коммуникации (индивидуальный и общественный), можно считать, в лингвистической науке принят и аргументируется так: сообщение — это индивидуальное сочетание социальных средств выражения (слов), поэтому общественный аспект коммуникации надо видеть в используемых словах, а ее индивидуальный аспект — в неповторимом сочетании этих слов. В противоположность этому мнению мы хотели бы показать, что и сочетания слов в сообщении в значительной мере надындивидуальны и, следовательно, манифестируют общественную природу коммуникации. Наш тезис таков: сочетание слов в осмысленной фразе обусловлено их лексическими фонами².

В нашем примере лексический фон ключевого для нашего диалога слова *молоко* определил границы осмысленной коммуникации и одновременно ее языковую форму. Если говорящих интересует форма продажи молока, то в их суждениях может актуализироваться (на выбор) одна из двух фоновых СД — *в бутылках, в пакетах*. Если коммуниканты станут говорить о жирности молока, то фоновых СД для выбора больше: *жидкое как вода, жирное как сметана, шестипроцентное*; число фоновых СД еще больше увеличится, если речь пойдет просто о качестве продукта, а также о его цвете, происхождении, способе переработки, формах употребления и т. д., но

² Пока отвлекаемся от художественных текстов, а также от научной литературы.

границы допустимых сочетаний слов во фразах весьма заметны, особенно при попытках сочетать слова на подлинно индивидуальной основе, вопреки фоновым СД, произвольно (предположим, * *черное молоко*³).

Та совокупность фоновых СД, которая приведена выше (см. гл. 2), фактически достаточно строго задает как содержательные пределы, в которых фактически проходит или в общем виде может проходить коммуникация, так и языковую форму сообщения.

Бесмысленность или осмысленность словосочетания, фразы относительна и определяется внеязыковой действительностью, национальной культурой. Словосочетание (фраза), которое легко переводится с языка на язык, иногда оказывается лишенным смысла в переводе, в то время как исходный текст вполне осмыслен; причина этого заключается в расхождении лексических фонов понятийно-эквивалентных слов.

Например, в одном из рассказов А. Кристи человек, который заведомо дома, не отвечает на настойчивый стук в дверь: «Мисс Политт взялась за молоток (took hold of the knocker) и вежливо постучала в дверь. Подождав сколько следовало, она постучала снова. <...> Она заколебалась, прежде чем прибегнуть к молотку в третий раз (before using the knocker for the third time). <...> Крепко схватив молоток (seizing the knocker), она устроила оглушительный грохот...» (Selected Stories by Agatha Christie. Moscow, 1976, p. 107—109).

Как и в английской, в нашей культуре в фон слова *дверь* входит СД *стучать*, но стучат костяшками *пальцев*, *кулаком* и в исключительных случаях *ногами*, *молотком* же никогда не стучат; поэтому стимул *дверь* у русских не имеет ассоциата *молоток* и, соответственно, этой СД нет в фоне слова-стимула. Советские студенты, владеющие английским языком в объеме первого курса языкового вуза, прочитали приведенные фразы в подлиннике и в переводе, но текст им показался бессмысленным: «откуда появился молоток? мисс Политт принесла его с собой? может быть, он лежал рядом?». Между тем текст безупречен с точки зрения (традиционной) английской

³ Излюбленный жанр русских скоморохов — перевертыш («Ехала деревня мимо мужика, / Вдруг из-под собаки лают ворота...») — как раз и построен на эффекте, который покоится на нарушении границ осмысленной коммуникации, на сознательном смещении фоновых СД разных слов.

культуры, потому что в лексический фон слова door (дверь) входит СД knocker (молоток); по Словарю Хорнби, knocker — это «металлический молоток (hammer), снабженный ручкой, который прикрепляется к двери, так что им можно стучать по металлической пластинке для привлечения внимания (например, молотком стучит почтальон, опустивший письма в почтовый ящик)».

Этот пример показывает, что сочетание слов в сообщении не есть плод сугубо индивидуального творчества: сочетания производны от лексических фонов и поэтому имеют в той же мере социальный характер, как и входящие в сочетания слова. Если же диктуемые лексическими фонами законы сочетаемости нарушаются, то коммуникация теряет смысл и не может состояться или создается комический эффект.

Итак, в акте коммуникации сочетания слов оказываются или осмысленными, санкционированными в рамках данной культурно-языковой общности, или лишенными смысла (опять-таки по социальным обстоятельствам). Отсюда следует, что общественная природа коммуникации видна не только в строевых единицах высказывания, т. е. в словах, но и (вопреки распространенному мнению) в, казалось бы, индивидуальных сочетаниях слов.

А в чем же на самом деле заключается индивидуальный, личностный план конкретного акта языковой коммуникации?

Он заключается, как мы полагаем, во-первых, в осуществлении в ы б о р а той СД из числа присутствующих в семеме слова, которая отвечает данной ситуации, реальному положению вещей, а также интенции (намерению) говорящего. Операция выбора особенно актуальна применительно к тем фоновым СД, которые находятся в отношении альтернации, т. е. взаимного исключения: это или антонимические СД (например, *свежее* ↔ *прокисшее*, *горячее* ↔ *холодное* молоко), или тематически связанные СД (доли, которые расчлняют, описывают одну и ту же речемыслительную сферу, например способ продажи молока: *в бутылках*, *в пакетах*). Во фразе *Мой сын учится во втором классе* осуществлен продиктованный реальными фактами и интенцией говорящего выбор порядкового номера класса, а порядковые номера от *первого* до *десятого* представляют собой альтернативные фоновые СД слова *класс*. Альтернативные СД не соче-

таются в одной фразе: нет смысла в сообщении * *Коля — способный бездарный ученик.*

Индивидуальный план коммуникации виден, во-вторых, в осуществлении подбора уже выбранных фоновых СД. Так называемые комплементарные, дополняющие друг друга СД могут быть введены во фразу одновременно. Таковы синонимические СД, например: *способный, талантливый, семи пядей во лбу, выдающийся, гениальный, одаренный* ученик. Таковы же тематически разобщенные СД: скажем, по отношению к одаренности ученика (*способный, бездарный...*) или по отношению к его прилежанию (*усердный, усидчивый, ленивый...*).

Комплементарные СД могут нанизываться бесконечно и разнообразно, и их подбор, как и выбор альтернативных СД, зависит от конкретной внеязыковой ситуации и от замысла говорящего (ср., предположим, набор характеристик в сообщении *Коля — талантливый и блестящий ученик, но не очень прилежный, упорный и усидчивый, да и не всегда дисциплинированный*). В этой фразе фоновые СД слова *ученик*, представленные в цепочке атрибутов, выбраны из парадигматического ряда всех фоновых СД этого слова конкретным говорящим, индивидуально. В этой же фразе предварительно выбранные СД сукцессивно расположены на синтагматической оси, подобраны друг к другу опять-таки конкретным коммуникантом, т. е. индивидуально. Естественно поэтому, что фраза возникла в момент речи и построена творчески.

Подчеркнем еще раз диалектику общественного и личного в построении коммуникативного акта, социального и индивидуального: общественная природа языка обнаруживается в употребленных во фразе словах и в (парных) словосочетаниях с опорным словом (*прилежный ученик, усидчивый ученик* и т. д.); личностная природа речи обнаруживается в индивидуальном выборе парадигматически сосуществующих СД (выбраны атрибуты *талантливый* и *блестящий*, а не *способный* и *оригинальный* и уж, конечно, не *бездарный* и *средний*) и в столь же индивидуальном синтагматическом подборе выбранных слов (в нашем примере видим цепочку *прилежный, упорный, усидчивый*, а не *упорный, усидчивый, прилежный* и не *усидчивый, прилежный, упорный* и т. д.). Фон слова своими СД как бы показывает возможные направ-

ления высказывания, но какое именно направление из числа возможных будет выбрано и в комбинации с каким, зависит от конкретных коммуникантов, от отражаемой ими ситуации общения и от свойственных им интеллектуально-эмоциональных интенций. (Заметим, что если лексический фон не содержит указания на какое-либо направление высказывания, то это всегда имплицитно означает, что такое высказывание окажется бессмысленным.)

Эта направляющая (содержание высказывания) функция лексического фона определяет еще один интересный аспект коммуникации (о котором скажем кратко), а именно: ее моносемность в непосредственно сочетающихся словах (не в цепочках слов — *талантливый, прилежный, дисциплинированный ученик*, а в прямых сочетаниях — *талантливый ученик, прилежный ученик* и т. д.). Возьмем для примера фразу *Кто сидел на моем стуле?*, в которой реализовано словосочетание *сидеть на стуле*. Фон слова *стул* содержит немало СД (см. гл. 4), однако сейчас актуализировалась только одна — *сидеть*. С другой стороны, и слово *сидеть* имеет немало фоновых СД, но сейчас из их числа стала актуальной лишь одна СД — *стул*, т. е. СД одного слова предполагает не произвольную, а определенную СД другого (и обратно), т. е. СД непосредственно сочетающихся слов предполагают друг друга, согласуются между собой; в акте коммуникации слова как бы подлаживаются одно к другому, подстраиваются.

Следовательно, при учете согласованности СД непосредственно сочетающихся слов можно говорить не только об участии слова в сочетании именно одной семой (т. е. о моносемности слова в коммуникации), но и моносемности всего (непосредственного) словосочетания.

Обратной стороной моносемности слова и словосочетания в акте коммуникации является нейтрализация в момент речи всех других СД, входящих в лексические фоны сочетающихся слов. Таким образом, в операции выбора слов для акта коммуникации имеет место их моносемизация для непосредственного словосочетания.

В сказанном, конечно, нет утверждения о моносемности всего акта коммуникации: моносемность непосредственных словосочетаний в любой фразе, независимо от ее длины, в принципе остается, но поскольку фраза мо-

Мет охватывать несколько непосредственных словосочетаний, — а они накладываются друг на друга, взаимодействуют между собой, так что некоторое (опорное) слово оказывается центром ряда словосочетаний, — акт коммуникации, как правило, бывает полисемным.

Теперь о передаче знаний в акте коммуникации. Сообщаются ли в нем общественные знания? Отвечая, нужно иметь в виду два принципиально различных типа коммуникации и, соответственно, две языковые функции.

Во-первых, на поставленный вопрос можно ответить отрицательно, т. е. признать, что бывают такие акты коммуникации, которые представляют собой обмен индивидуальными мыслями, сугубо личностным знанием, без сообщения общественного опыта. Лексический фон слова делает семантику слова в известной мере неопределенной (скажем, *ученик*, согласно входящим в семантику слова СД, может быть *прилежным* и *ленивым*, *умным* и *глупым*, *отличником* и *двоечником* и т. д.); во фразе эта неопределенность снимается: *Коля — способный ученик*. Что такое *ученик* (лексическое понятие) и какие бывают *ученики* (лексический фон), обоим участникам коммуникативного акта хорошо известно заранее, но одному из коммуникантов неизвестно, каковы качества мальчика Коли как ученика. В акте общения передается личное знание одного коммуниканта другому, и эта передача возможна, конечно, только с опорой на общественное знание (т. е. на владение — обоюдное! — семантикой слов), однако сообщения элементов общественного сознания нельзя усмотреть. В этом и подобных актах общения коммуникативная функция языка выступает в своем чистом, неосложненном виде ⁴.

Во-вторых, на этот же вопрос можно ответить положительно: такие случаи наблюдаются регулярно, если коммуниканты по-разному понимают семантику слов, употребленных во фразе. Р. Якобсон (1975, с. 202) приводит показательный пример диалога, где коммуниканты уточняют семантику слов, которыми пользуется один из

⁴ Обсуждая сходную проблематику, А. А. Брудный (1972, с. 52, 88) рассуждает так: «Знаки могут служить процессу обмена мыслями только при наличии значений, известных или, точнее, понятных тем, кто общается. <...> Значение знака само по себе не содержит информации уже в силу того, что коммуникантам оно известно. <...> Например, слово *верблюд*, взятое само по себе, не сообщает никакой информации тем, кому известно его значение. <...> В любом конкретном процессе общения значение избыточно. По не зная значений, люди не смогли бы общаться».

говорящих: «Софомора завалили. — А что такое *завалили*? — *Завалили* — это то же самое, что *засыпали*. — А *засыпали*? — *Засыпаться* — это значит *не сдать экзамен*. — And what is sophomore (А что такое *софомор*)? — настаивает собеседник, незнакомый со студенческим жаргоном. — А sophomore is (or means) a second-year student (*Софомор* — значит *второкурсник*)». Обсуждая свой пример, Р. Якобсон пишет: «Все эти предложения, устанавливающие тождество высказываний, несут информацию лишь о лексическом коде английского языка; их функция является строго метаязыковой. В процессе изучения языка, в особенности при усвоении родного языка ребенком, широко используются подобные метаязыковые операции» (с. 202).

Автор выделяет особую — метаязыковую — функцию речи, т. е. «функцию толкования». Он ограничивает ее, правда, только лишь эквиваленцией одной формы языка другой (*софомор* — это то же самое, что *второкурсник*), в то время как гораздо чаще коммуникация в аналогичных случаях используется для того, чтобы один из коммуникантов или усвоил новое слово (как лексему, так и семему), или уточнил, модифицировал в целом-то известное ему слово (т. е. чтобы он прибавил к лексическому фону или даже к лексическому понятию новую СД).

Именно так проходит коммуникация при обучении детей: *Троллейбус похож на автобус, но мотор у него действует от электрического тока. Поэтому у троллейбуса есть дуга, как у трамвая, но ходит он не по рельсам, а по обычным улицам, и у него, как у любой машины, колеса на шинах*. Здесь мы видим не эквиваленцию, а прямое перечисление тех СД, которые ребенок должен включить в семантику усваиваемого слова *троллейбус*. Точно так же проходит коммуникация и при любом другом (бытовом) обучении⁵.

⁵ Здесь уместно сослаться на созданную выдающимся советским психологом Л. С. Выготским культурно-историческую теорию мышления и, в частности, на его учение о формировании (лексических) понятий в процессе социализации человека. Вопреки предшествующим воззрениям на проблему (Н. Аха и других психологов), Л. С. Выготский (1956) считает, что при усвоении «звуковой оболочки слова» (т. е., в наших терминах, лексемы) «значение слова» не усваивается, как думали, «в готовом виде», а начинает развиваться (поэтому у ребенка и у взрослого одним и тем же словам приписывается разная семантика, и взрослый постоянно воздействует на сознание ребенка, чтобы приблизить его понимание слова к своему): «В момент усвоения нового слова процесс развития соответствующего понятия не заканчивается, а только

Метаязыковая коммуникация направлена, таким образом, на передачу не индивидуального, а общественного знания, т. е. этот вид передачи информации формирует семантику слов.

Итак, в акте коммуникации может передаваться как индивидуальное, так и общественное знание. В последнем случае в процессе коммуникации не только используются слова (строевые элементы), но и формируются новые лексические единицы.

Эта метаязыковая коммуникация⁶, приводящая к формированию лексического понятия (если слово неизвестно) или к модификации лексического фона известного слова, регулярно используется в семантизирующей части лингвострановедческого словаря (далее ЛС-словарь) «Народное образование в СССР» (Денисова, 1978), предназначенного для иностранцев, который по замыслу его инициаторов, редакторов и составителей должен познать изучающего русский язык студента с действительной семантикой русского слова⁷. Введенный в практику специально для этого словаря лексикографический прием и з ъ я с н е н и я лексического фона слова целиком и полностью покоится на метаязыковой коммуникации. Приведем для примера одну из статей указанного ЛС-словаря.

ДНЕВНИК, -а, м.

Специальная тетрадь учащихся средней школы* для записи домашних заданий и занесения отметок*.

Учащиеся вторых — десятых классов* регулярно ведут дневник. Ежедневно в конце каждого урока* учитель* диктует классу или пишет на доске домашнее задание, а ученики записывают его в графе того дня, на который урок задан.

Когда учитель вызывает ученика к доске, то ученик берёт с собой дневник и кладёт его на стол учителя. После ответа учитель ставит отметку в классный журнал* и в дневник, в котором расписывается. В конце недели классный руководитель* проставляет в дневнике отметки за письменные контрольные работы по всем предметам. Родители должны каждую неделю просматривать дневник и подписывать его.

начинается» (с. 319). Этот автор настаивает на том, что семантика слова у субъекта неконстантна; значение слова «изменяется в ходе развития ребенка... Оно представляет собой скорее динамическое, чем статическое образование» (с. 329). Хорошее изложение позиции Л. С. Выготского по затронутым вопросам см. в: Брушлинский, 1968.

⁶ Онтологически коммуникация едина, т. е. нет никаких различий в передаче как личного, так и общественного знания, но с гносеологическими целями все же целесообразно выделять метаязыковую коммуникацию и даже (исслед. за Р. Якобсоном) метаязыковую функцию речи.

⁷ Подробнее см.: Верещагин, Костомаров, Морковкин, 1977.

Последняя страница дневника отведена под сведения об успеваемости, где проставляются отметки за учебную **четверть*** (полугодие) и за весь **учебный год***. Здесь же отмечается, переведён ученик в следующий класс или оставлен на второй год.

Ожидается, что благодаря этой словарной статье у иностранного студента, даже если он никогда в своей жизни не сталкивался с ведением школьных дневников (например, в Англии дневников не бывает⁸), сформируется не только соответствующее лексическое понятие (*тетрадь для записи домашних заданий и занесения отметок*), но и лексический фон (представленный в СД: *заполнять/вести, просматривать/подписывать дневник; ставить отметку/оценку в дневник; выходить с дневником к доске* и т. д.). Таким образом, метаязыковая коммуникация, с одной стороны, — обычный продукт лексического фона (разъясняющий коммуникант строит свое высказывание с помощью обычных операций выбора и подбора, а лексический фон определяет возможное содержание высказывания). С другой же стороны, метаязыковая коммуникация — это формирование семантики слова для второго участника коммуникации, для адресата. Как мы видели, метаязыковая функция исключительно важна для учебных целей.

С логической необходимостью возникает дальнейший круг вопросов. Каким образом фиксируются в индивидуальном сознании переданные в метаязыковой коммуникации общественные знания? Запоминается ли сам текст? Имеет ли место компрессия (свертывание) текста? Если да, то какова природа этой компрессии? Короче говоря, мы снова сталкиваемся с фундаментальной для науки о человеке задачей определения субстрата и формы существования знаний в индивидуальном сознании.

Иногда встречается мысль о том, что знания фиксируются не в словах, а в текстах. Например, П. Н. Денисов (1969), принимая за аксиому, что «сумма значений слов не равна сумме знаний о действительности, описываемой этими словами», делает такой логический вывод: «Знания фиксируются скорее не в словах как таковых, а в их сочетаниях, в предложениях, в целых текстах. Толковый словарь — не энциклопедия» (с. 20—21). Следовательно, по мысли автора, знания — это совокупность текстов, аналогичная энциклопедии.

⁸ См. об этом: Уайзер, 1971.

Между тем в индивидуальном сознании полученные в коммуникации сведения ни в коем случае не фиксируются в своем исходном виде (исключая, конечно, редкие случаи заучивания правил, стихотворений наизусть), и это с несомненностью видно хотя бы в том, что полученные в коммуникации знания (как непосредственно, так и особенно после отсрочки) никогда не воспроизводятся в исходном виде.

Например, двум информантам было прочитано стихотворение французского поэта XVII в. Поля Скаррона «Париж» (пер. М. Кудина):

Везде на улицах навоз,
Везде прохожих вереницы,
Прилавки, грязь из-под колес,
Монастыри, дворцы, темницы,
Брюнеты, старцы без волос,
Ханжи, продажные девицы,
Кого-то ташат на допрос,
Измены, драки, злые лица,
Лакеи, франты без гроша,
Писак продажная душа,
Пажи, карманники, вельможи,
Нагромождение домов,
Кареты, кони, стук подков:
Вот вам Париж. Ну как, похоже?

А затем оба испытуемых (но по отдельности) рассказали, каким они представляют себе Париж XVII в. по описанию Скаррона. Первый из информантов сказал: «Грязный город, но уже тогда многолюдный, бурлящий жизнью; создалось впечатление калейдоскопа». Второй ответил: «Монастыри, монахи, воры, слуги, старики, кареты и при этом ложь, злоба, продажность; недобрый и неприятный город».

Естественно, что исходный текст (при непосредственном, неотсроченном опросе!) воспроизведен не был, но тем не менее ясно видно, что в результате коммуникации слушатели некоторые знания получили и зафиксировали. Однако эти знания, с одной стороны, свернуты до голой идеи (*калейдоскоп; неприятный город*), с другой — облечены в новую форму (вместо *карманников* были указаны *воры*, имеем *лакеев* — *слуги*, вместе *старцев* — *старики*). Точные воспроизведения отдельных слов исходного текста возможны (*грязь, монастыри, кареты*), но совсем не типичны.

Самый же существенный вывод из наблюдения состоит в том, что один и тот же текст воспринят по-разному (первый информант зафиксировал в своей памяти знание о Париже великого века французской литературы как о городе, в котором бурлит жизнь; второй запечатлел мысль об отрицательных чертах метрополии). Исходный текст, действительно, содержит обе мысли, однако они в совокупности усвоены не были, а каждый испытуемый сосредоточился лишь на одной из них.

Если обратиться теперь к способу существования и индивидуальном сознании сведений, усвоенных благодаря метаязыковой коммуникации (например, путем целенаправленного обучения в школе или в результате социализации человека в определенной среде), то и в этом случае не приходится говорить о фиксации знаний в текстах. Более того: исходные тексты обычно забываются, и информант, как правило, не может указать на источник, из которого почерпнуто то или другое сведение.

Еще в 1967 г. один из авторов (Верещагин, 1969 в) провел массовый эксперимент по выявлению так называемых взвешенных, т. е. практически всем известных внеязыковых фактов, сопрягаемых со словами (в том числе и с именами собственными), и хотя было изучено 180 анкет, ни один ответ не совпадал с другим по форме. Речь идет, правда, о несовпадениях исключительно по форме, потому что по своему содержанию ответы единообразны. Ср., например, как испытуемые (все они имели среднее образование, но окончили школу не менее десяти лет назад) раскрыли значение слова *крепостничество*:

- это когда помещик может продать мужика,
- было сто лет назад,
- при крепостном праве пороли крестьян,
- крепостные крестьяне были неграмотными,
- писатель Шевченко был крепостным и т. д. (с. 35).

Конечно, в некоторых ответах была раскрыта подлинная сущность данной социально-экономической формации, но все же можно сказать, что информация воспринимается и запоминается преимущественно по принципу яркости впечатления (поэтому во взвешенном знании, в обыденном общественном сознании довольно много несущественных, но зато ярких подробностей). Например, принципу массовой представленности в общественном сознании в нашем эксперименте соответствовали следующие сведения о Петре Первом:

- он носил сапоги сорок пятого размера,
- был высокого роста,
- брил бороды боярам,
- «открыл окно в Европу»,
- был женат на Екатерине и т. д. (с. 36)⁹.

Подобные сведения, действительно распространенные, информантами воспроизводятся регулярно в совпадающем виде, но только по общему смыслу, в информативном плане, а в речевом выражении ответы регулярно не совпадают между собой, и различия бывают разительными. (Например, мысль о большом росте царя-реформатора, вообще о его выше средних «телесных характеристиках» в анкетах выражалась и в общем виде, и конкретно, и через сравнение, и через намек, т. е. весьма прихотливо: «Рост у него был значительно больше, чем у других людей; Силой отличался необыкновенной, зубы

⁹ Любопытно, что и в массовом сознании простых людей — современников Петра Первого — его образ не вызвал общей оценки его преобразовательной деятельности, а сопрягался с рядом несущественных, но очень ярких деталей. Не общий смысл деятельности, но ее форма привела к тому, что «Петр воспринимался современниками (отчасти же и последующими поколениями) как Антихрист» (Успенский, 1976, с. 286).

рвал в два счета; В Эрмитаже есть восковая фигура Петра Первого, и его палка выше меня; Силен был, как бык; Ел и пил за двоих, водки мог выпить ведро; Сапоги носил сорок пятого размера; Благодаря своей силе легко работал плотником, играючи поднимал тяжелые бревна» и т. д.)

Таким образом, прямо наблюдаемые факты заставляют отказаться от суждения о фиксации знаний в предложениях, в целых текстах как несостоятельного.

Однако если обратиться не к индивидуальному, а к общественному сознанию, то, может быть, это суждение все же справедливо? Ведь многие привыкли думать, что общественно важные сведения существуют, фиксируются в летописях, учебниках, энциклопедиях, вообще в книгах, а также в других средствах хранения информации (например, в магнитозаписи, перфокартах, кинолентах и т. д.).

Это мнение легко разрушается, если сделать из него все логические выводы. Встанем на данную точку зрения — получится, что общественные знания без текстов не существуют и не фиксируются, а на самом деле они, безусловно, представлены в самом обществе. Если считать, что общественные знания вне текстов невозможны, то тексты первичны, а общественное сознание производно от них, вторично, — невозможная ситуация.

Иное дело, что сведения отражаются, передаются с помощью текстов, т. е. через посредство летописи, учебника, энциклопедии, но они существуют до написания, скажем, летописи или в общественном сознании (и тем самым в индивидуальном сознании летописца), или исключительно в индивидуальном сознании. Текст имеет только коммуникативное значение, и по прочтении источника переданные знания получают отдельное от него, самостоятельное существование.

В общем виде общественное сознание не зависит от наличия письменности (бесписьменные народы не лишены общественного сознания), а в национально-культурных общностях, использующих письменность, эта последняя, отнюдь не являясь способом существования общественного сознания, представляет собой способ его передачи (трансляции) как от индивида к индивиду, так и от поколения к поколению. Как ни понимать термин «текст» (устное или письменное речевое произведение), он только передает сведения, но информация существует до

текста и сохраняется и тогда, когда устная речь отзвучала или закрыта прочитанная книга.

Итак, ни в индивидуальном, ни в общественном сознании знания не фиксируются и не существуют в форме текстов. Это наблюдение вполне согласуется с принятыми в марксистской науке положениями о единстве и качественной однородности личности и общества, индивидуального и социального. «...Социолог-материалист, делающий предметом своего изучения определенные общественные отношения людей, тем самым уже изучает и реальных *личностей*, из действий которых и слагаются эти отношения»¹⁰. Эту однородность индивидуального и общественного, это (в философском смысле) снятие противоположностей между личностью и социумом для нас весьма важно. На данном положении покоится и сама теория лексического фона, потому что лексическая семантика представляет собой одновременно и личностное и общественное явление.

Тезис «передаваемые в метаязыковой коммуникации знания не остаются в форме исходных текстов» с необходимостью приводит к сопряженной проблеме: в какую именно форму преобразуются тексты? каков же все-таки субстрат существования получаемых в ходе социализации знаний?

Если мы уверены в том, что воспринятый человеком текст при запоминании непременно преобразуется, сам процесс этого преобразования остается неизученным. Выше мы уже отметили, что исходный текст (например, «Париж») в памяти индивида непреложно сокращается, подвергается компрессии (*калейдоскоп; неприятный город*), однако мы ничего не можем сказать ни о природе этой компрессии, ни о ее механизмах. Д. Слобин (Слобин, Грин, 1976) пишет по этому поводу: «...ясно, что мы *должны* сокращать то, что запоминаем, до того момента, когда получаем своего рода резюме. <...> Как происходит подобная редукция, представляет для нас еще во многом тайну» (с. 176).

Таким образом, если о процессе редукции можно говорить пока лишь гадательно, ее результаты наблюдаются прямо, непосредственно: невербальное впечатление или вербальный текст преобразуются, перекодируются

¹⁰ Ленин В. И. Поли. собр. соч., т. 1. с. 424.

вплоть до словосочетания или, может быть, даже до одного слова, и этот результат процесса перекодирования запоминается и впоследствии может быть воспроизведен (и развернут). Д. Слобин рассуждает так: «Я предполагаю, что один из способов „сгущения“ в памяти — это перекодирование продолжительного впечатления в форме короткого описания — может быть, даже в одно слово — в надежде на то, что впоследствии детали могут быть восстановлены благодаря хранению в памяти краткого вербального описания или ярлычка» (с. 176).

В отличие от Д. Слобина мы полагаем, что результатом перекодирования является не слово как таковое (слово слишком сложная языковая единица, чтобы мы могли удовлетвориться простым указанием на него), а новая ассоциация, новая СД в семантике слова, т. е. обогащение лексического фона (а в некоторых случаях и лексического понятия). Эта новая СД, по нашему представлению, не связана жестко и строго с некоторой языковой формой выражения (общая «идея» *бурлящей жизни в городе* одним и тем же говорящим может быть выражена по-разному: *калейдоскоп, коловращение, суэта, вечное движение, беготня, никакого покоя* и т. д., но в принципе она усвоена и связана со словом-именем *Париж*).

Эта мысль о выраженности усвоенных СД различными языковыми способами подтверждается и другим материалом проведенного эксперимента: вместо *карманников* в воспроизведении оказались *воры*, вместо *лакеев — слуги* и т. д. Напомним о том, каким большим числом способов выражалась одна и та же «идея» о *физической мощи Петра Великого*.

Мы не можем более подробно описать природу возникающей новой СД (согласно определению, данному ранее, СД — элементарное понятие, семантический признак, семантический множитель в составе семемы, однако это определение не лишено тавтологичноеTM). Мы не знаем, каким образом СД находит для себя (вариантные) языковые способы выражения. Однако мы все же, вероятно, можем утверждать, что перекодирование исходного текста приводит к образованию еще одной смысловой связи между семемами слов, стоявших до этого особняком, к развитию лексических фонов, к прибавлению в их составе еще одной СД.

Таким образом, изложенным имплицитно утверждает-ся, что знания существуют в семантике слов, накаплива-ются с опорой на лексику, которая выступает как мате-риальный субстрат получаемых человеком знаний, как бы притягивая к себе извлекаемые из исходных текстов СД, выступая в качестве их средоточия, центра. В свете изложенной раньше концепции единства языка и общест-венного сознания и отождествления нереляционной се-мантики лексики с общественным сознанием данной вы-вод не является неожиданным, напротив, он логически вытекает из указанной методологической теории и обще-философской позиции («...язык *есть* практическое, суще-ствующее и для других людей и лишь тем самым существ-ующее также и для меня самого, действительное созна-ние»¹¹). Как мы считаем, лексический фон и есть тот фиксатор информации, индивидуальной и общественной, которая передается в актах коммуникации. Следова-тельно, информация передается в актах речи, в т е к с т а х, но они накапливаются, фиксируются, суще-ствуют в строевых единицах языка, в словах. Если име-ют в виду ту дихотомию *langue* и *parole*, которая, соглас-но Ф. Соссюру, снимается в общем понятии *langage*, то речи свойственна коммуникативная функция, а языку — кумулятивная.

Этот вывод чрезвычайно важен для использования се-мантики русских слов в целях ознакомления иностранцев, изучающих русский язык, с нашей отечественной куль-турой, с современной советской действительностью, по-тому что если именно слово фиксирует в своей семантике внеязыковые сведения, то его семантизация в значитель-ной мере сводится к показу нашего общественного созна-ния. Надо прибавить, что кумулятивная функция свой-ственна семантике не только лексики, но, бесспорно, еще семантике фразеологизмов и языковых афоризмов¹², а это означает, что благодаря излагаемой теории научную основу получает самое широкое применение языковых единиц в учебном процессе для показа достижений СССР в области экономики, науки и культуры.

В заключение данной главы повторим ту информацию, которая была в ней добыта: лексический фон, во-первых,

¹¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 3, с. 29.

¹² С) существовании афористического уровня в иерархии языковых единиц см.: Верещагин, Костомаров, 1976б.

обеспечивает осмысленную коммуникацию, которая представляет собой передачу как индивидуального, так и общественного знания; во-вторых, благодаря метаязыковой функции речи коммуникация приводит к формированию семантики слова и к ее модификациям. Это наблюдение (лексический фон направляет коммуникацию и одновременно сам формируется в ней) отнюдь не противоречиво,

Глава 6

ГЕНЕЗИС И МИГРАЦИЯ СЕМАНТИЧЕСКИХ ДОЛЕЙ ФОНА

Рассмотрим лексический фон сначала с точки зрения генезиса, происхождения входящих в него СД, а затем и с точки зрения их принадлежности (исконной или заимствованной) индивиду и коллективу, этнокультурной общности людей. На этой основе возможно установить, какие СД отражают специфику национальной культуры, а какие не имеют к ней прямого отношения.

Итак, сначала о генезисе фоновых СД.

Напомним, что лексический фон имеет индивидуальный статус, т. е. он входит в сознание данного вполне конкретного человека, будучи фиксатором знания. Поскольку в сознании человека выделяются знания, принадлежащие исключительно ему, в индивидуальном лексическом фоне следует выделять личные СД, являющиеся носителями единиц такого знания. Указанные СД возникают в результате преобразования текстов, воспринятых человеком в актах неповторимой коммуникации, а также в ходе его собственной речевой мыслительной деятельности. Таковы, например, обогащения семантики терминов в ходе научной работы, следы «жизненного опыта», эмоциональные и эстетические впечатления (насколько они переводимы в слова), «личные тайны», художественно-образный подход к слову, характерный для литераторов, и многое другое.

Несомненно, что индивидуальный опыт человека принципиально неотделим от общественного, социального опыта, однако было бы неоправданным упрощением по

этой причине закрывать глаза на существование личностных СД в лексическом фоне слова. Слово в плане его функционирования в речемыслительной деятельности человека одновременно принадлежит и конкретному индивиду, и всему обществу¹, поэтому личностные СД в семантике слова вытекают из онтологической природы данной языковой единицы. Таково первое основание для членения входящих в лексический фон СД — их индивидуальное или общественное происхождение. Личностные СД в дальнейшем нас не будут интересовать.

Что же касается социальных СД, т. е. тех СД, которые конкретный носитель языка разделяет со своими соотечественниками и современниками, то они в зависимости от подхода допускают самые различные классификации, и среди возможных мы избираем позицию, которая позволяет решать лингводидактические задачи, особенно в практике преподавания русского языка иностранцам.

Рассматривая понятийно-эквивалентные (переводимые) слова двух и более языков, мы уже говорили о том, что некоторые понятийные СД имеют межъязыковой статус, т. е. с самого начала, в результате независимого развития совпадают в ряде языков и культур. Межъязыковыми бывают также и фоновые СД. Например, киргизское слово «терезе» и русское слово *окно*, которые являются понятийно-эквивалентными, в ассоциативных экспериментах дали также целый ряд межъязыковых фоновых СД: жарык *светлое*, айнек *стекло*, ачык *открытое*, таза *чистое* (Титова Л. Н., 1975а, с. 47). Отмеченные и подобные им межъязыковые фоновые СД (все они, естественно, являются социальными) классифицируются на основе их распространенности.

Межъязыковые СД, с одной стороны, бывают общечеловеческими, например: *солнце светит, греет, восходит и заходит, поднимается, опускается, скрывается за облаками, выходит из-за туч* и т. д. для всех людей пла-

¹ «Но даже и тогда, когда я занимаюсь только *научной* и т. п. деятельностью, — деятельностью, которую я только в редких случаях могу осуществлять в непосредственном общении с другими, — даже и тогда я занят *общественной* деятельностью, потому что я действую как *человек*. Мне не только дан, в качестве общественного продукта, материал для моей деятельности — даже и сам язык, на котором работает мыслитель, — но и мое *собственное* бытие *есть* общественная деятельность; а потому и то, что я делаю из моей osoby, я делаю из себя для общества...» (Маркс К., Энгельс Ф. Из ранних произведений. М., 1956, с. 590).

неты Земля. С другой стороны, межъязыковые СД могут быть лишь региональными, т. е. типичными для группы или в предельном случае для двух этнокультурных общностей. Например, СД *незаходящее* по отношению к тому же слову *солнце* типична только для языков народов, на территории проживания которых бывает *полярная ночь* и соответственно *полярный день*. Подобным же образом СД *белая* применительно к слову *ночь* невозможна, скажем, в языках стран экваториальной Африки. Обычно лексические фоны слов, обозначающих явления природы, биологии человека, форм его труда и жизни в коллективе, имеют в своих составах немало общечеловеческих СД, но тем не менее даже самые, казалось бы, распространенные, повсеместно известные слова (*дерево, трава, жизнь, ребенок, дом, пить, голод, печаль, деньги, красота* и т. д.) непременно включают в свой состав и региональные СД, например: от региона к региону разнятся сопровождающие рождение *ребенка* обряды, детская одежда, детские игры, формы присмотра за детьми, способы обучения и воспитания, хотя СД типа *маленький, плачет, мать, кричит, играет, милый, голый, смерться* (Титова Л. Н., 1975а, с. 21)², конечно, принадлежат к числу общечеловеческих.

Общечеловеческие и региональные СД — это следствие параллельного и независимого развития лексической семантики ряда языков в одном направлении, причем движущей причиной этого конвергентного развития служит совпадающая для всех народов или для народов определенного региона всеязыковая действительность.

Наконец, некоторые социальные СД по своему генезису не являются ни общечеловеческими, ни региональными, и их нельзя считать межъязыковыми. Некоторые социальные СД складываются, формируются в границах определенной этнокультурной и национально-языковой общности. Данные национально-культурные СД объективируют особенности территории распространения общности людей, специфику ее экономической жизни, самобытность национальной психологии и своеобразие национальной культуры (отсюда их наименование).

Например, слово *народничество* (общественно-политическое движение в России второй половины XIX в., отражавшее идеологию

² Указанная здесь же ассоциация *пеленки*, между прочим, является региональной.

крестьянской демократии, считавшей возможным переход страны к социализму, минуя капитализм) или слово *стахановец* (рабочий — новатор производства, участник движения за овладение новой техникой и высокую производительность труда) содержат в себе национально-культурные СД хотя бы потому, что оба исторических явления не только обусловили возникновение рассматриваемых слов, но и легли в основу мотивировки наименования (основной формой агитационной работы сторонников названного общественно-политического движения было непосредственное просвещение крестьянства революционно-демократической интеллигенцией, *хождение в народ*; стахановец — это последователь добившегося рекордных выработок донецкого шахтера А. Г. Стаханова).

Состав лексического фона не может исчерпываться национально-культурными СД: например, СД *движение, идеология, демократия, техника, производительность* и т. д., входящие в фоны слов *народничество* и *стахановец*, безусловно, являются межъязыковыми. Тем не менее если национально-культурные СД входят в содержание лексического понятия, то такое слово правильно считать возникшим внутри данной исторической общности людей и непереводаемым на другие языки, т. е. безэквивалентным словом. С другой стороны, семантика слов, обозначающих, казалось бы, повсеместно распространенные предметы и явления, как правило, не исчерпывается межъязыковыми СД и включает в себе, как минимум, одну национально-культурную СД. Наиболее ярко сказанное иллюстрируется спецификациями, восходящими к топонимам или к историко-культурным ассоциациям (молоко — *можайское*, сыр — *пошехонский*, масло — *вологодское*, хлеб — *бородинский*, ружье — *тульское*, духи — *ленинградские*, игрушки — *дымковские*, даже время — *московское*).

Итак, по происхождению СД бывают личностными и социальными, причем последние разделяются на межъязыковые (общечеловеческие и региональные) и национально-культурные.

Остановимся теперь и на вопросе исконной или гетерогенной принадлежности СД.

Однажды возникнув в индивидуальном языковом сознании, некоторые СД (предположим, Земля — *круглая*, Земля *вращается вокруг Солнца*), благодаря коммуникативной функции речи (как устной, так и письменной, особенно последней), могут внедриться сначала в групповое сознание (например, непосредственного окружения человека, высказавшего новое мнение), затем в сословное

или профессиональнбе (например, ученых) и, наконец, и сознание всей нации, всего человечества. Коммуникативная функция речи оборачивается кумулятивной функцией строевых единиц языка, в частности накоплением в лексических фонах новых СД: одновременно с возрастанием образованности носителей языка, с распространением школьных знаний пережиточные СД *плоская* (по отношению к Земле) и *вращается вокруг Земли* (по отношению к Солнцу) заменены указанными ранее СД, исторически имевшими индивидуальный статус и тесно сопряженными с именем высказавшего их человека (ср. терминологическое словосочетание *гелиоцентрическая система Коперника*)³.

Совершенно аналогично национально-культурные СД и безэквивалентные слова, в свое время сформировавшиеся в определенной исторической общности людей, благодаря международному общению и средствам массовой коммуникации, могут стать межъязыковыми и понятийно-эквивалентными. Например, слово *совет* ('орган государственной власти') возникло в 1905 г. в России, но к настоящему времени, особенно после Октябрьской революции, безусловно стало межъязыковым⁴, понятийно-эквивалентным. Слово *интеллигенция*, возникшее на латинской основе, в России развило национально-культурную СД *работники умственного труда*, и эта СД также стала межъязыковой, а само слово вернулось в западноевропейские языки в русифицированной форме⁵.

Таким образом, классификация фоновых СД по происхождению и их классификация по распространенности, принадлежности (индивиду или коллективу людей) — разные вещи, потому что статус распространения СД мо-

³ Правда, в обиходном языке все еще отражается геоцентрическая Птолемея система, ср.: отправиться на *край* земли/света, со всех *концов* земли; солнце *взошло* или *зашло/село*. Эта пережиточная семантика не воспринимается общественным сознанием, как не учитывается им, например, СД *черный* в слове *чернила*.

⁴ В. И. Лени» заметил: «Наше русское слово „Совет“ — одно из самых распространенных, оно даже не переводится на другие языки, а везде произносится по-русски» (Поли. собр. соч., т. 40, с. 204—205).

Об этом же писал А. Т. Твардовский: «Звучат во всех краях планеты/Без перевода, как Москва,/Большевики, Октябрь, Советы,/Мир, Спутник — русские слова».

В новом своем значении слово развило разветвленную сочетаемость (*Страна Советов, Верховный Совет, местные советы, сельсовет...; советский народ, Советский Союз, советский образ жизни* и т. д.). История слова изложена Л. Я. Боровым (1963, с. 116).

⁵ См. подробнее: Будагов, 1977. Здесь же рассмотрена «русская семантика» и других интернациональных слов (*авангард, прогресс, политический, социальный, планировать, рационализировать* и др.).

жет серьезно меняться. Личностные СД при наличии благоприятных условий с течением времени становятся национально-культурными, национально-культурные — региональными и региональные — общечеловеческими, т. е. межъязыковыми. Возможно и обратное развитие СД: когда пережиточная СД вытесняется, она сначала «уходит» из общечеловеческого сознания, затем из регионального, из общественного сознания национально-культурной общности и только в последнюю очередь из сознания отдельных индивидов.

Обычно полагают, что, когда некоторая национально-культурная СД становится с точки зрения распространения межъязыковой или когда понятийно-безэквивалентное слово становится эквивалентным, имеет место обязательный перенос и обозначаемого словом предмета (явления) из одной культуры в другую. Вероятно, в предшествующие эпохи жизни человечества это было справедливо, однако сейчас, благодаря возросшему международному общению, регулярным переводам с языка на язык и огромной эффективности средств массовой коммуникации, превративших Землю в единое информационное пространство, каждая национально-культурная общность включает в свой язык значительное количество заимствованных слов или заимствованных СД исконных слов, причем без одновременного заимствования соответствующих предметов и явлений.

Таковы, с одной стороны, целиком относящиеся к иностранной действительности и перешедшие в русский язык полностью заимствованные или только используемые⁶ иноязычные слова, например: наименования зарубежных парламентов (*бундестаг, кнессет, конгресс, кортесы, меджлис, рейхстаг, 'сейм, скуписина, фолькетинг, хурал* и т. д.), а также названия атрибутов иного образа жизни (*бизнес, бойскаут, босс, галлон, гангстер, гильден, динго, доллар, денди, инквизиция, канцлер, квакер, кник-*

⁶ Слово, которое оформлено полностью по правилам некоторого (например, русского) языка (*куздрa, недотыкомка, а также гамза, марона*) и вполне произносимо, но не отвечает критерию представленности в массовом языковом сознании, в противоположность освоенному заимствованию называется и используется словом. Оно обычно вводится в русский текст писателем или журналистом для создания местного колорита, поясняется и может или перейти в заимствование, или через некоторое время выйти из употребления даже малой группы людей. Разница между заимствованной и используемой лексикой определяется лишь социологически (в частности, путем опроса: в свое время в нашем опыте на 100 опрошенных опознали слово *эскалация* 95 человек, а слово *стик-аут*, употреблявшееся в массовой печати, — только 3 человека). См. об используемой лексике подробнее: Верещагин, 1966б.

сен, колледж, комиксы, концерт, крупье, лобби, менеджер, мормон и др.). С другой стороны, в лексические фоны исконных слов включаются СД, относящие слово к иностранной культуре. Особенно часто путем пословного перевода возникают номинативные словосочетания, употребление которых ограничивается исключительно привязкой к зарубежной действительности (например, слово *выборы* имеет СД *президентские*, и эта СД выходит за пределы нашей отечественной культуры; ср. также свободное словосочетание *белый дом* и номинативное сочетание *Белый дом*, т. е. *резиденция американского президента*; последнее словосочетание есть результат пословного перевода).

Совершенно аналогично целый ряд русских слов перешел в иностранные (особенно западноевропейские) языки, и некоторые иноязычные слова под влиянием русского языка развили СД, отражающие нашу действительность. В. С. Лизунов, ссылаясь на З. Кольса, насчитывает 230 лексических единиц, проникших в немецкий язык до 1917 г., причем большинство из них отражает специфику географии, истории, культуры России: *Steppe* (степь), *Droschke* (дрожки), *Podsol* (подзол), *Byline* (былина), *Chorowod* (хоровод), *Dekabrist* (декабрист) и др. Он же обращает внимание на интенсивное включение в лексические фоны немецких слов русских по происхождению СД, т. е. на семантическое калькирование, например: *Brigade* значило 'войсковое соединение', а сейчас значит также 'производственная группа'; *Pionier* не только 'первооткрыватель', но и 'член детской коммунистической организации' (Лизунов, 1976, с. 8, 13) ⁷.

Подобные наблюдения показывают, что «русский вклад» в словарный состав языков мира (аналогичные исследования были предприняты и по отношению к другим языкам ⁸) достаточно велик, и он стал особенно весомым после Октябрьской революции.

Следовательно, в языке Л могут наличествовать слова, целиком направленные на иноязычную культуру Б, а исконные слова языка Л могут содержать фоновые СД,

⁷ См. также: Наркевич, 1973.

⁸ В отношении иностранных языков, см., например: Марьянова, 1939, 1958; Соболева, 1976. Что же касается языков народов СССР, то здесь влияние русского языка отмечается в особо больших масштабах (Ахунзянов, 1955; Вопросы развития, 1964; Прогрессивное влияние, 1965; Хайдаров, 1963; Базнев, Исаев, 1973, и мн. др.).

также отражающие культуру Б. Обычно такая иноязычная семантика (семантика языка Б) в языке А называется экзотической⁹, а переносимые из языка в язык (иногда и без адаптации) слова — варваризмами¹⁰, Однако поскольку данные термины отягощены отрицательными оценочными ассоциациями, лучше от них отказаться. Представляется, что для мотивированного обозначения рассматриваемого явления целесообразно сочетать генетический атрибут (национально-культурное слово, национально-культурная СД) с атрибутом, отражающим распространенность явления (межъязыковая СД), т. е. говорить о межъязыковых СД национально-культурного происхождения. Таким образом, СД *первоначально возникший в СССР* немецкого слова *Fünfjahrplan* (пятилетний план) или СД *относящийся к почину советских рабочих* английского слова *Stakhanovism* (стахановское движение) (Английский Ларусс, 1968, с. ИЗО) — это межъязыковые СД фонов немецкого и английского слов национально-культурного (русского) происхождения.

Все изложенные выше рассуждения о личностных, социальных, национально-культурных и межъязыковых СД были предприняты для более точного выяснения той лексической семантики, тех общественных знаний и соответственно тех фоновых СД, которые должны быть предъявлены иностранцу, если при изучении русского языка перед ним стоит задача ознакомиться с современной советской культурой, т. е. освоить русский язык не только в его коммуникативной, но и в кумулятивной функции.

Естественно, что при овладении иностранцем русской лексикой общечеловеческие СД семантизации не подлежат, потому что при переносе лексического понятия слова родного языка (скажем, *Stuhl* или *chair* на слово русского языка — *стул*) одновременно переносится и лексический фон, который сразу же позволит человеку строить осмысленные русские фразы. Точно так же для членов определенного региона нет нужды заниматься семантизацией региональных фоновых СД (скажем, разъяснять европейцам, что *снег белый* или что *зимой не бывает гро-*

⁹ Об использовании иноязычной лексики имеется обширная научная литература (Виноградов, 1938; Булаховский, 1939; Ефремов А. Ф., 1917; Ефремов Л. П., 1959; Леонтьев А. А., 1966, и др.).

¹⁰ См.: Дмитриев, 1930; Брандт, 1884.

зы¹¹⁾ В противном случае в учебный процесс были бы введены заранее известные аудитории сведения, а информация, которая кажется банальной, не просто бесполезна, но и вредна, потому что она порождает скуку и рассеивает внимание.

Можно ли утверждать, что межъязыковые СД презентации не подлежат? Отвечая на вопрос, желательно не упускать из виду два момента.

Во-первых, включению в языковой материал, безусловно, подлежат те национально-культурные СД, которые не только возникли в рамках национально-культурной общности людей, но и не вышли за пределы этой исторической общности. Например, если семантизируется слово *школа* (оно, как уже подчеркивалось, является понятийно-эквивалентным для языков и культур современной Европы), то действительно не нужно говорить о том, что такое школа (понятийные СД этого слова во всех языках тождественны), но какова современная советская школа и какие формы языка отражают ее социальное своеобразие, придется сказать, потому что ни одна из европейских стран не имеет точно такой же школьной системы, как в Советском Союзе. Без подобной семантизации имеет место неправильное, интерференционное отождествление лексических фонов слов родного и изучаемого языков и даже более того — неадекватное отождествление двух обширных сфер жизни.

Во-вторых, если генетически национально-культурная СД перешла в другой язык или в другие языки, т. е. стала межъязыковой, то, по нашему мнению, и в этом случае она заслуживает семантизации, и прежде всего потому, что заимствованные русского происхождения СД, как правило, стоят в сознании иностранца особняком, вне лексической системы или даже имеют атрибутивный характер. Например, в ответ на просьбу дать семантизацию хорошо известного им слова *Bolschewiki* западногерманские студенты дали только атрибуцию (*русские комму-*

¹¹ Между прочим, эти фоновые СД отнюдь не являются общечеловеческими. Вьетнамский студент Дао Тын Кхоа написал: «*Хоккей*, как и *снег*, мы впервые увидели только у вас. Но почему-то нам сразу понравился этот великолепный вид спорта. Когда я увлекся хоккеем, то начал учиться кататься на *коныхах* и сейчас успешно занимаюсь на *катке*» («Известия», 1973, 19 дек.). Все четыре выделенных нами слова надо семантизировать вьетнамцам, но, конечно, не надо скандинавам. В странах, не знающих зимой снега, зимой бьют грозы.

нисты, члены партии), но не могли ничего сказать ни о Времени возникновения слова-понятия, ни об истории значений слова, поэтому, казалось бы, известное слово все же нуждается в семантизации (и достаточно детальной), так как, будучи на периферии слѳварного запаса студента, оно является ключевым для нашей истории и для нашей современной действительности¹².

Так в общем виде решается вопрос о принципах отбора фоновых СД для семантизации в языковом учебном процессе.

Национально-культурные СД подлежат семантизации независимо от того, проведена классификация на генетической основе или с помощью критерия исконной или заимствованной принадлежности. Даже если национально-культурная СД с точки зрения ее распространенности является межъязыковой, она все же подлежит включению в учебный материал.

Итак, все национально-культурные СД должны учитываться в лингвострановедческом преподавании русского языка иностранцам, все они потенциально могут рассматриваться как учебные единицы¹³. Следовательно, наличие в немецком или английском языке заимствований из русского языка не является препятствием для еще одной семантизации этих мнимозэквивалентных слов в аудитории изучающих русский язык немцев или англичан.

Таким образом, понятийные и фоновые СД по-разному классифицируются с точки зрения их существования в индивидуальном и общественном сознании, а также в зависимости от их генезиса и распространенности. Своеобразие, характерные черты современной советской действительности, достижения Советского Союза в области экономики, науки и культуры, особенности повседневной жизни отражаются в русской лексике благодаря национально-культурным СД слов, и, следовательно, если русский язык преподается не только в коммуникативной, но и кумулятивной функциях, для преподавателя-русиста

¹² О процедуре историко-этимологической семантизации, особенно пригодной для работы над этим и подобными словами (*совет, советский, пятилетка, комсомол, вузовец, рабфак, ударник, «катюша», суботник*), см. подробнее: Верещагин, Костомаров, 1976б.

¹³ Пока мы говорим лишь о принципах отбора страноведчески ценных языковых единиц. Отобранные единицы в дальнейшем подлежат сокращению и распределению по этапам обучения, но о принципах минимизации учебных единиц надо говорить отдельно.

важно овладеть методикой учебной семантизации именно национально-культурных СД русских слов.

Это необходимо. Но этого, мы полагаем, все же недостаточно.

Глава 7

ЛИНГВОСТРАНОВЕДЧЕСКАЯ ИНТЕРФЕРЕНЦИЯ И КОМПАРАЦИЯ ЛЕКСИЧЕСКИХ ФОНОВ

Достаточно ли свести лингвострановедческое преподавание русского языка в области лексики к демонстрации национально-культурных СД? Насколько эффективно строить лингвострановедческую работу исключительно на материале истории и культуры народа — носителя изучаемого языка?

Для ответа на эти вопросы придется еще раз рассмотреть структуру слова с точки зрения ее существования в индивидуальном сознании билингва.

Раньше было сказано, что лексическое понятие, сложившееся с опорой на лексему родного языка обучающегося, при освоении понятийно-эквивалентных слов иностранного языка способно переходить и на лексему изучаемого языка (т. е. эквивалентное понятие не вырабатывается заново, а переносится из языка в язык). Структуру понятийно-эквивалентного слова (например, русского *письмо* и английского *letter* или немецкого *Brief*)¹ в индивидуальном сознании билингва можно показать на схеме (рис. 3).

Понятийно-безэквивалентные слова по форме своего существования в сознании двуязычного человека ничем не отличаются от обычных слов в сознании монолингва: поскольку изучающий язык вырабатывает для себя новое лексическое понятие и связывает его с новой, вновь запоминаемой лексемой, возникает не трехчленная структура,

¹ По Ожегову, *письмо* — это «написанный текст, посылаемый для сообщения чего-нибудь кому-нибудь», а *letter*, по Хорнби, — это "a written message, a piece of news, information, etc., or a request, sent from one person to another" (письменное сообщение, новости, информация и т. д. или требования, посылаемые от одного лица к другому).

подобная только что приведенной, а обычная двучленная (рис. 4)².

Если мы теперь станем в наших рассуждениях учитывать лексические фоны понятийно-эквивалентных разноречных слов, то схематические изображения усложнятся не только количественно, за счет увеличения

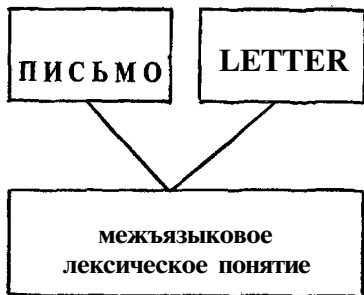

Рис. 3. Структура понятийно-эквивалентного слова в индивидуальном сознании билингва

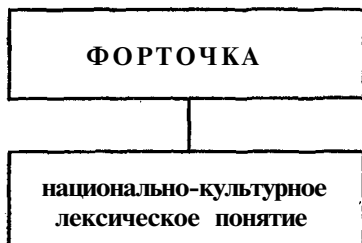

Рис. 4. Структура понятийно-безэквивалентного русского слова с точки зрения иностранца

но, за счет увеличения числа учитываемых элементов, но и качественно, потому что нам придется отразить такие отношения между элементами, которые между лексемами и понятиями не отмечаются.

Как мы уже говорили, в лексических фонах можно выделить общечеловеческие и региональные СД. Например, и *письмо*, и *letter* пишутся на бумаге, вкладываются в конверт, на конверте должна быть почтовая марка, письма и *letters* одинаково опускаются в почтовые ящики, доставляются и вручаются адресату, заклеиваются и распечатываются, прочитываются,

письма и *letters* в равной мере ждут, на них надеются, на них отвечают и т. д. Таким образом, лексические фоны обоих слов совпадают значительным количеством межъязыковых СД — подобно тому как совпадают лексические понятия.

² По Ожегову, *фортка* или *форточка* — это «стеклянная дверца в окне для проветривания», и структура окна с форточкой неизвестна ни в Западной Европе, ни в США, поэтому в описаниях «мира русских» для иностранцев обычно на нее обращают специальное внимание. Дж. Герхарт (1974) пишет: «Зимы холодные, а русские любят, чтобы в комнатах было тепло, поэтому традиционные окна — двойные, причем внутренняя рама часто убирается на лето. Обе рамы имеют специальную секцию, *форточку* (это слово в английском тексте дано по-русски, оно непереводимо. — Е. В., В. К), которая открывается отдельно» (с. 54).

Однако подобие идет лишь до известного предела. Если лексические понятия эквивалентных слов всегда совпадают, то лексические фоны³ никогда полностью не совпадают. В самом деле: у нас адрес на конверте пишется иначе, чем в Англии; почтовый индекс состоит из

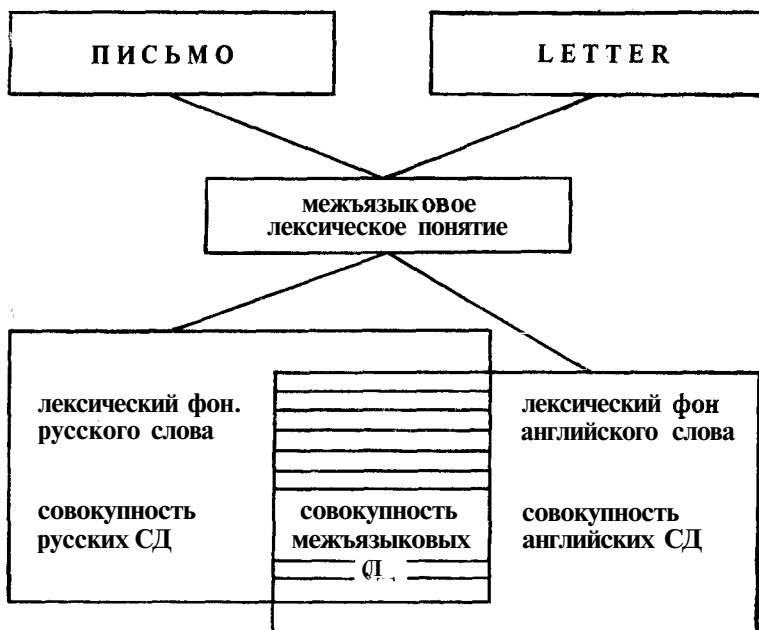

Рис. 5. Структура понятийно-эквивалентного слова с учетом лексического фона шести цифр (в Польше — пять, в Болгарии — четыре). Эти отличия можно перечислять долго.

Таким образом, с одной стороны, лексические фоны двух разноязычных понятийно-эквивалентных слов содержат межъязыковые СД, т. е. содержательно совпадают между собой. С другой стороны, лексические фоны этих же слов содержательно расходятся, потому что каждое из них включает в себя некоторое количество национально-культурных СД. Структуру слова с учетом лексического фона в индивидуальном сознании билингва можно представить на схеме (рис. 5).

³ Если не учитывать возможные тождества лексических фонов разноязычных эквивалентных терминов (преимущественно из сферы естественных наук).

Как показывает опыт, если изучающий иностранный язык отождествил в своем сознании слово родного языка со словом иностранного, то он практически отождествляет и лексические фоны обоих слов, и в результате в речи билингвов наблюдается интерференция особого рода — лингвострановедческая.

Например, преподавательница русского языка из Франции, находясь в Москве на стажировке, заболела, и к ней был вызван врач. Фраза, с которой стажерка обратилась к врачу по завершении осмотра (*Сколько я вам должна за визит?*), не содержит ошибок фонетического и грамматического характера, но тем не менее она отнюдь не свободна от интерференции, потому что, владея межъязыковым лексическим понятием эквивалентных слов *médecin* и *врач*, говорившая ложно перенесла на русское слово лексический фон французского. Фраза, которая, видимо, не только уместна, но и необходима при завершении посещения врачом больного во Франции⁴, бессмысленна в наших условиях, при бесплатной медицинской помощи. Подобные примеры легко умножаются.

Перед нами лингвострановедческая интерференция, в основе которой лежит перенос иностранцем, говорящим по-русски, навыков и сведений из привычной ему действительности во вторичную культуру; таким образом, в противоположность фонетической и грамматической интерференции, лингвострановедческая обусловлена не воздействием одного языка на другой, а воздействием одной культуры на другую, но результат интерференции культур проявляет себя в бессмысленности, невразумительности именно речи⁵.

* Ср аналогичное поведение канадцев в нашей стране, описанное А. Коваленко («Новый мир», 1977, № 3, с. 12): «Пошла сестра Давида на прием к врачу. Возвращается, брат спрашивает: „Сколько заплатила доктору?“ — „Нисколько“. — „А у нас в Канаде целый день, а то и больше надо работать, чтобы заплатить за прием врачу“».

⁵ Результаты процесса, названного сейчас лингвострановедческой интерференцией, безусловно, многократно описывались в лингводидактической литературе, но осмысление этого процесса и честь его удачного наименования принадлежат болгарскому ученому К. Бабову (1974). Он же приводит примеры ошибок, объясняемых спецификой современной болгарской культуры: «Счет этажей многоэтажного дома и счет комнат в квартире не совпадает в русском и болгарском употреблении; поэтому болгарские учащиеся могут допускать типичные ошибки: *Они живут на первом этаже* (вм. *на втором*); *Я поднялся на первый этаж* (вм. *на второй* — на первый этаж можно только спуститься); *У них однокомнатная квартира: спальня, общая жилая комната или холл и кухня* (*это для русских двухкомнатная квартира*)» (с. 28—29). Для преодоления лингвострановедческой интерференции К. Бабов предлагает отказаться от привычной переводной семантизации лексики, которая «не содействует раскрытию понятий, в ряде случаев не совпадающих в обоих языках» (с. 57). См. также рецензии на книгу К. Бабова (Верещагин, 1975; Дешериева, 1975).

Лингвострановедческая интерференция может Отно- ситься не только к отдельным лексическим фонам, не только к единичным словам, но и к целым лексическим полям, обширным тематическим группам слов, потому что в индивидуальном сознании изучающего иностранный язык имеет место неадекватное отождествление двух обширных сфер жизни.

Соответствующие очень интересные наблюдения принадлежат Ю. Ю. Дешериевой (1976). Она сопоставила школьные системы Англии и СССР: если в СССР обязательный возраст поступления в школу семь лет, то в Англии — пять лет; занятия в советских средних школах перед летними каникулами завершаются в июне, в Англии — в конце июля; у нас большая перемена между уроками двадцать минут, а в Англии так называемая перемена на обед продолжается около двух часов; в советских школах о начале и конце урока оповещает звонок, в то время как в Англии учитель по собственным часам следит за продолжительностью занятия; в школьных спортивных соревнованиях в одну команду у нас никогда не включаются ученики и преподаватели, а в Англии такое возможно; наконец, если у нас при комплектовании параллельных классов способности учеников во внимание не принимаются, то в Англии параллельные классы состоят из учеников, которые, по мнению руководства школы, более способны (одарены), менее способны и еще менее способны, — это разделение учеников по параллельным классам в зависимости от приписываемых им способностей обозначается безэквивалентным для русского языка словом streaming (стриминг). Теперь понятно, почему, говоря о советской школе, английские студенты, изучающие русский язык (во время записей Ю. Ю. Дешериевой они находились в Москве), произнесли следующие содержащие лингвострановедческую интерференцию фразы: *Когда ребенку исполнилось пять лет, его отдали в школу; В жаркое июльское лето школьники занимаются в школе; Как поступит ученик, если он забыл тетрадь по математике? На перемене на обед ученик может съездить домой и взять тетрадь; Учитель истории забыл часы дома, и он спросил у ученика время, чтобы узнать о конце урока; Партнерами в спортивных соревнованиях в школе могут быть команды, состоящие из учеников и преподавателей; Ученики 5А более умные и имеют более способностей, чем учащиеся 5Б.*

Несомненное существование лингвострановедческой интерференции заставляет нас по отношению к способам учебной семантизации лексических фонов прийти к тем же выводам, к каким ранее пришли методисты применительно к эффективному обучению фонетике и грамматике на основе наблюдений над фонетической и грамматической интерференцией. В результате этих наблюдений сложилась и достигла полного признания методическая рекомендация строить преподавание иностранного языка

с неперменным учетом родного языка обучающихся и с опорой на него.

Отметим в этой связи все яснее выявляемую (и, несомненно, прогрессивную) тенденцию создавать учебники русского языка смешанными авторскими коллективами: скажем, в работе над учебником русского языка для некоторой определенной страны советский специалист обеспечивает прежде всего правильность текстов и других учебных материалов, а местный (иностраный) автор прежде всего следит за оптимальной формой подачи этих материалов, предупреждая потенциальную интерференцию и стимулируя позитивный перенос. Именно так эффективно проводится в жизнь требование опоры на родной язык обучающихся.

Учет родного языка — это, с одной стороны, стимулирование положительного переноса аналогичных явлений из языка в язык, а с другой — предупреждение и устранение интерференции, что логически невозможно, если факты двух языков не будут предварительно сопоставлены друг с другом⁶. В духе таких рассуждений и сложилась широко распространенная в наши дни теория и практика сопоставительных описаний двух языков⁷. Хотя сопоставительные описания и могут проводиться с собственно лингвистическими целями (например, для выявления типологических универсалий), гораздо чаще они предпринимаются с прикладными, лингводидактическими целями, в частности для повышения качества преподавания русского языка национально-гомогенным контингентам обучающихся.

Точно так же для предупреждения лингвострановедческой интерференции необходимо предварительно описать и сопоставить лексические фонны эквивалентных слов родного для аудитории и изучаемого языков, а поскольку лексический фон — это, собственно, производное национальной культуры, данное требование означает, что в лингвострановедческом преподавании иностранного языка надо опираться не только на родной язык, но и на родную для обучающихся культуру. Следовательно, общедидактический принцип учета адресата в лингводидактике имеет, по нашему мнению, не единственную специ-

⁶ См. подробнее: Верещагин, 1968а, а также: Юхас, 1970.

⁷ См. основополагающую работу по данному вопросу А. А. Реформатского (1962), а также работы В. Г. Гака (1977).

фическую реализацию (опора на родной язык), к ней следует прибавить требование опоры на национальную культуру адресата.

Учет родной культуры обучающихся реализуется через два этапа работы. Во-первых, должно быть проведено сопоставительное описание двух культур — родной и осваиваемой (через посредство изучаемого языка), и это описание сводится к констатации, с одной стороны, сходений, совпадений между двумя культурами и, с другой, — расхождений, несовпадений между ними. Этот первый (описательный) этап имеет подготовительное значение; он лежит в основе второго этапа сопоставительной работы — конкретного создания национально-ориентированных учебных пособий и проведения непосредственно в языковом учебном процессе мер по предупреждению и устранению лингвострановедческой интерференции. Если сопоставительное описание не проведено (например, если вы не знаете, что в Англии параллельные классы формируются путем стриминга), то и предупреждение обусловленных родной для говорящего культурой ошибок невозможно, потому что (продолжим пример) преподавателю не придет в голову подчеркнуть для англичанина, что у нас параллельные классы составами учеников не различаются и поэтому работают по единым для всей страны учебным программам и планам.

Названные проблемы подробно рассматриваются К. Андрейчиной (1976 а, б, 1977 а, б). К. Андрейчина разработала прием лексической компарации (сличения, сравнения), основная идея которого состоит в том, что по единой схеме проводится параллельное описание лексических фонов двух разноязычных понятийно-эквивалентных слов. Подчеркнем, что план описания, схема сличения непременно должны быть едиными, иначе не создается основа для компарации.

Практически К. Андрейчина поступала так: статью из ЛС-словаря «Народное образование в СССР» (этот словарь представляет собой учебное пособие общего типа, т. е. без ориентации на какой-либо язык и без учета какой-либо определенной иностранной национальной культуры) она членила на смысловые отрезки и просила своих информантов (болгарских студентов-русистов) привести аналогичные сведения по отношению к современной болгарской действительности.

Исходная статья⁸ такова:

ОТЛИЧНИК, -а, м.

Школьник или студент, который имеет отличные отметки за четверть или семестр.

В школах, средних специальных учебных заведениях разработана система поощрения отличников учебы. В конце учебного года отличники I—IX классов награждаются Похвальным листом. По окончании средней школы выпускникам-отличникам вручается золотая медаль. Отличники учебы в ПТУ, средних специальных учебных заведениях и вузах получают повышенную стипендию. Окончившие с отличием школу, ПТУ и техникум пользуются льготами при поступлении в вуз.

Словарная статья, написанная на основе материалов болгарских студентов-русистов (она отражает понятийно-эквивалентное слово болгарского языка, причем совпадающее с русским написанием), такова:

ОТЛИЧНИК, м.

Школьник или студент, курсант, слушатель и т. п., который имеет отличные отметки и примерное поведение. При шестибальной системе оценок отличником считается тот, у кого общий балл по всем предметом не ниже 5,50. Круглый отличник — балл 6,00.

По окончании полугодия и переходе из класса в класс отличники награждаются грамотами, книгами и др. Круглые отличники награждаются перед всей школой. Из числа отличников — активных комсомольцев и пионеров выбираются знаменосец школы и его ассистенты. При окончании школы отличников освобождают от выпускных экзаменов: в аттестат выносятся средний балл последних лет обучения по каждому из предметов. На Празднике славянской письменности и культуры (24 мая), во время демонстрации отличники надевают через плечо ленту с надписью «отличник». Перед праздником фотографии младших школьников выставляются в витринах клубов организаций Общественного фронта и т. д. При поступлении в вуз принимаются во внимание отличные оценки на вступительных экзаменах: абитуриент, получивший полную шестерку и имеющий балл аттестата не ниже 5,00, зачисляется в институт. По окончании вуза и техникума отличники имеют право на распределение на работу по выбору. Из числа отличников выбираются стажеры-ассистенты на кафедры, они могут без конкурса поступать в аспирантуру. В вузе отличников по решению Деканского совета могут допустить к свободному посещению лекций, к сокращению срока обучения. Студенты-отличники получают повышенную стипендию, а круглые отличники — именную, независимо от доходов родителей. Отличники активно участвуют в жизни школы и вуза и соответствующих организаций. Активисты-отличники представляют класс, группу, школу или вуз, занимают организационные посты.

Сопоставив обе статьи, а также убедившись, что исходная статья ЛС-словаря вызывает у болгарских сту-

⁸ К. Андрейчина пользовалась в своих экспериментах первым (рукописным) вариантом словаря, поэтому исходные статьи отличаются от опубликованных.

дентов немало уточняющих вопросов, т. е. на основе приема компарации лексических фонов двух понятийно-эквивалентных слов, К. Андрейчина перешла ко второму этапу реализации принципа учета национальной культуры адресата и составила словарную статью, предназначенную для болгар, т. е. учебное пособие общего типа она преобразовала в национально-ориентированное пособие. Результирующая словарная статья такова:

ОТЛИЧНИК, -а, м.

Школьник, который имеет только отличные отметки (пятерки) за четверть или учебный год; студент, который получает отличные оценки за семестр или учебный год. Для школьников обязательно также примерное поведение.

В конце учебного года отличники I—IX классов награждаются только похвальными листами. Окончившие среднюю школу (10 классов) на одни пятерки получают золотую медаль и называются медалистами. При поступлении в вуз медалисты сдают только один экзамен (по профилирующей дисциплине) и, если получают «отлично», зачисляются без дальнейшей сдачи экзаменов. Если медалист получает другую оценку, он должен сдавать все остальные экзамены и участвует в конкурсе на общих основаниях. Медалист поступает в техникум без конкурса и на старшие курсы. Отличник — выпускник техникума имеет право поступления в вуз без обязательной двухлетней работы по специальности. Во всех учебных заведениях (кроме школ) отличникам выплачиваются повышенные стипендии. Особо отличившиеся могут получать именные стипендии. По окончании техникума и вуза студенты-отличники получают диплом с отличием.

Как легко заметить, лексические фонды двух понятийно-эквивалентных слов имеют совпадающие между собой, т. е. межъязыковые, СД, и при написании ориентированной на болгар словарной статьи эти СД или не упоминаются, или специально не подчеркиваются (тем самым стимулируется их перенос из языка в язык); те СД, которые являются национально-культурными для нашей страны (и отсутствуют в болгарской культуре), вводятся специально и на них акцентируется внимание читателей; наконец, те СД, которые являются национально-культурными для Болгарии, в результирующей статье присутствуют как бы в скрытом виде (например, подчеркнуто, что отличная отметка у нас не *шестерка*, а *пятерка*), и эти меры предосторожности приняты для того, чтобы предупредить потенциальную лингвострановедческую интерференцию.

Тщательно разработанная К. Андрейчиной процедура компарации оказалась весьма перспективной, и она была испробована по отношению к еще одной национальной культуре, на этот раз построенной на социальных

принципах, в общем далеких от принятых в нашей действительности. Соответствующий эксперимент был проведен преподавательницей русского языка Э. И. Тамм в 1976 г. в Высшей коммерческой школе г. Хельсинки (Верещагин, Тамм, 1979).

Как и в опытах К. Андрейчиной, выявились, с одной стороны, межъязыковые (т. е. совпадающие в обоих языках) СД: ознакомившись с толкованием понятия слова *оценка*, информанты прямо написали: «для нас то же самое»⁹. С другой стороны, выявились национально-культурные СД: например, в Финляндии, среди учеников нет группы *отличников*, но есть отсутствующий в нашей школе *приймус* (первый ученик)¹⁰.

Тем не менее компарация понятийно-эквивалентных слов русского и финского языков серьезно отличается от сопоставлений русских и болгарских слов. Можно даже утверждать, что компарация лексики в близких культурах (на основе общего происхождения или единой идеологии) коренным образом отличается от лексической компарации в условиях значительно отстоящих друг от друга социально-этнических обществ. Практически каждое, и особенно ключевое, слово — это зеркало не только той конкретной сферы действительности, к которой оно непосредственно принадлежит (например, системы народного образования, здравоохранения и т. д.), но и социального феномена более широкого, даже высшего плана — типичного для данной культурно-языковой общности образа жизни¹¹ с его своеобразной культурой¹², идеологией¹³, нравственностью¹⁴. Собственно, внимание на это уже обращалось¹⁵, добытый в эксперименте матери-

⁹ Содержательно идентичны и толкования номинативных словосочетаний (например, *учебный год* — «период занятий в учебном заведении с осени до летних каникул»; «учебный год в Финляндии длится с осени до начала лета»).

¹⁰ Интересно, что внешне совпадающие факты в двух культурах могут иметь противоположные интерпретации; например, оценка *четверка* у нас («хорошо») и в Финляндии («плохо»). Ср. также прямое и символическое значение совпадающих факторов: для нас словосочетание *белая фуражка* означает только лишь фуражку белого цвета, в то время как в Финляндии это признак молодого человека, только что закончившего школьный курс.

¹¹ О советском образе жизни публикуется обширная литература (Синицын, 1969; Васинский, Корнилов, 1974; Толстых, 1975; Наш образ жизни, 1976; Кристостурьян, 1976; Капустин, 1976; Добрынина, 1976; Глезерман и др., 1976; Струков, 1977, и др.).

¹² Коган, Вишневецкий, 1972; Арнольд, 1975, 1976; Сулейменов, 1976.

¹³ Идеология, «...не подменяя собой всей духовной культуры, является вместе с тем ее сердцевинной, ее важнейшей составной частью, дающей культуре историческую и классовую ориентацию...» (Арнольд, 1975, с. 19).

¹⁴ См., например: Роговин, 1976.

¹⁵ «Лексические фоны центральных, ключевых слов, как правило, бывают тесно связаны с совокупностью всех ценностей духовной культуры общества, по-

ал еще раз подтвердил обоснованность указанной точки зрения.

Поскольку образование в Финляндии, как, собственно, и другие социально важные области жизни (скажем, жилищное строительство, здравоохранение), построено на коммерческой основе, неудивительно поэтому, что в опросных листах постоянно подчеркивается самостоятельный заработок подростков, студенческой молодежи: «Пятнадцатилетние школьники и школьники еще старше часть лета работают», «У студентов каникулы продолжаются все лето, но в это время они должны работать, чтобы лучше „просуществовать“ зимой».

Кроме того, в финском календаре важное место занимают религиозные праздники, и этот элемент проникает в, казалось бы, автономные, замкнутые сферы жизни — в том числе в систему образования (в анкетах были сведения о рождественских, пасхальных каникулах, о школьном празднике «маленького рождества»; говоря о начале учебного года, испытуемые отметили, что первый школьный день начинается с молитвы, и т. д.).

Следовательно, если семантизация лексического фона конкретного (относящегося к частной области действительности) слова для носителей близкой к нашей культуры (скажем, для болгар, социалистический образ жизни которых в основных, принципиальных чертах совпадает с нашим) не требует выхода в более широкую проблематику, то для людей, выросших в условиях кардинально иного образа жизни, нужно сначала объяснить общие принципы советской действительности, и только тогда станут понятными конкретные сведения.

Получается, что (не любая ли?) конкретная тематическая сфера — это иллюстрация или, лучше сказать, реализация общих принципов функционирования определенного общества, характерных черт образа жизни. Противоположные принципы устройства социальных систем приводят к возникновению разных «миров» во всех или почти во всех сферах действительности: справедливо, в

тому даже к далеким, казалось бы, от национальной специфики словам надо относиться с должным вниманием. Ясно, что слова *школа* или *университет* для иностранных языков не могут считаться безэквивалентными, потому что они легко переводятся, но вся совокупность сведений, которые относятся, например, к американскому *university*, резко отличается от лексического фона советского *университета*. Эти иноязычные фоновые сведения отражают специфику системы американского образования и в конечном итоге показывают характерные черты иного образа жизни» (Верещагин, Костомаров, 1976б, с. 76—77).

частности, говорить о «двух мирах детства»¹⁶. Поэтому в процессе семантизации (еще лучше до нее) лексических фонов вполне конкретных слов (если привести примеры из школьной тематики, то таковы слова *школа, учитель, учебник, класс, каникулы, перемена, дневник, уроки* т. д.) требуется сообщить обучающимся, например, о бесплатности образования и строго светском его характере, о роли коллектива и т. д.

Примечательно, что в английском языке нет слова, понятного эквивалентного русскому слову *коллектив*: есть глагол *collect*, есть производное от него прилагательное *collective* и существительное *collection*, есть наречие *collectively*, но точно соответствующего имени нет. В переводах русское *коллектив* дается описательно: *collective body* или чаще всего *group* (см. например, «Русско-английский словарь». М., 1967, с. 160), однако *group* — это все же группа (т. е., по Ожегову, «несколько предметов или людей, животных, расположенных близко друг от друга, вместе»), в то время как *коллектив* — это «группа лиц, объединенных общей работой, общими интересами» (по Ожегову).

Излагая точку зрения А. С. Макаренко на коллектив, Я. Л. Колминский (1970, с. 43—46) пишет: «Прежде всего Макаренко резко возражал против смешения понятий группы и коллектива. Конечно, всякий коллектив — это группа. Но не всякая группа — коллектив. Чтобы стать коллективом, группе надо пройти непростой путь развития и на этом пути приобрести целый ансамбль признаков и качеств. <...> Коллектив, писал Антон Семенович Макаренко, возможен только при условии, если он объединяет людей на задачах деятельности, явно полезной для общества. <...> Недаром именно коллектив порождает у своих членов одно из важнейших качеств личности советского человека — коллективизм, который является, как говорил Макаренко, „гимнастическим залом“ для формирования личности. Коллективист — это человек, который воспринимает и переживает интересы коллектива как самые ценные и значимые для себя. Такой человек органически не в состоянии добиваться узколичных интересов ценою интересов коллектива».

Человек, воспитанный на принципе индивидуализма и не имеющий в своем сознании лексем, способных стать носителями понятий, эквивалентных русским *коллективу* и *коллективизму*, т. е. не знающий общего, естественно, не может правильно понять и по достоинству оценить частные проявления коллективизма.

Таким образом, учет в преподавательских целях национальной культуры адресата оказывается различным в зависимости от степени ее расхождения с изучаемой новой культурой. Если эти расхождения принципиальны, то

¹⁶ Бронфенбреннер, 1976; Соловейчик, 1976.

конкретным словарным статьям должны быть предпосланы материалы, в которых обсуждаются общие характеристики образа жизни и идеологические предпосылки, стоящие за ними. Короче говоря, лингводидактическое требование учета национальной культуры в этом случае приобретает еще одно (и чрезвычайно важное) измерение.

В частности, в ЛС-словаре «Народное образование в СССР» это требование учтено: перед конкретными и расположенными в алфавитном порядке словарными статьями {*абитуриент, автореферат, Академия педагогических наук* и т. д.) помещено обширное общее введение, в котором изложены принципы образования и воспитания в Советском Союзе.

Итак, учет национальной культуры обучающихся нужен прежде всего для предупреждения лингвострановедческой интерференции, которая может выступать в несомненном виде. Однако в значительном числе случаев перенос лексического фона слова родного языка на слово изучаемого остается для внешнего наблюдателя незаметным, скрытым и не выводится в речь. О том, что скрытая лингвострановедческая интерференция все же имела место, приходится судить на основании косвенных показателей и принимать во внимание не факты речи, а некоторые неречевые индикаторы.

Так, по свидетельству Л. А. Шеймана и Н. М. Варич (1976), ученики-киргизы одной из сельских школ на уроке русского языка должны были прочитать по ролям известную басню И. А. Крылова «Волк и Ягненок», в которой Ягненок представлен в положительном, а Волк — в резко отрицательном свете. Тем не менее «когда дело дошло до инсценировки, все поголовно отказались читать текст за Ягненка. Большинство вызвалось исполнять роль Волка, некоторые — автора» (с. 10). Выявилось, что Волк, несмотря на прямой смысл басни, вызывает у школьников исключительно позитивные ассоциации — *добрый, грозный, сильный, храбрый, красивый, лукавый, волшебный*. Характерно, что в подтверждение своей правоты шестиклассники ссылались на сказку «Алтын куш» и на эпос «Маиас». Следовательно, лексический фон киргизского слова, понятийно эквивалентного русскому слову *волк*, был ложно перенесен из родного языка в изучаемый, т. е. семантическая структура русского слова перестроилась в сознании школьников под влиянием родного

киргизского языка. Перед нами случай лексической интерференции, но если бы не индикатор, имеющий поведенческий, а не речевой характер (стремление детей отмежеваться от Ягненка и, напротив, отождествить себя с Волком), мы бы на совершившийся нѣгативный перенос не обратили внимания. Кстати, русские дети во время подобной инсценировки отказывались читать как раз за Волка (*добрым* его никто не назвал).

Скрытая интерференция обычно бывает связана с тем планом речевой деятельности человека, который называют импрессивным, она обычно (и нередко решающим образом) определяет субъективное понимание человеком обращенной к нему устной речи или письменного текста. Поскольку в преподавании русского языка иностранцам очень важно следить за правильным пониманием речи, за адекватной оценкой фактов современной советской действительности, для преподавателей существенно, во-первых, просто иметь в виду самую возможность скрытой лингвострановедческой интерференции и, во-вторых, научиться на основании косвенных показателей устанавливать этот перенос элементов иностранной культуры в наши условия.

Например, группа западноевропейских и американских преподавателей во время посещения московской школы попросила своих советских коллег показать им школьные *программы* и учебные *планы*. Когда просимые документы были предъявлены, некоторые из гостей, насколько можно было судить по их поведению, остались неудовлетворенными (были заданы вопросы: «Это вашей школы планы? Вы работаете непосредственно по этой программе?» и т. д.). В ходе последующей беседы выяснилось, что в школах, где преподают эти учителя, учебные *программы* (*curricula*) разрабатываются специально для каждой школы, а не в централизованном порядке, как у нас, поэтому эти *curricula*, как правило, существуют только в машинописном, но не в типографском виде (как у нас). Неадекватное отождествление слов *программа* и *curriculum* привело к скрытой интерференции, которая выявила себя в вопросах, показавшихся странными московским учителям.

Скрытая интерференция на бытовом уровне, конечно, досадна, но она не столь опасна и неприятна, как интерференция в области духовной культуры, когда иностранец или приписывает нашей действительности некоторые мировоззренческие, идеологические признаки противоположного общественного строя, или судит о ней на основании социально-психологического феномена, называемого стереотипами сознания.

Мы уже говорили о том, что каждая национально-культурная общность включает в свой язык некоторое количество заимствованных слов или с помощью собственных языковых средств калькирует иноязычные слова и словосочетания, чтобы отразить условия жизни и быта в другой стране. Кроме того, некоторая часть лексики как бы «специализируется» на отражении явлений иностранной действительности (мы говорим при этом об исконной, не подвергшейся влиянию лексике).

Таким образом, каждая национально-культурная общность содержит в своем общественном сознании некоторое количество сведений о другом народе, о другой стране. Именно поэтому иностранный студент или школьник, приезжающий к нам для получения образования, как и изучающий русский язык у себя дома, уже обладает определенными сведениями о Советском Союзе и не является в страноведческом отношении *tabula rasa*.

Часть сведений вполне адекватна: многие иностранцы, конечно, правильно называют не только столицу СССР, но и другие крупнейшие советские города, они могут назвать наиболее важные наши горы и реки, знают наиболее значительных русских и советских писателей, слышали о достижениях СССР в завоевании космоса, имеют представление о принципах общественного устройства нашей страны и т. д.

Часть же сведений неадекватна. Эти общественного происхождения (т. е. полученные в результате уже прошедшей социализации студента) сведения отражают нашу действительность в упрощенном, устаревшем или некомпетентном, в конечном итоге в искаженном виде. Примеры таких ложных сведений преподавателям, работающим с иностранцами, хорошо известны.

Приходится, например, отвечать на вопросы: «Правда ли, что русские в знак клятвы едят землю? Действительно ли всех маленьких детей отбирают у родителей и помещают в интернаты?» и т. д. Прimitивные вопросы постепенно уступают место более сложным и менее тенденциозным, но все они остаются суггестивными по своей природе: они отражают определенное знание, представленное в формально-вопросительной, а по существу в утвердительной форме. С подобными же суггестивными вопросами регулярно сталкиваются работники советских туристических учреждений; они провели их систематизацию и установили, что многие вопросы повторяются. Это говорит о том, что вопрос выражает не личный, индивидуальный интерес конкретного человека, а именно массовое, общественное сознание.

Сведения, являющиеся неадекватными, называют стереотипами сознания. Обычно в основе стереотипа лежит некоторый элемент истины, однако эта истина или огрублена, доведена до абсурда, распространена на неправомерно большой круг фактов, или просто устарела. Стереотипы подчеркивают нетипичное и затушевывают важное, фиксируют детали и забывают о целом, упрощают сложное и запутывают простое. Поскольку формой существования стереотипов сознания являются обычные фоновые СД, т. е. поскольку стереотипы, подобно любому другому знанию¹⁷, фиксируются в словах, они входят в индивидуальное сознание иностранного студента, так сказать, принудительно, навязываются ему. В этом смысле можно говорить о национальных стереотипах как о части национальной культуры, и это значит, что, учитывая национальную культуру адресата в преподавании вообще, мы должны, в частности, учитывать и национальные стереотипы, ложные представления адресата об изучаемой культуре.

Национальные стереотипы приводят к той же самой лингвострановедческой интерференции (явной, но чаще скрытой), о которой мы говорили раньше в настоящей главе.

Например, стереотипы наиболее устойчивы по отношению к восприятию членами одной национально-культурной общности членов другой; в частности, у западноевропейцев и североамериканцев в представлениях о «типичном русском человеке» можно отметить определенное количество неадекватных фоновых СД. Эти стереотипные СД проникают и в учебники русского языка, составленные за границей.

Надо особенно подчеркнуть, что из-за неадекватных стереотипов сознания весь импрессивный план речи может оказаться полностью неправильным. Так, неправильное восприятие текстов наблюдается при чтении иностранцами произведений художественной литературы: буквальный смысл текста воспринимается без затруднений, но переносный смысл произведения, его сверхзадача оцениваются через призму стереотипа, и в результате этого пропадает эффект, на который рассчитывал автор.

¹⁷ Знание, естественно, может быть неправильным, ложным.

Например, один из западноевропейских студентов после чтений рассказа А. П. Чехова «Смерть чиновника» в сочинении так изложил свое впечатление: «Я, конечно, знаю, что русский человек легко идет от огорчения к радости и совсем не оценивает свою жизнь. Такая восточная мистика. Я уже читал, что один служащий сразу умер, когда у него украли пальто. Теперь другой служащий умирает по причине крика генерала. Ничего удивительного». Надо сказать, что перед чтением текста на основе материалов, опубликованных в журнале «Русский язык за рубежом» (1975, № 1, с. 18—22), была проведена обстоятельная работа в аудитории по семантизации трудных слов и выражений (*эзекютор, полицмейстер, тайный советник, ваше-ство, проситель, прошение, милостисдарь* и т. д.), так что полное понимание буквального смысла рассказа, безусловно, состоялось. Был проведен также интересный и поучительный анализ языковых форм с лексической и стилистической точек зрения (*помереть — умереть — скончаться; смеяться — насмехаться* и т. д.). Тем не менее восприятие чеховского замысла не состоялось, потому что этому воспрепятствовало interfering влияние стереотипизированного образа русского, «не ценящего свою жизнь», которое сложилось у студентов еще до приезда в Москву, т. е. в результате социализации в своей стране.

Учет национальной культуры адресата необходим (с точки зрения импрессивного плана речи) и еще по одной причине. Если в общении с иностранцами не учитывать того уровня знаний о нашей стране, который им реально свойствен, то коммуникация оказывается поверхностной, неэффективной: сообщение как бы не доходит до сознания адресата, скользит по нему, и поток речи проходит мимо него без следа, хотя при этом адресату субъективно может казаться, что он в коммуникации участвует.

Один известный английский лингвист, выступая с докладом перед аудиторией своих московских коллег, хотел пояснить сложную мысль и сказал: «Представьте себе игру в гольф; правила языка очень похожи на правила игры в гольф». Слушатели вежливо промолчали, но в импрессивном плане коммуникация все же не состоялась, так как в гольф у нас не играют и соответственно правила этой игры никому не известны.

Это явление не имеет отношения к интерференции, но полезно для систематизации материала указать на него.

Подводя итог, ответим на вопросы, поставленные в начале данной главы.

Лингвострановедческое преподавание русского языка в области лексики не сводится к демонстрации одних только национально-культурных (русских по происхождению или распространению) СД лексического фона. Не-

сомненно, что в таком преподавании речь идет прежде всего о показе современной советской культуры через семантику русских слов, но тем не менее преподаватель должен исходить не только из материала этой новой для обучающихся действительности, но и из родной культуры аудитории. В противном случае семантизация может оказаться или избыточной (если подаются межъязыковые СД), — в этом случае она вызывает скуку, губит интерес и рассеивает внимание, — или недостаточной и поэтому порождающей лингвострановедческую интерференцию.

Обращение к национальной культуре аудитории (а не только ее имплицитный учет) должно стать в национально-гомогенных учебных группах преподавательским принципом. Прежде всего речь идет о включении в учебный процесс материалов, отражающих культурно-исторические связи соответствующей страны, соответствующего народа с Советским Союзом. Историко-литературные, музыкальные, политические и другие связи СССР с зарубежными странами составляют неотъемлемую часть современной советской культуры, и выявление их для некоторых контингентов обучающихся — это еще одна конкретная реализация общедидактического требования учета особенностей адресата и индивидуализации обучения.

Как показывает практический опыт, если факт нашей отечественной культуры подается на фоне соответствующего или близкого факта родной культуры обучающихся, повышается интерес аудитории к изучаемому материалу, а сам материал усваивается глубже и прочнее. Например, поэтические произведения русской классики хорошо давать одновременно с их переводами, особенно если переводы выполнены выдающимися представителями национальной культуры. Скажем, беседовать о поэтической переписке Пушкина с декабристами в болгарских группах следует на фоне перевода «Послания в Сибирь» Г. Джагаровым. В польских группах желательно подчеркнуть взаимное влияние поэзии А. С. Пушкина и А. Мицкевича и т. д.

Кроме того, поскольку изучающим русский язык в дальнейшем, возможно, придется рассказывать по-русски о своей стране, полезно использовать в преподавательском процессе тексты, посвященные родной для обучающихся культуре, как это сделано, например, в учебнике К. Байора, предназначенном для польских студентов-русистов, где имеются тексты, относящиеся не только к русско-польским связям, но и исключительно к Польше.

Таким образом, к лингводидактическому принципу учета в учебном процессе родного языка обучающихся следует прибавить принцип (лингвострановедческий) учета их национальной культуры.

ОБЩЕСТВЕННАЯ ДИНАМИКА
ЛЕКСИЧЕСКИХ ФОНОВ

Личностную динамику лексического фона мы частично рассматривали выше (см. гл. 6). Благодаря метаязыковой функции речи в коммуникации человек накапливает СД, включаемые в фон соответствующего слова; так проходит обучение детей (усваивающих с помощью языка социальный опыт), и модификации лексических фонов в сознании человека (конечно, не так интенсивно, как в раннем детстве) продолжают на всем протяжении его жизни.

В данной главе нас будет интересовать преимущественно общественная динамика лексических фонов.

Вспомним использовавшееся раньше в качестве сквозного примера слово *молоко*. В фоне слова появилась СД, которая лет двадцать назад казалась бы совершенно невозможной. Как и любую другую жидкость, молоко можно хранить в бутылке, в кувшине, в кастрюле, в бидоне и в любом другом сосуде. Если бы в конце 40-х гг. или начале 50-х гг. нашего столетия кто-нибудь сказал *Я купил пакет молока*, произнесенную фразу посчитали бы за перевертыш, подобный известному стишку *Ехала деревня мимо мужика. Пакет*, по определению Ожегова, это «бумажный мешок для продуктов, кулек», причем речь шла только о сыпучих и вообще «субстанциональных» продуктах (ср. *пакет муки, пакет яблок*). Промышленность, однако, освоила бумагу, не пропускающую воду, и эта бумага теперь широко применяется как упаковка в государственной продаже молока, поэтому буквально на наших глазах в фон слова *молоко* вошла СД *пакет* (равно как и в фон слова *пакет* вошла СД *молоко*), — так словосочетание *пакет молока* в наши дни стало вполне привычным и повседневным. На этом примере видно, как в лексический фон слова входит новая СД и как в результате этого меняется сочетаемость слова с другими словами.

С другой стороны, рассматриваемое слово может быть примером постепенного исключения из лексического фона присутствовавшей в нем СД. Люди старшего поколения еще помнят время, когда мерой продажи молока бы-

Ла *четверть* (исторически четвертая часть ведра, т. е. три литра). Для современной молодежи и особенно для школьников слово *четверть* означает или — преимущественно — часть учебного года, или промежуток времени в пятнадцать минут. Словосочетание *четверть молока* сейчас можно встретить лишь в литературе; оно не только кажется, но и действительно стало бессмысленным.

Заметим, что при этом лексическое понятие «молоко» ни в малейшей мере не изменилось. Отмечается только и исключительно, с одной стороны, включение в семантику слова и, с другой, устранение из нее именно фоновых, а не понятийных СД.

Отметим также, что сочетаемость слова с другими называется производной от фоновых СД. Так как эти последние полностью определяются всяязыковой действительностью, в рассмотренном и подобных случаях язык следует за переменами действительности; он, конечно, благодаря возможности выбора из наличествующих средств выражения, не остается в акте номинации пассивным (скажем, закрепилось наименование именно *пакет*, а не * *кулек молока*, хотя и *пакет*, и *кулек* — это бумажные мешки для продуктов), но тем не менее сам стимул для номинации лежит за пределами языка.

Общественная динамика лексических фонов — явление константное, может быть даже внутренне присущее природе языка. Надо, однако, обратить внимание на заметное отставание динамики лексического фона от темпов изменения действительности. Предположим, определенный факт действительности исчез, вышел из активного употребления. Например, в наши дни никто не пишет пером птицы, тем не менее в фоне слова *перо* есть не только СД *стальное*, но и СД *гусиное*. Таким образом, если внеязыковое явление ушло из актуальной культуры, СД фона слова, отражающая предшествующий этап развития национальной культуры, сохраняется довольно долго, и в этом как раз видна хранительная, кумулятивная функция языка. Из сказанного вытекает, что с точки зрения динамики лексического фона надо различать в его составе, во-первых, диахронические и, во-вторых, синхронические СД.

Как мы знаем, история входит в современность, (и переходит в будущее), а предшествующие этапы развития национальной культуры в своей (отнюдь не механиче-

ской, а избирательной) сумме определяют ее состояние в данный отрезок времени (и в будущем). Все члены некоторой этнокультурной общности людей путем обучения в школе и в результате неформальной социализации получают представление о развитии своей страны в прошлом, о ее возникновении, о ее выдающихся государственных, военных деятелях, ученых, художниках, музыкантах и т. д., о сложившихся исторически явлениях и фактах материальной и духовной культуры. Все слушают в детстве и запоминают со слуха примерно одни и те же сказки, загадки. В школе, да и вне ее, читают и обсуждают в значительной мере совпадающий для всех круг литературных произведений¹, в том числе и даже прежде всего писателей предшествующих периодов развития отечественной литературы, поэтому русских писателей прошлого века следует считать нашими современниками².

Короче говоря, передача культуры от поколения к поколению представляет собой грандиозный механизм, в котором именно слово, будучи носителем общественного сознания, оказывается, так сказать, памятью культуры. Диахронические СД в составе лексического фона — это отнюдь не пережиточные, не механически уходящие элементы лексической семантики, а зачастую элементы столь же актуальные, как и синхронические СД.

Мы говорим об этом для того, чтобы обосновать один из ведущих принципов семантизации лексического фона для иностранцев — принцип и с т о р и з м а. Этот принцип заключается в том, что семантизация фона слова в учебных целях состоит в перечислении и изъяснении не только синхронических, но и диахронических СД, причем эти последние подаются в том порядке, в каком они складывались и накапливались в лексической семантике. Если синхронические СД в семантизирующей словарной статье

¹ Во-первых, существует некоторый перечень произведений фольклора и художественной литературы, знакомство с которыми обязательно для каждого русского. Во-вторых, каждому этапу развития человека соответствуют определенные книги, так что литературный багаж взрослого человека (т. е. совокупность прочитанного или услышанного им) складывается из тех слоев, которые специалистами называются литературой для дошкольного возраста, для младшего, среднего и старшего школьного возраста, для юношества, для молодежи, а также из так называемой взрослой литературы. Этот список книг, типичных для литературного багажа «среднего» русского, нуждается в уточнении, но его существование нельзя отрицать. Входящие в этот список книги были нами названы обязательными. См. подробнее: Верещагин, Костомаров, 1976б, с. 293 и след.

² «Жизненная сила, широта воздействия классической литературы дает нам основание утверждать: Пушкин, Гоголь, Некрасов, Толстой, Достоевский, Чехов не только близки нам, они — наши современники» (Храпченко, 1973, с. 9).

(или в лингвострановедческом комментарии) приводятся в согласии с логическими требованиями их следования (например, от общего к частному, от важного к несущественному, от причины к результату и т. д.), то диахронические СД указываются непременно на хронологической основе, перечисляются в порядке их появления и фиксации в лексическом фоне.

Например, историко-этимологический анализ слова *большевик* нельзя отделить от перечисления экстралингвистических событий, легших в основу наименования. В 1903 г. на II съезде РСДРП сторонники В. И. Ленина получили *больше* голосов на выборах центральных органов партии, и это внеязыковое событие закрепило в языке. Отправляясь от слова, преподаватель получает естественную возможность напомнить обучающимся о событии, историческое значение которого состоит в закреплении победы искровского, ленинского направления в российском рабочем движении. Семантика слова, однако, не стоит на месте: с победой Советской власти и с исчезновением противопоставления *большевики — меньшевики* слово длительное время входило в наименование партии — Российская Коммунистическая партия (большевиков), Всесоюзная Коммунистическая партия (большевиков), поэтому словосочетание *партия большевиков* стало пониматься как партия *большиинства* народа (Цыганенко, 1970, с. 46). В настоящее время *большевиками*, особенно *старыми большевиками* называют членов партии предреволюционного и послереволюционного времени, а также носителей высокой революционной морали³.

Подобная беседа, как показывает опыт, весьма эффективна по отношению к словам *советский, пятилетка, комсомол, народоволец, стахановец, вузовец, рабфаковец, ударник, субботник, товарищ* и т. д. Показ накопления в семантике слова диахронических СД — это и есть реализация принципа историзма в учебной работе⁴.

Принцип историзма последовательно проводится в жизнь в учебном ЛС-словаре современного русского языка («Народное образование в СССР»), причем его реализация ничуть не мешает иметь в названии словаря атрибут «современный».

Так, в статье УЧИТЕЛЬ говорится о дореволюционных учительских семинариях, о Высших женских курсах, о роли революционеро-демократов Н. Г. Чернышевского и Н. А. Добролюбова в формировании общественно-педагогических взглядов русского учительства, о народных школах. Здесь же называются выдающиеся русские педа-

³ См. об этом подробнее: Верещагин, Костомаров, 1976б, с. 95 и след.

⁴ Принцип историзма, как известно, является одной из ведущих посылок адекватного познания. Конспектируя «Науку логики» Гегеля, В. И. Ленин подчеркнул, что условием диалектического познания некоторой вещи является «развитие этой вещи (respective явления), ее собственное движение, ее собственная жизнь» (Полн. собр. соч., т. 29, с. 202).

гоги К. Д. Ушинский, Н. И. Пирогов, Л. Н. Толстой. Далее рассказывается о земских школах. Показано, как после Октябрьской революции Советское правительство решало задачу поставить народного учителя «..на такую высоту, на которой он никогда не стоял и не стоит и не может стоять в буржуазном обществе» (В. И. Ленин). Кратко характеризуется деятельность видных советских педагогов Н. К. Крупской, А. С. Макаренко, а также В. А. Сухомлинского.

После этой довольно пространной, отражающей именно общественное (языковое) сознание исторической справки начинается — уже на логической, а не на хронологической основе — перечисление синхронических СД. См. также словарные статьи АРТЕК, БУКВАРЬ, ВЕЧЕРНЕЕ ОБУЧЕНИЕ, ВЕЧЕРНЯЯ ШКОЛА, ВСЕОБУЧ, ГИМНАЗИЯ, ДВОРЕЦ/ДОМ ПИОНЕРОВ И ШКОЛЬНИКОВ, ЗАОЧНОЕ ОБУЧЕНИЕ, ЗОЛОТАЯ МЕДАЛЬ и многие другие — все они написаны на основе принципа историзма.

Хотя диахронические доли в составе лексического фона довольно устойчивы, тем не менее временная динамика лексического фона в первую очередь касается, конечно, именно диахронических СД. Из их числа с течением времени выпадает то одна, то другая СД (как, например, из фона слова *молоко* «ушла» СД *четверть*), причем причины подобного устранения не могут объясняться исключительно переменами во внеязыковой действительности (как было показано раньше, исчезновение некоторого факта из актуальной культуры не приводит к немедленному уходу соответствующих знаний из общественного сознания и тем самым к модификациям лексического фона).

На сложном вопросе выявления причин перемен в актуальном общественном сознании некоторой группы людей не будем останавливаться, отметим только, что диахронические СД постепенно теряют из своего состава те или другие единицы.

Динамику лексического фона можно изобразить схематически (рис. 6).

На схеме разделение и группировка синхронических и диахронических СД проведены, конечно, условно; зигзагообразная линия — граница между ними призвана показать, что некоторые СД не имеют определенного статуса: хотя действительно можно выделить в лексическом фоне СД, отражающие актуальную культуру, и СД, сопряженные с ее предшествующими состояниями, тем не менее всегда остается часть таких СД, которые еще не стали диахроническими, но перестали (точнее, перестают) быть синхроническими.

Итак, подведем итог сказанному в данной главе. Лексический фон — категория довольно динамичная: с одной стороны, он накапливает СД, а с другой — некоторые из СД, представленных в его составе, постепенно из него исключаются. Тем не менее семантика слова отражает

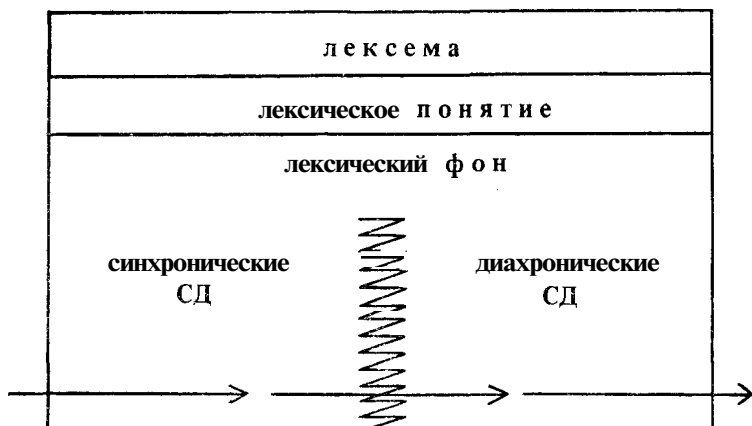

Рис. 6. Динамика лексического фона во времени

перемены в актуальной культуре лишь до известного предела (в лучшем случае синхронические СД переходят в диахронические) — благодаря этому слово оказывается хранителем культуры и фиксатором исторических пластов в современном общественном сознании. Требуется большой срок и особые условия, чтобы ставшая диахронической СД совершенно вышла из лексического фона и тем самым утратилась.

Из этого наблюдения был сделан вывод о том, что учебная семантизация лексических фонов не может проводиться иначе как на основе принципа историзма — особенно это касается центральных, ключевых слов, в том числе и тех, которые под влиянием экстралингвистических факторов вдруг исполняются глубоким смыслом и разнообразным содержанием.

Такова общественная динамика лексического фона во времени.

СЕМАНТИЧЕСКИЕ ДОЛИ
В ИНДИВИДУАЛЬНОМ СОЗНАНИИ

Выше мы стремились показать (и сейчас будем считать за данное), что СД входят или в лексическое понятие, или в лексический фон, а лексическое понятие и лексический фон сопрягаются с планом выражения слова, т. е. с лексемой, ассоциируются с ней, «опираются» на нее, поэтому лексема представляет собой материальный субстрат всей лексической семантики. Какова же, однако, собственная природа понятийных и фоновых СД? В первую очередь мы интересуемся, естественно, вербальной природой этих СД. Ответы на поставленный вопрос оказываются альтернативными.

Во-первых, можно полагать, что СД имеет вербальную природу, т. е. представляет собой слово. Например, как мы видели раньше, в фон слова *молоко* входит представление о его цвете. С приведенной точки зрения это значит, что со словом *молоко* тесно связано слово *белое* (напомним, что *молоко* вызывает и другие ассоциации — *парное, топленое* и т. д.). Так как все ассоциации объективируют именно СД понятия или фона, получается, что лексический фон слова *молоко* — это обычное лексическое поле, в котором центральное место занимает интересующая нас лексическая единица. Конечно, и слова-реакции имеют свои фоны (скажем, *белый — снег, свет..., белая — простыня, горячка...*, а *белое — облако* или как раз *молоко*), поэтому одно и то же слово может быть и в центре лексического поля, и на его периферии, может являться носителем как лексического фона, так и СД, включаемой в лексический фон другого слова. Короче говоря, всю совокупность лексики придется наглядно представить себе как сеть взаимосвязей и взаимозависимостей. Ассоциативные эксперименты как будто подтверждают справедливость понимания СД как слова, связанного с центральным словом (словом-стимулом).

Во-вторых, имеются основания полагать, что СД не имеют вербальной природы, что они в индивидуальном сознании человека существуют и фиксируются в некоторой (пока не определяемой ближе) форме: единственная характеристика этой формы и есть отрицание ее вербаль-

нбо характера. Существовая в индивидуальном сознании независимо от слова, СД соединяются со словом в акте речи. Думать так нас заставляют те трудности поиска слова для выражения СД, которые можно наблюдать в жизни.

Вот жизненный диалог: *«Выбейте, пожалуйста, триста грамм медицинской колбасы»*. — *«Гражданин, такой у нас нет»*. — *«Ах да, врачебной»*. — *«Гражданин, хватит шутить. Я на работе!»* Записавший этот диалог Я. Л. Коломинский (1970) комментирует: «А гражданин и не думал шутить. И вы уже, конечно, догадываетесь, что колбаса ему нужна *докторская*» (с. 78). Подобные примеры поиска адекватного слова для вообще-то адекватно актуализировавшейся в сознании говорящего человека СД весьма многочисленны.

Из этих двух альтернативных позиций мы поддерживаем вторую. Этот выбор можно подвергнуть сомнению, что ясно понимают и авторы книги. Тем не менее мы решаемся изложить свои аргументы. «Наука — это диалог, и никто из нас не может претендовать на то, что кому-то удалось по всем вопросам добиться твердого и гарантированного результата. Но ведь то, что предлагают, подвергается критике и возражениям. При помощи этой неорганизованной команды наука продвигается вперед. Поэтому я охотно выпускаю из рук эту работу, хотя я, естественно, знаю, что не все, что я высказываю в этой работе, правильно. Вот почему я так охотно выдвигаю теории. Книга, которая содержала бы лишь проверенные и известные вещи, была бы для исследователей просто бесполезна» (Станг, цит. по: Макаев, 1977, с. 204).

Первый аргумент в поддержку невербальной природы СД, собственно, уже изложен выше: говорить о поиске слова для актуализировавшейся СД (а именно так мы интерпретируем наблюдаемые факты) логически возможно лишь при допущении, что СД существует в индивидуальном сознании отдельно от лексемы.

Второй — и главный — аргумент покоится на наблюдениях за речепроизводством и речевосприятием билингвов.

Выше мы говорили о межъязыковых лексических понятиях (см. гл. 1). Межъязыковое лексическое понятие присутствует в двух этнокультурных общностях (например, в современной русской и в английской) и без потерь

информации выражается на двух разных языках. Описываемое явление мы иллюстрировали сопоставлением слов *стул* и *chair*, *школа* и *school*. Межъязыковые лексические понятия легко переносятся из языка в язык. Естественно, если мы говорим о переносе понятия из языка в язык, то мы имплицитно предполагаем, что понятие переносится невербально, без иноязычной лексемы: в противном случае нам пришлось бы говорить о переносе из языка в язык слова, но не понятия.

Когда слово одного языка переносится в речь на другом, включаются в действие иные механизмы. Разбор примера и обсуждение причин возникновения смешанной речи см.: Верещагин, 1969 б, с. 96 и след.

Так как лексическое понятие складывается из СД, мысль о невербальности лексического понятия в то же время является утверждением невербальности СД. Поскольку между понятийными и фоновыми СД нет качественного различия (см. гл. 3), невербальны, естественно, как понятийные СД, так и фоновые (о переносе фоновых СД из языка в язык см. гл. 7).

Следовательно, и лексическое понятие, и лексический фон (короче говоря, вся семантика слова) существуют в индивидуальном сознании человека не как элементы сетки словарного поля, а вне связи с лексемами, т. е. невербально.

Пока мы не в состоянии охарактеризовать природу существования лексической семантики «в голове» человека иначе, как апофатически, перечислением отрицательных свойств. Приняв вторую точку зрения из двух альтернативных, мы подчеркнули те признаки, которые существованию семантики в индивидуальном сознании и ее свойственны (невербальность, несловесность), но ничего не сообщили о позитивных качествах. Это апофатическое знание относится к природе бытия лексической семантики, конечно, только в симультанном, даже вневременном аспекте, в тех условиях, когда некоторое слово или некоторая СД просто хранится в индивидуальном языковом сознании, образуя лишь возможность для высказывания или восприятия речи (слово *in potentia*).

Что же касается сукцессивного аспекта лексики, т. е. ее использования для производства или восприятия последовательно развертываемой во времени речи (слово *in praesentia*), то в речепроизводстве актуализация в со-

Знание человека некоторого слова актуализирует (в зависимости от смысловой интенции) и соответствующую СД фона этого слова: например, для высказывания о *молоке* потребовалась СД *цвет*. Затем данная СД «ищет»¹ для себя — как мы видели, иногда и безуспешно (или не сразу успешно) — вербальную форму выражения, «стремится» соединить себя с адекватным словом: скажем, СД *цвет (молока)* для образования осмысленного высказывания может быть выражена лишь в двух словах (они оба выражены, объективированы во фразе *Какое жирное сегодня молоко: не белое, а совсем желтое*). В процессе речевосприятия имеет место противоположное движение — от лексемы к СД, причем эта доля затем запоминается и хранится, а передавшая ее лексема, как правило, забывается.

Процессы речепроизводства и речевосприятия не наблюдаются прямо; можно предположить, что они весьма сложны; поэтому в психологии речи и лингвистике, а также в психолингвистике их отражают конкурирующие и даже взаимоисключающие научные модели, о которых здесь нет нужды говорить², — важно отметить, что постулируемые нами межъязыковые лексические понятия³ с непреложной логической необходимостью заставляют отрицать вербальную природу любых лексических понятий (в том числе и в ситуации монолингвизма). Если это так, то невербальны входящие в них понятийные, а также однородные с последними фоновые СД. На этой основе мы приходим к выводу, что природа симультанного существования лексического фона в равной мере невербальна.

Таковы два аргумента в поддержку тезиса о существовании СД в индивидуальном сознании отдельно от лексем: поиск слова для выражения СД и существование межъязыковых СД.

Этот второй аргумент имеет модификации применительно к двум частным случаям реализации межъязыковых СД. На его основе можно правильно понять процесс

¹ Так как мы ничего определенного о процедуре поиска не можем сказать и судим только по результатам, приходится употреблять антропоморфные выражения. Они, конечно, употребляются метафорически, поэтому заключаем их в кавычки.

² Попытка смоделировать процесс речепроизводства изложена в кн.: Верещагин, 1968б.

³ Вероятно, факты, на основе которых выдвигается мысль о реальном существовании межъязыковых лексических понятий в индивидуальном сознании билингва, допускают и иную интерпретацию.

перевода текста с языка на язык: невербальные СД служат тем инвариантом смысла, который сохраняется при переводе, и благодаря им возможен перевод. Кроме того, лишь при предположении, что СД невербальны, можно объяснить случаи восприятия информации на одном языке и ее воспроизведения на другом.

Тезис о невербальности СД, о невербальной природе лексического понятия и лексического фона существен потому, что он открывает и теоретически обосновывает возможность использовать для семантизации слова языка А речь на языке Б.

Цепочка посылок и следствий строится так: знания, передаваемые в текстовой форме, ни в индивидуальном, ни в общественном сознании не фиксируются и не существуют в форме исходных текстов (см. гл. 4); знания преобразуются в невербальные (понятийные и фоновые) СД для хранения в индивидуальном языковом сознании, т. е. знания отрываются от того языка, посредством которого они вошли в сознание человека.

Следовательно, в условиях двуязычия (при хорошем владении двумя языками) одни и те же знания могут быть введены на обоих известных человеку языках и воспроизведены в речи на любом из них. Это в свою очередь означает, что слово языка А может быть семантизировано с помощью речи на языке Б (используемой в метаязыковой функции).

А такое требуется. Когда язык Л только лишь изучается и не может использоваться в метаязыковой функции (на начальном этапе обучения) и когда семантизации подлежит сложный и многоплановый лексический фон (например, ключевого для национальной культуры слова), слово изучаемого языка А допустимо и, как будет ниже показано, эффективно семантизировать с помощью речи на родном для обучающегося языке Б (или на хорошо известном обучающемуся языке-посреднике).

Проанализируем возможную ситуацию. Русскому читателю в газете «Morning Star» попало словосочетание Salvation Army. В справочнике (см., например, Английский Ларусс, 1968) он может прочитать:

Salvation Army a worldwide Christian organization founded by William Booth in 1865, devoted to evangelism and social work among the poorest and most wretched. It has a quasi-military form of organization, **Salvationist** a member of the Salvation Army (Армия спасения —

всемирная христианская организация, основанная Уильямом Бутом в 1865 г., занимающаяся евангелизацией и социальной деятельностью среди бедных и обездоленных. Для нее характерна псевдвоенная форма организации. Сальвейшнист — член Армии спасения).

В целом представление о факте, отражаемом словосочетанием, получено, однако, поскольку текст рассчитан на англичанина или американца, на свойственные им фоновые знания, некоторые слова и словосочетания, употребленные в семантизирующем тексте, остаются непонятными для русского, даже если он владеет английским языком. Например, *евангелизация* — типичное для протестантизма, но совсем неизвестное у нас явление (внутренняя миссия, т. е. вторичная проповедь Евангелия уже крещеным согражданам, с тем чтобы они перешли от «формальной» веры к «духовной»); *социальная деятельность* — форма благотворительности, также неизвестная у нас, заключающаяся в сборе добровольных пожертвований и распределении их среди неимущих. Примечательно, что, хотя обычно в справочнике перед фамилией стоит лишь инициал имени, в данном случае *Уильям Бут* назван полностью, чтобы отличить первого генерала Армии спасения от *Джона Бута*, убившего в том же 1865 г. (год основания Армии спасения) Авраама Линкольна, президента США, в правление которого имела место гражданская война между Севером и Югом (этот факт убийства Линкольна фанатиком-южанином широко представлен в массовом фоновом знании как американцев, так и англичан).

Таким образом, при изучении иностранного языка, конечно, можно проводить семантизацию лексических фонов осваиваемых слов через посредство изучаемого языка, однако лексикографические источники (если только они не составлены специально для иностранцев) не всегда содержат достаточно информации.

И вот как проведена семантизация того же словосочетания по-русски («Известия», 1976, № 293):

Накануне рождественских и иных религиозных праздников на оживленных торговых улицах и площадях Лондона, Парижа, Женевы и других западных городов можно увидеть небольшие группки людей в одинаковой форме. Кто-то играет на трубе или гармошке, другие распевают псалмы и, позванивая колокольчиками, предлагают прохожим опустить в кружки подаяния «в пользу бедных». Это «воины» так называемой Армии спасения — реакционной религиозно-филантропической организации, основанной в Англии еще в

1865 г., а затем распространившей свою деятельность на Другие капиталистические государства. Построенная на военный лад — ее члены носят звания «солдат», «офицеров» и «генералов», — организация имеет целью оказание помощи неимущим. Она содержит ночлежные дома, столовые, приюты для проституток. Однако ее назначение — не столько «спасение» обездоленных от нужды, сколько пропаганда, затемняющая сознание трудящихся и призванная помешать их борьбе против эксплуатации. Безработные и бездомные, вынужденные пользоваться услугами «армии», подвергаются усиленной обработке в этом духе. Вот почему Армию спасения охотно финансируют промышленники и торговцы.

Эта небольшая статья специально рассчитана на восприятие наших современников и соотечественников, поэтому, хотя она написана по-русски, по соображениям содержательного характера ее не только можно рекомендовать изучающим английский язык, но и предпочесть недостаточно эффективной семантизации в английском справочнике. Те подробности (игра на трубе, солдаты, ночлежные дома и т. д.), которые опущены в справочнике в силу известности описываемого явления потенциальному читателю, как раз существенны для иностранца, который никогда с соответствующим явлением не сталкивался.

В этой связи заслуживают внимания лексикографические опыты представления национально-культурной лексики, особенно ее ключевых слов, для иностранцев через посредство родных языков. Например, в Японии вышел в свет хорошо иллюстрированный словарь ключевых слов японского языка (Сто японских вещей, 1975), причем семантизирующая часть дается по-английски: **hadsu-môde** the first shrine or temple visit made during the New Year (первое посещение святилища или храма, предпринятое в Новом году), а далее пространно рассказывается, какими церемониями сопровождается **hadsu-môde**.

Итак, в процессе семантизации лексики языка А может применяться (с метаязыковыми целями) речь на языке Б. Этот вывод не содержит в себе ни логического противоречия, ни рассогласованности с природой лексической семантики.

В самом деле, как мы говорили раньше, лингвострановедение в преподавании русского языка иностранцам строится на кумулятивной функции языка, т. е. на использовании факта накопления в лексической (вообще языковой) семантике коллективного опыта национально-куль-

турной общности, которую обслуживает современный русский язык.

Что представляет собой учебная семантизация национально-культурного компонента плана содержания русского слова? Это перечисление СД, входящих в фон семантизируемого слова. Оно осуществляется в метаязыковой коммуникации (см. гл. 4), причем безразлично, в какой вербальной форме⁴, потому что в индивидуальном сознании она не сохраняется: знания существуют, фиксируются не, в предложениях, фразах, а в словах, т. е. воспринятый в метаязыковой коммуникации текст, содержащий знания, преобразуется, перекодируется вплоть до одного слова, или, точнее, вплоть до невербальной СД.

Следовательно, важно не то, как передается фоновая информация, на каком языке, в какой словесной форме, а то, что она — так или иначе — передается. При этом, конечно, существенно, чтобы формируемая (невербальная) СД вошла в лексический фон именно русского слова, т. е. стала ассоциироваться с русской лексемой, и чтобы она не включилась в лексический фон понятийно-эквивалентного или понятийно-близкого слова родного языка учащегося, — такое может произойти, поэтому в учебной семантизации русской лексики на иностранном языке приходится принимать меры предосторожности, о которых мы скажем несколько позже.

Таким образом, принцип использования в метаязыковой коммуникации иноязычной речи нацелен на облегчение того звена в накоплении знаний человеком, которое сопряжено с их передачей. При использовании родного языка метаязыковая коммуникация протекает полностью, без смысловых потерь, и не вызывает усталости, поэтому к ней можно прибегать на самых ранних этапах обучения, когда изучаемый русский язык еще не усвоен в такой степени, чтобы метаязыковая коммуникация через посредство русской речи была эффективной (или даже, просто возможной). Облегчая звено передачи знаний в семантизации, мы несколько не затрагиваем ни трансформации этих знаний, ни природы их накопления.

Сказанное иллюстрируется примером создания учебного лингвострановедческого пособия для начального

⁴ Мы, конечно, не имеем сейчас в виду эффективность коммуникации с точки зрения информативной насыщенности, доходчивости, убедительности текста; говорим исключительно о принадлежности речи или языку А, или языку Б.

этапа преподавания русского языка иностранцам. Речь идет о специальном страноведческом приложении к учебному комплексу «Русский язык для всех» (1979), созданном авторским коллективом — Ю. В. Прохоровым, сотрудником Института русского языка им. А. С. Пушкина, и Ф. Бахтелером, преподавателем русского языка в одной из гимназий ФРГ, с широкой опорой на немецкий язык. Целевое назначение пособия — использование в гимназиях ФРГ.

Упомянутый комплекс обладает многими достоинствами, которые отмечались в периодических изданиях русистов и в отзывах преподавателей-практиков, — он принят в качестве стабильного учебного пособия в некоторых землях ФРГ отнюдь не случайно. В третьем издании авторы учебника путем усиления зрительной наглядности значительно увеличили страноведческую ценность своей книги. Тем не менее лингвострановедческий потенциал учебника далеко не исчерпан: как текстовой материал, так и вводимые языковые единицы (лексика, словосочетания, фразеология) могут стать основой для еще более расширенной подачи информации о нашей стране (Бахтелер, Верещагин, Прохоров, 1979).

Конечно, давать эту расширенную информацию в учебнике, рассчитанном на начальный этап обучения, порусски никак нельзя⁵, поэтому в метаязыковой функции используется родной язык аудитории. Это решение не разрушает концепции составителей комплекса «Русский язык для всех», потому что они принципиально допускают обращение к родному языку обучающихся или к языкам-посредникам (во входящем в комплекс «Словаре», изданном отдельной книгой, употребленные в учебнике слова даются в переводе на четыре языка).

Итак, лексика учебника обычно вводится, семантизируется через перевод, потому что своей понятийной стороной она, как правило, совпадает с ближайшими словами иностранных языков, т. е. является понятийно-эквивалентной. Но эта лексика (и тоже как правило) отличается от иноязычных соответствий совокупностью сопряженных со

⁵ Собственно, любые сомнения в целесообразности лингвострановедческого подхода к преподаванию иностранного языка на начальном этапе вызваны тем, что язык еще не усвоен коммуникативно, так что уровень владения языком не позволяет разбирать без недопустимого упрощения сложные страноведческие темы. Подобная позиция изложена, например, в «Общей методике обучения...», 1967.

словом сведений, местом предмета или явления в национальной культуре, т. е. она отличается от ближайших иноязычных понятийных эквивалентов своей фоновой стороной. Семантизация лексических фондов слов (а именно она способна повысить лингвострановедческую отдачу материалов учебника) может проводиться поэлементно, т. е., подобно толкованию лексических понятий в словарях, можно толковать лексический фон как самостоятельную единицу. Однако, по нашему мнению, в данном случае целесообразнее проводить семантизацию слова как члена тематической группы, потому что при таком подходе слова выступают в однородных совокупностях и запоминаются в своих противопоставлениях и в своей сочетаемости.

В лингвострановедении для семантизации тематической лексической группы применяется так называемый лингвострановедческий комментарий (Верещагин, Костомаров, 1976 б), представляющий собой последовательный и полный рассказ на определенную тему с охватом подлежащей описанию лексики.

В процессе подготовки страноведческого приложения авторами была проанализирована вся лексика учебника и составных частей комплекса «Русский язык для всех» и выбраны слова с культурным компонентом, заслуживающим лингвострановедческой семантизации. Лексика самого учебника была расписана поурочно, а затем выделены были основные темы, к которым она относится. Их оказалось 11 (условно, так как возможна и другая группировка):

1. Общественное и государственное устройство СССР.
2. География, история и этнография СССР.
3. Москва — столица СССР.
4. Народное образование в СССР.
5. Наука, искусство, литература и спорт в СССР.
6. Здравоохранение, социальное обеспечение в СССР.
7. Средства массовой информации в СССР.
8. Почта, телеграф, телефон.
9. Средства передвижения.
10. Дом, квартира, семья. Советская женщина.
11. Отдых, праздники, русская кухня.

На следующем этапе вся лексика была расписана по темам с указанием номера урока (или номеров уроков), в которых она встречается. Например, основная лексика

по теме «Народное образование в СССР» выглядит следующим образом:

школа	3
институт	3
учительница	3
студент	10
учитель	11
учить	12
пойти в школу	15
университет	18
консерватория	18
вечернее отделение	18
факультет	18
техникум	18
учебный год	18
поступить в институт	18
театральный институт	18
педагогический институт	18
филологический факультет	18
кончить школу/институт	18
физический факультет	18
ПТУ	18
изучать	18
профессор	25
общежитие	30
МГУ	30
стипендия	30
лаборатория	30
медицинский институт	30
математический факультет	30
учебник	34
доктор наук	35
диплом	38
«идут экзамены»	40

Затем были составлены тематические комплексные комментарии. Советский соавтор страноведческого приложения к учебному комплексу «Русский язык для всех» выступил как носитель страноведческой информации и как эксперт в области языка. Западногерманский соавтор, хорошо знающий условия преподавания русского языка в средних школах (гимназиях) ФРГ, указывал конкретные единицы информации, заслуживающие включения в текст, области возможной страноведческой интерференции и оптимальную форму представления сведений.

Таким образом, проблема, рассматриваемая в настоящей главе (форма существования СД в индивидуальном сознании), имеет не только теоретическое, но и важное практическое значение.

С теоретической точки зрения мы предложили и попытались поддержать фактическим материалом гипотезу о невербальной форме существования СД в индивидуальном сознании. Мы имеем в виду как единичные, отдельно взятые СД, так и совокупности СД, т. е. лексические понятия и лексические фоны, — все они, по нашему предположению, невербальны. Речь при этом идет о существовании СД только и исключительно в симультанном, парадигматическом, даже вневременном аспекте. Когда СД должна включиться в последовательно развертываемый говорящим поток высказывания, то она (благодаря некоторому механизму, о котором не беремся судить) сопрягается со словом и тем самым получает вербальную форму выражения; в речевосприятии имеет место обратное движение: от лексемы к СД. Следовательно, для формирования СД в метаязыковой коммуникации способ передачи семантизирующего текста несуществен, потому что СД все равно отрывается от текста и становится невербальной.

С практической точки зрения из этого наблюдения вытекают, вообще говоря, многие следствия, но мы ограничились разбором только одного: в условиях языкового дефицита, недостаточного владения изучаемым языком (например, на начальном этапе обучения), вопреки распространенному мнению, семантизация лексических фонов (даже сложных и обширных) вполне возможна, однако с использованием в коммуникативных целях родного языка обучающихся или (при условии, конечно, что они им хорошо владеют) языка-посредника.

Глава 10

ЭКЗОТЕРИЧЕСКИЕ И ЭЗОТЕРИЧЕСКИЕ СЕМАНТИЧЕСКИЕ ДОЛИ

Разбирая методики определения фоновых СД, мы обратили внимание на следующие обстоятельства. Во-первых, в фоне слова оказывается довольно много СД¹. Во-вторых, теоретически неясно, все ли фоновые

¹ Например, на слово *стул* оказалось 18 реакций, а на слово *стол* — 61 (см. гл. 4).

доли выявляются; мы не знаем, является совокупность СД, входящих в фон некоторого слова, закрытым, конечным множеством или это множество принципиально допускает постоянную прибавку либо произвольное опущение хотя бы одной СД (т. е. оказывается открытым) ².

В данной главе мы ставим два вопроса.

Определимо ли точно количество СД в фоне некоторого слова, и если да, то как? Можно ли упорядочить СД в составе лексического фона на основании какого-либо признака, и если да, то как именно? Оба вопроса связаны между собой логикой научных разысканий и материалом, поэтому поиск ответа на них проводится нерасчлененно.

Выдвигая новую проблему, мы имеем в виду, конечно, не индивидуальное сознание, потому что фон слова в сознании отдельного человека отражает неповторимые условия социализации и прихотливо как включает в себя СД, так и исключает их.

Л. Н. Толстой в «Юности» пишет о «своем языке», который устанавливается между людьми одного кружка или семейства для облегчения одинакового понимания: «...У нас с Володей установились, бог знает как, следующие слова с соответствующими понятиями: *изюм* означало тшеславное желание показать, что у меня *ссть* деньги, *шишка* (при этом надо было соединить пальцы и сделать особенное ударение на оба *ш*) означало что-то свежее, здоровое, изыщное, но не шегольское; существительное, употребленное во множественном числе, означало несправедливое пристрастие к этому предмету и т. д., и т. д.» (гл. «В деревне»). Перед нами типичный случай личностной семантики слова.

Задача перечисления и группировки СД разумна лишь по отношению к общественному сознанию, потому что только применительно к слову как межличностной³ сущности можно говорить о полноте его семантики³ (в индивидуальном сознании фон слова может быть усвоен не до конца) и о стабильности его семантики (семап-

² Столь большое количественное расхождение реакций на стимулы *стул* и *стол* вызвано условиями эксперимента и, следовательно, объясняется не природой лексических фонов обоих слов, а внешними причинами. Никак нельзя думать, что шестью десятками реакций исчерпывается фон слова *стол*; напротив, можно с уверенностью сказать, что реакций и, соответственно, СД больше. По сколько же всего?

³ Поскольку в индивидуальном сознании не только лексический фон, но и лексическое понятие слова (понимаемого как общественная единица) может быть усвоено неполностью, возникают трудности в коммуникативных актах. Ср., например, в «Тихом Доне» М. А. Шолохова: «...За буржув мы воювали, чуюшь? Шо ж це таке — буржуй? Птыця така у коноплях живе...» (кн. 2-я. М., 1957, с. 380).

тика слова в личностном сознании значительно более подвижна).

Поставленная задача относится к общественному сознанию и еще по одной причине. Как кажется, свойство стабильности присуще всем языковым единицам, в том числе и единицам лексического уровня. Во-первых, относительно стабильна лексема (звуковая оболочка слова). Во-вторых, стабильно число СД в составе лексического понятия (они, как правило, перечисляются в толкованиях, причем исчерпывающе). Почему бы, в-третьих, не иметь стабильного состава лексическому фону?

Конечно, мы наблюдали (см. гл. 8), как из состава лексического фона выходят диахронические СД и как актуальные (новые) СД входят в него, этот процесс нередко занимает небольшие промежутки времени (примерно за десять лет все здание культуры весьма модифицируется).

Но наблюдения над динамикой фона не запрещают думать о его стабильности, пусть применительно к меньшим временным периодам по сравнению с лексическим понятием и особенно лексемой⁴. Рассуждаем чисто логически: будучи в постоянном развитии, семантика слова как средства общения должна быть одновременно устойчивой, в том числе и в области лексического фона: если бы она лишилась устойчивости и «поплыла», то общение не выходило бы из затруднений.

Любое априорное предположение, при всей стройности выкладок, подлежит проверке на фактах. Переходим к анализу материала.

Мы уже говорили, что СД фона выделяются с помощью ассоциативной методики. В качестве примера назовем ассоциации, которые возникли у информантов как реакции на стимулы *стол, стул, кровать*. В противоположность практиковавшейся раньше подаче материала в порядке его частотности (т. е. как в ассоциативных словарях) сейчас реакции сгруппированы на основании некоторых смысловых признаков (табл. 1).

Можно ли на основании материалов, полученных ас-

⁴ Таковы, между прочим, всеобщие отношения между динамикой и статикой. Понятие движения непременно предполагает понятие покоя: о том, что вещь движется, можно судить только относительно ее же состояний покоя, и мы говорим, что вещь покойна, подразумевая, что в противоположном случае она движется. Если бы не было покоя, нельзя было бы судить о движении; обе категории в мышлении сопряжены. Сказанное относится к вещам в самом широком смысле философского термина, охватывая и духовное движение.

Таблица 1

Смысловый признак	Реакции на слово-стимул		
	СТУЛ	СТОЛ	КРОВАТЬ
Исходный материал. Из чего сделан предмет	<i>деревянный</i> <i>дерево</i>	<i>деревянный</i> <i>дерево</i>	<i>деревянная</i> железная железо
Родовое понятие	<i>мебель</i>	<i>мебель</i>	
Цвет	коричневый	черный	
Тематически-смежные предметы	стол <i>кресло</i> кровать	<i>кресло</i> <i>диван</i> скамейка табуретка бюро парта стул	<i>диван</i>
Соположенные предметы. Где помещается предмет, обозначенный словом-стимулом	<i>пол</i>	<i>пол</i> кухня комната	дом
Элементы состава. Что непосредственно относится к стимулу		ножка однотумбовый раскладной скатерть	постель одеяло подушка сетка матрац

Смысловый признак	Реакции на слово-стимул		
	СТУЛ	СТОЛ	КРОВАТЬ
Пространственные характеристики предмета, его формы	<i>большой</i> <i>высокий</i> <i>маленький</i>	<i>большой</i> <i>широкий</i> <i>низкий</i> <i>длинный</i> <i>плоский</i> <i>кривой</i> <i>круглый</i> <i>квадратный</i> <i>четырёхугольный</i>	<i>широкая</i>
Назначение предмета. Какую потребность человека удовлетворяет предмет	<i>сидеть</i>	<i>сидеть</i> еда кухонный писать письмо письменный учительский рабочий	сон спать двуспальная
Статика и динамика предмета. Какие действия и состояния типичны для предмета	<i>стоит</i>	<i>стоит</i> двигать делать	<i>стоит</i> скрип скрипит
Качества предмета	<i>новый</i> <i>сломанный</i>	<i>новый</i> гладкий полированный <i>поломанный</i> хромой на трех ножках	
Субъективные оценки предмета	<i>удобный</i> <i>мягкий</i> <i>жесткий</i>	<i>удобный</i> неуклюжий простой богатый гладкий	<i>мягкая</i>

Примечание. Ассоциации выписаны из словаря Л. Н.Титовой (1975 а). Были оставлены в стороне некоторые реакции на стимул *стол* (*столб*, *подоконник*, *телеграф*, *тень*, *чашка*, *язык*).

социативным путем, судить обо всех фоновых СД, относящихся к слову?

Сразу же хочется сказать «нет», и такой вывод мы уже излагали раньше (см. гл. 4). Достаточно увеличить число испытуемых или просить их давать больше реакций, как количество слово-ассоциатов значительно возрастет. Например, на стимул *стул* была дана только одна цветовая реакция *коричневый*, но *стул* может быть и *черным* и *белым*. *Кровать* вообще не вызвала цветовых реакций, хотя все три прилагательных, конечно, относятся и к ней. Если по отношению к *стулу* и *столу* выявлены ассоциаты *большой*, то ассоциат *маленький* почему-то выявился лишь у *стула*, хотя, естественно, он относится и к *столу*.

А если обратиться к субъективным оценкам предмета, то количество возможных прилагательных возрастет беспредельно: по отношению к *стулу* выявились реакции *удобный*, *мягкий*, *жесткий*, но к нему можно отнести и реакции на слово *стол* — *неуклюжий*, *простой*, *богатый*, *гладкий*, да и целый ряд других оценок: *хороший*, *плохой*, *великоленный*, *отвратительный*, *дорогой*, *дешевый*, *примитивный*, *изысканный*, *любимый*, *модный*, *старомодный*, *гигантский*, *крошечный*, *надоевший*, *желанный*, *прекрасный*, *безобразный*, *нужный*, *брошенный*, *лишний* и т. д. Короче говоря, ассоциативные материалы легко пополняются, и притом не единичными фактами, а большими массами возможных реакций (мы, кстати, не учитывали реакции глаголами и именами существительными, а они серьезно увеличили бы количество потенциальных фоновых СД). Как кажется, ассоциативным путем установить фоновые СД некоторого слова полностью, все без исключения невозможно.

Такова одна, известная и раньше, сторона дела. Обратим сейчас внимание на другую; она касается только что предпринятого нами сопоставления реакций на слова близких тематических сфер.

Как видно из табл. 1, некоторые реакции оказываются общими для двух или даже трех слов-стимулов (они выделены курсивом). Если считать, что словесные реакции действительно объективируют невербальные СД⁵,

⁵ Мы хотим еще раз напомнить, что СД, по нашему мнению, невербальны. Следовательно, однозначной связи между некоторой СД и некоторым словом нет, и описание содержания СД средствами русского языка дается условно.

то, стало быть, по крайней мере некоторые фоновые СД слова А не принадлежат ему одному. Они одновременно принадлежат слову Б, а также слову В и, вероятно, в общем виде до какого-то слова N. СД, которые не принадлежат только и исключительно фону слова А, являются по отношению к слову А внешними; пусть они далее называются *экзотерическими*⁶.

Предположим, что существуют и внутренние фоновые СД, т. е. СД, относящиеся к фону слова А, и только к нему одному; назовем такие СД *эзотерическими*. Мы сказали: предположим, потому что существование эзотерических фоновых СД совсем не очевидно (на табл. 1 они не видны) и нуждается в специальном показе. В самом деле: реакция *ножка*, которая в ассоциативном эксперименте оказалась отнесенной к стимулу *стол*, отнюдь не является принадлежностью фона одного этого слова и, вне всякого сомнения, может быть приписана также стимулам *стул* и *кровать*. Следовательно, поставленная нами проблема выявления всех СД лексического фона по отношению к эзотерическим СД разделяется: сначала надо продемонстрировать принципиальное существование эзотерических СД, а затем, если оно будет показано, научиться выявлять их с исчерпывающей полнотой.

Итак, попробуем установить, существуют ли эзотерические СД в семантике слова. Для этой цели используем так называемую методику приписывания. В табл. 1 много незаполненных клеток. Например, под стимулом *кровать* есть реакция *железная*, а под стимулами *стол* и *стул* реакции *железный* нет; перед нами два пробела в таблице, две лакуны, которые, на наш взгляд, могут быть заполнены: ведь *стол* и *стул* вполне могут быть *металлическими*, *железными*. Вот и припишем эти (хотя и не выявившие себя в эксперименте, но, безусловно, допустимые) реакции обоим словам-стимулам. Подобные приписывания не всегда возможны: скажем, если *матрац*

Например, идея «предметности» выражается не только словом *предмет*, но и словами *вещь*, *тело*, *Gegenstand*, *Ding*, *Sache* и описательными словосочетаниями *нечто материальное*; *то, что имеет форму*; *то, что измеряется в длину*, *ширину* и *высоту*. Как было сказано раньше (см. гл. 9), актуализация в сознании человека некоторой СД не означает одновременной актуализации адекватного слова, а представляет собой только начало поиска подходящего слова.

* Этот термин и следующий ниже парный к нему (эзотерический) основываются на греческих прилагательных *exōterikos* (внешний, наружный) и *esōterikos* (внутренний, сокровенный).

является обычным ассоциатом стимула *кровать*, то эта реакция не имеет отношения ни к *стулу*, ни к *столу*.

Наряду с абсолютной невозможностью приписывания, говорим и об относительной невозможности (опираясь при этом на критерий типичности, регулярности связей явлений действительности и соответственно слов): скажем, *стул* и *стол* дают ассоциаты *сидеть*, а стимул *кровать* такого ассоциата не имеет (вообще говоря, на кровати можно сидеть, но типичным, регулярным это действие не является).

Таким образом, методика приписывания покоится на заполнении только тех лакун, семантика реакций которых, по мнению авторов данных строк, безусловна: она должна быть принципиально возможной по отношению к слову-стимулу, типичной для него и, конечно, лишенной метафорического и других образных переносов (табл. 2; приписанные СД выделены курсивом).

Методика приписывания, может быть, не столь надежна, как ассоциативные материалы (эти последние, как известно, получены опросом большого числа информантов и, следовательно, являются репрезентативными), однако с ее помощью удается устранить из ассоциативных материалов тот элемент случайности, непредсказуемости (реакций), который и явился прямой причиной наличия слишком многих немотивированных лакун.

Приступим к интерпретации материала.

Сначала разберем экзотерические СД, а потом обратимся к эзотерическим.

Первое наблюдение относительно экзотерических СД состоит в том, что они, собственно, не принадлежат некоторому слову А как целому, а принадлежат определенной СД в составе семантики этого слова.

Например, по толкованию лексического понятия, *стул* — это предмет (мебели, для сидения, со спинкой, без подлокотников, на одного человека), и СД *предмет* в семантике слова *стул* приписывает этой семантике дальнейшие СД; они относятся к пространственным характеристикам предмета (*высокий, низкий, большой, маленький, широкий*) ИЛИ К его формам (*квадратный, четырехугольный, круглый*), а также к его материалу (*деревянный, железный*) и цвету (*коричневый, черный*). Одновременно *стол* — также предмет, поэтому все СД, отражающие «предметные» характеристики, относятся и

Реакции на слово-стимул		
СТУЛ	СТОЛ	КРОВАТЬ
деревянный <i>железный</i> мебель коричневый <i>черный</i> кресло <i>диван</i> <i>скамейка</i> <i>табуретка</i> бюро <i>парта</i> пол кухня <i>комната</i> <i>ножка</i> <i>раскладной</i>	деревянный <i>железный</i> мебель <i>коричневый</i> черный кресло диван скамейка табуретка бюро парта пол кухня комната ножка однотумбовый раскладной	деревянная железная мебель <i>коричневая</i> <i>черная</i> <i>кресло</i> диван <i>скамейка</i> <i>табуретка</i> <i>пол</i> <i>комната</i> <i>ножка</i> <i>раскладная</i> постель одеяло подушка сетка матрац <i>большая</i> <i>высокая</i> <i>маленькая</i> широкая <i>низкая</i> <i>длинная</i> кривая
большой высокий маленький <i>широкий</i> <i>низкий</i>	скатерть большой <i>высокий</i> <i>маленький</i> широкий низкий длинный плоский кривой круглый квадратный четырёхугольный	
сидеть	сидеть еда кухонный писать письменный учительский рабочий	сон спать двухспальная

Реакции на слово-стимул		
СТУЛ	СТОЛ	КРОВАТЬ
стоит <i>двигать</i> <i>скрипит</i> <i>делать</i> новый сломанный <i>хромой</i> <i>на трех ножках</i> удобный мягкий жесткий <i>неуклюжий</i> <i>простой</i> <i>богатый</i>	стоит двигать <i>скрипит</i> делать новый гладкий полированный сломанный хромой на трех ножках удобный неуклюжий простой богатый	стоит <i>двигать</i> скрипит <i>делать</i> <i>новая</i> полированная <i>сломанная</i> <i>хромая</i> <i>на трех ножках</i> <i>удобная</i> мягкая жесткая <i>неуклюжая</i> <i>простая</i> <i>богатая</i>

к нему. Следовательно, как кажется, достаточно в семантизации приписать слову СД *предмет*, чтобы на него перешли все те конкретные СД, которые эту предметность отражают, объективируют. Получается, что экзотерические СД в семантизации конкретного слова и не нужно указывать, их следует как бы вынести за скобки: указать, предположим, в одном месте все СД, объективирующие свойства предмета (а также действия, которым подвергаются предметы), а по отношению к определенному слову просто указывать, имеется в его семантике СД *предмет* или нет.

Итак, первое наблюдение заключается в том, что экзотерические СД находятся скорее за пределами семантики конкретного слова, чем в ее границах.

Особенно наглядно это видно на материале оценочных СД. Доли *хороший*, *плохой*, *прекрасный*, *отвратительный*, *великолепный*, *мерзкий*, *приятный*, *неприятный* и т. д. приписываются как предметам, так и жидкостям, как материальным, так и духовным вещам, поэтому перечисленные СД являются экзотерическими по отношению к огромным массам лексики.

Именно поэтому можно сомневаться в целесообразности показа оценочной (и вообще массово переносимой экзотерической) сочетаемости слова, если, конечно, она не идиоматична.

Действительно, если известно, что стул — предмет, то из этого следует, что он имеет цвет; если известно, что стул — предмет мебели, то из всех цветов спектра, которые прилагаются к предметам вообще, могут быть выбраны лишь некоторые (скажем, *зелёный стул* — мыслимая вещь, но пока массово не употребительная); если сказано, что стул — это предмет мебели для сидения, то в лексическом фоне слова оказываются глаголы *сесть, садиться, присаживаться* (но запрещаются глаголы *лечь, лежать*). Как видно, взаимное ограничение понятий приводит к тому, что фиксируются СД, которые относятся только и исключительно к данному слову, но это наложение понятий имеет место за пределами собственной семантики слова.

Итак, экзотерические СД должны семантизироваться по отношению к классам равноположенных слов или, что то же самое, по отношению к более абстрактному слову, выступающему в качестве наименования этого класса.

Важный для учебного процесса вывод: в семантизации лексического фона могут отсутствовать упоминания о сведениях, приложимых и к другим словам. Например, при описании семантики слова *стул*, если бы вдруг потребовалось дать ее полностью, можно не говорить, что *стулья скрипят, гнутся, ломаются, расклеиваются*, что их делают *столяры* или что *стулья горят* (ср. у А. Н. Толстого в «Хожении по мукам»: «на растопку пришлось употребить два ореховых стула из бабушкиного кабинета»). Достаточно, видимо, отметить, что *стулья изготавливают из дерева*. Поскольку из *дерева* бывают также *столы* и *кровати*, они тоже *скрипят, гнутся, ломаются, расклеиваются*, производятся *столярами* и *горят*. Так как перечисленные глаголы относятся сразу к классу слов, они должны быть названы внешними по отношению к каждому слову — члену класса.

Факт экзотеричности перечисленных СД доказывается и другим способом: стоит принять во внимание другой материал, как *железный стул* приобретает по сравнению с *деревянным* иную сочетаемость, прямо противоположную: *железный стул* не пойдет на растопку, он не может расклеиться, да и к производству его столяр не имеет отношения. Находясь за пределами собственной семантики слова, экзотерические СД предполагают семантизацию вне привязки к этому слову.

Так, вероятно, и проходит освоение мира ребенком в процессе социализации: он не по отдельности узнает, что деревянный стул горит, а железный нет, а прямо усваивает свойства дерева и железа и затем переносит их на все предметы из соответствующего материала.

Экзотерические СД включают слово в систему общего знания коллектива говорящих и соответственно сопоставляют слово с другими, смежными словами. Получается, что экзотерические СД в семантике слова (идет ли

речь о понятийных СД, или о фоновых) ни в коем случае не являются элементарными, простыми, лишенными собственного состава, предельными единицами деления.

Мы говорим об этом, потому что термин *элемент* имеет два значения, обычно сопрягаемых не только в обыденном, но и в научном сознании. Начиная с Аристотеля⁷ под *элементом* понимают «то основное в составе вещи, из чего вещь складывается», так что СД, из которых складывается лексическое понятие или которые входят в лексический фон, также могут мыслиться как элементы семантики. Собственно, до сих пор мы и не задавались вопросом их дальнейшей делимости (и большинство семасиологов так поступает: например, СД *предмет* или СД *жидкость* считались элементами семантики слов).

Если бы термин *элемент* означал только единицу состава в рамках целого, то его можно было бы и дальше безболезненно использовать в семасиологических разысканиях (в том числе и в нашем). Однако термин содержит в своем значении еще и представление простоты: в обиходном языке *элементарный случай* или *элементы математики* — это *простой случай* и *самое простое введение в математику*; в научных воззрениях элемент также непременно прост: у Аристотеля элемент «не делится дальше по виду так, чтобы образовать другой, низший вид» (с. 81).

Это второе значение термина не годится для СД как элементов лексической семантики. Экзотерические СД не только не просты, но может быть, парадоксальным образом даже сложнее семантики слова, в состав которой они входят (ср. СД *человек* в составе лексического понятия *стул*: более сложное понятие оказывается в составе относительно простого)⁸.

Между прочим, из сказанного следует, что экзотерические СД в составе лексической семантики настолько количественно велики, что задача исчерпать их становится неразумной. В самом деле: можно ли исчерпать все оценочные суждения? имеет ли смысл перечислять все возможные формы предметов? стоит ли пытаться точно зафиксировать все возможные действия, которые предметы сами способны произвести или которым они подвергаются? Экзотерические СД, сопрягаясь с дальнейшими СД самой различной степени абстракции, неисчерпаемы. По отношению к конкретному слову эти СД представляют собой лишь относительные «атомы» — подобные тем выделяемым в науке атомам на различных уровнях познания, которые объективируют различные стороны объекта и различные по глубине степени его познания.

⁷ Аристотель. Метафизика. М.: Л., 1934, с. 81.

⁸ См., подробнее: Степанов Н. И., 1976.

Таким образом, отвечая на вопрос, поставленный в начале данной главы, скажем: некоторые СД в составе лексического фона (а именно экзотерические) не могут быть перечислены до конца и не образуют закрытого, конечного множества.

Что же касается эзотерических СД, то, по нашему мнению, они на самом деле существуют. Гипотеза о наличии внутренних, относящихся только к данному слову СД подтверждается фактами. Например, СД *скатерть* относится только к *столу*: к *стулу* и *кровати* (да и к другим предметам мебели) она отношения не имеет: по Ожегову, *скатерть* — «изделие из плотной ткани, которым покрывают стол».

Правда, многие реакции (они не приложимы к другим словам из обследованного нами массива; в табл. 2 выделены полужирным шрифтом) уникальны лишь применительно к рассмотренному, т. е. ограниченному материалу. Скажем, СД *кухонный* не входит в фоны слов *стул* или *кровать*, но она присутствует в фонах слов *шкаф* или *гарнитур*. Поэтому хотя действительно имеются строго эзотерические СД, они по сравнению с экзотерическими весьма малочисленны и даже теряются в обильном количестве характеристик слова, относящих его к самым различным классам других слов. Индивидуализирующие признаки оказываются в явном меньшинстве.

Они, однако, замечательны и ценны в лингвострановедческом плане тем, что отражают, концентрируют в себе преимущественно не общечеловеческое знание, а особенности национальной культуры, национальной истории.

Например, по нашим материалам в семантике слова *стул* не обнаружилось СД, которые отсутствовали бы в фоне слова *стол* или в фоне слова *кровать*, т. е. ассоциативным путем выявились исключительно экзотерические фоновые СД. Однако если рассмотреть функционирование слова, например, в русской идиоматике (фразеологии и афористике), то все соответствующие фоновые СД оказываются принадлежащими этому слову, и только ему.

Ср. фразеологизм *сидеть между двух стульев* (*между двумя стульями*), т. е., по семантизации Дубровина (1977, с. 259), в одно и то же время высказывать противоположные точки зрения, пытаться

поддержат каждого из участников спора⁹. Ср., далее, поговорку *на посуле, что (или как) на стуле*, т. е. пообещать что-либо легко, ничего не стоит, а человек, которому пообещали, испытывает к тебе благодарность¹⁰. Ср., кроме того, крылатое выражение *Александр Македонский герой, но зачем же стулья ломать?*, которое может быть стянуто до фразеологизма *ломать стулья*, т. е. переходить в чем-либо меру, переступить границы". Можно, наконец, сослаться на ставшее расхожим клише название популярного юмористического романа *«Двенадцать стульев»*¹² и на популярную телевизионную программу *«Кабачок 13 стульев»*. Указанные СД слова *стул* являются, безусловно, эзотерическими.

Эзотерические СД в противоположность экзотерическим, вероятно, могут быть исчислены и приведены списком — количественно их немного. Тем не менее в силу принципиальной разницы между понятийными и фоновыми СД эта возможность оказывается скорее теоретической, чем практической. Понятийные СД обязательно должны быть указаны исчерпывающе, потому что пропуск хотя бы одной из них уже нарушает узнавание и номинацию (см. гл. 1). Пропуск в перечислении не только одной, но и нескольких фоновых СД (речь идет при этом лишь об эзотерических СД, так как экзотерические принципиально не могут быть исчислены), к каким-либо серьезным последствиям не приводит.

Конечно, в определенной ситуации говорящий может обнаружить, что он не владеет некоторой фоновой СД, но ждать такой ситуации приходится долго (и для некоторых членов языковой общности такая ситуация вообще никогда не наступает).

Поэтому, разбирая фоновые СД, исследователь часто испытывает затруднения, особенно если перед ним возможные диахронические СД: например, включать в лексический фон слова *стол* СД *венский* или СД *гамбсовский*? включать ли в фон слова *молоко* СД *четверть*? Именно в этом смысле мы и говорим, что возможность

⁹ Хотя во «Фразеологическом словаре русского языка» (М., 1978, с. 423) и не дается этой семантизации, в числе примеров имеется одна поддерживающая ее цитата: «Только у людей, привыкших сидеть между двух стульев, нет никакого „задора“, только такие люди способны, похвалив вчера зазор „Раб. мысли“, нападать сегодня за „полемический зазор“ на ее противников» (Ленин В. И. Поли. собр. соч., т. 6, с. 43).

¹⁰ Наша семантизация отличается от предложенной В. П. Жуковым (1966, с. 250), да и распространения поговорки мы имеем в виду разные: *посидишь да и встанешь* (Жуков), *удобно сидеть* (Верещагин, Костомаров).

¹¹ Слова городничего из комедии Н. В. Гоголя «Ревизор» (см.: Ашукни, Ашукни, 1955, с. 18).

¹² «Клубом 12 стульев» названа юмористическая полоса «Литературной газеты».

перечислить эзотерические доли в виде списка теоретически имеется, но практически это едва ли достижимо.

Разделение экзотерических и эзотерических СД в составе лексического фона способно сыграть важную (хотя, казалось бы, техническую) роль в лингвострановедческой семантизации слов в учебнике, вообще в учебном процессе и, в частности, в лингвострановедческой лексикографии. Общее правило таково (сейчас оно формулируется предварительно): семантизации подлежат только эзотерические СД, а экзотерические, хотя они и входят в лексический фон, семантизироваться не должны.

Например, в лексический фон слова *письмо* входят те действия, которые с письмом можно призвести, в их числе такие: *разорвать, смять, скомкать, сжечь, разгладить, свернуть, развернуть* письмо, *шуршать, размахивать* письмом и т. д., но все они, собственно, относятся к материалу (к *бумаге*), из которого изготовлен предмет, т. е. соответствующие СД являются экзотерическими и, может быть, подлежат семантизации под словом *бумага*, но не под словом *письмо*.

Аналогично *письмо* можно *хранить, выбросить, носить с собой, вложить в ящик* (или *книгу*), письмом можно *гордиться, пренебречь*, о письме можно *думать, тревожиться* и т. д. — и все соответствующие СД опять-таки скорее относятся или просто к *предмету*, или к одному из ПИДОР предметов (например, к *книге, журналу, газете*, вообще к *тексту*), так что перед нами снова экзотерические фоновые СД, не подлежащие семантизации. В словарной статье ПИСЬМО, написанной В. В. Морковкиным (Верещагин, Костомаров, 1976б, с. 12—126), все эти экзотерические СД отсутствуют, а те СД, которые он семантизирует (*почтовый конверт, марка, отправитель, получатель, адресовать, бросить в почтовый ящик, запечатать, распечатать, до востребования* и т. д.), относятся исключительно (или преимущественно) к заголовочному слову и, стало быть, являются эзотерическими.

Правило — семантизировать только эзотерические СД фона — нуждается в уточнении, которое, как ни парадоксально, оборачивается разрушением его строгих границ. Практически нецелесообразно настаивать на безусловной уникальности и неповторимости включаемых в словарную статью материалов. Например, СД *бросить!* *опустить в почтовый ящик*, строго говоря, не является эзотерической, потому что она входит в фон не только слова *письмо*, но и слова *открытка*. Однако не строить же искусственно некоторое родовое обозначение, под которым и давать эту СД! Вероятно, полезно дать эту СД и по отношению к первому слову, и применительно ко второму.

Видимо, вообще следует руководствоваться требованиями удобства семантизации и включать в словарные

статьи некоторые экзотерические СД, если они относятся к небольшому и родственному классу слов и особенно если (это соображение сугубо практическое) слова соответствующего класса по каким-либо причинам не будут семантизироваться. Таким образом, хотя разделение экзотерических и эзотерических СД действительно может служить критерием при выборе фоновых СД, подлежащих семантизации, некоторые экзотерические доли все же не могут (не должны) исключаться из словарных статей.

Вероятно, чем абстрактнее класс слов, к которому относится СД, чем больше слов этот класс включает в себя, тем ниже вероятность, что данная СД должна семантизироваться под любым из слов класса. Например, оценки приложимы к предметам, явлениям, действиям и качествам, поэтому СД *плохой/хороший* не должно быть ни в одной из словарных статей, т. е. она должна быть, безусловно, вынесена за скобки (разумеется, если не вмешивается идиоматичность, которая заставляет общее проявляться в частном).

Напротив: чем конкретнее класс слов, чем меньше лексических единиц в таком классе, тем выше вероятность, что относящаяся к классу СД войдет в описание фонов каждого слова класса или хотя бы некоторых из них. Например, СД *поздравительный, -ая, -ое* относится к небольшому классу членов (*письмо, открытка, телеграмма, речь*) и может быть включена в материалы, семантизирующие каждое из этих слов.

Итак, учебная (в том числе лексикографическая) семантизация лексического фона предполагает описание эзотерических СД и некоторых экзотерических СД (как правило, низкого уровня абстракции). Мы, конечно, видим, что подобная формулировка не является инструкцией в подлинном смысле, потому что оставлено место для субъективных решений, тем не менее в лексикографии личностный элемент присутствует всегда.

Подведем итоги.

Можно ли определять точное количество СД в фоне слова? Вероятно, ответы окажутся противоположными в зависимости от того, какой вид фоновых СД иметь в виду.

Экзотерические СД — это связи данного слова с другими словами, причем через посредство словесной цепоч-

ки слово Может оказаться сопряженным по смыслу с весьма отдаленными лексическими единицами; экзотерические СД помещают слово в парадигму сопряженных слов. Так как степень абстракции экзотерических СД при движении от семантического ядра к его периферии повышается, значительно возрастают и количества СД, которые включаются в фон слова. Мы не оговорились: экзотерические СД не статически включены в фон слова, а динамически включаются в него (в общественном сознании лексический фон — это набор возможностей для включения СД в семантику слова, а в индивидуальном — реализация этих возможностей). Таким образом, экзотерические СД потому и называются внешними, что они, вероятно, находятся за пределами собственной семантики слова и лишь включаются в нее (по разным причинам, но о них здесь не говорим). Следовательно, будучи способными к постоянному количественному возрастанию, экзотерические СД принципиально неперечислимы.

Эзотерические СД объективируют собственную семантику слова, фиксируют в ней историю и современное состояние именно того класса предметов, который называется данным словом, поэтому они с точки зрения теории перечислимы.

Ответы на вопросы, поставленные в начале данной главы, существенны не только в чисто познавательном отношении, но и практически: разделение двух видов фоновых СД позволяет получить критерий для отбора материала в учебной семантизации лексики.

Глава 11

ЗРИТЕЛЬНЫЙ ОБРАЗ КАК ЧАСТЬ ЛЕКСИЧЕСКОГО ФОНА

Зрительная наглядность способна выполнять самые различные лингводидактические функции. Некоторые виды зрительной наглядности имеют чисто языковое значение: с помощью схем (или подстановочных таблиц, или в простейшем случае — фишек и т. д.) моделируется структура слова или фразы, и обучающийся легче усваивает систему словоизменения или синтакси-

ческую систему¹. Наглядность широко применяется, кроме того, в стимулировании речи: просмотрев киноэпизод или имея перед глазами сюжетную картинку (в том числе и произведение изобразительного искусства), обучающийся строит развернутое тематическое высказывание². Велика роль зрительной наглядности в повышении интереса к обучению³.

Естественно, что зрительная наглядность издавна используется и в лексической работе: в методике преподавания иностранных языков известен ряд примеров семантизации новой лексики — перевод слова на родной язык, опора на догадку (по контексту или на основании словопроизводства⁴), использование смысловой близости слов (синонимии, антонимии, тематической общности), словесное описание и т. д.; одним из таких приемов и является зрительная наглядность, зрительная семантизация лексики⁵.

В настоящей главе мы хотели бы выяснить, входят ли в лексическую семантику визуальные компоненты, и если да, то можно ли их классифицировать (например, по степени абстрактности) и соотнести с компонентами семантической структуры слова (например, с какой-либо СД, с лексическим понятием или со всем лексическим фоном). С лингводидактической точки зрения, — а методическое преломление общенаучных фактов мы постоянно стараемся иметь в виду, — важно посмотреть, имеется ли разница между общечеловеческой (назовем ее так) зрительной семантизацией слов и лингвострановедческой.

Лингвострановедческий аспект зрительной наглядности был поставлен как проблема и сейчас интенсивно изучается в секторе лингвострановедения Института русского языка им. А. С. Пушкина; поэтому мы не только

См. подробнее: Леонтьев А. Д., 1973.

См. подробнее: Городилова, 1975, а также: Брагина, 1969.

По этому вопросу см. специально: Арентд, 1975.

В этой связи А. Н. Васильева (1973, с. 4) предлагает выделять «синтетические словарные единицы»: «Синтетическая словарная единица представляет собой часть гнезда родственных слов, из которых одно считается основным, базовым, а другие — потенциально знакомыми; первыми учащийся должен владеть активно (уметь употреблять), вторые он должен уметь „узнавать“ — текст — понимать на основе знания базового слова, определенных законов естественного строя, а также на основе конспитуации и контекста».

См. подробнее: Беляев, 1964, а также Зимняя, 1970; Шукин, 1969. Ср. слова: Дормилонтова, 1962; Ванников, Шукин, 1969; Грунич, б. г.

Известны также попытки использовать приемы зрительной семантизации области фразеологии и афористики (Дубровин, 1977).

опираемся на предшествующие публикации (Верещагин, Костомаров, 1973а, 1975а, 1976а), но и пользуемся одним из показательных примеров, разобранных в них.

Для того чтобы увидеть, где именно искать лингвострановедческий компонент в зрительной семантизации лексики, разберем сначала случаи, когда об этом компоненте явно не приходится говорить, т. е. используем исследовательскую процедуру от противного. В этой связи предлагается различать несколько типов зрительной семантизации лексики — в зависимости от полноты освоения содержания слова.

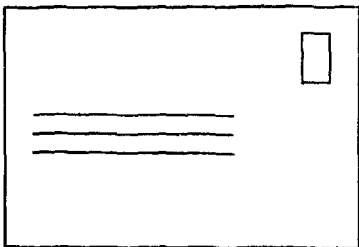

Рис. 7

Пусть первый тип называется понятийным уровнем семантизации. Если лексические понятия двух (или более) языков совпадают (подобные понятия являются межъязыковыми), то зрительная семантизация на понятийном уровне должна не более чем напомнить обучающемуся о хорошо известном ему понятии, стимулировать прямой перенос межъязыкового лексического понятия (т. е. перенос из родного языка в изучаемый).

Например, лексическое понятие, выражаемое словами *письмо*, *letter*, *Brief* и *lettre*, описывается толковыми словарями примерно одинаково: это написанный текст, посылаемый для сообщения чего-нибудь кому-нибудь. Поэтому, как мы говорили раньше, при изучении русского языка ни англичанину, ни немцу, ни французу усваивать понятия заново не требуется, так что изображение (рис. 7)⁶ должно как бы исключить родной язык и привязать к наличествующему понятию новую форму, новую лексему. В этом случае зрительный образ, по мысли лингводидактов, как бы говорит человеку: что это такое, ты хорошо знаешь; ты пока не знаешь, как «это» называется по-русски.

Ср. соответствующие высказывания специалистов: «При преподавании иностранных языков иллюстрации становятся исходным пунк-

⁶ Изображение заимствуем из кн.: Ванников, Щукин, 1969, с. 220.

том, стимулом, средством объяснения» (Шретер, 1967, с. 422); «Задача состоит в том, чтобы научить учащегося мыслить об уже известных ему предметах и явлениях средствами другого языка. При изучении языка иностранцами должен усваиваться языковой материал, т. е. слова, словосочетания, предложения, а не предметы и явления, обозначаемые ими, потому что эти предметы и явления учащимся уже хорошо известны» (Методика преподавания, 1967, с. 212).

Составители картинных словарей Дудена так обосновывают использование ими единого зрительного ряда для немецкого, английского, французского, итальянского и других вариантов: «Иллюстрации <...> варианта <...> взяты из оригинального (т. с. немецкого.— Е. В., В. К.) издания этого словаря, так как все языки выражают с небольшими изменениями одну и ту же действительность, действительность самой жизни» (Французский Дуден, 1962, с. 5).

Зрительная семантизация на понятийном уровне протекала бы без всяких затруднений, если бы зрительный образ на самом деле был жестко связан с некоторым определенным понятием. Однако, как это видно из преподавательской и лексикографической практики, один и тот же образ может вызывать несколько понятий, равно как одно и то же понятие одинаково эффективно семантизируется с помощью принципиально разных изображений.

В самом деле, если рис. 7, по замыслу составителей картинного словаря русского языка, семантизирует понятие, выражаемое словом *письмо*, то в картинном словаре французского языка (Фуррэ, б. г., с. 18) этот же самый рисунок приведен при слове *adresse* (адрес), в то время как в словаре Б. Груича (б. г., с. 239) он призван семантизировать слово *конверт*.

Таким образом, анализ лексикографических работ показывает, что рис. 7 может быть приписан по крайней мере трем понятиям (*письмо*, *адрес*, *конверт*), а в естественном учебном процессе учащиеся присоединили к данному зрительному образу еще и четвертое (*открытка*).

С другой стороны, в упомянутом картинном французском словаре понятие *lettre* (оно точно соответствует русскому лексическому понятию *письмо*) семантизировано иначе (рис. 8).

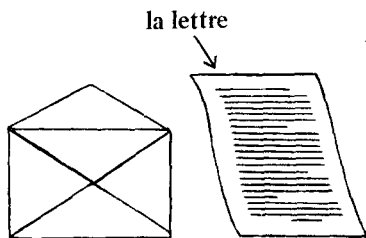

Рис. 8

Следовательно, два изображения способны, по мнению лексикографов, семантизировать одно и то же межъязыковое понятие.

Итак, зрительная семантизация на понятийном уровне сильно осложняется сомнением, что изображение стопроцентно стимулирует актуализацию нужного лексического понятия, и некоторые психологи и лингводидакты не без оснований полагают, что зрительная наглядность при понятийной семантизации лексики порождает путаницу и приносит скорее вред, чем пользу.

В дискуссии по поводу зрительной наглядности в процессе изучения иностранных языков, проходившей в нашей стране в конце 50-х — начале 60-х гг. нашего столетия, как кажется, удалось поколебать идущее из теории прямого метода убеждение в безусловной полезности широкого применения использования изображений. По этому поводу писал Б. В. Беляев (1964, с. 72): «Использование в процессе обучения иностранным языкам тех или иных наглядных пособий, конечно, должно иметь место, и они приносят безусловную пользу. Сюда относится, помимо предметных и сюжетных картинок, также и тот материал, который преподносится с помощью различных технических средств (кинофильмы, диафильмы и т. п.). Все эти наглядные пособия хороши тем, что они в яркой, образной форме воспроизводят то, о чем учащиеся должны мыслить и говорить на изучаемом языке (т. е. предметы мыслей), а также и само это говорение (языковая наглядность при использовании магнитофона и лингафона). Но когда наглядность используется в целях раскрытия смысла и значения иноязычных слов, тогда наглядные пособия не столько способствуют, сколько препятствуют овладению лексикой иностранного языка. Наглядность фактически оказывает большое положительное влияние лишь на запоминание иноязычных слов. Что же касается понимания слов, то наглядная их семантизация ничуть не способствует этому, а только запутывает учащихся, сопровождаясь различными семантическими искажениями и ошибками».

В самом деле, если, желая семантизировать слово *Wand* (стена), учитель показывает на стену класса, то у учащихся может всплыть отнюдь не только нужное понятие: они думают об *обоях*, об *окне*, о *карте* (висящей на стене) и лишь в том числе и о *стене*.

Изложенные соображения по поводу соотносительности зрительного образа и понятия (между ними нет однозначной связи) пригодятся нам в дальнейшем, а сейчас подчеркнем, что семантизация межъязыковых лексических понятий (не учитываем, естественно, безэквивалентной лексики) покоится на общечеловеческой или региональной культуре, следовательно, в зрительной семантизации лексики на понятийном уровне лингвострановедческий компонент **О Т С У Т С Т В У Е Т**.

Этот компонент **о т с у т с т в у е т** в зрительной семан-

тизации лексики и на том уровне полноты показа содержания слова, который назовем интернационально-фон о н о в ы м.

Напомним, что в нашей концепции лексический фон— это совокупность знаний, которые относятся к предмету или явлению, обозначаемому словом (эти знания, однако, фиксируются именно в слове), причем, понимая слово как социальное, надличностное явление, мы имеем в виду

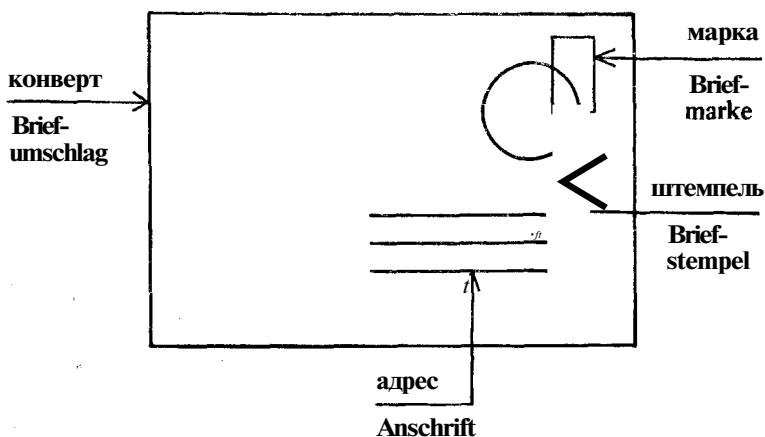

Рис. 9

знания массовые, распространенные среди носителей языка. Эти знания, между прочим, выражаются в тематическом поле лексики, а само такое поле— это группа слов вокруг некоторого центрального, ключевого слова. Например, каждый русский знает, что на почтовый *конверт* наклеивается почтовая *марка*, которая гасится *штемпелем*, и что на конверте пишется *адрес*. Слова, выделенные в тексте курсивом, представляют собой тематическую лексику вокруг ключевого слова *письмо*, и как само ключевое слово, так и сопряженные с ним тематические слова семантизированы зрительно (рис. 9).

Несомненно, что это изображение⁷, если его сравнить с рис. 7, более полно показывает содержание семантизируемого слова, потому что в нем раскрывается не только лексическое понятие, но и некоторые СД лексического фона.

⁷ Заимствовано из кн.: Картинный словарь немецкого языка. 1975, с. 393.

Эти фоновые СД являются межкультурным и межъязыковыми: *конверт, марка, штемпель* и *адрес* — атрибуты письма, кажется, во всем мире, поэтому соответствующие немецкие слова легко переводятся, например, на русский язык, и мы, заимствовав рисунок, легко приписали немецкой тематической лексике русские эквиваленты.

Семантизация слова на уровне фона эффективнее семантизации того же слова на уровне понятия, она реже приводит к путанице и обычно не сопровождается смысловыми ошибками, потому что слова единой тематической сферы взаимно поддерживают друг друга, а более детальное изображение позволяет полнее уловить замысел лексикографа или преподавателя. Следовательно, семантизация ключевого слова через его фоновые СД (а они в свою очередь могут быть реализованы как лексические понятия тематически соположенных слов), несомненно, успешнее показа одного, отдельно взятого слова (скажем, если рис. 7 может быть понят и как *конверт*, и как *письмо*, и как *адрес*, то *Anschrift* на рис. 9 не допускает иной интерпретации, кроме как *адрес*). В этой связи хочется с одобрением отозваться о принципиальной установке авторов картинных словарей Дудена на семантизацию конкретного слова лишь в ситуации и к тому же с приведением соответствующих глаголов⁸.

Если зрительная семантизация охватывает только и исключительно межъязыковые СД (как на рис. 9), т. е. если она является интернационально-фоновой, то при усвоении нового языка новая культура не усваивается (изучаемый язык оказывается новым кодом для выражения хорошо известной семантики). Следовательно, подобно понятийной, интернационально-фоновая зрительная семантизация не предполагает лингвострановедческого подхода.

Обратимся теперь к третьему уровню полноты показа содержания слова.

На рис. 10 представлена наиболее полная семантиза-

⁸ «Слова и картины, насколько возможно, группируются по тематическому принципу, так как только таким способом можно действительно ясно и одновременно просто представить понятийное назначение отдельного слова» (Большой Дуден, 1958, с. 5); «...Нововведением является также то, что в таблицах воспроизводятся не только представляемые понятия, но и в разделе „Действия“ под теми же номерами указываются функции предметов и лиц. Это расширение повышает ценность картинного словаря как педагогического средства, потому что в язык жизнь вносится лишь глаголами...» (Картинный словарь немецкого языка, 1975, с. 5).

ция слова Brief (письмо)⁹. Если раньше все немецкие слова легко переводились на русский язык (*конверт, марка, адрес*), то сейчас мы сталкиваемся с определенными затруднениями: текст под № 31 в буквальном переводе значит «наклейка для скоростных отправлений (с посылным, экспресс)».

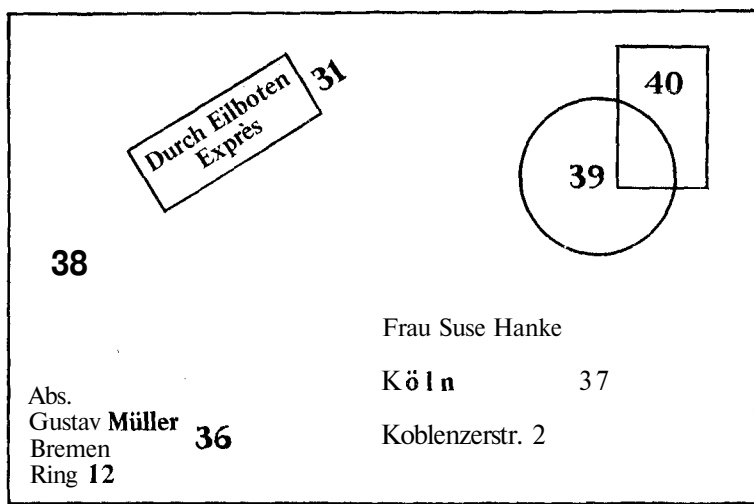

Рис. 10

Этот перевод невразумителен для русского. В нашей стране с точки зрения скорости доставки почтовых отправлений различаются только два вида: *обычная* и *авиапочта*. В ФРГ имеется еще и третий вид — *экспресс-почта*, благодаря которой ускоряется доставка внутри города, потому что письмо доставляет посылный. Экспресс-почта имеется и в ряде других стран, причем в некоторых представлен еще и четвертый вид отправки корреспонденции — *пневматическая* (действует только в крупных городах) ю.

⁹ Изображение взято из кн.: Большой Дуден, 1958, с. 423.

¹⁰ Герои «Прелестных картинок» Симоны де Бовуар (М., 1968) постоянно обмениваются *пневматичками*. Примечательно, что эти письма настолько вошли в быт, что начинают вызывать ассоциации, вторичные оценки, например: «Проснувшись в воскресенье, она нашла под дверью послание: раньше они носили поэтическое название „синих“ пневматичек, и оно действительно показалось ей поэтичным» (Саган Ф. «Немного солнца в холодной воде». М., 1974, с. 123). Ср. ассоциации, которые возникают у нас при виде письма-треугольника (солдатские письма в годы Великой Отечественной войны).

Кроме того, теперь на рисунке есть адрес получателя, и он пишется иначе, чем у нас: в частности, он начинается с фамилии адресата и только потом указывается город (у нас, напротив, сначала в адресе называется город назначения и только потом стоит фамилия человека); кроме того, адресат титулуется непременно, а у нас лишь в редких случаях¹¹. Адрес отправителя написан на конверте в нижнем левом углу, в то время как в нашей стране этот угол на конверте обычно бывает занят направляющей сеткой, по которой пишется индекс почтового отделения (а сам адрес отправителя указывается, как правило, не слева, а справа).

Короче говоря, изображение, представленное на рис. 10, уже не может быть отнесено к категории национально-фоновых, потому что оно явно содержит информацию, которая отражает культуру ФРГ в ее отличии от нашей культуры.

СД лексического фона, которые представляют не общее, интернациональное в национальной культуре, а специфическое, особое, свое, раньше (см. гл. 6) были названы национально-культурными. Поэтому изображение на рис. 10 можно также назвать национально-культурным или, чтобы включить в наименование интересующий нас компонент семантики слова, и а ц и о н а л ь н о - ф о н о в ы м.

Национально-фоновое изображение уже неотделимо от лингвострановедческого компонента в подаваемой информации, поэтому один и тот же рисунок, одна и та же фотография не могут служить единой основой для семантизации русских и, скажем, немецких слов. Следовательно, рис. 11, будучи вполне аналогичным рис. 10, подобен ему лишь по структуре, так как содержит те фоновые СД, которые не совпадают с таковыми в немецкой культуре и, таким образом, относятся к специфике культуры нашей.

Если для наших условий безэквивалентным фактом оказывается имеющаяся в ФРГ *экспресс-почта*, то на рис. 11 можно отметить по крайней мере две СД фона русского слова *письмо*, которые безэквивалентны для ФРГ: *рисунок* слева на лицевой стороне конверта и почтовый *индекс*, исполняемый стилизованными цифрами

¹¹ У нас перед фамилией в адресе может быть указано только ученое звание. До революции титулование было непременно.

Рис. 11

(по специальной направляющей сетке). Кроме того, и та информация, которая имеет аналоги в иноязычной культуре {адреса получателя и отправителя), своеобразна. Поэтому сведения, которые включены в семантизирующую часть словарной статьи, о которой говорилось ранее (см. гл. 10), отнюдь не излишни, но, напротив, необходимы для адекватной семантизации национально-фонového изображения:

«Адрес пишется так. Сначала указывается населенный пункт. Если речь идет о небольшом городе, поселке или селе, то нужно указать название области, края и республики, а также района. Затем пишется улица, номер дома и квартиры. После этого пишется имя, отчество и фамилия получателя. <...> Если письмо посылается в пределах национальной республики или автономной области, то адрес можно писать на местном языке, но название населенного пункта следует повторить и по-русски».

Если изображение и текст семантизируют СД фона, которые являются национально-особенными, то такая семантизация — безразлично, вербальная или зрительная, — должна быть отнесена к сфере лингвострановедения. Следовательно, мы подошли к ответу на вопрос, поставленный в начале настоящей главы, а именно: можно

ли в зрительной семантизации лексики усматривать лингвострановедческую специфику?

Если о лингвострановедческом компоненте в зрительной семантизации лексики не приходится говорить⁴ на понятийном и интернационально-фоновом уровнях полноты показа содержания слова, то лингвострановедческая специфика не только видна, но и выступает на первый план на национально-фоновом уровне словарной работы. Итак, лингвострановедческая зрительная семантизация начинается на национально-фоновом уровне демонстрации плана содержания слова.

Три отмеченных уровня семантизации представляют собой, если выразиться образно, как бы приближение некоторого предмета к глазам: 1) издали видны самые общие очертания предмета, в результате чего человек его узнает, включает в класс однородных явлений и оканчивается способным назвать предмет словом (как родного, так и изучаемого языков); 2) затем, когда изображение несколько придвинулось, различаются детали предмета, которые также узнаются на основе предшествующего (полученного в родной культуре) знания и которые обозначаются вновь усваиваемой тематической лексикой (в том числе путем перевода); 3) наконец, изображение находится прямо перед глазами, на расстоянии, оптимальном для разглядывания, и обучающийся в процессе семантизации узнает теперь не только новые слова (вполне эквивалентные словам родного языка), но и новые фонемы СД, т. е. язык усваивается не только как новый код для заранее наличествующего содержания, но и как носитель нового национально-культурного знания.

Мы полагаем, что все три уровня семантизации лексики могут и даже должны применяться по отношению к одному и тому же слову, но — на разных этапах обучения.

Когда усваивается основная (фундаментальная) лексика (1000—1500 единиц)¹², изображение призвано лишь актуализировать межязыковое лексическое понятие и обеспечить его перенос из языка в язык.

При работе над наиболее употребительной лексикой (3000—4000 единиц)¹³ слова уже группируются по тема-

¹² См., например: Денисов, Морковкин. Скопина, 1972.

¹³ См., например: Анпилогова, Владимирский, Зимин, Сосенко, 1973; 4000 наиболее употребительных слов, 1978.

тическим признакам, и, следовательно, изображение может быть более детальным, хотя и на этом этапе при усвоении нового языка все еще практикуется опора на родную для обучающихся культуру, а в изображениях подчеркиваются интернациональные элементы.

Категория «наиболее употребительной лексики» весьма интересна для преподавательских задач. М. Ленерт (1975), составитель одного из тщательно обоснованных минимумов (английской лексики для немцев), указывает (со ссылками на работы своих предшественников), что 100 наиболее частотных слов покрывают 60% наудачу взятого неспециального текста, 1000 — 86% и 4000 — 97,5%. Так как лексическое покрытие текста не означает немедленного его понимания, следует руководствоваться информационной ценностью наиболее частотных слов: 100 таких слов обеспечивают понимание 30% информации, заключенной в тексте, 1000 — 50% и 4000 — 70%. При отборе лексики руководимый М. Ленертом коллектив опирался на шесть критериев: частотность слова, его многозначность, деривационную ценность, широту стилистического и семантического употребления, способность участвовать в грамматических конструкциях и важность для повседневного общения.

Наконец, на высшем этапе усвоения языка (филологами, а также студентами, обучающимися в советской высшей школе) изображение содержит и специфическую национальную информацию, которая выражается безэквивалентной лексикой и особенностями семантики тематически связанной лексики. Если различие между первым и вторым этапами обучения представляется количественным (ср. рис. 7 и 9), то разница между вторым и третьим — не только количественная, но и качественная (ср. рис. 9 и 11). Если на первом и втором этапах информация подается только о средствах выражения в изучаемом языке (с переносом лексической семантики из родного языка), то на третьем необходимо осваивать и план содержания изучаемой лексики: в учебный процесс включаются сведения о специфике внеязыковой национальной культуры.

Определив, где именно следует искать лингвострановедческий компонент в зрительной семантизации лексики (на национально-фоновом уровне словарной работы), мы завершили рассмотрение первого круга вопросов, относящихся к тематике настоящей главы.

Теперь попытаемся выявить такие приемы создания изображений, которые объективно обеспечивают возможность восприятия иностранцами национально-культурных особенностей зрительного образа. Обсудим также

методику создания и повышения субъективной готовности обучающихся к такому восприятию путем демонстрации соответствующих национально-культурных форм языка. Эта методика дополнительности зрительного и словесного рядов кратко обсуждалась нами в предыдущей публикации (Верещагин, Костомаров, 1976 б, с. 121 и след.); сейчас излагаются некоторые новые мысли.

Выше было проведено разделение двух функций зрительной наглядности в языковом учебном процессе: первая состоит в том, чтобы напомнить обучающемуся о чем-то ему известном (зрительный образ, а не перевод используется или по «прямыстским» соображениям, или если словарь создается для разноязычной аудитории, или если описание предмета либо явления вербально менее экономно и не столь вразумительно, как их изображение); вторая функция заключается в том, чтобы познать изучаемого иностранного языка с чем-то отсутствующим в его родной национальной культуре. Эта ознакомительная функция зрительной наглядности непосредственно относится к компетенции лингвострановедения, и она образует предмет дальнейшего анализа.

Мы уже упоминали о безэквивалентных словах, т. е. таких словах, план содержания которых невозможно сопоставить с каким-либо иноязычным лексическим понятием (поэтому безэквивалентные слова непереводаемы).

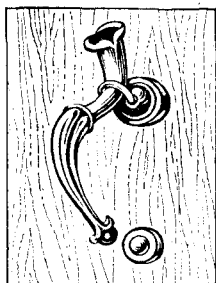

Рис. 12

Безэквивалентному слову соответствует безэквивалентный зрительный образ (и это правило не знает исключений), т. е. такое изображение, которое не имеет никакого соответствия в инокультурной действительности. Безэквивалентный образ обычно ставит наблюдателя в тупик, заставляет его фантазировать; наименование, которое в таком случае отыскивается, естественно, не может быть адекватным.

Приведем примеры. На рис. 12 показан некоторый предмет¹⁴. Что это такое? Большинство опрошенных нами соотечественников не знали, что ответить, остальные же произвели непра-

¹⁴ Рисунок взят из учебного словаря английского языка Хорнби (1958, с. 692).

вильные отождествления (это *ключ* для аппарата азбуки Морзе, сломанная *дверная ручка*). На рисунке изображен кноскер (дверной молоток), элемент традиционного жилища в Великобритании, — безэквивалентное для отечественной культуры явление, которое мы уже обсуждали (см. гл. 5).

С другой стороны, для иностранца безэквивалентны слова *самовар*, *городки* (*городошные фигуры*) и многие другие, поэтому их приходится семантизировать рисунками, подобными тем, которые привела Дж. Герхарт

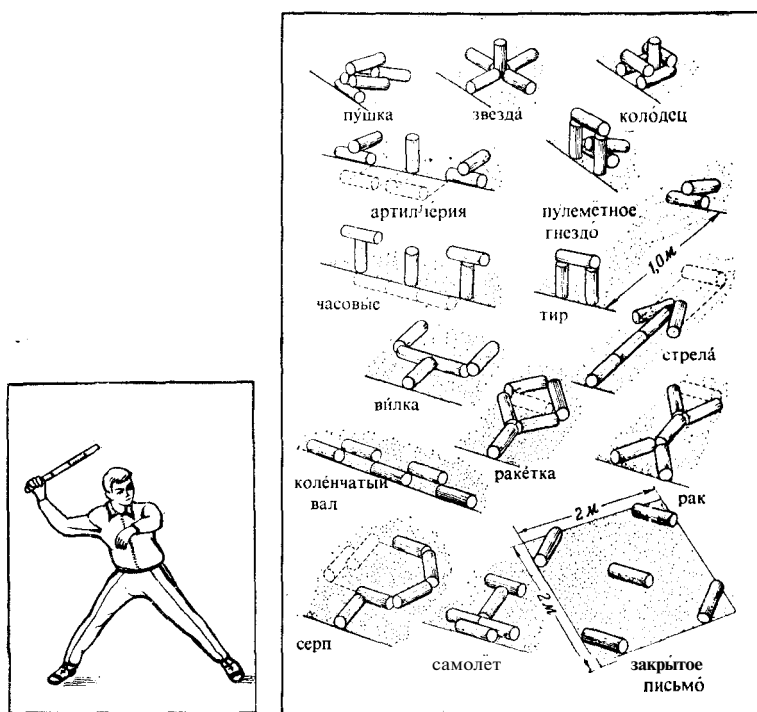

Рис. 13

(1974, с. 65, 142) в своем страноведческом пособии, предназначенном для американских студентов (рис. 13, 14).

Кроме реакции «не знаю», чувства недоумения и растерянности, в восприятии безэквивалентных зрительных образов иностранцами наблюдается также явление

«смотрю, но не вижу», оно отмечается, правда, только в тех случаях, когда безэквивалентный зрительный образ входит в картину (фотографию) как ее деталь или составная часть. Рассматривающий картину или фотографию замечает и осознает на ней (т. е. воспринимает) только то, что ему знакомо, а подробностей, часто существенных, действительно не видит.

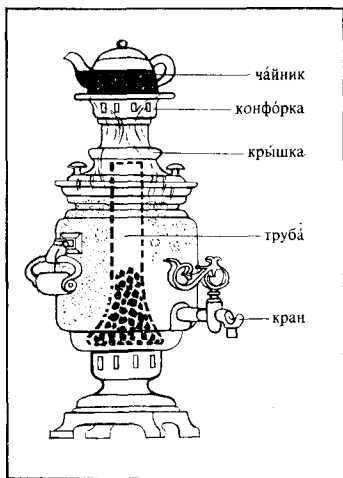

Рис. 14

Например, студенты-иностранцы при первом знакомстве с известной картиной Ю. М. Непринцева «Отдых после боя» поголовно не замечают *кисета* в руках солдата-балагура, хотя *кисет* образует композиционный центр картины и ярким пятном бросается в глаза.

Эту «культурную слепоту» приходится снимать, специально и многократно привлекая внимание обучающихся к соответствующей безэквивалентной детали, истолковывая ее, но, самое главное, сообщая слово, которым безэквивалентное явление называется по-русски.

После того как студенты получили лингвострановедческий комментарий слова *кисет*, они не только его на картине «заметили», но и вся композиция представилась им в другом свете.

То же самое психологическое явление невозможности воспринять образ, находящийся в поле зрения, по причине недостаточных предварительных знаний, отмечается и в зрительной семантизации фоновой лексики. Разглядывая изображение, человек, безусловно, вполне узнает понятийно-эквивалентный предмет, правильно его оценивает, адекватно называет словом родного языка и эквивалентным словом изучаемого, но при этом воспринимается на рисунке лишь то, чем предмет иноязычной культуры похож на предмет из родной действительности, а те особенности, которые различают предметы между собой, «не замечаются». Например, рис. 15 (Хорнби, 1958,

Ю. М. Непринцев «Отдых после боя»

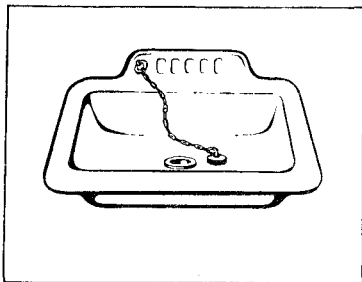
с. 950) должен семантизировать слово *plug*. При попытке использовать этот рисунок в аудитории советских студентов выясняется, что они отождествляют *plug* с *умывальником* (или с *раковиной* умывальника). Вербальное толкование — *a piece of wood, rubber, metal, etc. shaped to fit tightly into a hole and prevent water, etc. from escaping* (e. g. in a wash-basin), (кусок дерева, резины, металла и т. д. Такой формы, что он плотно входит в отверстие и не дает воде и т. д. вытекать, например, из раковины умывальника) заставляет их отказаться от первоначального мнения.

Тем не менее студенты продолжают недоумевать, какова связь между *пробкой* и *раковиной*, и признаются, что при первом взгляде на изображение они не заметили никакой пробки и вообще не заметили «ничего особенного». Только после того, как обучающиеся узнали, что англичане по традиции умываются не под струей бегущей воды, а ополаскиванием (наливают воду в *таз* из *кувшина*, если говорить о старом способе, или, в современных условиях затыкают раковину, напускают воду и зачерпывают ее¹⁵), только после комментария студенты смогли соединить в своем сознании два слова (*умы-*

¹⁵Рукомойник как устройство для умывания до широкого введения водопро-

вальник и пробка), которые до этого не могли сочетаться тематически.

Совершенно аналогично иностранцы не примечают страноведческих деталей в изображениях предметов и явлений нашей жизни. Например, на занятии рассказывалось о пионерской организации и был показан присутствующим пионерский значок; никто из них не заметил, что на значке написан пионерский девиз «Всегда готов!».

При разглядывании фотографии пионерской формы никто не обратил внимания на то, что на рукавах формы нашиты знаки отличия пионерского актива.

Особенно многое пропускается, «невидится», конечно, на многокомпонентных

картинах или фотографиях: например, на фотографии Красной площади в Москве каждый русский немедленно устанавливает Спасскую башню, Мавзолей В. И. Ленина, собор Василия Блаженного, здание ГУМа, Исторический музей, здание гостиницы «Россия»; иностранец, если он, конечно, не жил в Москве, получает только общее впечатление и в лучшем случае распознает два-три объекта (не будучи притом в состоянии что-либо рассказать о них).

В наших опытах студенты-иностранцы, только что приехавшие в Москву на учебу, на фотографии-панораме Красной площади регулярно не замечали памятника Минину и Пожарскому; он становился «виден» испытуемым после того, как к нему привлекалось их внимание.

Таким образом, два понятийно-эквивалентных слова (родного и изучаемого языков) могут разойтись своими лексическими фонами, и это означает, что с соответствующими словами будут, как правило, сопрягаться раз-

вода англичанам не был известен, поэтому Дж. Герхарт (1974, с. 67) приходится истолковывать это слово: inside, often near the Russian stove, was a *рукомойник* (literally, a hand-washer), some kind of dispenser hanging over a large bucket. Примечательно, что в Англии краны с горячей и холодной водой часто не соединяются смесителями, что непривычно для наших соотечественников.

Личные зрительные образы. Адекватно отождествляя слова на понятийном уровне, иностранец (теперь уже ложно) переносит на слово изучаемого языка лексический фон (а, следовательно, также и зрительный образ) понятийно-эквивалентного слова родного языка. Как проявляется такое неправомерное (но тем не менее регулярно наблюдаемое) отождествление лексических фондов в зрительном плане, можно судить на примере рис. 16. Каждая пара представляет собой сопоставление: в левой части воспроизведены образы, которые, семантизируя в учебных целях русские (именно русские!) слова, создал художник-иностранец, в правой части дается (сознательно выполненный в той же изобразительной манере, чтобы сопоставление было очевидным) семантизирующий рисунок, принадлежащий нашему соотечественнику и современнику. Разница получилась значительная: в нашей действительности, например, невозможно встретить *автобусы*, *телеграммы* или *шапки*, подобные изображениям на рис. 16 (1, 2, 5); иногда, правда, расхождения, казалось бы, не столь велики, — если левое изображение на рис. 16(6) русский наблюдатель может совсем не разобрать (т. е. что изображается *рынок*), то *солдат* или *медсестра* все же будут узнаны и названы правильно, — эти расхождения тем не менее таковы, что для их выражения потребуются специфицирующие атрибуты: *заграничная* и «*русская*» медсестра, *иностранный* и *советский* солдат. В этом-то все дело: нарушение зрительного образа приводит к выведению изображаемого предмета за пределы национальной культуры.

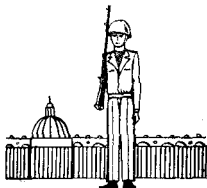
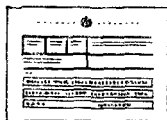
В некоторых случаях вполне можно выразить в словах, почему зрительный образ воспринимается как иностранный. На рис. 17 воспроизведена картина, с помощью которой (Картинный словарь немецкого языка, 1975, с. 357) семантизируется слово *Stadt* (город). На переднем плане видим *Marktplatz* (рыночную площадь) (39), но она не имеет ничего общего, скажем, с нашим *колхозным рынком*: когда-то на такой площади действительно производился торг, но сейчас рыночная площадь в каждом старом европейском городе — это фактически просто центральная площадь. Непременный элемент рыночной площади *Rathaus* (ратуша) (42). Соборы в стиле барокко (32) или в романском стиле (47) в среднерусских городах не встречаются, равно как в них нельзя уви-

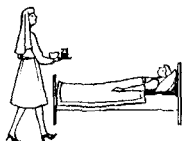
1

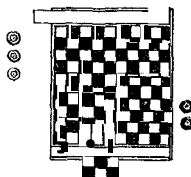
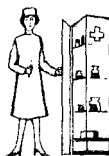
2

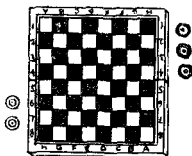
3

4

5

6

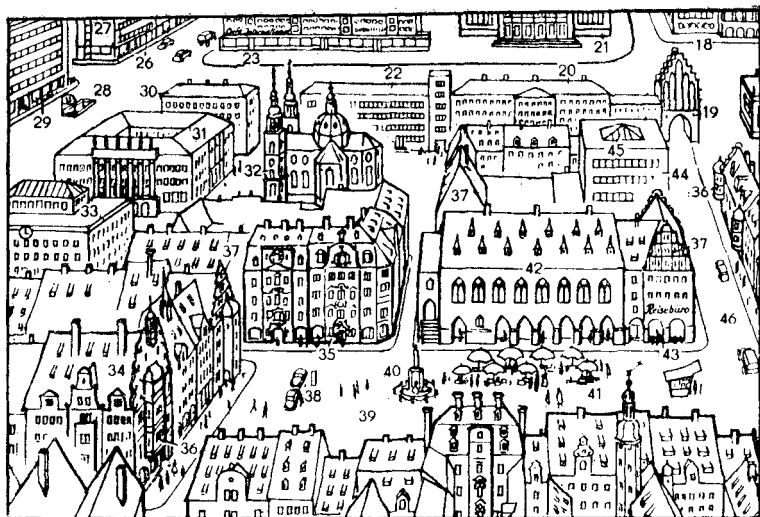

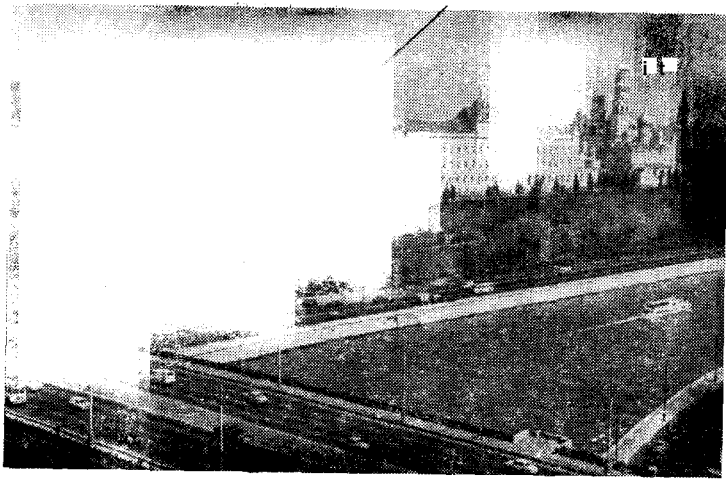
Рис. 17

деть такого обилия *spitzer Giebel* (острых крыш) (37), которые в конечном итоге и ответственны за то, что к данному городу можно прибавить атрибут — *нерусский*.

Если иметь в виду именно российский традиционный город (см., например, панораму Московского Кремля), то непременными атрибутами окажутся *кремль* (городская крепость) на холме (*вышгород*) с *крепостными стенами* и *башнями* (из которых одна будет *Спасской*), с *колокольней* (которая в старые времена использовалась и как *сторожевая башня*); соборы имеют типичные только для Руси *главы* в виде *шлема* (*шелома*) или *луковицы*; крыши домов по сравнению с немецкими кажутся плоскими; кремль, как правило, стоит у *реки*.

Итак, иногда можно объяснить вербально, в чем заключается отличие одного зрительного образа от другого.

В некоторых же случаях рядовой представитель национальной культуры затрудняется сказать, почему известное изображение его не удовлетворяет, кажется ему необычным, иностранным. Более того: когда иностранный художник нарочно придает своему изображению «русский колорит», старается представить «типично рус-

Панорама Московского Кремля

ское явление», подлинный носитель национальной культуры немедленно устанавливает, что автор изображения — иностранец.

Например, в одном зарубежном издании изображен «типичный русский» (естественно, по мнению художника-иностранца), представлены «все атрибуты», должны обеспечить безошибочное отнесение образа к нашей стране: *шапка-ушанка, рубашка-косоворотка* (притом *навывпуск*), *поясной ремень, штаны-шаровары*, заправленные в сапоги, сами эти *сапоги с голенищами* до колен... Однако, может быть, именно подобное нагнетание этнографических подробностей¹⁶ и ответственно за то, что образ не признается носителями культуры за подлинный (подобно тому как «слишком правильная» русская речь в устах иностранца кажется искусственной).

Как бы то ни было, первейшее требование к иллюстрации, отвечающей принципам лингвострановедческого преподавания, заключается в том, чтобы она была **о б ъ е к т и в н о** пригодна к использованию, и это требование имеет два плана: во-первых, иллюстрация с точки зре-

¹⁶ Фактически этот рисунок (как, к сожалению, и многие другие, созданные иностранными иллюстраторами — в том числе и учебников русского языка, выпущенных за границей) отражает стереотипы сознания.

ния содержания должна быть достоверной; во-вторых, с точки зрения формы иллюстрация должна быть доступной.

Достоверность заключается не только в том, чтобы применять подлинные наглядные материалы или привлекать к оформлению учебников лишь отечественных художников (хотя и то и другое очень важно), но и в том, чтобы образ по своему содержанию был типичным — для своего времени и для общественного сознания членов культурно-языковой общности.

В самом деле, если в учебнике русского языка 60-х гг. используются фотографии конца 40-х гг., — а такое характерно, например, для учебника Дж. Дохерти (1968), то бесполезно указывать на безусловную подлинность фотографий, потому что все равно нарушается требование достоверности. Совершенно аналогично, если зрительный образ не отвечает массовым представлениям членов культуры, его также нельзя считать достоверным: в том же учебнике (с. 97) показано на фотографии лишь одно боковое крыло высотного здания на Ленинских горах в Москве и подписано «Московский университет»; для наших соотечественников образ МГУ — это прежде всего центральный корпус со шпилем, с торжественным входом и т. д.

С лингводидактической точки зрения, доступность — это сознательное исключение художником любой надежды на то, что зритель от себя дополнит информацию, несомую изображением: подобная ориентация на восполняющее восприятие допустима лишь по отношению к носителям национальной культуры.

Проработанность информации, которая должна быть передана иллюстрацией, неотделима от манеры исполнения¹⁷: используемые графические приемы должны направлять внимание читателя на те особенности изображаемого предмета, на те страноведческие подробности, которые в согласии с замыслом лингводидакта подлежат семантизации.

Эти приемы аналогичны типографским способам выделения какого-либо слова в напечатанной фразе (курсив, разрядка, подчеркивание) и в графике называются акцентированием. Акцентирование достигается «оттенением и соответствующей разделкой фактуры, утол-

¹⁷ «Подобно тому как составитель учебника не имеет права писать языком, мало доступным пониманию учащихся, так и иллюстратор не имеет права отступать от этого принципа в своих иллюстрациях» (Кульчинский, 1934, с. 10). Должны последовательно исключаться абстрактная, условная или субъективно индивидуальная манеры изображения. Кроме того, совершенно права М. Л. Вайсбурд (1972, с. 100), которая с сожалением отмечает, что «иллюстрации, выполненные в условной манере, как это часто практикуется в учебниках русского языка, обедняют страноведческую ценность учебников».

шением контурных линии отдельных деталей, усилением тона и применением более интенсивного цвета краски, осветлением отдельных мест изображения и т. д.» (Атабеков, 1974, с. 12). Акцентированию предшествует так называемый фичуринг (от англ. feature — основной элемент, ведущий признак), т. е. отбор (в содружестве с лингводидактом) тех элементов зрительной информации, которые должны быть выделены из фона (рис. 18).

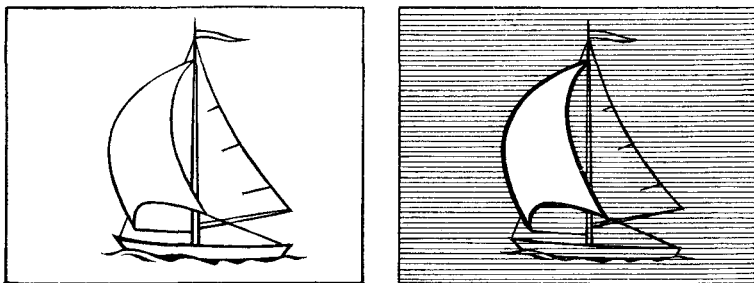

Рис. 18

Такова в кратком изложении проблематика, связанная с достоверностью и доступностью зрительного ряда учебной книги, т. е. с объективной готовностью иллюстрации к использованию в лингвострановедческих целях.

Обратимся к обсуждению субъективной готовности адресата к восприятию зрительной информации, имеющей страноведческие черты. Как мы говорили раньше, при удовлетворительной и даже хорошей объективной готовности иллюстрации к использованию адекватное (т. е. отвечающее замыслу лингводидакта и художника) восприятие зрительного образа все же не всегда имеет место (например, неправильно отождествляется *дверной молоток*, не замечается *кисет* и т. д.).

Особенно затруднено такое восприятие, когда образ несет информацию двух уровней — прямую, буквальную, непосредственно чувственную и косвенную, переносную, рационально опосредованную. Информация второго плана обычно как раз и бывает страноведческой.

Характерный признак субъективной неготовности обучающегося к восприятию (страноведческой) зрительной информации состоит в том, что человек скользит по рисунку глазами, но не задерживается на нем и (самое,

казалось бы, удивительное), как правило, не задает вопросов. Напомним, например, что в наших наблюдениях члены учебной группы так и не поинтересовались, что за надпись имеется на пионерском значке или что за предмет красного цвета в руках у солдата на картине Непринцева.

Этому не приходится удивляться, потому что, когда человек не готов к получению некоторой информации, он в равной степени не вводит в центр своего внимания непонятные термины, невразумительные чертежи или формулы, а также, как видим, и зрительные образы. Когда нет готовности к получению некоторой информации, то по ее поводу не может быть и вопросов: вопросы всегда признак понимания, хотя бы только начавшегося. Мы говорим об этом для того, чтобы (пусть и через негативную характеристику) указать основной признак субъективной неготовности обучающегося, а также для того, чтобы преподаватель не обольщался и не удовлетворялся отсутствием вопросов.

Однако нет ли здесь заколдованного круга? Иностранец не может увидеть на иллюстрации страноведческих подробностей, потому что у него нет предварительного знания. Но откуда возьмется это знание, если человек не воспринимает зрительной информации, носительницы этого знания? Если мы останемся в пределах одной только зрительной модальности, то мы действительно станем ходить по кругу. По нашему мнению, следует включить в процесс обучения и другой, а именно вербальный канал получения информации. Этот канал, естественно, не может заменить (да и не должен заменять) зрительного — речь идет о дополнении одного канала другим.

Приемы дополнения информации зрительного ряда информацией вербального ряда и, напротив, текста изображением весьма эффективны и издавна используются как в коммуникации вообще, так и в учебной коммуникации¹⁸. Они же широко применяются в лексикографии, в первую очередь в энциклопедической¹⁹. Ниже следуют

¹⁸ Скажем, рисунок или фотография в газете или учебной книге, как правило, сопровождаются подписью, которая показывает, какой цели служит изображение и в каком смысле его следует понимать.

О применении зрительной наглядности в сочетании с обучающими текстами см., например: Искусство, 1975; Полторак, 1976; Прессман, 1976.

¹⁹ О роли иллюстрации (и о ее зависимости от текста, точнее, о ее связи с текстом) в общих и отраслевых энциклопедиях см., например: Шмушкин, 1975; Винокуров, 1968.

соображения по применению методики дополнительности в лингвострановедческих целях.

Ср., например, как семантизируется словосочетание *пионерский значок* (Денисова, 1978) (статья приводится в сокращении, для удобства изложения мы перенумеровали фразы):

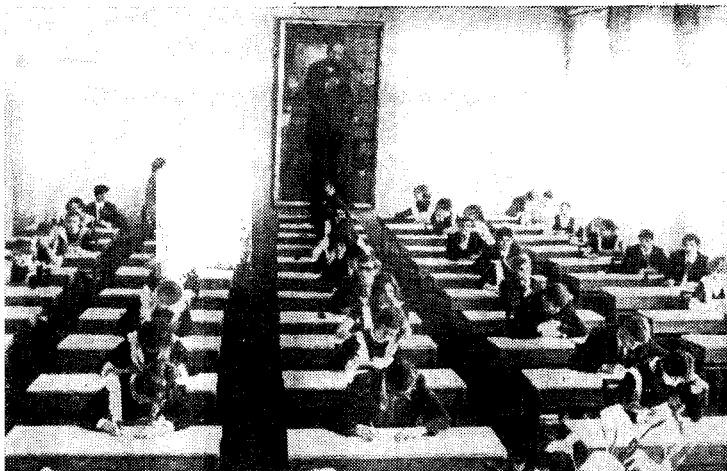
- (1) Пионерский значок представляет собой пятиконечную звезду.
- (2) В звезде — портрет В. И. Ленина, имя которого носит пионерская организация.
- (3) Внизу слова из пионерского девиза: «Всегда готов!»
- (4) Над звездой — три языка пламени пионерского костра, символизирующие единство трех поколений: коммунистов, комсомольцев и пионеров...

Рис. 19

Психология чтения такова, что человек, перед которым открыта страница книги, имеющая изображение, еще до того как он приступит к чтению, обязательно посмотрит на это изображение (рис. 19). Если на рисунке, фотографии или другой иллюстрации представлен предмет, вообще неизвестный читателю или с неизвестными ему деталями, то первое, так сказать дотекстовое рассмотрение изображения приводит к самому общему уяснению идеи, не более того, причем у читателя может сложиться и ложная идея (например, ложная интерпретация изображения к слову *plug*; см. рис. 15).

Затем начинается чтение сопровождающего текста. Из первой фразы обучающийся узнает, что в основе пионерского значка — пятиконечная звезда; следует второе обращение к рисунку: глазами отыскивается *звезда*. Вторая фраза направляет внимание читателя на *портрет В. И. Ленина*, заключенный в звезду; читатель обращается к рисунку в третий раз. Третья фраза сообщает не только о том, что внизу имеется *девиз*, но и о том, как этот девиз читается; это уже четвертое обращение к рисунку. Наконец, в пятый раз взор переходит от текста к изображению, когда прочитывается последняя фраза. Как показывают наблюдения, без сделанного в ней разъяснения иностранцы вообще не замечают «языков пламени» и фактически ничего не могут сказать по поводу формы верхней части значка (кроме того, что она «странная»). Одновременно усваивается, следовательно, и невербальная информация о том, что пионеры летом устраивают костры.

Выпускной экзамен. Сочинение

Как мы теперь видим, текст позволяет обучающемуся постепенно расшифровать, разобрать подаваемый зрительный ряд, который иначе остался бы воспринятым или частично, или ложно. Зрительный ряд в значительной степени определяет содержание комментария, организует его, заставляет отбирать и подчеркивать те слова и словосочетания, которые имеют привязку к изображению.

Такова методика дополнительности, представленная на конкретном примере. Приведем еще один пример, на этот раз семантизации не штрихового рисунка, на котором подробности проработаны с особой тщательностью, а многоплановой фотографии. На этот раз в качестве семантизирующего текста используется публицистическое произведение (на его месте мог бы, впрочем, находиться и художественный текст). Итак, семантизируется словосочетание *выпускной экзамен*.

Заканчивая школу, ученики десятых классов сдают экзамены на аттестат зрелости. Это трудные и радостные дни для юношей и девушек, стоящих на пороге самостоятельной жизни.

По традиции первый выпускной экзамен — сочинение по литературе. Одетье в парадную форму (девушки в белых фартуках, юноши в белых рубашках с галстуками), с цветами приходят молодые люди в школу.

Ё актовом зале или классной комнате, но обязательно каждый за *отдельным столом* (в обычные дни учащиеся сидят вдвоем) в течение шести часов они будут писать сочинение.

Выбрали тему из трех предложенных — и начинается работа. В зале полная тишина. Все сосредоточены, собраны.

Если нужно спросить что-то, учащийся поднимет руку — к нему подойдет учитель-ассистент.

Герб СССР

Конечно, по сравнению со словарным, публицистический (или художественный) текст не образует однозначной связи с изображением, — в этом, может быть, скрыта его не полная пригодность к использованию в учебных целях. Достоинства публицистического текста, однако, заключаются в естественности, живости, а также в большей полноте информации.

Если в качестве семантизирующего вербального ряда выступает художественный (в частности, поэтический) текст, то значительно возрастает эмоциональность восприятия информации, см., например, отрывок из стихотворения С. Маршака «Наш герб».

Нет, не орел, не лев, не львица
Собой украсили наш герб,
А золотой веночек пшеницы,
Могучий молот, острый серп.

В некоторых случаях сопровождающий изображение текст не привлекает внимания читателей к зрительным деталям, а как бы насыщает образ все новой и новой информацией: речь идет о так называемых коннотативных словах, т. е. словах, обозначающих предметы, вызывающие эмоционально-этические и эстетические ассоциации. О художественно-образном комментировании коннотативной лексики мы уже писали (Верещагин, Костомаров, 1976б), поэтому сейчас без дальнейших пояснений приведем один из таких комментариев.

«На душе светло, как в березовой роще...» Точные слова поэта. В *березовой роще* словно в античном храме. То ли это мрамор светит-

Березовая роща

ся в березах, то ли березы теплятся в мраморе. Русская береза! Как они воспеты, «милые березовые рощи»!

Я покинул родимый дом,
Голубую оставил Русь.
В три звезды березняк над прудом
Теплит матери старой грусть.

С. Есенин

В словах другого большого русского поэта также подчеркивается тесная связь березы и Руси, России, *белоствольной березы* и Родины. За границей «русской березки» не встретишь:

Мать-Россия, мы полсвета
У твоих прошли колес,
Позади оставив где-то
Рек твоих раздольный плес.

Долго-долго за обозом
В край чужой тянулся вслед
Белый цвет твоей березы
И в пути сошел на нет.

А. Твардовский

Эти стихи о Родине, о войне, о победе. Константин Симонов в стихах горестного для всех нас 1941 года, когда наша армия отступала под ударами внезапно напавших гитлеровских войск, также ощущает березу как символ, олицетворение Родины:

Да, можно выжить в зной, в грозу, в морозы,
Да, можно голодать и холодать,
Идти на смерть... Но эти три березы
При жизни никому нельзя отдать.

И это неудивительно. Каждый русский с детства помнит напев знакомой песни «Во поле березонька стояла, во поле кудрявая стояла». Картина Куинджи «Березовая роща» — это один из популярнейших русских пейзажей. Русский лес невозможно представить себе без березы: береза — это типичное дерево русского леса.

Поскольку береза играла большую роль в традиционном быте русских, слово развило ряд вторичных значений. *Березовый сок* собирают весной и пьют (его продают и в магазинах). *Березовый веник* традиционно считается лучшим для паренья в русской бане. Попадающиеся под березами грибы *березовики*, или *подберезовики* (с бурой шляпкой, на тонкой ножке), очень вкусны и поэтому высоко ценятся любителями. Березовая кора — *берёста* — применяется для изготовления коробочек, лукошек. Берёста использовалась в древности как материал для письма (особенно на русском Севере; до нас дошли многочисленные *берестяные грамоты*), поэтому берёсту иногда называют русским папирусом. Прутья березы гибкие, и в традиционных формах воспитания детей (до революции, конечно) именно березовые розги использовались «для назидания непослушных», отсюда фразеологизмы *здать кому-либо березовой кашей*, *отведать березовой кашей*.

Вторичное наименование наших дней: государственный ансамбль «Березка», известный во всем мире, он собирает и исполняет русские народные песни и танцы.

Фотография березовой рощи, конечно, не может обеспечить зрительную семантизацию всей той информации, которая содержится в дополняющем тексте, однако она отнюдь не бесполезна, потому что именно зрительное представление, как оказывается, стягивает к себе отдельные сведения и, подобно лексеме, способно объединить и сцементировать их в нерушимый сплав. Таким образом, даже в тех случаях, когда дополняющий текст по своему содержанию превосходит (и значительно!) информативность зрительного ряда, этот последний крайне важен как еще одна «скрепа» вводимого материала.

Если кратко описать предлагаемую методике дополнительности, то она сводится к тому, что лингвострановедческие сведения вводятся и воспринимаются путем

обращения от рисунка к тексту и от текста к рисунку (и так не один, а много раз), причем если рисунок (любое изображение) лишь частично обуславливает содержание дополняющего текста, потому что текст может выходить за рамки зрительного ряда, то восприятие изображения с точки зрения его глубины полностью определяется текстом, который направляет внимание читателя на все новые и новые подробности изображения, в том числе и на страноведческие детали. Методика дополнительности является лингвострановедческой, а не общестрановедческой, потому что вводимая информация (через посредство зрительного образа или через посредство текста) обязательно опирается на соответствующее слово-носитель (специально выделяемый, подчеркиваемый в тексте), которому соответствует существенная деталь изображения.

Подведем итоги сказанному в данной главе.

Входят ли визуальные компоненты в семантику слова? Общий ответ — да, входят — совпадает с той концепцией наличия зрительных образов в сознании человека, которая свойственна традиционной психологии и которая обычно излагается в курсах этой дисциплины. Обычно считают, что в сознании человека имеется зрительное представление предмета, которое складывается из обобщенных признаков конкретных вещей, входящих в предметный класс (например, представление *дерева* или *значка*); представление, таким образом, это визуальный аналог понятия. Поэтому общий ответ на вопрос не содержит в себе научной новизны.

Конкретизация этого ответа, однако, не кажется тривиальной. Если обычно полагают, что зрительное представление только одно, то изложенными выше разысканиями, как кажется, можно обосновать мысль о том, что в лексической семантике представлен не один-единственный зрительный образ, а несколько. Собственно, типичное представление на самом деле одно, но оно может или насыщаться информацией (и тогда мы имеем полный образ), или освобождаться от деталей (и тогда мы наблюдаем абстрактно-понятийное изображение), причем между этими двумя крайними случаями располагаются промежуточные, когда образ, лишенный полной информации, конкретнее абстрактно-понятийного изображения.

Соответственно можно говорить по крайней мере о трех уровнях зрительной семантизации — • понятийном, интернационально-фоновом и национально-фоновом, и лингвострановедческая зрительная семантизация начинается только на третьем уровне.

Итак, по нашему мнению, входящее в лексическую семантику зрительное представление составляется из ряда различных по степени детальности зрительных образов, и лингводидактическое формирование страноведческого представления должно пройти ряд этапов — • начинающая с понятийного образа через интернационально-фоновый (семантизация на этих двух уровнях скорее напоминает о заранее известном, чем в подлинном смысле обучает) и кончая национально-фоновым.

Между общечеловеческой и лингвострановедческой зрительной семантизацией слова имеется существенная разница, и разница эта аналогична различиям в семантизации слова через перевод (или толкование лексического понятия) и путем изъяснения лексического фона. Если в первом случае усваиваются только формы языка (межъязыковое понятие лексемы А переносится на иноязычную лексему Б), т. е. изучаемый язык выступает единственно в коммуникативной функции (в виде нового кода, нового способа выражения информации, присутствующей и в исходной культуре обучающегося), то во втором случае наряду с формами языка усваивается новая культура, поэтому изучаемый язык усваивается более адекватно (в большем числе функций — не только в коммуникативной, но и в кумулятивной).

Таков ответ на первый вопрос о "наличии визуальных компонентов в лексической семантике.

Кроме того, мы спрашивали себя, является ли (и если да, то насколько) зрительная семантизация именно лингвострановедческой. Разобранная выше методика дополнительности в семантизации лексики позволяет, во-первых, точнее определить место лингвострановедения: о его присутствии можно говорить только на национально-фоновом уровне зрительной семантизации, а на понятийном и интернационально-фоновом уровнях эта семантизация оказывается или общечеловеческой, или региональной. Во-вторых, методика дополнительности привлекает внимание как преподавателя, так и самого студента к явлению «смотреть, но не видеть» и указывает

конкретные пути преодоления этой «культурной слепоты». Как мы только что подробно говорили, текст, сопровождающий образ, заставляет читателя «видеть» страноведческие подробности, так что текст и образ являются носителями-передатчиками страноведческих сведений; фиксируется же страноведческая информация в ключевых (и специально графически выделяемых) словах. Методика дополнительности имеет непосредственное отношение не только к семантизации отдельных слов, но и к лингводидактическому использованию многоплановых картин и фотографий, особенно если они строятся на аллюзиях и имеют второй смысловой план.

Глава 12

НАЦИОНАЛЬНО-КУЛЬТУРНАЯ СЕМАНТИКА ТЕРМИНОЛОГИЧЕСКОЙ и ОНОМАСТИЧЕСКОЙ ЛЕКСИКИ

Обязательное пятилетнее обучение русскому языку студентов-иностранцев нефилологических специальностей, введенное в советской высшей школе, качественным образом преобразовало и весьма существенно расширило возможности использования русского языка как источника познания нашей страны.

Ныне действующая новая «Программа по русскому языку для студентов-иностранцев, обучающихся в нефилологических вузах СССР» (М., 1977) рекомендует уделять страноведческим материалам больше времени (факт примечательный): в негуманитарных вузах на основном этапе обучения (I—III курсы) 35—40% аудиторного времени, а на продвинутом этапе (IV—V курсы) — даже 50—60%.

Следовательно, весьма актуально изучить и затем практически реализовать все возможные пути повышения страноведческой отдачи языкового учебного процесса. При этом, как мы считаем, важно постоянно иметь в виду по крайней мере два обстоятельства: страноведческий материал не должен отрываться от развития речи студентов, от лингводидактических задач; страноведче-

ские сведения — пусть не всегда, но все-таки по большей части — должны быть органически связаны с будущей специальностью студентов (т. е. желательно учитывать профессиональную значимость этих сведений).

Известно несколько способов страноведческого насыщения языкового учебного процесса.

Во-первых, не порывая с лингводидактикой, учебный процесс тем не менее можно непосредственно нацелить на культуру. В таком случае он принимает форму так называемых страноведческих спецкурсов; их тематика указана в упомянутой «Программе»: «Советский Союз (государственное и общественное устройство, экономика, культура, природа)»; «Советский образ жизни (человек в обществе развитого социализма)»; «В. И. Ленин. Жизнь и деятельность»; «Из истории революционного движения в России (история русской общественной мысли, пламенные революционеры)»; «Культурная революция в СССР» и др.

Если преподаватель-русист, который ведет спецкурс, постоянно привлекает внимание своих слушателей к формам языка, а на семинарских занятиях стимулирует развивающие речь творческие выступления участников, то, естественно, эта форма работы не отрывается от изучаемого языка: русский язык выступает не только как средство передачи страноведческой информации, но и как прямой источник этой информации.

Во-вторых, страноведческое насыщение учебного процесса издавна достигается внимательным отношением к содержанию текстов, прорабатываемых как в аудитории, так и в качестве домашнего чтения. Если до недавнего времени в ходе обучения студентов-иностранцев научному стилю речи страноведческие задачи ставились лишь от случая к случаю и тексты в первую очередь отбирались в зависимости от наличия в них определенных языковых явлений, сейчас одним из критериев отбора текстов для включения в учебный процесс служит наличие в них информации о Советском Союзе¹. Сюда же примыкают

¹ Сошлемся на ряд курсовых работ, выполненных слушателями факультета повышения квалификации преподавателей русского языка Университета дружбы народов им. П. Лумумбы. См.: *Руснак В. Я.* Лингвострановедение и учет будущей специальности студентов-русистов (на материале ознакомления студентов с рыбным хозяйством нашей страны на занятиях по русскому языку); *Власенко И. М.* Страноведение и учет будущей специальности студентов-иностранцев (тексты по истории и современному состоянию отечественной медицины на занятиях по русскому языку на подготовительных факультетах совет-

и вопросы использования зрительной наглядности в страноведческих целях.

Наконец, в-третьих, повышение страноведческой ценности обучения может быть достигнуто лингвострановедческой семантизацией строевых элементов речи, языковых единиц — в первую очередь лексики (чему непосредственно посвящена настоящая книга), а также фразеологии и афористики. Принципы подобной семантизации описаны, создается семейство ЛС-словарей, однако, насколько мы знаем, до сих пор не было еще попыток применить лингвострановедческую семантизацию к научно-техническому термину. Ниже такая попытка предпринимается.

ТЕРМИНОЛОГИЧЕСКАЯ ЛЕКСИКА

Как говорилось раньше, семантика слова членима и разделяется на лексическое понятие и лексический фон. Каждое слово обобщает, т. е. именуется класс предметов или явлений, и понятие, в согласии с изложенным выше, — это совокупность некоторых СД, с помощью которых человек определяет, принадлежит ли данный объект к тому множеству (классу), которому соответствует рассматриваемое наименование. Например, по Ожегову, металл — это «химически простое вещество (а также сплав), обладающее особым блеском, ковкостью, хорошей теплопроводностью и электропроводностью» (курсивом нами выделены понятийные СД. — Е. В., В. К.).

Слово, однако, не только классифицирует предметы или явления, но в силу кумулятивной функции языка одновременно является фиксатором, носителем знаний, характерных, в частности, для общественного сознания: непонятийные СД, входящие в лексическую семантику, как раз и образуют лексический фон.

Действительно, все знают, что металлы — это прежде всего *железо, медь, серебро, золото, сталь, алюминий*; что металлы бывают *черные, цветные, драгоценные*; что они используются, например, для изготовления *разменной люнеты*; что металлы различаются по *весу* (скажем, алюминий легче свинца); что они *тонут в воде*; что некоторые металлы *окисляются и ржавеют*; что они *бывают мягкие,*

ских вузов); Ващенко А. И. Лингвострановедение и учет будущей специальности студентов-иностранцев (на материале преподавания русского языка студентам сельскохозяйственных специальностей, высший этап обучения).

хотя, как правило, они твердые. Многие люди (совсем не специалисты) могут рассказать о том, какое значение для человеческой цивилизации имело открытие обработки металлов (*век железа*), а также о том, что центрами добычи металлов в нашей стране являются *Донбасс* и *Урал*, что после Октябрьской революции металлургия получила у нас преимущественное развитие (*Магнитогорский* металлургический комбинат строила вся страна) и что именно металлургия вместе с энергетикой легли в основу *индустриализации* страны, что *Тула* особенно славится производством оружия, а также самоваров.

Рядовой носитель языка, отнюдь не причастный к металлургии, мог бы вспомнить и о *Курской* магнитной аномалии, и о заводчиках *Демидовых*, и о *Кузбассе*, и о плавке железной руды, о металле в голосе, о *железлате* (*стальной*) воле или дисциплине, о русском *булате* (г. Златоуст), о *железном потоке* и, конечно, о том, как *закалялась сталь*. Нет границы, которая прекратила бы подобный поток ассоциаций, и важно подчеркнуть, что сейчас мы перечисляли сведения, которые обладают свойством «взвешенности», т. е. были указаны всем известные сведения.

Если признаки, или СД, включаемые в понятие, всегда наготове в сознании человека и всплывают всякий раз, когда требуется номинация, то СД фона актуализируются не автоматически, а в результате целенаправленной мыслительной деятельности человека, путем припоминания, и в этом, как мы уже говорили, состоит одно из различий между понятийными и фоновыми СД.

Тем не менее фоновые СД действительно присутствуют в сознании, потому что именно они обуславливают осмысленное употребление слова в речи. Например, в толкование слова *металл* (по Ожегову) не включено упоминание о специфическом *звоне*, который издают металлы, но СД *металлы звенят* (дверной *звонок* не может быть *деревянным*) присутствует в привычных словосочетаниях *металлический голос* (или *с металлом в голосе*), *звон монет*, *звонкий колокол*, *бренчанье колокольчиков*, *звяканье кастрюль*² и т. д.

² На этом примере заметна относительность противопоставления понятийных и фоновых СД. С. И. Ожегов не включил в толкование упоминания о *звоне* металлов, но упомянул об их *блеске*; ср. словосочетания *металлический блеск в глазах*, *блеск золота*, *сверкнули клинки* и т. д. Собственно, велико ли различие между этими двумя СД?

Ясно, что семантика термина включает в себя понятие, правда, не обыденное, лексическое, а научное. Но входит ли в семантику научно-технического термина аналог лексического фона? Вероятно, должен входить, хотя бы потому, что термин — пусть особое, но все же слово³, так что по отношению к термину следует априорно предположить все атрибуты слова.

Итак, термин выражает научное, а не обыденное понятие. Ср. с приведенным выше толкованием Словаря Ожегова энциклопедическую дефиницию⁴ термина «металлы» — «это вещества, основной отличительной особенностью которых в конденсированном состоянии является наличие свободных электронов, способных перемещаться по всему объему тела». Здесь указан тот признак, на основании которого, с точки зрения химика, металлы отличаются, например, от солей, кислот, щелочей, органических соединений и вообще от неметаллов. Заметим, что этого признака нет в толковании слова *металл*, да он и невразумителен для неспециалистов. С другой стороны, в научной дефиниции ничего не говорится ни о ковкости, ни о теплопроводности и, конечно, не упоминается о блеске — все эти СД для специалиста являются несущественными по сравнению с основной характеристикой (наличие перемещающихся свободных электронов).

Далее в энциклопедической статье говорится о свойствах металлов, перечисляются химические реакции, в которые вступают металлы, указывается на зависимость между удельным весом металла и его свойствами, самым подробным образом рассказывается о применении металлов в химической промышленности, называются имена ученых, внесших вклад в металлообработку химическими способами. Заметим мимоходом, что СД, которые в семантизации слова были упомянуты в толковании лексического понятия (*ковкость, теплопроводность, электропроводность*), в семантизации термина оказались исключенными из дефиниции и перенесенными в описание фона.

³ «Под термином мы понимаем слово (или словосочетание) специальной сферы употребления, являющееся наименованием специального понятия и требующее дефиниции» (Даниленко, 1977, с. 15). Так же считают и другие исследователи.

⁴ Мы сознательно взяли отраслевую энциклопедию, адресованную специалистам (Краткая химическая энциклопедия. М., 1964, т. 3, с. 157), потому что и универсальных, массовых энциклопедиях термины определяются упрощенно и расцете на доступность.

При совершенно очевидном различии между «взвешенными» знаниями, относящимися к слову, и знаниями специалиста, объективированными в термине, между содержаниями как слова, так и термина имеется значительное сходство (и в общезыковом словаре, и в отраслевой энциклопедии упоминается о ковкости, теплопроводности, электропроводности металлов, их способности участвовать в реакциях и т. д.).

Таким образом, с точки зрения семантической структуры слово равно термину: они оба обладают понятием и фоном. Однако содержание понятия и фона слова существенно отличается от содержания понятия и фона термина, поэтому дальше мы не можем говорить об этих элементах без должной дифференциации, т. е. без атрибута лексический или научный.

Лексическое и научное понятия, лексический и научный фонны накладываются друг на друга, взаимодействуют между собой⁵, но и различаются и даже отталкиваются друг от друга, в предельных случаях вплоть до полной противоположности семантики (рис. 20).

Несколько замечаний о том, кто является носителем семантики обычного, общезыкового слова и семантики одноименного термина. Семантика слова принадлежит общественному сознанию, т. е. она (с вариациями в известных пределах) свойственна всем членам определенной национальной культуры и соответственно всем носителям национального языка; семантикой термина владеют, конечно, только специалисты, поэтому она имеет не общенациональный, а групповой характер. Если упростить и огрубить положение дел, то обучение специалиста сводится к овладению им семантикой терминов (не только их понятиями, но и фонами), постепенное включение студента в профессиональную группу через усвоение семантики группового «языка». Однако специалист остается обычным носителем языка, поэтому и иностранный студент, получающий научно-техническое образование на

⁵ «„Обыденное“ и научное понятия, сложно взаимодействуя, сосуществуют в значении одного и того же слова... Слова *масса, форма, узел, кора* принадлежат к общему языку, но в языке науки они употреблены в особом, более узком, остранином терминологическом значении» (Митрофанова, 1976, с. 31, 37). Примечательно, что ученые ясно сознают преемственность лексических и научных понятий: «понятия классической физики являются хорошо отработанными понятиями нашей повседневной жизни» (В. Гейзенберг); «в принципе они [обиходные понятия] однородны с абстрактными понятиями науки и отличаются от них только допуском, аппроксимацией, степенью приближения» (М. Борн).

русском языке (в советском вузе), должен усвоить как семантику (общеязыковую) слова, так и семантику (групповую) одноименного термина.

На основании изложенного легко разграничиваются сферы приложения сил преподавателя-русиста и преподавателя-предметника в обучении иностранных студентов

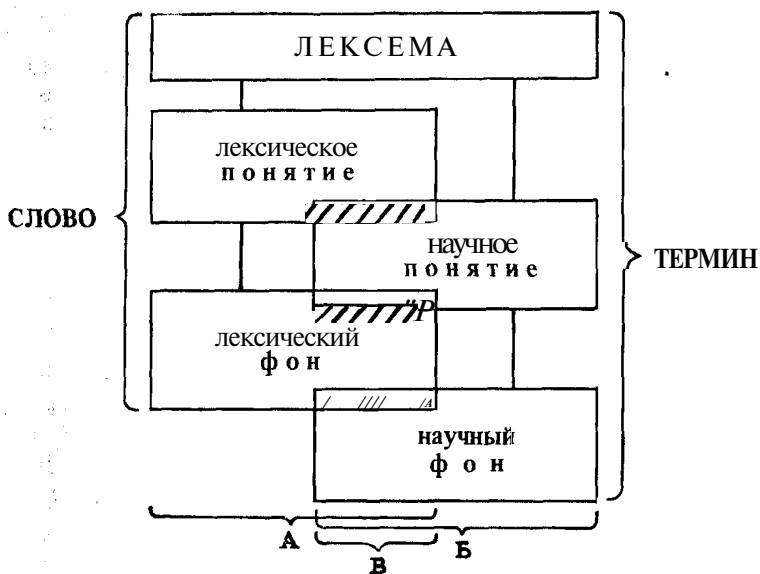

Рис. 20. Соотношение семантики слова и одноименного термина

терминологической лексике (если она восходит к словам естественного языка) ⁶. Преподаватель-предметник работает над семантикой термина, входящей в сектор Б (см. рис. 20); преподаватель-русист, семантизируя слово *металл*, не должен рассуждать, скажем, о перемещении свободных электронов в конденсированном состоянии вещества по всему объему тела; более того: в силу своего базового образования он не имеет права заниматься этим. Но преподаватель-предметник обычно не касается чисто лексической семантики (сектор А). В промежу-

* Вопрос разграничения сфер компетенции преподавателя русского языка и преподавателя специальных дисциплин поставлен О. Д. Митрофановой (1976, с. 47).

точном секторе В усилия русиста и предметника частично пересекаются.

Преподавателю русского языка в работе над лексикой, которая одновременно используется терминологически, по нашему мнению, следует исходить из того, что общеязыковая семантика должна быть усвоена в полном объеме. Здесь, конечно, есть специфика по сравнению с преподаванием языка филологам: во-первых, проводится особый отбор активизируемой лексики⁷; во-вторых, своеобразна сама процедура языковой семантизации: поскольку «в современном языке любое, даже самое обиходное слово заключает в себе какую-то научную информацию» (Петушков, Сергеев, 1976, с. 13), семантизация должна подчеркивать и выделять «нити» между лексическим и научным понятиями, между лексическим и научными фонами (ср. сектор В).

Далее разбираем только лингвострановедческую проблематику, т. е. семантические процессы, возникающие в результате отражения специфики национальной культуры в терминологической лексике.

Различаем два типа такой лексики (в зависимости от ее генезиса): лексику, перешедшую из общего языка в терминологию (пусть она дальше называется терминированной⁸); лексику, перешедшую из терминологии в общий язык (назовем ее лексикой терминологического происхождения).

Терминированная лексика (в противоположность заимствованным терминам, терминам-неологизмам и аббревиатурным терминам), как правило, не теряет своей живой внутренней формы, не лишается образности, не «порывает» с теми культурно-историческими ассоциациями, которые имеются у исходного слова, и эти качества терминированной лексики обычно использует ученый, даже если он пишет исключительно о своем предмете.

Г. Гачев (может быть, несколько увлекаясь) пишет о национальных образах мира, отраженных в научных и

⁷ Преподавателю-русисту приходится следовать за лексикой, отбираемой в зависимости от ее ценности для научного стиля речи. Например, содержащиеся в словаре Рудаковой, Берга, Гиляновой (1976) слова-термины типа *белок*, *величина*, *вещество*, *волчок*, *выделение*, *вытеснять*, *вязкость*, *гайка*, *гниение*, *горючее*, *давление*, *двигатель* не принадлежат к числу высокочастотных и поэтому в преподавании, построенном на филологических принципах, находятся на периферии словарного состава.

⁸ Пользуемся выражением О. Д. Митрофановой (1976, с. 30). Автор различает в научном стиле речи термины, терминированную лексику и общеязыковую лексику, последняя учитывается, если она имеет стилеобразующие функции.

технических системах. Он исследовал «национальные обертоны» терминов, выражающих в разных языках идею пространства: лат. *spatium* покоится, по его мнению, на ощущении шагания, так что пространство мыслится рубленным, дискретным; нем. *Raum* от глагола *raumen* (убирать, освобождать, опустошать) содержит идею пустоты; франц. *extension* — это, напротив, декартово пространство, протяженность, полнота в континууме; в то время как «и рус. *про-стран-ство* ясно слышится *страна* — бок, ширь, родная сторона... Таким образом исследуется образный подспуд в научных картинках мира и демонстрируется народность науки, те ассоциации, которые общи у наиученейшего мужа с простолюдином из народа. задается вопрос: а чист ли чистый разум? И обнаруживается образный априоризм под рассудочно-логическим» (Гачев, 1976, с. 73).

А. Н. Васильева (1976, с. 66—67) убедительно показала, что химический термин *соль* полностью сохраняет ассоциации общеязыкового слова *соль* «в нейтральном употреблении»: *подсыпать соли в разговор* («здесь *соль* понимается как нечто острое, может быть, неприятное на вкус, и метафорически переосмысливается как „острая, остроумная, насмешливая, неприятно задевающая кого-то речь"»); *соль земли* («здесь метафорический перенос осуществляется по признаку, отражающему человеческий опыт прошлого и дважды преломленному — сначала в призме церковной риторики, затем — в призме гражданской патетики»).

Лингвострановедческий подход к терминованной лексике заключается прежде всего в том, что преподаватель семантизирует не одно лексическое понятие (оно обычно является межъязыковым, т. е. легко семантизируется переводом), но главное внимание направляет на раскрытие, изъяснение лексического фона. Изъяснить лексический фон — значит указать «взвешенное» знание, относящееся к слову, представить и в случае необходимости активизировать национально-культурные ассоциации.

Из терминованной лексики, перечисляемой в «Учебном словаре общетехнической лексики» (Рудакова, Берг, Гилянова, 1976) лингвострановедческого комментария, по нашему мнению, заслуживают: *белок, блестящий, большинство, ведущий, величина, вершина, вес, ветвь, вещество, взаимосвязь, взрыв, вклад, вода, воздух, волна, вол-*

ЧОК, время, выбор, вытекать, выход, главный, глина, гнездо, грани, давление, данный, движение, деление, длина, дно, доклад, доля, допущение, дуга, единица, заданный, зажим, закон, запас, запах, захват, зуб/зубец, игла, изложение, исключение, испытание, канавка, капелька, качество, клетка, колебания, колесо, кольцо, копать, кора, круг, крыло, лампа, лента, лишний, луч, малиновый, медь, мел, множество, мощность, набор, нагрузка, назначение, наличие, напор, направление, начало, непосредственный, нить, область, обогащение, обработка, образец, общий, окружность, определение, осадок, освещать, ось, остаток, ответ, отвод, отзыв, отличие, отметка, отмечаться, отрасль, отрезок, отчет, охрана, оценка, очистка, падение, пара, переход, плечо, поверхность, подбор, подсчет, подъем, покой, поле, полнота, порох, порошок, правило, предмет, прибор, прочность, прямая, пучок, работа, размах, разрыв, распад, расчет, ребро, резьба, рычаг, свет, свойство, связь, сетка, сеть, сила, сито, скачок, скорость, след, слой, смесь, соль, сопротивление, сосуд, сохранение, спица, среда, стан/станок, стружка, суть, сушка, твердость, тело, ток, толщина, топливо, точка, трещина, тяжесть, угол, удельный, условие, цепь, частица, часть, червяк, число, шар/шарик, щель, ядро. Если более тщательно учитывать глаголы и обращать внимание на отдаленные страноведческие ассоциации, то список увеличится в несколько раз.

Второй тип лексики, заслуживающей лингвострановедческого комментирования, — это, как говорилось, лексика терминологического происхождения. Конечно, многие термины, сложившись в «языке» определенной науки, за его пределы не выходят, причем безразлично, заимствованные термины имеются в виду (*адабиата, аксоид, аксонометрия*) или составленные из исконных корней (*взвесь, выноски, натяг*). Тем не менее (в связи с повышением уровня образованности носителей языка и растущим в результате этого взаимодействием даже разговорной речи с научно-технической⁹) многочисленные термины попадают в общий язык и, не отрываясь от «терминологической» семантики, развивают вторичные, уже собственно лексические значения. Преподаватель-русист должен помочь иностранцу увидеть и освоить эту общеязыковую семантику лексики терминологического происхождения.

Л. Л. Кутина (1976, с. 29) справедливо пишет, что при этом «существенной будет фиксация тех точек смысла, от которых потянутся ассоциации в общий язык. Эти ассоциации служат отправным пунктом в развитии новых (уже не специальных) значений». Она же разбирает показательный пример: «В научном анализе *атмосферы* уже

⁹ См., например: Ковтун, 1972.

давно были выделены такие ее признаки, как состав (воздух и пары), положение (оболочка земного шара), высота, строение (слои в атмосфере), давление атмосферы, рефракция света, метеорологические явления, „перемены“ в атмосфере. На основании этих „точек смысла“ одноименное исходному термину общеязыковое слово развило ряд переносных употреблений и соответственно сочетаний: *давление, тяжесть, гнетение* атмосфер/ы; *густая, редкая, легкая, холодная, спокойная, мрачная, нечистая* ~ -а; ~ -а *нагревается, очищается, освежается; ~ -а в комнате; дышать одной ~ -ой с кем-л.; это не его ~ -а; ~ -а давит, гнетет, отсюда гнетущая, мрачная, невыносимая* или, напротив, *спокойная, радостная* ~ -а».

Т. Л. Канделаки (1968, с. 169) весьма подробно разбирает роль лексики терминологического происхождения в художественных произведениях и показывает, как она участвует в становлении общеязыковой фразеологии: *заложить фундамент, спустить на тормозах, на холостом ходу, открыть иллюзы* чему-л., *ставить на новые рельсы, взять на буксир, шлифовать форму, цементировать союз, испытывать на прочность, жить в вакууме, вирус безразличия/бешенства, стартовая площадка, запрограммированное действие, инкубационный период, иметь/вызвать резонанс, установить контакт, поставить диагноз, определить параметры, выбрать оптимальный режим, придать необратимый характер*¹⁰ и т. д.

Для лингвострановедения, естественно, важно выделить из семантики лексики терминологического происхождения национально-культурный компонент, подчеркнуть связь слова с культурой. В упомянутой работе Т. Л. Канделаки содержится показательный пример: если терминологического происхождения слово *орбита* до конца 50-х гг. развило лишь фразеологизмы, тесно связанные с исходным значением термина (*орбита влияния, жить в орбите чего-л.*), то «в конце 50-х гг. нашего века в связи с запуском искусственных спутников Земли и космических кораблей слово это получило новую жизнь. Изменилась его лексико-семантическая сочетаемость, появились и широко распространились фразеологизмы *вынести, выйти на орбиту, на орбите, по орбите, запустить на орбиту*. Очень частотны и переносные значения слова

¹⁰ См. также: Қапаңадзе, 1965, с. 88; Благова, 1976; Белодед И. К., 197/.

орбита в атрибутивных сочетаниях. Все это содействовало образованию и укреплению нового переносного значения термина *орбита*. Ср.: *На трудовой орбите; Путешествие по орбите спартакиады; С орбиты привычного; Рабочая орбита пятилетки; К большим орбитам!; По орбите коммерции; На орбите поиска* (газетные заголовки)» (с. 184).

Если дефиницией термина *вахта* подчеркивается связь с производственной деятельностью (в Большой советской энциклопедии — далее БСЭ — вахта определяется как «вид дежурства на кораблях и судах»), то одноименное слово скорее акцентирует творческий, добровольный, почетный характер труда (*стахановская вахта, встать на вахту в честь годовщины Великого Октября, нести почетную вахту, быть на вахте пятилетки* и т. д.). Совершенно аналогично термин *закалка* интерпретируется просто как «придание какому-либо сплаву твердости», а технология достижения повышенной твердости (нагрев и последующее быстрое охлаждение металла с целью фиксации его высокотемпературного состояния) входит не в понятие, а в фон термина; в одноименном слове на первый план выходит как раз СД перемена условий, подверженность физическим и моральным трудностям (ср.: *в борьбе революционеры получили хорошую закалку*). Несомненно, что активности слова сильно содействовало название романа Николая Островского «Как закалялась сталь».

С опорой на «Учебный словарь общетехнической лексики» приведем список слов терминологического происхождения, заслуживающих, по нашему мнению, лингвострановедческого комментирования: *аксиома, анализ, аргумент, включать(ся), горючее, график, завинчивать, закаливать(ся), залежи, замыкание, запуск, заряжать, затухать, исчисление, каркас, касательная, клапан, комплект, масса, масштаб, молекула, напряжение, насыщать, непроницаемость, обойма, однородность, остаток, отливка, пары, плавка, план, проблема, пропорция, процесс, разность, реакция, руда, сборка, сердечник, система, степень, сьемка, сырье, теория, уравнение, функция, электрон, эффект*.

Подобно первому списку, и этот, вероятно, неполон, потому что пока мы учитывали лишь те слова, которые в отечественной культуре развили специфические значения.

Итак, лингвострановедческая семантизация возможна, казалось бы, и по отношению к международным терминам: во всяком случае, терминированная лексика и

лексика, перешедшая в общий язык из терминологии, аккумулируют в себе фоновые СД национально-культурного генезиса точно так же, как и обычные слова. Следовательно, и в области «языка специальности»¹¹ наличествует поле для лингвострановедческих усилий преподавателя-русиста.

Как уже указывалось ранее, одновременно открывается и широкое поле для совместной деятельности и сотрудничества преподавателя-русиста с преподавателем специальных дисциплин. Например, они могли бы объединить свои усилия в активизации терминов ономастического происхождения: ср. химические элементы *менделевий*, *курчатовий*, минералы *вернадит*, *гагаринит*, *ломосовит*, аббревиатуры (номенклатурные знаки) *ЗИЛ*, *ИЛ*, *ТУ*, *ЯК*, *АНТ*¹². Возможно совместное и параллельное, т. е. не совпадающее полностью, изучение терминов, являющихся новацией определенного отечественного ученого (например, термин «биосфера», введенный в науку создателем биогеохимии В. И. Вернадским и уже ставший словом).

Итак, мы рассмотрели вопросы наличия лексического фона у терминологической лексики. Как кажется, действительно можно говорить о том, что по крайней мере некоторые термины (особенно те, которые или перешли из общего языка в терминологические системы, или ушли из них в общий язык) обладают общеязыковой кумулятивной функцией, существенной для национальной культуры; следовательно, подобная специальная лексика также интересна с лингвострановедческой точки зрения. Конечно, сейчас вопросы лингвострановедческого подхода к семантике термина (мы ясно видим это) лишь поставлены, но далеко не решены. Сделанные предложения нуждаются в проверке. Проблема лингвострановедения в преподавании русского языка студентам нефилологических специальностей ждет своей дальнейшей разработки.

¹ Т. Л. Канделаки (1977, с. 3), говоря о возрастании интереса к терминологии, отмечает, что «появилась большая группа специалистов, преподающих русский язык иностранным студентам и имеющих свои терминологические интересы». И действительно, лингвострановедческая семантизация терминологической лексики и лексики терминологического происхождения — это сугубо лингводидактическая, а не собственно терминологическая задача.

² См.: Мгеладзе, Колесников, 1970, с. 117—119, 121, 134, 136.

ОНОМАСТИЧЕСКАЯ ЛЕКСИКА

Ономастическая лексика (антропонимы, зоонимы, топонимы), казалось бы, должна обладать только номинативной функцией (вот *Петр*, а вот *Яков*), будучи совершенно лишена функции кумулятивной (ведь фактически ничего неизвестно о носителе имени, кроме того что его зовут *Яковом*). Тем не менее национально-культурный компонент свойствен именам собственным, пожалуй, даже в большей степени, чем апелляциям¹³. Покажем справедливость сказанного на примерах.

Ничего нельзя возразить против желания зарубежных составителей учебников русского языка давать своим героям типичные, по их мнению, русские имена. В учебниках, опубликованных в США и посвященных нашей современной жизни, в одном (Файер, 1969) главное действующее лицо носит имя *Акима*; в другом (Винс, 1969) персонажи получили имена *Митрофана* и *Матрены*. Казалось бы, прекрасно. Имена бесспорно русские¹⁴. Так как, по всей видимости, помина prorgia не привязаны к каким-либо качествам, свойствам человека, за исключением пола, мужчину можно произвольно назвать *Иваном*, *Петром*, *Сидором* или же *Акимом*, *Митрофаном*. Однако данное рассуждение неверно.

Имя собственное обладает лексическим фоном. Оно может быть, действительно лишено лексического понятия, но его лексический фон оказывается обширным и качественно сложным. СД фона имени собственного, с одной стороны, относят его к совокупности однородных имен и, с другой, придают конкретному имени неповторимый облик, индивидуализируют его.

Таким образом, каждое имя из именника (т. е. состава русских имен) выражает групповую информацию, сигнализирует о своей принадлежности к соположенным именам, так что весь именник распадается на отдельные, противопоставленные друг другу совокупности.

Ярким и для всех русских ясным критерием классификации является возраст имени (1): *Октябрина*, *Майя*, *Владен*, *Нинель*, *Алла*, *Римма* и т. д. — новые

¹³ См. также: Верещагин, Костомаров, 1975б, 1976б, 1977.

¹⁴ Если обратиться к имеющимся словарям русских личных имен. — скажем, к наиболее удачному словарю Н. А. Петровского (1966), то там содержатся все три имени.

имена, противопоставленные традиционным *Игорь, Олег, Владислав, Петр, Павел, Анастасия, Варвара, Елизавета* и т. д.

Носители языка осознают, далее, происхождение имени (2): *Альберт, Герман, Эдуард, Альбина, Белла, Вероника* и т. д. относятся к числу иностранных имен и противопоставляются таким именам, как *Владимир, Вячеслав, Мстислав, Всеволод, Вера, Надежда, Любовь* и т. д., которые осознаются как славянские или прямо русские. Заметим, что весьма многие по происхождению греческие и еврейские имена, попавшие в наш именник с принятием христианства, в обыденном сознании воспринимаются как чисто русские — *Иван, Михаил, Екатерина, Ирина, Татьяна, Анна* и т. д.

Имена различаются, кроме того, теперь устаревшей, но все еще ощущаемой социальной окраской (3): *Иван, Сидор, Емельян, Лукерья, Федосья* и т. д. ассоциируются с крестьянскими именами, в то время как *Евгений, Вера, Тамара, Роберт, Вадим, Марина*, так же как и все ощущаемые иноязычными имена, соотносятся с именами городскими. Возможно и более дробное (пережиточное) социальное деление: *Олег, Ярослав, Игорь, Владимир, Ольга, Всеволод* — княжеские имена; *Иона, Исаакий, Никон, Пимен* (например, летописец у Пушкина), *Зосима* — монашеские; *Гордей, Фома, Савва* (наследственное имя купцов Морозовых), *Олимпиада, Васса* (имя купчихи Железновой у М. Горького) — купеческие; *Илья, Никита* (ср. «Детство Никиты» А. Н. Толстого) — имена интеллигенции и т. д. (Виртуозный подбор социально окрашенных имен наблюдаем у всех русских писателей-классиков, особенно же у Л. И. Островского.)

Имена оцениваются также с точки зрения их стилиевой принадлежности (4): например, *Гаврила, Михайло, Данила, Пантелей, Прасковья* — просторечные, «простонародные» имена по сравнению с «официальными» формами *Гавриил, Михаил, Даниил, Пантелеймон, Параскева; Алексий, Сергей, Власий, Климентий, Иоанн, Иаков, Матфей* — имена высокого, «полного» стиля в противоположность стилистически нейтральным формам *Алексей, Сергеев, Влас, Климент, Иван, Яков, Матвей* и т. д.

Имена несут, далее, информацию об их употребительности (5): сейчас популярны, «модны» имена

Александр, Алексей, Альберт, Анатолий, Андрей и т. д.¹⁵, а имена *Аввакум, Акакий, Варлаам, Василиса, Герасим, Глафира* и т. д., хотя достаточно известны, принадлежат тем не менее к категории редких¹⁶. Имена, далее, могут быть локализованы территориально (6): *Оксана, Тарас, Остап, Трофим* сопоставляются с югом России, может быть, с Украиной.

Наконец, имена живой внутренней формой (7) противопоставляются именам с «темной» внутренней формой: ср. *Владимир, Лев, Владлен, Вера, Любовь, Людмила* в противоположность *Геннадий, Даниил, Петр, Фома, Глеб, Борис, Виталий, Сергей* и т. д.

В заключение надо сказать, что одно и то же имя может входить в несколько смысловых групп, например: *Всеволод* — старое (1), русское (2), социально высокое (3), стилистически полное (4), невысокой употребительности (5) имя, не лишенное, пожалуй, живой внутренней формы (7).

Итак, имя, появившееся в речи, русскими обычно соотносится или с определенным временем, или с известной территорией, или с социальной группой и т. д. Вот почему русский читатель (наш соотечественник и современник) «спотыкается» на имени *Аким* — это имя старое (1), крестьянское (3)¹⁷, неупотребительное (5), поэтому читатель полагает, что события, описываемые в учебни-

¹⁵ По данным В. А. Никонова (1974, с. 72—75), высокочастотных, популярных мужских имен всего 38. Если продолжить начатый список, то таковы *Аркадий, Борис, Вадим, Валентин, Валерий, Василий, Виктор, Виталий, Владимир, Владислав, Вячеслав, Геннадий, Георгий, Герман, Григорий, Дмитрий, Евгений, Иван, Игорь, Константин, Лев, Леонид, Михаил, Николай, Олег, Павел, Петр, Роман, Сергей, Stanisлав, Федор, Эдуард, Юрий*. Частотность имен — весьма подвижное явление. В. Л. Никонов указывает (с. 77), что «русский именник 1961 г. коренным образом отличается не только от дореволюционного, но и от именника 1930 г. полной сменой преобладающих имен». Даже в наиболее консервативной сельской местности господствовавшие в прошлом имена почти совсем вышли из употребления: «Не говоря об окончательно исчезнувших именах *Архип, Афанасий, Гавриил, Тит, Тихон, Агафья, Акулина, Устинья, Федорья, Фекла*, но даже имена *Иван, Евдокья* теперь очень редко дают в деревне» (с. 78).

¹⁶ Зарубежному составителю учебных пособий по русскому языку никак нельзя ориентироваться на личное имя в родном языке или прибегать к переводу. Как правильно отметила Дж. Герхарт (1974, с. 19), «русский *Vasilij* и английский *Basil* не имеют одинакового статуса, хотя они одного и того же происхождения». Английские имена *James* или *Thomas* весьма частотны, но по этой своей характеристике они несопоставимы с русскими соответствиями *Яков* или *Фома*, которые практически вышли из употребления. Точно так же немецкое имя *Jo hann* с производным *Hans* совсем не совпадает с *Иваном* (и *Ваней*).

¹⁷ Характерно, что это имя носит старый крестьянин — главное действующее лицо пьесы Л. Н. Толстого «Власть тьмы». Ср. также семь крестьянских имен, которые даны героям поэмы Н. А. Некрасова «Кому на Руси жить хорошо»: *Роман, Демьян, Лука, Иван, Митродор, Пахом* и *Пров*.

ке, будут отнесены к прошлому веку или по крайней мере *Аким* окажется глубоким патриархальным стариком (ничего подобного: в учебнике *Аким* — студент, молодой человек, коренной горожанин). Имена *Матрена* и *Митрофан* — крестьянского происхождения (3), неупотребительные (5)¹⁸, просторечные (4), но их носители (герои учебника Г. Винса) ведут себя вразрез с ассоциациями, которые возникают у каждого русского в связи с этими именами.

Таким образом, каждое личное имя выражает определенную информацию, которую нельзя не учитывать при его выборе из всего именника. В пределах группы выбор может быть произвольным (этим имя собственное отличается от апеллятива), но нельзя произвольно переступать ее границы¹⁹.

Если групповая информация присуща семантике личного имени собственного, то лишь некоторые из них обладают еще и индивидуальной информацией (и она тоже имеет несомненный внеязыковой характер).

Имена могут встречаться в (а) пословицах, поговорках, загадках, и благодаря этому они становятся значимыми. Например, *Макар* представляется неудачником, нерасторопным человеком, потому что в пословице *На бедного Макара все шишки валятся* он показан совсем безответным. *Емеля* — это болтун, пустомеля, вероятно, потому, что именно так его характеризует пословица *Мели, Емеля, твоя неделя*.

Ср. другие пословицы и поговорки, содержащие антропонимы: *Я ему про Фому, а он про Ерему; По Сеньке и шапка; Велика Федора, да дура; Любопытной Варваре на базаре нос оторвали*.

Имена собственные часто встречаются и в составе фразеологизмов: *куда Макар телят не гонял, кондрашка хватил, как Сидорову козу* (Кондратьева, 1977; Леонидова, 1974), *Шемякин суд, при царе Горохе* и т. д. Они же непременно присутствуют в составе загадок: *Стоит Антошка на одной ножке; Сидит Марья в избе, а коса*

¹⁸ Все три имени, по данным В. А. Никонова (1967), на миллион обследованных современных носителей русского языка не встретились ни разу.

¹⁹ Невозможность или затруднительность переступить границы группы особенно ясно обнаруживает себя, когда новорожденному дают или пытаются дать неупотребительное или социально сниженное личное имя. Напомним о тех негативных ассоциациях, с которыми был сопряжен выбор имени героя знаменитого романа-хроники М. Горького — *Клима* («Жизнь Клима Самойлова»).

на улице. Наконец, антропонимы активны в былинах, сказках, народных песнях и в других фольклорных жанрах: например, *Василиса Прекрасная*, *Вольга*, *Добрыня Никитич*, *Илья Муромец*, *Алеша Попович* (Кондратьева, 1967). Таким образом, можно говорить о некоторых именах собственных, которые избирательно ассоциируются с жанрами или персонажами фольклора и тем самым приобретают индивидуальную информацию.

Далее, ряд личных имен получил (б) репрезентативный, почти нарицательный смысл. Например, *Иван* — это символическое имя русского²⁰, *Иван Иванович* и *Иван Никифорович* — двое друзей, рассорившихся из-за пустяка, *дядя Степа* — высокий человек и т. д.

Некоторые имена устойчиво сопологаются с (в) героями, персонажами литературных произведений (и поэтому «тянут за собой» отчество, фамилию, прозвище): *Евгений* (Онегин), *Татьяна* (Ларина), *Герман* (из «Пиковой дамы» А. С. Пушкина)²¹, *Василий* (Геркин) и т. д.

Антропонимы ассоциируются со знаменитыми государственными, политическими деятелями, полководцами, художниками, композиторами, писателями и другими (г) известными людьми. Например, *Александр* — Невский, Радищев, Грибоедов, Пушкин, Герцен, Ульянов, Матросов и т. д.

Наконец, личные имена (и опять-таки не сплошь, а избирательно) становятся (д) кличками животных: *Михайло* Потапыч или *Мишка* — медведь²², *Васька* — кот, *Петька* — петух и т. д.

Вероятно, мы не перечислили всех видов индивидуальной информации, передаваемой личными именами. Нам было важно показать, что практически любое имя может быть отягощено индивидуальной информацией, но эта возможность реализуется только в зависимости от неязыковых обстоятельств: от того, какое имя войдет в посло-

²⁰ В рецензии на кинофильм «Семья Ивановых» («Комсомольская правда», 1975. № 7) говорится: «Поименовать персонажей Иваном Ивановичем и Марьей Петровной Ивановыми — на это нужна отвага. Тут не просто об именах речь. Заявка недвусмысленна: на глубинные народные характеры, на образы таких людей, которые как бы составляют сердцевину народа нашего... <...> Иван да Марья — не правда ли, то ли сага, то ли сказка...»

²¹ Интересно, что имена детям нередко даются с сознательной опорой на литературных персонажей: например, космонавт *Герман* Титов и его сестра *Земфира* названы родителями под влиянием пушкинских произведений.

²² Ср. у И. А. Крылова в «Квартете»: «Проказница-мартышка, Осел, Козел да косялый Мишка...».

вищу или как писатель назовет своего героя, а также от того, получит поговорка или художественное произведение достаточное распространение.

Итак, групповая информация свойственна любому имени, а индивидуальная — только тем из них, которые «чем-то отличились». «Отличившееся» имя может сменить свои групповые характеристики: например, *Татьяна* (в) из-за отождествления имени с героиней пушкинского стихотворного романа с течением времени перешла из группы крестьянских, «простонародных» имен (3) в число имен городских, дворянских и стилистически высоких²³.

Сказанное по поводу личных имен, безусловно, справедливо и по отношению к русским отчествам и фамилиям, т. е. оно относится ко всем антропонимам.

Когда носитель языка сталкивается с именем-биркой, он ожидает, что человек будет себя вести так, «как ему положено именем». Вот почему *Митрофан* и *Матрена* из учебника Винса воспринимаются русскими с чувством удивления. *Митрофан* (или *Митрофанушка*) — это восходящий к персонажу комедии Фонвизина «Недоросль» образ великовозрастного и глупого лодыря, который «не желает учиться, но желает жениться». Однако в рассматриваемом учебнике *Митрофан* оказывается удачливым дельцом, владельцем небоскреба с плавательным бассейном. Имя *Матрена* также обладает индивидуальной информацией, оно ассоциируется с женщиной-крестьянкой (отсюда кукла в платочке называется *матрешкой*²⁴); в учебнике эта ассоциация нарушена.

Таким образом, если имена собственные прокомментировать с точки зрения как групповой, так и индивидуальной информации, то они способны многое рассказать об истории и культуре нашей страны.

Рассмотрим теперь топонимическую лексику.

Легко заметить, что топонимы не являются простыми терминами географической науки, они обладают яркими культурными компонентами в своей семантике. Иногда эти компоненты могут быть выведены из формы наиме-

²³ Этому, вероятно, способствовал и широко известный в прошлом праздник московских студентов — *Татьянин день*. Ср., кстати, современную популярную песенку «*Татьянин день*». Л. С. Пушкин сам подчеркнул необычность имени своей героини: «Ее сестра звалась *Татьяна*.../Впервые именем таким/Страницы нежные романа/Мы своенравно освятим».

²⁴ Характерно, что А. С. Пушкин в поэме «*Полтава*» переименовал имя исторической *Матрены Кочубей* на *Марию*.

нования (скажем, *Новгород*—новый город, *Ленинград*—город Ленина), но гораздо чаще наблюдаются коннотации историко-социального плана (например, *Хиросима*—не просто японский город в одном ряду с иными, а воплощение бедствий ядерного взрыва). Именно здесь ясно виден принцип двуплановости семантики топонима.

Вскрыть второй, собственно языковой, план топонима—в этом и состоит лингвострановедческая задача.

Топонимы, подобно антропонимам, обладают групповой информацией, и это их свойство, как кажется, удобно использовать в преподавательских целях. Например, одна из возможных группировок—объединение общеизвестных «исторических» русских городов и прочих топонимов: *Ростов Великий, Владимир, Суздаль, Муром, Арзамас, Кижы, Архангельск, Новгород, Нижний Новгород, Ярославль, Смоленск, Тверь, Полтава, Галич, Елец, Калуга, Коломна, Кострома, Курск, Можайск, Рязань, Серпухов, Севастополь, Тобольск, Томск, Тула, Углич, Бородино*... В этом списке можно выделить подгруппы: например, города, названные по именам древнерусских князей (*Ярославль, Юрьев, Владимир*); топонимы, связанные с воинской славой русского оружия (*Полтава, Нарва, Березина, Бородино*). Мы, естественно, далеко не исчерпали «исторического списка».

При внимательном прочтении карта СССР—это летопись революции, гражданской и Великой Отечественной войн, всей истории Советского государства. Ср.: *Ленинград, Волгоград, Горький, Дзержинск, Днепро-дзержинск, Жданов, Жуковский, Калинин, Калининград, Киров, Комсомольск-на-Амуре, Краснодар, Куйбышев, Мичуринск, Орджоникидзе, Свердловск, Ульяновск, Фрунзе, Фурманов* и т. д. (см.: Веселовский, 1945).

На карте СССР столько городов, поселков, сел, деревень, названных именем Ленина, что вполне можно говорить о географической Лениниане (см.: Поспелов, 1961).

Групповой подход возможен также по отношению к топонимам крупных строек первых пятилеток и нашего времени: *Запорожье, Магнитогорск, Ангарск, Братск, Тольятти, Набережные Челны* и т. д.

Его можно применить также к коннотативно окрашенным для русского гидронимам (наименованиям рек, озер): *Волга, Дон, Ока, Енисей, Иртыш, Обь* и др.

Таким образом, ономастическая лексика обладает национально-культурным компонентом в своей семантике, т. е. если ей и не свойственны лексические понятия, которые можно было бы отождествлять с лексическими понятиями апеллятивов, то для нее вполне характерны те самые лексические фоны, которые по отношению к апеллятивам подробно разбирались выше.

Глава 13, заключительная

ИТОГОВЫЙ ПРИМЕР И ВЫБОР НАЗВАНИЯ ДЛЯ ИЗЛОЖЕННОЙ КОНЦЕПЦИИ

Подводя итог сказанному в первой части книги, мы не просто излагаем сумму добытого, а как бы заново ее доказываем или, по крайней мере, еще раз демонстрируем.

Демонстрация проводится на сквозном примере (слово ДОМ и круг его производных). Выбор именно данного слова обусловлен тем, что оно имеет обширный и развитый лексический фон, весьма разнообразный с точки зрения качественного состава СД: на материале одной-единственной лексической основы оказалось возможным показать значение всех теоретических положений, развитых в работе, и показать практически.

Сопоставления предпринимаются, как правило, с английским и немецким языками.

Теоретические итоговые сведения даем в тезисной форме. Тезисы, во-первых, призваны напомнить читателю о том, что было изложено раньше; во-вторых, они предназначены для систематизации полученного знания.

1. Совершенно аналогично уже разобранным тройкам слов (*стул* — *chair* — *Stuhl* и *школа* — *school* — *Schule*) слово *дом* в понятийном отношении эквивалентно англ. *house* и нем. *Haus*. Для этого достаточно сопоставить толкования словарей. В них наличествуют формулировки, содержательно совпадающие с семантизацией слова, например, в Словаре Ожегова: «жилое (или для учреждения) здание, а также люди, живущие в нем»;

«квартира, а также семья, люди, живущие вместе, их хозяйство».

Таким образом, слово *дом* выражает межъязыковое лексическое понятие. Лексическое понятие называется межъязыковым, если оно присутствует (хотя бы) в двух этнокультурных общностях и без потерь информации адекватно выражается на разных языках.

2. Семантика слова, однако, лексическим понятием (совокупностью СД, обеспечивающих узнавание и именование соответствующего предмета или явления) не ограничивается. Непонятные СД, входящие в семантику слова, в своей совокупности были нами названы лексическим фоном. С точки зрения лексических фонов слова *дом* — *house* — *Haus* уже не могут считаться эквивалентными.

В самом деле, для англичанина *house* ассоциируется, например, со словом *agent*; *house agent* (в американском варианте *realtor*) — это *someone who lets, buys or sells houses for others for fee* (человек, который сдает, покупает или продает дома для других за вознаграждение). В «Словаре ассоциативных норм...» (1977), естественно, нет ассоциации *дом* — *агент*, равно как кажется странным словосочетание типа *домовой агент* и тем более *домашний агент*.

Немецкий (производный от *Haus*) глагол *hausieren* означает *Wagen von Haus zu Haus feilbieten* (разносить товары по домам, заниматься торговлей вразнос). И эта ассоциация отсутствует в отечественной национально-культурной общности и никак не представлена в русском языке. Такой вид торговли считается, вероятно, делом постыдным и недостойным, что выражено, например, в устойчивой формуле *Betteln und Hausieren verboten* (Запрещается нищенство и торговля вразнос) или в образном выражении типа *er muss mit seinen Fähigkeiten förmlich hausieren gehen* (буквально: он прямо-таки должен торговать вразнос своими способностями, т. е. предлагать их унижительным образом).

С другой стороны, те ассоциации, которые слово *дом* вызывает у русских, далеко не всегда совпадают с английскими или немецкими. Например, по данным «Словаря ассоциативных норм...», у этого слова имеются ассоциаты *изба, домовый, обитель, хата*, и поскольку все они отражают подробности специфического традиционного быта, их трудно перевести на другие языки. Собственно, их можно передать словами другого языка (например, *изба* в словарях обычно описывается как *peasant's house* или как *Bauernhaus*), но они не имеют точного, устойчивого эквивалента (поэтому в словарях, как правило, указываются многочисленные синонимы: *cottage, cot, hut*). Если же обратиться к современному нашему быту, то для носителя других языков могут оказаться непонятными ассоциаты *дома типа домком* (домовый комитет), *домоуправление, кооперативный долг, детский дом, Дом (Дворец) пионеров, Дом дружбы, Дом Союзов* и т. д.

Таким образом, как английский или немецкий язык имеет «лишние» фоновые доли по сравнению с понятийно-эквивалентным русским словом, так и русское слово, в свою очередь, обладает фоновой семантикой, выходящей за пределы семантики сопоставимых иноязычных слов.

Из этого вытекает, что часть СД лексического фона отражает национально-культурную специфику.

Однако одновременно в лексическом фоне присутствует известное количество межъязыковых СД. Например, ассоциаты *деревянный*, *кирпичный*, *высотный*, даже *блочный* и *панельный* по отношению к слову *дом* вполне сопоставимы с ассоциатами Holz-, Ziegel-, Hochhaus.

Следовательно, при сопоставительном подходе лексический фон оказывается состоящим как из межъязыковых, так и национально-культурных СД. Термины «межъязыковой» и «национально-культурный» — это, конечно, не внутренние качества СД, а атрибуты, приписываемые им наблюдателем, поэтому для каждой пары сопоставляемых языков разделение СД на межъязыковые и национально-культурные окажется своим, своеобразным.

3. Судить о СД, входящих в лексический фон слова, можно путем опроса информантов, с помощью ассоциативного эксперимента, благодаря данным толковых (и, с осторожностью, энциклопедических) словарей, на основе свидетельств иностранцев или соотечественников, побывавших за границей, а также и другими прямыми и косвенными способами. Тем не менее, если не считать словарей, описывающих предшествующие состояния языка (историко-литературные комментарии к художественным произведениям, европейская традиция словарей античных реалий), лексический фон слова никогда не был предметом целенаправленного лексикографического отражения (тем более с синхронных позиций).

4. Хотя по своей природе лексический фон прежде всего отражает не внутриязыковую, реляционную семантику, а связь внеязыковых предметов и явлений в действительности, он все же должен быть признан «частью языка» и отнесен к сфере ведения лингвистики и, шире, филологии. Фон ответствен за ассоциативные (парадигматические и синтагматические) связи слова. Именно фон определяет

место слова в лексико-семантическом поле. Таким образом, лексический фон, наряду с лексическим понятием,— это способ существования общественного сознания, способ фиксации внеязыковой действительности преимущественно на обыденном, массовом, традиционном уровне ее отражения.

5. Если под коммуникацией понимать индивидуальное сочетание социальных средств выражения, то роль лексического фона в коммуникативном акте заключается, как ни парадоксально, в социализации индивидуального сочетания слов. Лексический фон очерчивает границы осмысленной сочетаемости слов: индивидуальность выбора действует только в пределах этих границ.

Например, с точки зрения материала *дом* может быть *деревянным, глинобитным, кирпичным, каменным, блочным, панельным*, но если *дом* назван *ледяным* (из сказки: у зайца была избушка лубяная, а у лисы *ледяная*; ср. также название исторического романа И. И. Лажечникова «*Ледяной дом*»), то этим нарушением границ возможного выбора, необычностью словосочетания достигается не сугубо прагматический, а художественный, метафорический эффект¹. Подобные экспрессивные «неправильные» словосочетания, как любое исключение, только подтверждают правило.

Лексический фон очерчивает не только границы осмысленной коммуникации, но и ее языковую форму.

Например, прилагательные *домашний* и *домовый*, казалось бы, должны означать одно и то же (что подтверждается, если не учитывать стилистических различий, возможными вариантами *домашний* и *домовый врач, домашняя и домовая церковь*), но в фоне слова *кухня* оба прилагательных содержательно противопоставлены друг другу (*домовая кухня*— это магазин, где можно купить обед, а *домашняя кухня*— это пища, приготовленная в семье, дома). Кроме того, в некоторых случаях избирательная сочетаемость имеет не содержательный, а чисто узуальный характер: так, лишь *домашняя* аптечка (*домовая* невозможно), *домашние* задания, *домашнее* воспитание, *домашние* животные, а с другой стороны — только *домовая* мышь, *домовый* сверчок и *домовая* книга.

В акте коммуникации СД фонов непосредственно сочетающихся слов согласуются между собой, поэтому можно говорить о *моносемности* всего (непосредственного) словосочетания

¹ Метафора, кстати, регулярно модифицирует словосочетаемость. Ср. некогда невозможные сочетания: *лист* бумаги (а не березы), *стальное* (а не птичье) *перо*.

6. Различаются два принципиально различных вида коммуникации: личностная и метаязыковая.

Личностный акт коммуникации сообщает некоторые сведения применительно к данному конкретному предмету или явлению, и в результате в сознании адресата не возникает преобразований его индивидуального лексического фона (некоторого слова, употребленного в речевом общении). Например: *наш дом — девятиэтажный*.

В метаязыковой коммуникации, т. е. в высказываниях, устанавливающих тождество некоторых сведений или форм выражения, индивидуальный лексический фон непременно изменяется, в его состав входит новая СД.

Например, из литературы XIX в. нам известны словосочетания *работный дом* и *страннопримный дом*. Однако что стоит за выражениями? Из Энциклопедического словаря Брокгауза и Ефрона можно узнать, что *работный дом* доставлял «неимущим прокормление» и привлекал для принудительных работ «праздношатающихся» и что *страннопримный дом* — это собирательное название для *богадельни* и *богадельни* в одном помещении.

Оба акта коммуникации передают информацию не о конкретном явлении, а о классе предметов и явлений и формируют лексические понятия у адресатов. Следовательно, метаязыковая коммуникация — это формирование семантики слова для второго участника речевого общения.

В результате модификаций индивидуального лексического фона говорящий меняет как парадигматические, так и синтагматические связи соответствующего слова.

7. В метаязыковой коммуникации переданные знания подвергаются процессу свертывания, они (за редкими случаями заучивания метаязыкового текста слово в слово) никогда не фиксируются в исходном виде.

Ср. для примера выписку из ЛС-словаря «Народное образование в СССР» (Денисова, 1978, с. 105—107).

ДОМ (ДВОРЕЦ) ПИОНЕРОВ

Внешкольное учреждение, которое ведет массовую учебно-воспитательную работу, направленную на развитие творческих интересов и индивидуальных способностей детей.

Первые Дома пионеров были открыты в 1923—1924 гг. в Москве. В 30-е гг. они появились в Ленинграде, Свердловске, Тбилиси и других городах. В 1959—1962 гг. в Москве, на Ленинских горах, был построен крупнейший в СССР Дворец пионеров и школьников. Сейчас в столицах всех республик, краев и областей СССР имеются Дворцы

Московский городской Дворец пионеров и школьников им. 40-летия пионерской организации

пионеров, а во многих городских и сельских районах открываются Дома пионеров.

В каждом Доме или Дворце пионеров работают различные кружки (шахматный, математический, химический, литературный, авиамодельный и др.), детские творческие объединения (музыкальные ансамбли, хоры и танцевальные коллективы, драматические студии и т. п.), многочисленные спортивные секции. Каждый школьник может записаться в понравившийся ему кружок или секцию. Занятия в кружках и секциях ведут опытные педагоги, специалисты и тренеры.

В Доме пионеров организуются и проводятся пионерские праздники, слеты, конференции, смотры, конкурсы, выставки детского творчества, олимпиады по предметам школьной программы, военно-спортивные игры, туристические походы. Работа Домов пионеров направлена на всестороннее развитие творческих способностей детей, на удовлетворение самых разнообразных их запросов и интересов...

Данный метаязыковой текст, несомненно, формирует у адресата (у иностранца, потому что для нашего соотечественника сообщаемые сведения могут иметь лишь уточняющее значение) семантику словосочетания *Дом (Дворец) пионеров*. Однако информация свертывается вплоть до отдельных слов-ассоциатов: *кружки, секции, слеты, олимпиады, туристические походы*.

Вопросы преобразования исходной формы метаязыкового текста не изучались нами, однако теория лексического фона позволяет понять именно слово в качестве фик-

сатора метаязыковой информации. Лексический фон, подобно лексическому понятию, накапливает и хранит СД, однако он включает в себя несравненно больше СД (и по этой причине оказывается в немалой степени индивидуальным у членов языковой общности).

Сказанное означает, что лексический фон, с одной стороны, направляет коммуникацию, а с другой — в метаязыковой коммуникации формируется сам.

8. В составе лексического фона СД могут рассматриваться с самых разных точек зрения.

С точки зрения генезиса СД индивидуального лексического фона разделяются на личностные (возникшие в результате собственного опыта человека, его творческой работы) и социальные, т. е. те, которые носитель языка разделяет со своими соотечественниками и современниками.

Социальные СД, если их рассматривать с позиций принадлежности национальной культуре, разделяются на межкультурные (и, соответственно, межъязыковые) и национально-культурные. Первые представлены по крайней мере в двух национальных культурах, а вторые уникальны и отражают неповторимую специфику опыта определенной этнокультурной общности людей.

Можно к противопоставлению межъязыковых и национально-культурных СД подходить и относительно, путем попарного сопоставления двух языков или даже русского языка и другого языка в его региональном употреблении (скажем, русско-немецкие сопоставления нельзя проводить без учета специфики расходящихся культур ГДР и ФРГ): в этом случае одна и та же СД может оказаться для одной пары языков межъязыковой, а для другой — национально-культурной.

Например, СД *каменный* для слова *дом* является межъязыковой, а СД *домостроевский* — национально-культурной. «Домострой» — это русский письменный памятник XVI в., содержащий свод житейских правил и наставлений, в нем требуется беспрекословное подчинение главе семьи; это слово впоследствии стало нарицательным обозначением консервативного семейно-бытового уклада. Отсюда *домостроевские нравы*, *домостроевский быт*. У русского возникают ассоциации, идущие к нравам косного купечества, вспоминаются персонажи А. Н. Островского (например, Кабаниха из «Грозы»), а также, может быть, строгий старообрядческий быт.

Национально-культурные СД должны учитываться в преподавании русского языка иностранцам в качестве возможных учебных единиц.

9. В понятийно-эквивалентных словах лексические понятия всегда совпадают полностью, но при сопоставлении даже близких языков лексические фоны никогда не совпадают до конца.

Например, хотя *дом* — Haus — house понятийно целиком одинаковы, для русского некоторые особенности устройства немецкого или английского дома непривычны и отражающие их формы языка непонятны.

Так, у нас пока нет традиции запиравать вечером входную дверь подъезда многоквартирного дома. Отсюда фраза *Wann wird bei Ihnen die Haustür geschlossen* (Когда у вас закрывается дверь дома)? может поставить человека в тупик, потому что она нарушает те границы осмысленной сочетаемости слов, которые разбирались в тезисе 5-м. Ср. также «непонятную» фразу: *Geben Sie mir einen Schlüssel von der Haustür* (Дайте мне ключ от двери дома)!

У русского слово *пожар* не может вызывать позитивных ассоциаций, в то время как по-английски *like a house on fire* означает *with great success* (с большим успехом): *The interview went off like a house on fire* (Интервью прошло с большим успехом, буквально: как дом в огне).

Русские национально-культурные СД слова *дом* уже разбирались. К ним относятся, между прочим, все те многочисленные «дома», которые характерны для нашего современного быта: *Пушкинский дом* (название Института русской литературы Академии наук СССР), *Дом колхозника*, *Дом Советской Армии*, *Дом архитектора*, *Дом литераторов*, *дом отдыха*, *Дом Союзов*, *Дом ребенка*, *Дом политического просвещения*, *Дом детской книги*, *Дом ученых*, *Дом техники*, *Дом санитарного просвещения*, *Дом учителя*, *Дом художника* и т. д.

Несмотря на представленность расходящихся СД в составах лексических фонов понятийно-эквивалентных слов разных языков, в них одновременно наличествует немалое число межъязыковых СД (чем ближе друг к другу национально-культурные общности, тем больше совпадают лексические фоны эквивалентных слов).

При изучении иностранного языка эквиваленция лексических понятий обычно сопровождается переносом лексического фона слова родного языка на лексему изучаемого языка. Так возникает особая, лингвострановедческая интерференция. Она же наблюдается и во всех случаях перемещения человека, прошедшего социализацию в культуре А, в культуру Б.

Для предупреждения лингвострановедческой интерференции, совершенно аналогично предупреждению интер-

ференции фонетической или грамматической, необходимы сопоставительные описания лексических фонов понятийно-эквивалентных слов, в частности с помощью процедуры компарации.

10. Если рассматривать лексический фон в динамике, то легко заметить меньшую стабильность фоновых СД по сравнению с понятийными.

Например, после Октябрьской революции из лексического фона слова *дом* вышла СД *доходный* и соответственно переменялась его синтагматическая (атрибутивная и глагольная) сочетаемость; например, сейчас невозможно сказать: *Может быть, купишь семиэтажный дом?*

Ср. другие СД, с течением времени вышедшие из актуального лексического фона: *питейный дом*, *желтый дом*, *казенный дом*, *воспитательный дом*, *ночлежный дом*, *архиерейский дом*, *вдовый дом*, *дом призрения*. Между прочим, слово *домовладелец* уже не выражает смысла, который в него вкладывался до революции, когда домовладельцы считались «основными жителями городов, его постоянным элементом» и рассматривались как сословие (см. у Брокгауза и Ефрона).

Правда, состав лексического фона обладает определенной инерцией, которая поддерживается читаемыми произведениями художественной литературы прошлого, поэтому мы помним о существовании *ночлежных* домов (вероятно, в немалой мере под влиянием творчества М. Горького) или знаем о *мертвом* доме (безусловно, благодаря «Запискам из мертвого дома» Ф. М. Достоевского). Тем не менее сам факт полного выхода некоторой СД из лексического фона демонстрируется без труда: в «Словаре Академии Российской» (Спб., 1809, ч. 2) *домостроитель* определяется как «надзиратель, смотритель дома; тот, который печется о приобретении временного стяжания (т.е. имущества. — Е. В., В. К-), о сохранении и приумножении приобретенного» и отождествляется с экономом; сейчас сложное слово понимается лишь в буквальном смысле составивших его корней, т.е. «тот, кто строит дома», отсюда *домостроительный комбинат* (или, чаще, *ДСК*).

С другой стороны, по сравнению с предшествующими периодами слово *дом* постоянно включает в свой состав все новые и новые СД.

Например, лишь после революции появились словосочетания *дом отдыха*, *государственный* или *ведомственный дом*. Если еще два-три

десятилетия тому назад дома по материалу исполнения разделялись на *деревянные* и *каменные (кирпичные)*, то сейчас говорят о *блочных* или *панельных (сборных)* домах.

Ездить, переезжать дома стали в Москве в середине 30-х гг. XX в. До этого в лексическом фоне слова *дом* не только отсутствовала СД *ездить*, но, напротив, присутствовала противоположная СД *дома не перемещаются*: испокон века дома считались *недвижимостью (недвижимым имуществом)*. Может быть, скоро в фон слова войдет и СД *летать*: во время длительного космического полета советских космонавтов целый ряд газет назвал орбитальную станцию их *летающим* домом.

Динамика СД в составе лексического фона может иметь место на протяжении не только жизни одного поколения, но и в значительно более короткие сроки. Например, в «Толковом словаре русского языка» (под ред. Д. Н. Ушакова. М., 1935—1940. Т. 1—4. Далее Словарь Ушакова) называются: *Дом крестьянина* и *Дом Красной Армии*, а сейчас только: *Дом колхозника* и *Дом Советской Армии*. Можно думать, что на протяжении примерно десяти лет фоны большинства ключевых, центральных слов претерпевают более или менее существенные изменения. Поскольку эти изменения не фиксируются (например, лексикографически), новым поколениям приходится восстанавливать «контекст культуры».

Остается добавить, что накоплению СД в фоне слова способствует художественная литература (*дома новы, но предрассудки стары; дом с мезонином; все смешалось в доме Облонских*), в том числе иностранная (*холодный дом; дом, который построил Джек*) и детская (*кошкин дом*), а также архитектура (*дом Пашкова, круглый дом*), живопись, театр, кино и т. д.

Следовательно, учебная семантизация лексического фона должна проводиться с диахронических позиций, отражая не только актуальные, действенные на сегодня СД, но и исторические доли, если они, конечно, еще не вышли из семантики слова,

11. СД (как понятия, так и фона) не имеют языковой природы в индивидуальном сознании говорящего, и именно поэтому при билингвизме возможен их перенос из языка в язык. Из этого вытекает, — надо учитывать также мысль о «свертывании» метаязыкового текста при формировании лексического фона (см. 7-й тезис) и тем самым об отрыве образуемой СД от исходной формы, — что для

формирования лексического фона слова языка А можно использовать семантизирующий текст на языке Б.

Например, если вам разъяснили устаревшее значение выражения *отказаться от дома* в виде семантизирующего текста «перестать пользоваться услугами какого-л. наемного служащего (гувернера, лакея и т. д.)», то через некоторое время вы, конечно, не сможете точно воспроизвести этот текст, а новая для вас семантика, может быть, сохранится. Ср.: «Что же случилось с Ельниным [учителем]? — Не знаю, — равнодушно сказала она [Софья Николаевна!], — ему отказали от дома, и я не видала его никогда» (Гончаров «Обрыв»). Возможно семантизировать данную СД выражения *отказаться от дома* иначе: «то же самое, что уволить или, скорее, прогнать со службы в барском доме».

С другой стороны, если имеется в виду значение «прекратить знакомство, не приглашать больше кого-л. в дом (обычно в результате обиды, ссоры)», то рассматриваемое выражение не нужно семантизировать, например, англичанину или немцу, потому что то *forbid the house* и *j-m das Haus verbieten* означают то же самое, так что межъязыковая СД может быть перенесена из английского (и соответственно немецкого) языка в русский, перенесена, естественно, вне английской или немецкой языковой формы.

Конкретные способы опоры на родной язык обучающихся с целями формирования лексических фонов русских слов (а такая опора очень важна на начальном этапе обучения иностранцев русскому языку) уже были предложены (как в литературе вопроса, так и авторами этой книги), однако весьма актуальны и дальнейшие разыскания.

12. Изучая природу лексического фона, мы вывели за его пределы экзотерические СД, т. е. те доли, которые не принадлежат исключительно некоторому конкретному слову, а одновременно определяют семантику и других слов.

Например, размер — *большой, маленький, огромный, длинный, высокий, приземистый*; оценка — *красивый, безобразный, великолепный, отвратительный, удобный, неуклюжий*; окраска — *белый, светлый, темный*; материал — *деревянный, каменный*; время постройки — *новый, старый, допотопный, довоенный*; все эти характеристики являются для *дома* общими и с другими предметами. Перечисленные прилагательные приложимы и к другим словам — *завод, кинотеатр, магазин, стол, диван...*

Хотя, как можно думать, СД оценки, субъективного отношения все же принадлежат к лексическим фонам слов, тот факт, что они присутствуют в семантике едва ли не любого номинативного слова и выражаются примерно одинаково (*хороший* или *плохой* представляют со-

бой всеобщие оценки), заставляет нас эти экзотерические СД выводить за пределы семантики конкретного слова.

В противоположность им эзотерические СД относятся только к данному слову или к весьма ограниченному кругу близких или сопряженных по смыслу слов. Например, *флигель* или *мезонин* — понятия, предполагающие лишь соположенное слово *дом*.

Можно думать, что вся тематическая лексика манифестирует эзотерические СД родового слова: *карниз, окно, балкон, ставень, крыльцо, парадный (черный) ход, подъезд, кровля, первый (второй) этаж* и т. д. Эзотерические доли усматриваются также в избирательной сочетаемости слова: *рубить* (деревянный) дом, *строить* (каменный) дом или *класть* (кирпичный) дом.

Эзотерические доли в составе лексического фона значительно уступают в количественном плане экзотерическим, но с лингвострановедческой точки зрения особенно ценны: именно они отражают, концентрируют в себе не столько общечеловеческую, сколько национальную культуру. Поэтому эзотерические доли, как правило, отражают не объективные признаки или свойства предмета или явления, а его функционирование, бытование, «жизнь» в определенной национальной культуре.

В самом деле, *домострой* восходит к древней русской литературе, *мертвый и ледяной дом* — к литературе XIX в., *рабочий и ночлежный дом* отражают дореволюционный быт, а *Дом Союзов* и *дом отдыха*, напротив принадлежат к числу слов-советизмов. Естественно поэтому, что лингвострановедческая семантизация касается преимущественно эзотерических долей лексического фона.

Например, аналоги *домового* имеются как у англичан, так и у немцев, поэтому информация типа «божество домашнего очага, хранитель дома», будучи эзотерической в межкультурном смысле, помогает соотнести *домового* с *house-spirit, hob, hob-goblin, puck* или с *Hausgeist, Kobold*.

Гораздо важнее и в этнографическом смысле интереснее эзотерические, внутрикультурные сведения, которые уже не имеют аналогов. Скажем, указание на то, что *домовой* — это прямой потомок языческих домашних богов славян *Рода* и *Чура* (см.: Афанасьев, 1869). Слово *род* в нарицательном значении продолжает жить и активно употребляется и сегодня, а языческие обертоны едва слышны в оборотах типа *без роду и племени, на роду написано, вести род от* кого-л. Слово же *чур* перешло в разряд междометий, но восклицания, в которых оно встречается, имеют явную языческую окраску: *чур я первый!, чур это секрет!, чур меня!* Ср. в опере М. П. Мусоргского «Борис Годунов» «чуранье» царя:

Чур! Чур! Не я, не я твой лиходей!
Чур! Чур, дитя! Не я, не я, нет, не я...

Пережитки язычества видны в том, что к домовому обращались с мольбой еще в прошлом веке, ср. у А. С. Пушкина:

Поместья мирного незримый покровитель,
Тебя молю, мой добрый домовой,
Храни селенье, лес и дикой садик мой
И скромную семью моей обитель.

Наконец, несомненно эзотерической информацией является «перевоз домового» на новую квартиру. Ср. красочное описание М. Горького («Детство»): «Когда переезжали на квартиру, бабушка взяла старый лапот на длинном оборе, закинула его в подпечек и, присев на корточки, начала вызывать домового: „Домовик-родовик, вот тебе сани, поезжай-ка с нами на новое место, на иное счастье...“»

Заметим, что роль семантизации эзотерических СД фока состоит в подготовке изучающего язык к чтению классической русской литературы, от Пушкина до Горького.

Наконец, сугубо эзотерическими являются коннотации — те значения, не мотивированные рационально, которые развиваются у слова.

Скажем, *домик*, *домок* — это, казалось бы, деминутивы по отношению к слову *дом*, но они почему-то вызывают у авторов ассоциации о скупости, накопительстве владельцев *домика* или, еще отчетливее, *домка*. Ср. у И. А. Крылова («Лисица и Сурок») о подобном стяжателе:

А смотришь, помаленьку
То домик выстроит, то купит деревеньку.

Ср. также коннотативно возникшее образное наименование накопителя-скупца: *скопи дом* → скопидом.

Эзотерические СД, в противоположность экзотерическим, объективируют собственную семантику слова и фиксируют в ней историю и современное состояние того класса предметов, который называется данным словом. Эзотерические доли, опять-таки в противоположность экзотерическим, перечислимы и могут быть отражены в семантизирующем (метаязыковом) тексте исчерпывающе.

13. Лексический фон включает в себя (в качестве СД) не только вербальные компоненты (или доли, способные к вербальному выражению), но и невербальные. Теория лексического фона позволяет провести различие между общей семантизацией лексики путем зрительной наглядности и семантизацией лингвострановедческой.

Изображение на рис. 21 является понятийным и, отражая практику современного международного массового строительства, одинаково пригодно для семантизации слов *дом* — house — Haus. Зрительная се-

майнтизация в подобных случаях как бы заменяет перевод: обучающийся хорошо знает, что изображено, но ему надо запомнить, как «это» называется на иностранном языке.

Фоновое изображение, показанное на рис. 22, уже содержит детали, которые, может быть, неизвестны иностранцу или отличаются от привычных ему. Так, *номер дома* уже способен вызвать затруднение. Как прочитатъ: *улица 1812 г.*? Если даже отвлечься от явной

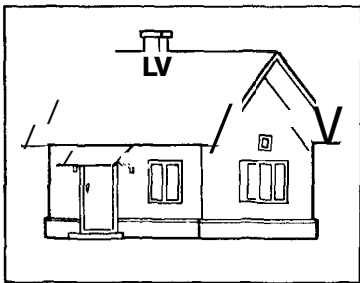

Рис. 21

страноведческой подоплеку названия улицы (в 1812 г. началась Отечественная война русского народа против захватнической армии Наполеона), иностранцу надо усвоить чисто формальные способы именования улиц.

Улица может содержать в названии прилагательное, согласующееся с опорным словом (*Большевикская ул., Матвеевская ул.*), причем это прилагательное иногда стоит и после опорного слова (ул. *Басманная, ул. Гореховая*). В название улицы входит, далее, имя

собственное в родительном падеже, которое всегда стоит после опорного слова (ул. *Кирова, ул. Клары Цеткин*). Иногда цепочка имен в родительном падеже бывает длинной: ул. *26 Бакинских комиссаров*. Наконец, небольшой ряд улиц имеет традиционные нерегулярные формы: ул. *Арбат, ул. Большая Ордынка, ул. Петровка*.

Надо также иметь в виду микропонимические «городские» опорные слова: *проспект* (Мира или Невский), *шоссе* (Воробьевское), *переулок* (Кривоколенный), *площадь* (Восстания), *проезд* (Художественного театра), *переезд* (Хопиловский), *набережная* (Мосфильмовская), даже *тупик* и *спуск*.

Из номерной таблички можно также «вычитать», что дом 4/11 является *угловым*: по улице 1812 г. он является четвертым, а по другой улице, на которую дом выходит, он одиннадцатый.

Национально-фоновое изображение уже не может быть единой основой для зрительной семантизации русского и иноязычного слов. Однако к деталям изображения внимания иностранца надо суметь привлечь: для достижения этой цели предлагается методика дополнительности зрительного и словесного рядов, т. е. изображения и семантизирующего текста.

14. Теория лексического фона полностью применима ко всем единицам лексического уровня языка, в том числе и специфическим группам лексики — к терминам и именам собственным.

С точки зрения взаимоотношений между словом и термином выделяются: лексика, перешедшая из общего языка в терминологию (она называется терминологической), и лексика, перешедшая из терминологии в общий язык (такова лексика терминологического происхождения). Эта совместная ЛЕКСИКА (В ПРОТИВОПО-

Рис. 22

ложность чисто терминологической) обладает обычным лексическим фоном и, следовательно, может семантизироваться на лингвострановедческих принципах.

Вторая группа специализированной лексики (ономастическая), вопреки распространенному мнению, обладает не только номинативной, но и кумулятивной функцией. Например, личные имена людей выражают культурно обусловленную групповую и индивидуальную информацию, которая обязательно учитывается, например, при выборе имени для ребенка или для литературного персонажа. Лингвострановедческий подход вполне пригоден и по отношению к топонимике.

Такова в тезисной форме совокупность результатов, к которым мы пришли в основном корпусе изложения путем развернутой аргументации.

Вслед за данным сокращенным, тезисным представлением семантической концепции, развиваемой в книге, мы хотели бы еще больше «сжать» ее главный смысл, свести его, может быть, даже до одного подходящего слова.

Совсем краткая, кратчайшая формулировка должна, с одной стороны, оттенить ведущий признак изложенной точки зрения, а с другой стороны, эта формулировка должна дать имя нашей концепции, назвать, обозначить ее.

Следуя собственной же теории, мы искали такое слово, которое обладало бы лексическим фоном, способным вызывать ассоциации в нужном нам направлении, и остановились на глаголе *вместить/вмещать*.

В таком случае итоговое высказывание в виде предикативной суммы гласит: слово как отдельная языковая единица **ВМЕСТАЕТ** в себе и в себя² знания о действительности, свойственные как массовому, так и индивидуальному сознанию.

Это же высказывание в виде номинативной суммы гласит: слово как вместилище знания.

Отыменный глагол *вместить/вмещать* уже в общеславянском языке-основе обладал примерно теми же значениями, которые ему свойственны и сейчас. Нас интересуют из них только два.

1. Заключать в себе, содержать, уместить, расположить внутри чего-л.; иметь место, емкость (для определенного количества людей, предметов, груза, жидкости и т. д.). Например: *Эта гавань может вместить самый большой флот; Бассейн вмещает 1000 кубических метров воды.*

Первое значение глагола имплицитно подчеркивает факт пребывания какого-либо предмета или явления в некоем большем объеме, и этому значению слова синонимичен глагол *содержать в себе*.

2. Вставлять, впадать; вкладывать, помещать что-л. во что-л.; принимать, охватывать, присоединять к себе что-л. Например: *Зал, казался, раздвигал свои стены и вмещал всех прибывающих делегатов; Молоко не вместило в бутылку.* Переносно: *Сколько жизни, ума, чувств вмещается в душу человека!*

Второе значение глагола имплицитно указывает на процесс включения какого-л. предмета или явления внутрь некоего объема, и в этом значении его синонимом служит глагол *присоединять к себе*.

Оба значения, конечно, отчасти обусловлены видовыми различиями в семантике пары *вместить/вмещать*, а также грамматическим значением возвратной формы *вместиться/вмещаться*, но особенно ярко отмеченная нами результативность и процессуальность выражается в падежно-предложном управлении. В результативном значении глагол управляет предложом *в* с дательным падежом, а в процессуальном — тем же предложом, но с винительным падежом. Сопоставьте: *Шкаф вмещает в себе (все наши) книги — Шкаф вмещает в себя (все новые и новые) книги.*

Производные имена (*вместимость, вместительность, вместилище; вместительный, вместимый*) оба выделенных значения выражают, как кажется, нерасчлененно.

Хотя выражение «слово как вместилище знания» хорошо отражает существо концепции лексического фона, от суммирующего имени затруднительно и, пожалуй, даже невозможно образовать атрибут в виде прилагательного, а такой атрибут нужен для удобного, рабочего обозначения новой семантической концепции в связном изложении.

² Разница в управлении поясняется ниже,

В поисках пригодного обозначения мы приняли во внимание традицию терминообразования, существующую в лингвистике, и остановились на самостоятельно сконструированном термине, производном от иноязычного корня.

Вмещать, заключать в себя, *охватывать, присоединять* к себе, а в переносном смысле *помнить* по-латыни *contĭnere* (от глагола конкретного значения *tenere* держать, удерживать). Например, слово *контейнер* (1. резервуар, бак, приемник, например для продуктов перегонки нефти; 2. ящик определенных размеров и устройства для перевозки товара на грузовых автомобилях, железнодорожных платформах; 3. съемный кузов вагонов и повозок, применяемый для перевозки грузов без тары) восходит к *contĭnere* через посредство англ. *container*. Ср. также *континент, контингент*. *Contĭnere* имеет несколько производных, более или менее соответствующих русским производным от глагола *вмещать*: *contĭnentia* (главное содержание, суть); *contĭnentivus* (содержащий, вмещающий). Если же латинский корень оформить средствами русского языка, то по аналогии с принятыми в лингвистике терминами *грамматический, лексический, синтагматический, парадигматический* и т. д. легко образуется нужный нам атрибутивно-прилагательное *континический*. На нем и остановимся.

Итак, оба значения русского ключевого слова: *вмещать* — *содержать в себе* (результат) и *вмещать* — *включать в себя* (процесс) — существенны для выдвигаемой нами континической концепции слова.

Итоговая формулировка «слово вмещает знания — в себе и в себя», с одной стороны, позволяет увидеть и осознать то новое, что несет с собой континическая теория, а с другой стороны, она не дает возможности смешать нашу точку зрения не только с далекими, но и с близкими научными воззрениями.

В самом деле, различие статики и динамики лексического фона весьма существенно не только в общенаучном плане, но прежде всего для практики преподавания русского языка иностранцам.

Взгляд на лексический фон как на вместилище, которое стабильно и прочно удерживает в себе совокупность единиц общественного знания, т. е. СД, позволяет считать слово важным носителем информации о внеязыковой действительности, в том числе — этот вид информации интересен для нас в первую очередь — и об особенностях национальной культуры страны изучаемого языка. Считалось, что только текст (в минимальном случае фраза) может быть источником любых, следовательно, и страноведческих, сведений для иностранца; континиче-

ская концепция лексического фона (с массовой, социальной точки зрения и в ее синхронном аспекте) прибавляет к этому важному источнику еще один, не менее важный. Поскольку слово-вместилище — носитель информации о стране, оно может стать также ее источником; требуется только разработать эффективные приемы и способы извлечения, презентации и закрепления лингвострановедческих сведений.

Кроме того, подход к слову как к вместилищу, которое способно включать *в себя* все новые и новые единицы знания и накапливать их (в сознании отдельного человека), открывает возможность именно слово (а не заученную фразу, например) сделать средоточием подачи упомянутой страноведческой информации. Следует сознательно и целенаправленно добиваться, чтобы вводимые СД ассоциировались с определенным словом, формируя в сознании обучающегося парадигматическое окружение данного слова и расширяя его синтагматическую сочетаемость.

Ясно, что выделение статичного и динамичного аспектов в лексическом фоне тесно сопряжено с различием его двух планов — социального, общественного, и индивидуального, личностного. Будучи единицей языка как общественного феномена, слово оказывается для изучающего язык носителем и источником сведений о действительности. Являясь одновременно единицей и индивидуального речевого механизма, иноязычное слово становится для обучающегося аккумулятором сведений о действительности, особенно о новой социальной действительности, о традиционной и актуальной национальной культуре.

«Общественное» слово в первый момент соприкосновения с ним иностранца (т. е. когда он усвоил лексему, звуковую оболочку слова), естественно, или совсем лишено для него семантики (если он осваивает понятийно-безэквивалентное слово), или охватывает одни межъязыковые СД. Короче говоря, «общественное» слово не равно «индивидуальному». В процессе метаязыковой коммуникации (в учебных условиях такая коммуникация проводится сознательно и называется семантизацией) «общественное» слово как бы отдает «индивидуальному» свои национально-культурные СД. «Индивидуальное» слово подравнивается к «общественному», семанти-

чески приближается к нему и в конечном итоге (в результате усилий преподавателя и студента) может с ним совпасть³. В преподавании русского языка иностранцам — будущим филологам к такому совпадению следует стремиться.

В дополнение к хорошо известному пониманию семантизации слова как разового учебного акта континентальная концепция лексического фона выдвигает представление о длительном процессе семантизации (одного и того же) слова изучаемого языка.

Роль разового акта семантизации невозможно переоценить, особенно по отношению к многочисленным понятийно-эквивалентным словам. Успешно проведенное преподавателем отождествление лексических понятий слова изучаемого языка и слова родного языка (путем перевода, опоры на зрительную наглядность, контекстуальной или словообразовательной догадки и т. д.) вызывает у обучающегося «прозрение». Он немедленно оказывается в состоянии осмысленно пользоваться русским словом, основываясь на межъязыковой семантике. Следовательно, русское слово тотчас же, пусть и не всегда адекватно и в полном объеме, начинает выполнять две важные языковые функции — номинативную и коммуникативную. Отсюда очевидна первостепенная важность разовой семантизации⁴.

Однако лишь та семантизация, которая заключается не в переносе лексической семантики из языка в язык, а в формировании нового лексического фона, только эта, по необходимости продолжительная, семантизация приводит ко включению в лексический фон «индивидуального» русского слова все новых и новых национально-культурных СД, разрушает ложное отождествление расходящихся фонов понятийно-эквивалентных слов и превращает слово из чисто коммуникативного (номинативного) средства также и в орудие познания — познания новой для обучающегося национальной культуры. По отношению к ключевым словам многократная, продолжительная семантизация может быть даже перманентной.

³ Кавычки сигнализируют о метафорическом употреблении слов-терминов. «Индивидуальное» слово не может не быть «общественным» (в силу социальной природы языка), равно как «общественное» слово (по причине идеального характера языка) существует лишь в «индивидуальных» словах.

⁴ Хороший обзор способов понятийной семантизации лексики см. в кн.: Колесникова, 1977.

Лингвострановедческая лексикография

Слово - в м е с т и л и ш е (-хранитель и -накопитель) информации составило предмет рассмотрения в первой части книги. Там же, среди прочих вопросов, мы бегло коснулись и проблемы, которую теперь ставим в центр Енимания: проблемы слова как источника знаний для человека (владеющего или, чаще, овладевающего соответствующим языком).

Носитель информации далеко не всегда становится источником сведений: со знающим человеком надо суметь разговариваться, глиняную табличку или берестяную грамоту — расшифровать, символику географической карты — постигнуть... Совершенно аналогично и слово объективно обладает запасом сведений об освоенном мире (в силу того что оно образует материальный субстрат существования общественного сознания), но слово при неумелом подходе «не отдаст» ни крупинцы своего лексического фона или окажется не просто неэффективным, а даже ложным информативным средством.

Особая, метаязыковая, функция речи обеспечивает любому носителю языка подключение к общественному содержанию лексического фона (об этом подробно говорилось раньше; см. гл. 5). Такое подключение

ние имеет место в процессе повседневных и неуправляемых коммуникативных актов, в которые вступает человек. Подобное стихийное овладение фоновой семантикой, удовлетворившись уже изложенным в первой части, сейчас исключим из дальнейшего анализа.

Обратимся к такому овладению содержанием слова, которое организовано сознательно и целенаправленно. Организация обучения возникает на определенной стадии развития общества, поэтому данный вид подключения к лексической семантике не является универсальным для всего человечества, однако в национальных культурах, в которых разграничивается обиходное и научное знание и имеется школа, подобный способ овладения словом распространен значительно шире стихийного. Эта методическая семантизация содержания слова будет предметом разысканий во второй части книги.

Глава 1

ОТ СЛОВАРЯ БЕЗЭКВИВАЛЕНТНОЙ ЛЕКСИКИ К ЛИНГВОСТРАНОВЕДЧЕСКОМУ СЛОВАРЮ

Мысль составить так называемый словарь безэквивалентной лексики возникла, когда континентальная теория слова только зарождалась в сознании авторов.

Мы рассуждали примерно так. Казалось бы, никто не отрицает, что усвоение иностранного языка представляет собой одновременное усвоение обслуживаемой этим языком культуры. Тем не менее акценты продолжают ставить на «языке», а специальные учебные пособия, ориентированные на преподавание культуры через язык, не только не создаются, но даже и не планируются (Вер-

шагин, Костомаров, 1974). Например, разрабатывая оптимальный набор пособий по учебной лексикографии¹, специалисты и в перспективе не предусматривали никакого отражающего культуру словаря. Между тем нужда в таком словаре, по нашему мнению, несомненна.

Мы рассмотрели, каким образом обрабатываются в существующих больших двуязычных словарях безэквивалентные слова (см. ч. 1, гл. 1). Типичными оказались такие переводы: *балалайка* — англ. balalaika (stringed musical instrument) — нем. Balalaika — франц. balalaïka; *богатырь* — англ. hero, athlete — нем. Recke, Hiine, Held — франц. héros de l'épopée russe, preux athlète, hercule; *борщ* — англ. borshch (beet root and cabbage soup) — нем. Borschtsch, Betensuppe, Suppe aus roten Rüben — франц. borchtch (potage aux betteraves).

Как видно, составители словарей стараются найти соответствие в другой культуре, отождествляя похожее, но не близкое, не совпадающее целиком, ср. рус. *богатырь* и нем. Recke.

Используется также путь краткого описания («герой русского эпоса») и особенно часто прямо указывается на родовую принадлежность явления («струнный музыкальный инструмент»). Оба способа мы посчитали недостаточными: героями эпоса могут быть не только *богатыри*, но и *князья*, и *дружинники*, и *калики*, а к числу струнных музыкальных инструментов, наряду с *балалайкой*, принадлежат *скрипка*, *гитара*, *домра*... Наиболее неудачна, на наш взгляд, простая транслитерация безэквивалентных слов, потому что написание русского слова латинскими буквами решительно ничего не дает.

Оттолкнувшись от отрицательного опыта, мы предложили составить словарь, собрание комментариев безэквивалентной лексики. Словарь адресовался исключительно иностранцам, потому что в комментариях содержались лишь те сведения, которыми располагает наш (имеющий, как минимум, среднее образование) современник и соотечественник. Таким образом, предпринималась попытка смоделировать естественный лексический фон.

Тематически, а также с точки зрения происхождения включенная в словник лексика разделилась на десять

¹ Л. А. Новиков (1969, с. 7) предложил следующий список желательных учебных словарей: «частотный; словообразовательный; обратный; словарь сочетаемости; фразеологический; толковый и др., например, картинный; идеографический; тематический; словарь синонимов; словарь антонимов и др.».

групп: советизмы (*автономная республика, агитпункт, актив, большевики*); слова — наименования нового быта (*академгородок, бюллетень, БСЭ, барабанщик*); слова — наименования традиционного быта (*балалайка, баня, баня*); лексика из состава фразеологических единиц (*аз*: не знать ни аза, начать с азов; *баклуша*: бить баклуши); историзмы (*алтын, аракчеевщина, боярин*); фольклорные слова (*былина, богатырь, баба-яга, белокаменная*); антропонимы (*Александр, Богдан, Борис*); топонимы (*Арбат, Архангельск*); коннотативная лексика (*анчар, береза, белый*); так называемая национально-специфическая лексика (*академический театр, аканье, белый уголь*).

В практике работы сразу же выявилось, что ограничиться строго безэквивалентными словами никак нельзя. Если считать безэквивалентными слова, не имеющие аналогов в иной культуре и в ином языке, не переводимые на другой язык с помощью постоянного соответствия, то в нашем словнике оказалось немало вполне эквивалентных слов (типа *автономный, бюллетень, береза, белый*), в том числе даже интернационализмов. Между тем интуитивно было ясно, что попавшие в словник «эквивалентные» единицы в каком-то отношении «безэквивалентны» и, следовательно, занимают в нем свое место по праву.

Например, слово *коллективизм* (о нем мы говорили подробно раньше, см. ч. 1, гл. 7) является интернациональным, но тем не менее его семантика национально-специфична, социально своеобразна. То же самое можно сказать и относительно слов *интеллигенция, индустриализация*, а также *автономный* и *бюллетень*: перед нами не более чем генетические интернационализмы, синхронная семантика которых не столько связана с исходной латинской, сколько обусловлена отечественной действительностью.

Как правильно отметила М. Л. Вайсбурд (1972, с. 98), «слово *гвардия* интернационально, а сочетание *Молодая гвардия* передает несколько реалий: название издательства; название подпольной молодежной организации, которая действовала на оккупированной территории во время Великой Отечественной войны; название книги А. Фадеева и ее экранизация, рассказывающих о юных подпольщиках».

«Я всегда была *демократ*», — сказала американская студентка, и русский собеседник полагает, что она го-

ворит о своем мировоззрении, в то время как она указывает на свою партийную принадлежность. Список подобных «национальных интернационализмов» в нашем словнике оказался довольно пространным: *академгородок, актив, беспартийный, военкомат, вымпел, геркулес, герой, губерния, декабрист, декрет, депутат, дипломник, зарегистрироваться, идейный, интернационал(изм), кампания, кандидат, комиссар, кооператив, лагерь, лауреат, линейка...*

Вполне переводимые на все иностранные языки (по происхождению русские) слова также обнаружили свою безэквивалентность. В словнике к числу подобных «национальных, но переводимых» единиц можно отнести: *выборы, голубой, гражданин, дворец, дуб, запад, звезда, знамя, каша, колокол, корова, кошка* и т. д., а также *баня, молоко, чай, зима, яйца, письмо, врач, обед*; мы указали на наиболее яркий и совершенно очевидный материал. Подробный анализ слова *дом* и его иноязычных соответствий (см. ч. 1, гл. 13) окончательно убеждает в неполной переводимости, казалось бы, полностью переводимого.

На этапе работы над безэквивалентным словарем мы еще не сформулировали теорию лексического фона, и нам было трудно объяснить, почему в словнике оказалось столько слов, явно не отвечающих определению безэквивалентной лексики, но от которых мы, тем не менее, не хотели бы отказываться. Более того: разработка словарных статей показала, что как раз эквивалентные слова могут дать много материала, интересного для постижения национальной культуры. Для иллюстрации приводим статью БЕЛЫЙ (Верещагин, Костомаров, 1974).

БЕЛ/ЫЙ, -ого, прилаг., м.

Специфична символика цвета в русском языке.

Белая Русь — название белорусских земель до XVIII в. или вообще западнорусских земель. Название, соотносимое с *Великой Русью*, т. е. *Россией* (см.), и *Малой Русью*, т. е. *Украиной* (см.).

Фольклорный эпитет лебедя: *белый лебедь*. Ср. у Пушкина в «Сказке о царе Салтане» (у него, правда, лебедь женского рода): «Глядь: поверх текучих вод/Лебедь белая плывет».

Белая ворона — чужак, человек, отличающийся от других. Обычно (но не всегда) говорится с негативным оттенком.

Сказка про белого бычка — бесконечная, непрекращающаяся история. «Рассказать тебе сказку про белого бычка? — Расскажи. — Ты Расскажи, я Расскажи, рассказать тебе сказку про белого бычка? — Расскажи». И т. д.

Белый гриб — один из лучших грибов русского леса, так называемый *боровик*. Белые грибы можно жарить, варить, солить, но чаще всего их засушивают на зиму.

Белый хлеб — хлеб из пшеничной муки, *булка*, *калач* (см.). Противопологается *черному хлебу*, хлебу из ржаной муки.

Белые мухи — описательное название снега.

Шито белыми нитками — говорится о неумелом обмане, глупой фальсификации, неловком шантаже, о явной лжи.

Белые ночи — июньские ночи на севере нашей страны, в том числе и в Ленинграде. Солнце заходит ненадолго, поэтому в середине июня ночами довольно светло. В это время в Ленинграде проходит традиционный фестиваль искусств «Белые ночи», который становится важным культурным событием города и привлекает многочисленных зарубежных гостей.

Белый свет — фольклорное название вселенной, мира. В косвенных падежах прилагательное обычно ставится в краткой форме: (*бродить*) *по белу свету*.

Довести кого-либо до белого каления — очень сильно рассердить кого-либо, возмутить. Из языка русских кузнецов: чтобы разогреть, *раскалить* железо не до красного, а до белого цвета, нужно много труда. Раскаленное *добела* железо потом начинает плавиться.

Белый как субстантивированное прилагательное — контрреволюционер, противник Октябрьской революции 1917 г., особенно солдат или офицер контрреволюционной *белой армии*. Противопологается *красному* (см.) как стороннику Революции, ее защитнику. Отсюда *белый террор* — террор, направленный против большевиков, который развязали *белогвардейцы* (см.) на временно занятых ими территориях.

Белый уголь — журналистское, образное название энергии речной воды, электроэнергии, которая производится гидроэлектростанциями.

Белое золото — образное название хлопка.

Когда же мы пришли к мысли о членимости лексической семантики на понятие (совокупность СД, обеспечивающих узнавание и именование предмета или явления) и на фон (совокупность прочих СД) и стали различать понятийную и фоновую безэквивалентность, явилось и объяснение результатов интуитивно отобранного словника: в него попали понятийно-эквивалентные, но фоновобезэквивалентные слова.

Однако поскольку в научной литературе наименование «безэквивалентная лексика», можно считать, закрепилось за понятийно-безэквивалентными словами, мы отказались от старого наименования задуманного словаря. Если сначала он назывался по типу лексических единиц, включаемых в словник, то потом было решено в названии акцентировать способ семантизации, в соответствии с которым словарь был назван лингвострановедческим².

² В разработке концепции ЛС-словаря принимал (и принимает) участие В. В. Морковкин, см.: Верещагин, Костомаров, Морковкин. 1974. 1977, 1978.

Эта перемена названия знаменует смещение внимания составителей с вопросов отбора лексики на проблемы семантизации, т. е. она внутренне связана с направлением поисков.

Итак, о словарной семантизации фоновой лексики. Проблема эта не разработана: в семасиологии не изучена фоновая лексическая единица; в лексикографии, естественно, не исследованы приемы ее семантизации. Чтобы установить специфику семантизации лексических фондов, рассмотрим смежные и близкие лексикографические понятия.

В лексикографии одно и то же слово семантизируется или с позиций обиходного, обыденного, бытового сознания (таковы так называемые *толковые словари*³), или с точки зрения научных знаний (таковы *энциклопедические словари*).

В лексикографии хорошо изучена разница между филологическим *толкованием лексического* понятия и энциклопедическим *определением* одноименного *научного* понятия.

Мы уже ссылались на хрестоматийный пример Л. В. Щербы различия между обоими подходами (см. ч. 1, гл. 12). Он так развивает свою мысль: «Слово *золотник* (в машине) всем хорошо известно, но кто из нас, не получивших элементарного технического образования, знает как следует, в чем тут дело? Кто может сказать, что пот это *золотник*, а это нет? Поэтому в общем словаре приходится так определять слово *золотник*: «одна из частей паровой машины» (Щерба, 1974, с. 280).

При всей содержательной разнице между ними филологическое *толкование лексического* понятия аналогично энциклопедическому *определению* научного понятия — с точки зрения их функций в словаре.

В известных отечественных филологических словарях, дающих дескрипторную⁴ семантизацию лексики, после толкования обычно идут оправдательные (или иллюстративные) цитаты, которые продолжают семантизацию, но иным, экзemplярным, способом. Между тем в энциклопедиях после определения та же дескрипторная семантизация продолжается.

³ Подробнее об объекте содержательного толкования в филологических словарях см. ниже.

⁴ О дескрипторной, эквиваленционной и экзemplярной семантизациях см. дальше (гл. 2).

Рассмотрим для примера статью из отраслевой энциклопедии (Педагогический словарь. В 2-х т. М., 1960). Определение отделено от остальной части словарной статьи и сопоставлено с толкованием (правый столбец) из филологического словаря (Словарь русского языка. В 4-х т./АН СССР. Ин-т рус. яз. 1957—1961. Далее — МАС).

КЛАСС школьный. Основное учебное помещение в школе, оборудованное специальной мебелью и удовлетворяющее установленным санитарно-гигиеническим требованиям (освещение, площадь, кубатура, вентиляция и др.).

КЛАСС. Комната в школе, в которой происходят учебные занятия. *Гости заглянули и в школу с ее двумя просторными классами и новенькими черными партами.* Ажаев, Далеко от Москвы.

Вместимость класса, согласно принятым нормам, 40 учащихся. Площадь классной комнаты в существующих типовых проектах школьных зданий рассчитывается, исходя из нормы 1,5 кв. м. на учебное место. Общепринятые габариты классной комнаты 600 × 840 см. При норме в старших классах 30—35 учащихся на одного ученика приходится 1,45—1,65 кв. м. площади. При высоте класса 3,6 м. на каждого ученика обеспечивается 4,5—6 куб. м. воздуха. Важное значение для здоровья учащихся и создания нормальных условий для занятий имеют освещение и вентиляция классов. В типовых проектах принята норма световой площади 1 : 4. Сквозное проветривание достигается устройством откидывающихся фрамуг. Постройка школьного здания фасадом на южную сторону обеспечивает необходимую инсоляцию классов⁵.

Несколько замечаний о качестве энциклопедических сведений, следующих за определением. С одной стороны, семантизация научного фона значительно шире обыденного сознания: носитель языка, конечно, даже приблизительно не представляет себе санитарно-гигиенических норм, затрудняется, может быть, в понимании фразы о норме световой площади, в повседневной жизни не пользуется термином «инсоляция» и т. д. С другой же стороны, семантизация слова с научных позиций оказывается уже обыденного сознания: скажем, все знают, что в классе стоят парты (или ученические столы) и стол учителя или что на стене висят школьная доска и стенгазета класса. (Эти сведения, кстати, национально-своеобразны: в некоторых зарубежных школах учитель сидит на возвышении за особой кафедрой, на центральной стене обязательно висит герб государства и часто распятие, а стенгазет не бывает.)

⁵ См. также: Педагогическая энциклопедия. Т. 1—4. М., 1965, т. 2, с. 409.

Как бы то ни было, энциклопедии отражают те знания, которые не являются массово представленными, но они все же не содержат всего наличествующего в обществе запаса сведений: как раз широко распространенные СД в энциклопедиях не описываются.

Таким образом, семантизация научного фона — это всегда специализация лексических средств языка: слово как бы отчуждается от своего функционирования в естественном языке, и ему приписывается смысл, отличающийся от всеобщего знания. Специализация слова — отнюдь не разрыв с исходным значением, особенно если учесть, что в связи с неуклонным повышением уровня образованности населения все больше сокращается расхождение между научными и обиходными знаниями.

Вернемся к структуре семантизирующей словарной статьи. В энциклопедиях, наряду с определением научного понятия, имеется еще и описание научного фона. Что касается филологических словарей, то в них есть толкование (соответствует определению в энциклопедиях), но нет аналога описанию. Фон слова, таким образом, не бывает предметом лексикографического отражения⁶.

Почему это так, понять нетрудно. Зачем включать в словарь русского языка, адресованный русским, сведения о *партах* и классной *доске*, если наш соотечественник и современник и так об этом знает? Любой словарь должен непременно содержать нечто новое для широкого пользователя⁷, поэтому помещение в словарях обиходных сведений, которые всем хорошо известны, было бы нечем оправдать.

Иное дело, если пользователем оказывается иностранец. Для него аналог энциклопедического описания научного фона, т. е. семантизация лексического фона, был бы очень нужен.

Если составить пропорцию:

$$\frac{\text{определение}}{\text{описание}} = \frac{\text{толкование}}{?},$$

то ее четвертый член остается вакантным.

⁶ Имеется в виду синхронное описание. Если словарь семантизирует этнографическую или архаичную лексику, то фон слова описывается (см. часть 1. гл. 3).

⁷ Иначе обстоит дело с новизной материала, адресованного ученым. Здесь требование системности и полноты может вступить в противоречие с новизной.

Поскольку между энциклопедией и толковым словарем наблюдается значительный изоморфизм (проявляющий себя прежде всего в близости определений и толкований), в филологические словари может быть включен элемент, соответствующий энциклопедическому описанию. Поэтому мы предложили бы «решить пропорцию» и ввести в общую и особенно отечественную лексикографию еще один способ семантизации слова, парный описанию.

Назовем этот четвертый элемент пропорции *изъяснением*⁸. Изъяснение — это лексикографическая семантизация лексического фона, т. е. словарное отражение тех массово представленных сведений, которые сопряжены со словом и имплицитно определяют парадигматическую и синтагматическую сочетаемость этого слова с другими. Если мы согласны, что обиходные знания семантизируются в филологических (толковых) словарях, то изъяснение — это элемент словарной статьи языкового, а не энциклопедического словаря.

Для примера приведем образец изъяснительной статьи. Она находится в отношении дополнительности с двумя напечатанными раньше статьями общего толкового и энциклопедического словарей (Денисова, 1978)⁹.

КЛАСС. Одно из учебных помещений в школе, в котором *проходят уроки*.

Младшие школьники всегда *занимаются* в одном и том же *классе*. Уроки у учащихся средних и старших классов (начиная с четвертого) проходят, как правило, в учебных кабинетах (кабинет русского языка, кабинет физики, кабинет географии и т. д.).

На двери класса висит табличка: например, 2 «А». В классе стоит школьная мебель: парты или ученические столы, стол учителя. На стене висит школьная доска. Развешаны портреты замечательных людей: политических деятелей, писателей, ученых. Специальное мес-

⁸ При выборе термина мы приняли во внимание ряд соображений. Новый термин должен войти в уже имеющуюся совокупность однородных терминов (определение, описание, толкование), т. е. он должен совпасть с ними происхождением и формой. *Изъяснить*, по Ожегову, — «объяснить, понятие изложить». Слово своей книжной и архаичной окраской хорошо соотносится с терминологически парным глаголом *толковать*.

⁹ Курсивом показывается синтагматическая (синтаксическая) словосочетаемость. Знак * отсылает к самостоятельным статьям указанного словаря. Собственно, статья КЛАСС семантизирует три значения: 1. годичная ступень обучения в школе; 2. постоянный коллектив школьников одного и того же года обучения; 3. одно из учебных помещений в школе, в котором проходят уроки. Об активности слова свидетельствуют другие статьи словаря: **КЛАССНОЕ СОБРАНИЕ**, **КЛАССНЫЙ ЖУРНАЛ**, **КЛАССНЫЙ РУКОВОДИТЕЛЬ**.

то отводится уголку **октябрят***, **пионеров***, **комсомольцев***. В классе вывешивается также список **актива*** класса, график дежурных, стенгазета.

На фоне энциклопедической статьи специфика изъяснения выступает весьма отчетливо: семантизируется то, что наличествует (более или менее ясно) в обыденном сознании носителей языка.

Лингвострановедческий словарь — это словарь, в котором в качестве средств семантизации применяются как толкование лексических понятий, так и изъяснение лексических фонов. ЛС-словарь представляет собой продолжение, расширение толкового словаря, но все же (поскольку жанр традиционного толкового словаря вполне сложился) придется предпочесть новый термин.

Изложенное обобщается на приводимой ниже схеме (рис. 23). Разделение плана содержания пунктирными

Рис. 23. Приемы семантизации слова в энциклопедических и филологических словарях

линиями показывает, что между понятиями и фонами и между научными и лексическими структурными единицами нет резкой границы.

Отличие ЛС-словаря от энциклопедий заключается не только в том, что в изъясняющую часть словарной статьи включаются обиходные сведения, отличные от строго научных, составляющих описание. Различаются между собой и словники ЛС-словаря и энциклопедии. Например, отраслевые «педагогические справочники не определяют, что такое *мел, доска, ручка, перо, тетрадь*» (Кантор, 1968, с. 170), но в ЛС-словаре подобные статьи вполне возможны. Кстати, в выпуске ЛС-словаря «Народное образование в СССР» действительно есть статья УЧЕНИЧЕСКАЯ ТЕТРАДЬ. Ср. также другие статьи этого

тематического выпуска, которые были бы невозможны в энциклопедии: БАРАБАН, ВЕЧЕР ВСТРЕЧИ, ВТОРОГОДНИК, ВЫПУСКНОЙ ВЕЧЕР, ГОРН, ЁЛКА, ЗВОНОК, МЕДАЛИСТ, СТАРОСТА, УТРЕННИК, ШКОЛЬНЫЙ ВЕЧЕР.

Тем не менее ЛС-словарь не может быть безоговорочно причислен к филологическим словарям (если, конечно, считать, что последние моделируют исключительно обыденное фоновое знание). В него включаются сведения, которые нельзя считать обиходными.

«В процессе написания словарных статей стала очевидной целесообразность включения в изъяснение элементов научного фона. Правда, составители статей по-прежнему стремятся прежде всего объективировать свое собственное, обыденное знание современной действительности и явлений прошлого. Но поскольку ЛС-словарь, несомненно, будет воспринят читателями не как чисто научное издание, а в первую очередь как справочник, этот первый этап мы считаем основным, но не завершающим. Вторым этапом написания статьи является сверка текста изъяснения по авторитетным источникам и расширение его за счет включения некоторых данных, принадлежащих научному фону заголовочной лексической единицы» (Андрианова, Ионисиани, 1976, с. 17). Как видим, составители отходят от филологических принципов семантизации и тем самым сближают словарь с энциклопедией.

Противопоставив друг другу филологические и энциклопедические признаки ЛС-словаря, подчеркнем, что в практике написания словарных статей эти признаки ни в коем случае не противопоставляются, а дополняют друг друга. Например, каждый из наших соотечественников знает, что после Октябрьской революции в нашей стране проводилась кампания ликвидации безграмотности — *ликбез*. Однако не все могут сказать, когда именно эта кампания началась. В соответствующей статье ЛС-словаря приводится уточненная дата, принадлежащая, конечно, к числу его энциклопедических признаков. Но уточнение даты — это, собственно, объективация не только научного, но и обиходного знания.

Сказанное проиллюстрируем примером из подготавливаемого тематического выпуска ЛС-словаря «Культура и искусство в СССР». Одним из ключевых слов в нем является слово КОНЦЕРТ. Какой оказалась процедура

написания словарной статьи? Она разделилась на два этапа.

Первый этап — суммирование обиходных знаний. Составительница (Т. Н. Чернявская) и научные редакторы (авторы этой книги) «припомнили», что они знают о концертах, и просмотрели филологические словари. В результате получены следующие ассоциативные сведения:

концерт по *заявкам* (индивидуальным и коллективным); радио-концерт-загадка; циклы концертов: *тематические* (например, «Творчество Чайковского») или для особой аудитории (например, для школьников, в том числе концерты-*утренники*); *абонемент* на концерт (где, когда, как его купить и как узнать об очередном абонементном концерте); *лекция-концерт*; *авторский* концерт (вечер); концерт-*смотр*; известные *концертные залы* (Кремлевского Дворца съездов, гостиницы «Россия», киноконцертный зал «Октябрь» в Москве, теле-студии «Останкино»); *радиоконцерт* («В рабочий полдень»); *благо-творительный* (в дореволюционной России), *шефский*, *выездной*, *праздничный*, *заключительный*, *эстрадный*/*симфонический*/*камерный*/*сольный* концерт; концерт *художественной самодеятельности*; теат-рально-концертная *касса*; *программа* (в том числе и программка) концерта.

Из современных филологических словарей (почти исключительно из иллюстративной части словарных статей) были извлечены допол-нительные сведения: концертное *отделение*; *дать концерт* (об испол-нителе), *быть на концерте* (о публике); *домашний* концерт; *ведущий* концерт (конферансье).

Как видим, в обыденном сознании оказалось довольно много сведений (причем, если еще подумать, их количест-во может увеличиться: так, мы не назвали Концертный зал им. П. И. Чайковского — широко известный москви-чам и гостям столицы), но некоторые из них приблизи-тельны, неточны. Например, известно, что в капиталисти-ческих странах концерты организуются *импрессарио*, а кто выступает организатором концертов в нашей стране? Филармония? Госконцерт? Когда, собственно, впервые стали устраиваться публичные концерты? Иначе говоря, для написания словарной статьи, которая должна отве-чать справочному (надежному и точному) характеру лю-бого словаря, требуются сведения, выходящие за преде-лы обиходного знания. Поэтому нельзя ограничиться суммированием обиходных сведений.

Второй этап написания статьи — энциклопедическое уточнение обиходных знаний.

В результате возникла следующая словарная статья (приводится с небольшими сокращениями).

КОНЦЕРТ, -а, м.

Публичное исполнение музыкальных и других произведений исполнителями разных жанров по заранее составленной (и объявленной) **программе***.

В России первые **публичные концерты** стали *даваться* с середины XVIII в. До революции посещение концертов было доступно только обеспеченной публике. Концерты устраивались в частных **концертных залах***, в концертных залах **консерваторий*** и т. д. По праздникам и в воскресные дни *устроивались* бесплатные **благотворительные концерты**.

После Великой Октябрьской социалистической революции концерты стали мощным средством приобщения масс к культуре. Двери концертных залов открылись для всех. В первые послереволюционные годы *проводилось* много бесплатных **концертов**, **билеты** на которые *распространялись* среди рабочих, солдат, учащихся. Изменился характер **концертных программ**, появились новые виды концертов: **концерт-митинг**, в котором агитационно-пропагандистская работа сочеталась с музыкально-художественными выступлениями; **лекция-концерт** (этот вид концерта популярен и в наши дни), на котором исполнению концертной программы предшествует, а иногда и сопутствует выступление лектора-музыковеда.

В настоящее время в СССР проводятся многочисленные концерты самых разнообразных видов: симфонические, камерные, сольные и др. *С концертными программами выступают хоры, ансамбли песни и пляски**. На **авторских концертах** исполняются произведения одного композитора (или поэта, писателя), причем композитор выступает в качестве исполнителя своих произведений как дирижер, пианист и т. д., а поэт или писатель сам читает свои произведения. В **эстрадных концертах** *участвуют эстрадные певцы*, исполнители **народных танцев, мимы, фокусники (иллюзионисты), жонглеры** и др. **Концертные номера** *объявляет ведущий (или ведущая)* концерт, причем ведущий эстрадного концерта обычно читает небольшие юмористические монологи и называется **конферансье**.

Особый тип концертов в СССР представляют собой **праздничные концерты**, которые проводятся накануне и в дни праздников и знаменательных дат. Обычно праздничные концерты бывают после торжественного заседания, посвященного знаменательной дате, — такие заседания проходят не только в концертных залах, клубах и **Дворцах культуры***, но и на предприятиях, в учреждениях и учебных заведениях. Большие праздничные концерты устраиваются по традиции в **Большом театре*** и в **Кремлевском Дворце съездов***. В них участвуют лучшие артисты, их *транслируют по радио и телевидению*. Праздничный концерт построен так, чтобы удовлетворить вкусы всех зрителей: в первом отделении обычно исполняются произведения классического и балетного, вообще «серьезного» репертуара, а во втором выступают эстрадные артисты с «развлекательными» номерами.

Большое место в культурной жизни нашей страны занимают концерты **художественной самодеятельности***. В заключение фестивалей самодеятельного народного творчества проводятся **концерты-смотриы**.

Билеты* на концерты *продаются* заранее в кассах концертного зала, а в больших городах также в **театрально-концертных кассах***, которые расположены в различных районах города, на станциях метро и т. д. На тематические циклы концертов продаются **абонементы**: абонемент можно купить в начале сезона, т. е. осенью; цикл состоит

обычно из пяти-шести концертов; о дне Проведения **абонементного концерта** сообщают почтовой открыткой по домашнему адресу. Очень популярны абонементные **концерты для школьников**: они проводятся в дневное время и называются **концертами-утренниками**, перед началом концерта со вступительным словом выступает музыковед. **Пригласительные билеты** на праздничные концерты распространяются бесплатно. Бесплатны также билеты на **шефские концерты** — такие концерты артисты дают на общественных началах (т. е. за свои выступления артисты не получают денежного вознаграждения).

Концертную деятельность в СССР организуют государственные **концертные объединения** — **Госконцерт***, **Союзконцерт**, а также **филармонии***.

Форма концерта широко используется на радио и телевидении. В программы радиопередач включаются **концерты по трансляции** из лучших концертных залов страны, **концерты-загадки** (слушатели должны угадать, какие произведения исполняются). Очень популярны **концерты по заявкам**: слушатель или трудовой коллектив (бригада завода или колхоза, учебная группа техникума или вуза и др.) присылают на радио просьбу исполнить для себя или для товарища (обычно в связи с юбилеем, награждением и т. д.) любимое произведение.

См.: **КОНЦЕРТНЫЙ ЗАЛ, ГОСКОНЦЕРТ, ФИЛАРМОНИЯ, БИЛЕТ, АБОНЕМЕНТ, КЛУБ, ХУДОЖЕСТВЕННАЯ САМОДЕЯТЕЛЬНОСТЬ, КОНСЕРВАТОРИЯ.**

Таким образом, если говорить о **содержании** статей ЛС-словаря, то в них семантизируется как обыденное, так и научное знание, и это означает, что словарь сочетает в себе признаки филологического и энциклопедического подходов.

Если же говорить о **форме** статей, то они написаны и размечены таким образом, чтобы привлечь внимание читателя к узуальным способам выражения внеязыкового содержания.

Составитель и редакторы стремились максимально насытить изъяснения номинативными словосочетаниями, включающими в себя заголовочное слово (*публичный, благотворительный, авторский, эстрадный, праздничный, шефский...* концерт; концерт-митинг, лекция-концерт и т.д.). В значительной мере в статью включались, далее, слова-дериваты заголовочного слова (*концертный, театрально-концертный*) с относящимися к ним дополняющими словосочетание единицами (*зал, программа, номер, объединение, касса*).

Кроме того, статья сознательно насыщалась тематически сопряженной с заголовочным словом лексикой, т. е. предпринималась попытка отразить идеографические связи слова (*консерватория, билет, хор, ведущий, конфе-*

рансье, клуб, художественная самодеятельность, трансляция и т. д.). Номинативные словосочетания не просто включаются в словарную статью, но и акцентируются (они набраны полужирным строчным шрифтом). Подчеркиванию парадигматических связей слова служит также система отсылок (см.: **КОНЦЕРТНЫЙ ЗАЛ, ГОС-КОНЦЕРТ, ФИЛАРМОНИЯ, БИЛЕТ** и т. д.).

Кроме парадигматики, специально отрабатывается и синтагматика заголовочного слова. Так, в статье представлена глагольная сочетаемость: *дать/давать концерт, проводить концерт, выступить с концертной программой, участвовать в концерте*. Представлена глагольная сочетаемость не только заголовочного слова, но и тематически близкой ему лексики: *распространять билеты, объявлять (концертные) номера, транслировать по радио и телевидению*. Глагольные (вообще номинативные) несвободные словосочетания — только относящиеся к теме, а не все из числа попавших в словарную статью — выделяются светлым курсивом.

Наконец, показывается соединение парадигматики и синтагматики: если в состав глагольного словосочетания входит номинативное слово или словосочетание, то последнее выделяется полужирным курсивом (*давать **концерт***); если же при этом определительная часть номинативного словосочетания не является обязательной или может варьироваться с другими словами, то в таком словосочетании полужирным курсивом дано только опорное существительное (*дать **праздничный концерт***, ср.: *дать **шефский концерт***).

Подобная техника выделений языковых форм выражения в тексте изъяснения, равно как постоянное стремление составителей насыщать словарные статьи тематической лексикой, номинативными и глагольными несвободными словосочетаниями — признаки не энциклопедической, а филологической лексикографии.

ЛС-словарь в модифицированном виде соединяет в себе по крайней мере три филологических словаря: толковый, идеографический¹⁰, сочетаемости слов¹¹. Он, однако, значительно отличается от них.

Дескрипторная семантизирующая часть ЛС-словаря

¹⁰ См.: Морковкин, 1970, 1977; Караулов, 1976а.

¹¹ См.: Денисов, Морковкин, Новиков, 1971.

во много раз больше аналогичной части толкового словаря. По своему объему она даже превосходит общие энциклопедии, приближаясь к примерному объему словарных статей средних отраслевых энциклопедий.

Что касается словарей идеографического и словосочетаемости, то своеобразие ЛС-словаря по сравнению с ними заключается в том, что тематическая лексика и словосочетаемость подаются не простым списком, а включаются в изъяснение. В материалы идеографические и сочетаемости теперь вносится дескрипторное начало. Традиционно словари идеографической и словосочетаемости содержат, так сказать, заготовки для речи; в ЛС-словаре эти заготовки¹² семантизированы.

Благодаря словарям идеографическому и словосочетаемости иностранец может понимать заготовки и особенно активно пользоваться ими лишь в тех пределах, которые очерчены совпадением нашей культуры с иноязычной. Например, на основе словосочетания-заготовки *побывать на концерте* легко строятся фразы типа *Вчера мы побывали на интересном концерте*. В области же национально-культурной специфики заготовки для активной речи бесполезны. Более того: они бесполезны и в рецептивном плане (например, непонятно, что такое *шефский концерт* или *концерт-смотр*).

ЛС-словарь, семантизирующий в первую очередь историко-национальное и социальное своеобразие отечественной культуры, позволяет, во-первых, понять русские формы выражения (за счет постижения их внеязыковой мотивировки) и, во-вторых, активно пользоваться ими. Во всяком случае, совместно со словарями идеографическим и словосочетаемости ЛС-словарь благодаря шрифтовым выделениям позволяет узнать, как по-русски выразить определенное содержание; в отличие от них он одновременно дает возможность выяснить, что значат выделенные формы выражения.

Затронув вопросы лексикографической техники написания словарных статей, мы подошли к следующему, третьему, признаку ЛС-словаря. Соединяя в себе призна-

¹² Т. е. тематическая лексика, дериваты, номинативные и глагольные несвободные словосочетания. Свободные словосочетания (типа *интересный, превосходный, скучный, неудачный концерт; скучать на концерте, интересоваться концертами* и т. д.) признаются для лексического фона слова внешними, экзотерическими, и в ЛС-словаре, вопреки практике написания словарей словосочетаемости, не отмечаются.

ки энциклопедического и филологического словарей, он отличается от них своей учебностью.

Его учебность обусловлена адресатом. Словарь, как уже говорилось, порожден практикой преподавания русского языка иностранцам и предназначен в первую очередь для изучающих этот язык и для преподавателей.

Несомненно, что дескрипция фонов русских слов может иметь ценность для самих носителей русского языка, хотя они им хорошо известны. Ведь создаются же толковые словари, в которых семантизируются лексические понятия, в целом также хорошо известные русским. Однако ЛС-словарь все же преимущественно обусловлен преподавательской практикой. Именно учебный характер словаря потребовал, в частности, специальных шрифтовых выделений в изъяснениях, а также определил отбор семантизируемых сведений.

Учебной предназначенностью словаря, кроме того, объясняется специфика примененной в нем зрительной семантизации лексики. О ней уже говорилось очень подробно (см. ч. 1, гл. 11). Рисунки и фотографии, помещаемые в словаре, создаются с учетом особенностей восприятия зрительной информации иностранным читателем. Так, тщательно прорабатываются все существенные доли лексического фона, применяется методика дополнения иллюстрации и текста словарной статьи (см. статью ДВОРЕЦ).

ДВО/РЁЦ, -рца, м. Монументальное парадное здание.

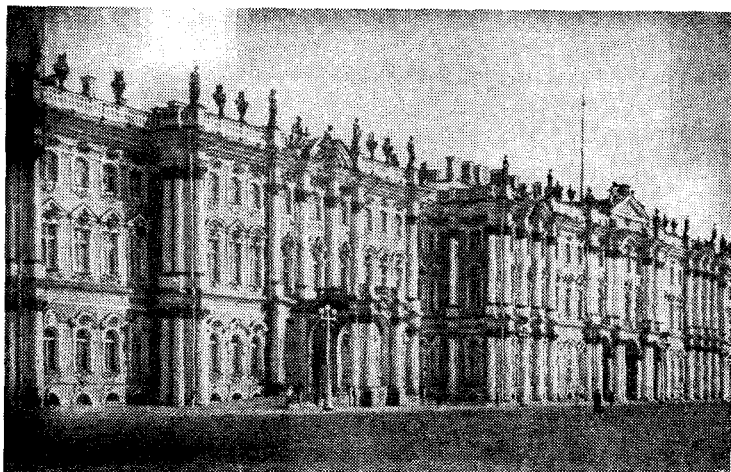
Зимний дворец — зимняя резиденция царской семьи в Петербурге, образец архитектуры русского барокко. Восставшие рабочие и солдаты 25 октября (7 ноября) 1917 г. под руководством **большевиков штурмом взяли** Зимний дворец, в котором укрывались члены буржуазного **Временного правительства***, и в стране победила социалистическая революция. В настоящее время в Зимнем дворце размещается один из богатейших музеев мира — Эрмитаж.

См.: «АВРОРА», ТРЕТЬЯКОВСКАЯ ГАЛЕРЕЯ, МУЗЕИ.

Дворец культуры — крупное клубное учреждение для организации *досуга трудящихся*. В Дворцах культуры *устраиваются выставки*, организуются лекции, **вечера отдыха***, концерты, встречи с писателями, учеными. Здесь же каждый вечер можно посмотреть кино. В Дворцах культуры *работают* многочисленные *кружки**. На базе Дворцов культуры действует большинство *народных университетов**.

См.: КЛУБ, КРУЖОК, ВЕЧЕР ОТДЫХА, НАРОДНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ.

Дворец спорта — крупное архитектурное сооружение, в котором *проводятся* спортивные *соревнования*, физкультурные выступления, другие **массовые мероприятия**. На всю страну известен Дворец спор-

Зимний дворец

та в Лужниках: здесь ежегодно проходят международные соревнования по фигурному катанию на коньках и хоккейные матчи.

См.: СТАДИОН, СПОРТ.

Что касается словника, то в него попали не только общеупотребительные слова, но и лексика ограниченных сфер употребления (в том числе архаизмы, фольклоризмы, тематически связанные и терминологические слова).

В изъясняющих текстах использованы приемы работы, типичные не только для филологической лексикографии, но и для энциклопедий. Правда, речь идет скорее об энциклопедической форме текста, но не об энциклопедических принципах отбора сведений, что особенно заметно на примере сопоставления энциклопедической статьи КЛАСС с одноименной лингвострановедческой статьей. Различна, далее, степень подробности словарных статей: от краткой справки до пространного, развернутого, исчерпывающего изложения. Наконец, расходятся между собой словарные статьи и с точки зрения конкретности изъяснения: некоторые статьи имеют обобщающий характер и содержат много отсылок к статьям более низкой ступени абстракции, в то время как другие более конкретны.

Завершая данную главу книги, приходится признать, что становление лингвострановедческой лексикографии

сопряжено с решением целого ряда теоретических вопросов, что в конечном итоге направлено на уточнение специфики, природы лингвострановедческого семейства словарей.

Глава 2

ЛЕКСИКОГРАФИЧЕСКИЕ ТЕРМИНЫ. КРАТКИЙ ОЧЕРК РАЗВИТИЯ ЛЕКСИКОГРАФИИ

Лингвострановедческая лексикография занимается семантизацией лексических фонов. Поскольку лексические фоны — явление одного порядка с лексическими понятиями, а они (в противоположность научным) семантизируются в филологических словарях, то и ЛС-словари, казалось бы, должны считаться филологическими (см. ч. 2, гл. 1). Однако мы отмечаем и признаки, которые сближают ЛС-словарь с энциклопедиями.

Так какова все-таки природа этих словарей, какова их принадлежность?

Чтобы ответить на вопрос, необходимо предварительно уточнить содержание терминов «словарь» и «лексикография», а также разобраться, в чем заключается отличие филологического словаря от энциклопедического.

В качестве лингвистического термина *с л о в а р ь* имеет два значения: 1) «совокупность слов данного языка» и 2) «книга, содержащая систематическое описание» этой совокупности слов (Ахманова, 1966, с. 421). Нас будет интересовать прежде всего второе значение термина — словарь как «собрание слов (иногда также морфем или словосочетаний), расположенных в определенном порядке, используемое в качестве справочника, который объясняет значения описываемых единиц, дает различную информацию о них или их перевод на другой язык, либо сообщает сведения о предметах, обозначаемых ими»¹. Подобные определения, можно считать, являются типичными: они наличествуют в вузовских учебниках и различных исследованиях.

¹ Гак В. Г. Словарь. — БСЭ. 3-е изд., т. 23, с. 572.

Между тем, по замечанию Ж. Маторэ (1968, с. 21), многие книги, которые называют словарями, под эти определения не подходят, а те, которые подходят, не могут называться словарями.

В самом деле, если в определениях предметов словарного описания называются слова, то известно бесчисленное множество словарей, в которых собраны не общеязыковые слова, а специальные термины². Таковы, например, (поли)технические, экономические, философские, лингвистические, литературоведческие, фармацевтические, стратиграфические и другие словари. Надо также иметь в виду, что терминология широко отражается в общих, языковых словарях³. Примиыают к терминологическим и так называемые тематические словари: спортивные, шахматные, карточных игр, балетные, оперные, концертные⁴, школьно-педагогические⁵, филателистические, нумизматические и др.

Кроме того, широко известны словари, собирающие не «слова данного языка», а фамилии чем-либо отличившихся людей, псевдонимы, личные имена, географические названия, номенклатурные знаки, даже космические наименования — таковы биобиблиографические⁶ и ономастические⁷ словари.

Таким образом, единицей описания в словарях может быть, наряду с общеязыковым словом, еще и термин, и имя собственное.

Что же касается уровневой принадлежности единицы описания, то такой единицей может быть сверхфразовое единство (ср. словари цитат), фраза (словари пословиц, а также крылатых слов), словосочетание (сюда же входят фразеологические словари; в терминологических и энциклопедических словарях также много составных номинативных словосочетаний), слово, морфема (ср. словари приставок или суффиксов), а также буква.

² Библиографию русских терминологических словарей см.: Кауфман, 1937, 1961. Списки словарей приводятся по большим разделам (естествознание; техника; транспорт; сельское хозяйство; медицина; история; экономика и статистика и т. д.), внутри которых дается дальнейшее деление. Каждая наука развивает собственную отраслевую лексикографию; см.: Кантор, 1968.

³ См.: Проблематика определений терминов, 1976.

⁴ Например: *Астафьев Б. В.* Путеводитель по концертам. Словарь наиболее необходимых терминов и понятий. М., 1978.

⁵ См.: Русско-английский школьно-педагогический словарь/Ярославль, 1959; Русско-немецкий педагогический словарь. М., 1967.

⁶ См., например: Булахов, 1976—1978.

⁷ О советских изданиях последних лет см.: Ономастика, 1976, 1978.

⁸ Например: Гусев, 1891.

Следовательно, определение словаря как книги, содержащей совокупность слов какого-либо языка, неточно ни в качественном, ни в количественном отношении.

Таким образом, если в интерпретации термина «словарь» руководствоваться не априорным определением, а сложившейся практикой, то нельзя ориентироваться на этимологическое значение термина и тем самым закреплять его лишь за филологическими, строго языковыми словарями⁹. Словарь как жанр книги может отражать общественное сознание всей культурно-языковой общности, а также какой-либо группы членов этой общности (профессиональной, научной, любительской).

Что же мы предложим взамен отклоненного нами определения словаря? Для упрощения ответа исключим из дальнейшего рассмотрения все те словари, которые не имеют семантизирующей части и призваны дать пользователю сведения исключительно о форме слова или о его употребительности. Отвлечемся, следовательно, от орфографических, орфоэпических, грамматических, частотных, обратных словарей, словарей рифм и т. д.

Словари, имеющие семантизирующую часть, не отличаются содержанием от других книг (монографий, исследований, произведений художественной литературы). Они отличаются от них только способом подачи материала.

Например, в монографии Ю. Е. Шмушкиса (1975, с. 5—7) говорится о важности справочно-информационной службы, дается определение справочного издания (справочниками «называются издания, содержащие краткие сведения научного или прикладного характера, расположенные в систематическом порядке, удобном для их быстрого отыскания»), приводится классификация справочной литературы, выделяются в ней словарные издания и даются определения словарей («справочные издания, содержащие упорядоченный перечень определенных языковых единиц, главным образом слов, словосочетаний, терминов, с характеристиками, касающимися их значения или формы») и энциклопедий («справочные издания, в которых материал размещен по предметному

⁹ Э. А. Халифман (1978, с. 7) прямо указывает, что энциклопедические словари «только условно называются „словарями“», потому что «составители энциклопедий словами интересуются очень мало». Имплицитно предполагается тем самым, что словари — это исключительно филологические издания.

принципу, в алфавите наименований предметов, местностей, фамилий и т. п. Существуют также энциклопедии, построенные по систематическому принципу: материал в них располагается по отраслям знания»). Нетрудно заметить, что изложение построено по принципу от общего к частному, а предлагаемые определения («справочник», «словарь», «энциклопедия») связаны между собой отношениями логического следования.

В художественной литературе логический принцип изложения сочетается с пространственно-временным. Во всех видах несловарной литературы можно без труда обнаружить приемы, благодаря которым все содержание рассказа, научной заметки, повести, монографии скрепляется как единое целое. Отмеченный принцип целостности содержания распространяется на композиционные разделы новеллы или диссертации: их части, главы, даже абзацы содержательно едины и законченны.

Словари любого типа также передают внятное знание. Филологические словари сообщают его кратко. Например, ср. словарь — «сборник слов (обычно в алфавитном порядке), с пояснениями, толкованиями или с переводом на другой язык»; справочник — «справочная книга», а справка — «сведение о чем-нибудь, полученное кем-нибудь после поисков, в ответ на запрос и т. п.»; энциклопедия — «научное справочное пособие по всем или отдельным отраслям знания в форме словаря» (Словарь Ожегова).

Общие энциклопедические словари сообщают информацию более подробно: например, в БСЭ (т. 23) в статье СЛОВАРЬ сначала дается определение, затем говорится о роли словарей в духовной культуре, об их функциях (информативной и нормативной), излагается история словарного дела, дается классификация словарей, указываются узловые лексикографические вопросы («при составлении словаря возникает проблема соотношения между передаваемой информацией и общими языковыми знаниями носителей языка»). Еще более развернутую информацию можно найти в отраслевых энциклопедических словарях.

Итак, словари не отличаются от других книг своим значением, но принцип целостности содержания действует лишь в пределах словарной статьи, отнюдь не охватывая всего содержания словарного издания. Если сопоста-

вить выписки из (выбранной нами для примера) монографии с соответствующими выписками из филологического и энциклопедических словарей, то видно, что в них сообщается одно и то же знание, передаются информационно подобные или близкие сведения¹⁰, однако способы передачи сведений — принципиально разные.

Любая несловарная книга — безразлично, научного, публицистического или художественного жанров — сообщает определенный корпус знаний, которые (см. ч. 1, гл. 4) в сознании человека преобразуются, свертываются и непременно соотносятся с ключевыми словами, терминами, именами, номинативными или фразеологическими словосочетаниями, афористическими фразовыми формулировками, короче говоря, с некоторыми языковыми единицами, которые в дальнейшем исполняют функцию хранения усвоенной информации. В познавательном процессе имеет место движение от текста к аккумулирующим его содержание языковым носителям информации, причем порядок появления и следования этих носителей отнюдь не произволен: он отражает логический (или хронологический, или территориальный, или фактографический и т. д.) стержень изложения, так что читателю ясна соподчиненность слов и терминов. Этим достигается целостность содержания.

В словаре наблюдаем движение в противоположном направлении: пользователь должен заранее знать, каков языковой носитель интересующей его информации, затем ему нужно отыскать место этого носителя в корпусе книги, и только после этого передается информация. Сведения в словарях расположены в соответствии с внешней формой носителя информации (чаще всего в алфавитном порядке опорных слов), поэтому соподчиненность слов и терминов не видна (исключая идеографические словари): все заголовочные единицы приравнены друг к другу. Поскольку внешняя форма языкового знака произвольна¹¹, заключенное в словарях содержание в свою очередь оказывается размещенным произвольно. Именно фрагментарность содержания конституирует тот при-

¹⁰ Отвлекаемся от тех разделов в авторских сочинениях, которые содержат индивидуальное, личностное знание.

¹¹ «...Означающее *немотивировано*, то есть произвольно по отношению к данному означаемому, с которым у него нет в действительности никакой естественной связи» (Соссюр, 1977, с. 101; курсив автора. — Е. В., В. К).

знак, который отделяет словарную литературу от Несловарной.

Нельзя подходить к целостности или, напротив, фрагментарности содержания в книге с абсолютными оценочными мерками: в словаре фрагментарность не только допустима, но и лучше целостности, потому что иначе пользователь не имел бы возможности быстро и целенаправленно отыскать нужную информацию. Кстати, именно по этой причине, т. е. для облегчения справок, к текстам монографий прибавляются предметные указатели, организующие материал именно фрагментарно.

Итак, как и любая книга, словарь¹² содержит изложение каких-либо сведений; в нем, в отличие от несловарной книги, материал излагается фрагментарно, будучи расположен в соответствии с внешней формой языкового носителя информации.

Признаки, которые кладутся в основу других определений словаря как типа книги, — что является единицей описания (слово, термин, имя собственное, словосочетание, фраза) или к а к о й корпус языковых единиц охватывается (весь язык, говор, система терминов или совокупность фамилий), — по нашему мнению, относятся к видам словарных изданий, а не к общему определению семантизирующего словаря как особого книжного жанра. Следовательно, в начале данной главы приведены не определения словаря как такового, а определения словарей лексики языка, т. е. филологических словарей. Совокупность лингвострановедческих материалов, описанная в предыдущей главе, по праву называется словарем: информация подается исходя из слова или словосочетания, и размещается она в зависимости от алфавитного порядка написанного слова или словосочетания, т. е. фрагментарно.

Переходим ко второму термину, содержание которого следует уточнить, — «лексикография».

Во многих имеющихся определениях лексикография отождествляется со словарным делом, например, у О. С. Ахмановой (1966, с. 215): «наука о составлении словарей» и «составление словарей как описание лексики данного языка». Х. Касарес (1958, с. 8) определяет лексикографию как искусство составлять словари (в противо-

¹² Напоминаем, что говорим только о словарях, имеющих семантизирующую часть.

положность наукам: лексикологии и семасиологии), а другие авторы все же признают за лексикографией статус науки¹³. Для нас сейчас важно другое: никто не отрицает равенства лексикографии делу создания словарей.

Между тем если (подобно выявлению содержания термина «словарь») попытаться охватить все формы литературной работы, называемой лексикографической, то придется признать, что лексикография имеет более широкий предмет исследования, чем одно лишь теоретическое обоснование составления словарей. Если лексикология — это наука, и с л е д у ю щ а я слово (лексикология включает в себя семасиологию, исследующую семантику слова), то лексикография — это наука, занятая теорией и практикой описания слова для нужд определенного пользователя (в том числе, но не непременно, в словарях). Лексиколог излагает результаты своего поиска коллегам-специалистам, а лексикограф, как правило, обращается к более широкому адресату. В рамках общей лексикографии выделяется аналог семасиологии в границах лексикологии — семантизирующая лексикография. Таким образом, как мы считаем, лексикография включает в себя проблематику словарного дела, но не сводится к ней одной.

Во всяком случае, история лексикографии открывается периодом, который примечательным образом назван д о с л о в а р н ы м: он охватывает тысячелетнюю практику античности и средневековья разъяснения непонятных слов в рукописях¹⁴. Эта практика так называемого глоссирования восходит к учениям об истолковании, экспликации, перефразировании текстов.

Г л о с с а — это семантизация неясного слова, словосочетания или выражения прямо в рукописи и в непосредственной близости от разъясняемого места. Различают два вида глоссирования: маргинальное (на полях рукописи) и интерлинейное (между строчками текста рукописи)¹⁵. Отдельные глоссы постепенно в некоторых

¹³ См.: Щерба, 1974, с. 265—304; Бабкин, 1965; Бархударов, 1967; Виноградов, 1977; Лексикографический сборник. 1957—1964; Агажев, 1971; Шавтели, 1976; Згуста, 1971; Конецкий, 1974.

¹⁴ В. Г. Гак (Лексикография. — БСЭ. 3-е изд., т. 14, с. 284) различает три основных периода в истории лексикографии: 1) дословарный (основная функция — объяснение малопонятных слов); 2) ранний словарный (основная функция — изучение литературного языка); 3) период развитой лексикографии (основная функция — описание и нормализация словарного состава языка, повышение языковой культуры общества).

¹⁵ О глоссировании см., например: Лихачев, 1962; Боуэрс, 1959; Маас, 1957.

книгах настолько увеличились и стали употребляться столь регулярно, что возник особый тип книги — толковой, где глоссы занимают даже больше места, нежели основной текст¹⁶.

Среди приемов глоссирования отметим прежде всего эквиваленцию, т. е. отождествление непонятого слова (или выражения) с понятным, отсылку к нему. Лексикографический прием эквиваленции лежит в основе создания двуязычных, переводных словарей, а также в основе синонимических замен и частично отсылок в одноязычных словарях. В глоссировании используется также прием толкования (последовательного определения понятийного содержания слова) и прием контекстного изъяснения (изложения тех выходящих за пределы понятийного толкования сведений, которые позволяют правильно понять комментируемое место в тексте). Как видим, практика глоссирования развила приемы семантизации, используемые до сих пор.

Весьма разветвленная и глубокая традиция глоссирования представлена в древнерусской книжности¹⁷, поэтому история русской лексикографии также начинается с дословарного периода.

Нет оснований полагать, что с завершением дословарного периода своей истории лексикография все же полностью совпала со словарным делом. Действительно, глоссирование, претерпев необходимые перемены, сохранилось в современных книгах в виде аппарата подстрочных сносок и подстрочных комментариев (особенно типичных для учебной литературы)¹⁸. Таким образом, вопросы описания отдельного слова сохраняют свою важность, и это означает, что несловарная лексикография продолжает существовать.

Лексикография и теория словарного дела совместно занимаются изучением приемов и способов описания слова, но для последней отрасли знаний весьма существенна также проблематика объединения слов в книгу, в

¹⁶ См., например: Болонски псалтир. Български книжовен паметник от XIII век. София, 1968. Необъятные размеры приняла «Толковая псалтырь» Максима Грека.

¹⁷ См. исследования на эту тему, выполненные Л. С. Ковтун (1963, 1975, 1977), а также Р. М. Цейтлин (1958).

¹⁸ Вероятно, механическое сведение подстрочных комментариев (т. е. фактически глосс) в одно место (например, в виде приложения к основному тексту книги), а также расположение комментариев в алфавитном порядке еще не приводит к возникновению подлинного словаря, потому что здесь пока нет активного формирования словника.

нечто цельное, т. е. проблематика словника. Следовательно, лексикография и создание словарей находятся между собой в отношениях рода и вида, а в научной литературе термин «лексикография» употребляется как в широком, так и в узком смысле.

Лингвострановедческая лексикография также интерпретируется и широко, и узко: она имеет словарный аспект, но она может быть и несловарной, потому что лингвострановедческие комментарии в учебной книге, продолжающие традицию глоссирования текстов, бывают разрозненными, даже единичными.

Обращаемся к третьему термину, содержание которого следует обсудить, — «энциклопедия».

По Словарю Ожегова, энциклопедия — это «научное справочное пособие по всем или отдельным отраслям знания в форме словаря»; ср. также аналогичное определение Ю. Е. Шмушкиса (1975, с. 5—7). Второе значение слова («приведенное в систему обозрение различных отраслей какой-либо науки») С. И. Ожегов называет книжным и устарелым. Но именно это последнее значение слова и является его исходным, основным значением.

Термин восходит к греч. *enkyklopaideia* или к *he enkyklios paideia*, что буквально означает «воспитание/наставление детей по (всему) кругу». Под «кругом» разумеются семь «свободных искусств», входивших в законченный цикл (*cyclus* — лат. *круг*) древнегреческого образования: тривий (грамматика, риторика, диалектика) и квадривий (арифметика, геометрия, музыка, астрономия) (Фукс, 1962). Пособие, охватывавшее все науки «круга», также называлось энциклопедией.

Как считает известный исследователь истории энциклопедий Роберт Коллисон (1964, с. 13), первой греческой энциклопедией следует считать свод «Подобия» Спевзиппа¹⁹. Дату его создания Коллисон относит к 370 г. до н. э. И действительно, в этом трактате представлена попытка систематизации знаний, классификации бытия, особенно в области флоры и фауны. Первую латинскую энциклопедию составил ок. 183 г. до н. э.

¹⁹ См. также: *Encyclopaedia*. — In.: *Encyclopaedia Britannica. A New Survey of Universal Knowledge*. London, 1958, vol. 8; Горнфельд А. Энциклопедия. — В кн.: Брокгауз и Ефрон. Энциклопедический словарь, томотом 80 (здесь содержится очень подробная история создания энциклопедий по отдельным странам).

Марк Порций Катон (Старший): он написал для своего сына наставление — преимущественно по сельскому хозяйству, но с главами о риторике, медицине, юриспруденции и военному делу.

В I в. н. э. появилась энциклопедия в развитом виде — «Естественная история» Плиния Старшего (23—79 гг. н. э.), в которой используется и сам термин «энциклопедия», употребляемый затем вплоть до XVI в.²⁰

Отличие энциклопедии от прочих научных книг и других книжных жанров заключалось в том, что составитель энциклопедии стремился произвести как бы «книгу книг», заменив ею целую библиотеку. Поэтому для энциклопедий характерны попытки свести в одно место все наличествовавшее (научное) знание о мире, а также систематизировать и классифицировать его. Энциклопедии строились путем дословных и модифицированных выписок из источников, конспектов, изложений, т.е. путем эксцерпции и материала и его компиляции. Примером компилятивности служит «Естественная история» Плиния Старшего: ее автор сам подсчитал, что в тридцати семи книгах он собрал двадцать тысяч фактов, заимствовав их из двух тысяч книг ста авторов. Примером энциклопедической систематизации и классификации научного материала может служить грандиозное наследие Аристотеля.

Надо подчеркнуть, что первоначальные энциклопедии строились по принципу целостности содержания и не имели признаков словарной организации сведений. Их назначение состояло в первую очередь в учебности, в приобщении к знаниям нового члена культурно-языковой общности, а справочная функция занимала подчиненное место.

При всей удаленности энциклопедий от словарей тем не менее между энциклопедиями и глоссами было нечто общее, а именно: получение материала путем эксцерпции. Тематическая организация выписок давала энциклопедию отраслевого характера: именно так византийский император Константин VII Багрянородный создает «Энциклопедию истории и государствования»²¹, точно

²⁰ В этот период в заглавиях книг использовались термины *Summa*, *Speculum* и т. д. Как книжный титул термин «энциклопедия» был впервые использован издателем Паулем Скаликом де Лика (Paul Skalich de Lika) (Базель. 1559).
²¹ См. подробнее: История Византии. В 3-х т. М., 1967, т. 2, с. 370

так же сложилась в том же X в. византийская сельскохозяйственная энциклопедия «Геопоники»²² и т. д.

Период византийской книжности с V по XII в. вообще таков, что невозможно провести грань между автором книги и составителем-компилятором, это эпоха так называемых катен, эклог, мелисс²³, которым в жанровом отношении соответствовали древнерусские цепи, цветники, пчелы, вообще — сборники (т. е. сборники)²⁴. С другой стороны, глоссы (по крайней мере, двух типов — толкования и контекстные изъяснения) — это такие же выписки из разных источников, помещенные на полях рукописи или между строками текста. Если выписки-глоссы одного источника собрать вместе и как-то организовать их, то возникла бы книга, содержательно эквивалентная отраслевой энциклопедии; если же свести вместе глоссы разных источников, то возникла бы книга, содержательно аналогичная универсальной энциклопедии.

Ярчайшим и нагляднейшим примером становления словаря на базе соединения опыта энциклопедических выписок и глоссирования является знаменитый Лексикон Свида²⁵, созданный в Византии в X в., который может считаться родоначальником алфавитной организации справочного материала и который включает в себе основные типы будущих словарных изданий.

Некоторые словарные статьи Лексикона остаются подобными глоссам-эквиваленциям. Лексикон устанавливает смысловое равенство иноязычных и греческих слов. Ср. например: «АВВАКУМ: отец восстания. *Авва* означает 'отец', *кум* — 'восстание'. Так же и в божественном евангелии: *талиа кум*, т. е. отроковице, восстание'. Отсюда видно, что Аввакум следует писать с двумя в».

Эквиваленции представлены и в отождествлениях устаревших (редких, диалектных) и употребительных, вполне понятных слов, а также в разъяснении словопроизводства, например: «ЦАРИЦА: жена царя, подобно тому, как *банщица* — жена *банщика*». Наконец, харак-

²² Геопоники. Введение. М.: Л., 1960.

²³ См. подробнее: Крумбахер, 1897.

²⁴ См. подробнее: Сперанский, 1904.

²⁵ Относительно смысла названия Лексикона ведутся споры. Пользуемся двумя изданиями: И. Беккера (Берлин, 1854), но прежде всего А. Адлера (*Suidae Lexicon*, ed. A. Adler, Lipsiae, 1928—1938, p. 1—5).

тер эквиваленций имеет разбор синонимических различий (например, раскрывается, в чем разница между *варваризмом* и *солицизмом*, между *царем* и *тираном*²⁶ и т. д.), хотя в этом случае как раз равенство слов отрицается. Все перечисленные приемы семантизации мы бы (с позиций современности) назвали филологическими.

С другой же стороны, в Лексиконе Свида немало весьма пространных статей, составленных благодаря приемам толкования (определения понятийного содержания слова через указание на род и видовое отличие) и контекстного изъяснения. Например, в статье ГИМНОСОФИСТЫ²⁷ сначала дается толкование, т. е. составители указывают на более широкое понятие («мудрецы, философы»), а потом его ограничивают («у вавилонян... и у ассирийцев»). После же толкования начинается изъяснение, содержащее целый ряд дополнительных сведений относительно образа жизни гимнософистов, объясняющих, в частности, их имя, и относительно их учения.

В развернутых статьях дана характеристика исторических личностей (например, статья АНТОНИН, ЦАРЬ РОМЕЕВ занимает в издании две страницы текста²⁸), сопредельных и отдаленных народов (в Лексиконе есть интересная и информативная статья БОЛГАРЫ), вообще фактов других культур (ср., скажем, статью БРАХМАНЫ²⁹). Много статей по философии, естествознанию, географии, медицине, литературе, и каждая из них ни в коем случае не ограничена одним толкованием, но непременно обнимает еще и контекстное изъяснение. Указанная практика подачи материала, с современной точки зрения, может быть названа энциклопедической.

Таким образом, Лексикон Свида содержит как лексико-грамматико-этимологическую (т. е. филологическую), так и систематико-научную (т. е. энциклопедическую) части. Что же касается способа расположения материала, то в Лексиконе выдерживается не логический, а внешний принцип. Лексикон предназначался для наведения отдельных, разрозненных справок, и ради облегчения поиска сведений составители сознательно по-

²⁶ В издании А. Адлер, т. 1, с. 453, 547.

²⁷ Указ. соч., с. 547.

²⁸ Указ. соч., с. 247.

²⁹ Указ. соч., с. 493.

шли на фрагментарность содержания. Статьи расположены в согласии с определенной системой, весьма близкой алфавитной³⁰. Поскольку фрагментарность содержания — конститутивный признак словарной литературы, Лексикон Свида с полным правом может считаться первой подлинно словарной книгой в Европе³¹.

Надо отметить, что составители не просто расположили по алфавиту глоссы и эксерпты из энциклопедий (и других источников). Из безбрежного моря наличествовавшего книжного материала они отобрали лишь те слова и выражения, которые с большой долей вероятности могли встретиться образованному человеку при чтении известного круга литературы и вызвать у него непонимание. В этом и состоял основной принцип формирования словника: включалось только то, что было потенциально трудным. Перед нами явное сокращение исходного материала, поэтому можно говорить о процедуре отбора единиц в словник, аналогом которой в наше время является минимизация.

Итак, на примере Лексикона Свида мы видим встречу глоссирования и энциклопедических эксерптов и их слияние в единую книгу. Если учесть, что это слияние строилось на процедуре отбора словника, то можно прийти к заключению, что возник качественно новый жанр книги — жанр словаря. На исходе первого тысячелетия нашей эры лексикография вступила в новый, словарный период своей истории.

Словарный период продолжается до нашего времени и в свою очередь разделяется на несколько этапов. Поскольку эти этапы сменяли друг друга, их можно было бы обозначить в хронологических терминах³², однако, вероятно, информативнее называть их по основному принципу словарного дела в то или иное время.

Первый этап можно назвать «разъясняющим трудное», э к с п л и ц и р у ю щ и м. Составители включают в словарь только и исключительно то, что потенциальному читателю может оказаться непонятным. Напрасно мы стали бы искать у Свида слова, называющие повседневные, бытовые, вообще всем известные, «простые» пред-

³⁰ Статьи расположены в согласии с действительным произношением слов, а не по графическим признакам, по особой звуковой системе «антистойхнии».

³¹ Азиатская словарная традиция является более древней.

³² Например, В. Г. Гак различает «ранний» и «развитый» этапы в словарном периоде.

меты, явления, качества и особенно действия (типа *рука, вода, осень, зеленый, ходить, спать* и т. д.). Если подобные «простые» слова и встречаются, они обязательно семантизируются не в основном, а в специализированном значении (например, медицинском, юридическом, богословском и т. д.). Пояснений основной семантики никогда не видим.

Например, в «Лексиконе славеноросском» Памвы Беринды³³ регулярно толкуются заимствования, неупотребительные в живой «простой мове» славянизмы, в том числе сложносоставные слова и даже грамматические элементы, а если в словаре оказывается «простое» слово, то оно не толкуется в своем прямом значении, а снабжается какими-либо дополнительными и читателю заведомо неизвестными сведениями. Например, в Лексиконе имеется статья ОРЕЛ, но что это за птица, никак не разъясняется, не указываются синонимы и вообще нет обычной лексикографической обработки типа эквиваленции; зато сказано о «способности» орла «обновляться», т. е. вновь обретать юность (сгорая на солнце), и эта информация небесполезна для читателя, потому что в псалтыри имеется соответствующая аллюзия. Таким образом, «простое» слово включается в Лексикон лишь в том случае, если оно в литературе приобретает особые значения, не совпадающие с прямым (примечательны в этой связи шесть статей на слово *слово*: указаны смыслы, почти не связанные с основным).

Конечно, в двуязычные словари рассматриваемого периода «простые слова» не могли не включаться, однако одноязычные словари, имеющие семантизирующую часть (а именно они образуют непосредственный предмет нашего рассмотрения) — это словари «трудных слов»³⁴.

В общем и целом эксплицирующий этап словарной лексикографии характерен для той исторической эпохи, когда в Европе в качестве литературных применялись традиционные, вышедшие из активного живого пользования языки — латынь, византийское койнэ, древнеславянский.

³³ Пользуемся изданием 1627 г., воспроизведенном фотомеханически: Лексикон словеноросский Памвы Беринди. Підготовка тексту і вступна стаття В. Б. Німчука. Київ, 1961.

³⁴ Обрисованная картина была типичной для всех европейских стран. Так, в XVI—XVII вв. в Англии издаются уже словари английских «трудных слов» (hard words), в которых разъясняются различные заимствования и устаревшие англосаксонские слова.

Когда в Италии, Франции, Англии, Германии и в России литературные функции переходят к национальным языкам, начинается второй этап словарной лексикографии. Создаваемые одноязычные словари прежде всего вырабатывают литературную норму в области лексики, поэтому данный этап можно назвать кодифицирующим.

Если словари эксплицирующего этапа отражали малую часть словарного состава языка, то на этапе кодификации словари должны были охватить всю лексику литературного языка. Для достижения этой цели требовалось сознательно выбрать ее из потока разговорной, в большой мере диалектной, речи.

Естественно, задача разъяснения непонятной литературной лексики сохраняется, но она явно теряет свое единственное и главенствующее положение. Нормализация, безусловно, выходит на первый план. Так, Французская Академия была создана для решения подобных вопросов, и отбор «*mots nobles*» и соответственно отвержение «низких слов» занимали основное время на заседаниях академиков. «Академический пуризм» в области отбора вызвал гораздо больше нареканий, чем неточности в толкованиях значений слов³⁵.

Те же задачи решал знаменитый английский лексикограф Самуэль Джонсон: он не столько собирал английскую лексику, сколько отбирал из нее, отбирал с кодификационными целями; а чтобы избежать упреков во вкусовщине, он ввел важный лексикографический принцип авторизации (или оправдательных цитат)³⁶.

Аналогичную роль сыграл в Германии И. Х. Аделунг (1774), словарь которого в первую очередь послужил становлению немецкого литературного языка.

С нормализаторскими целями создавался «Словарь Академии Российской», для которого также характерны сильные пуристские тенденции³⁷.

В противоположность отбору вопросы толкования смысла «простых слов» не представлялись лексикогра-

³⁵ См. подробнее: Маторэ, 1968; Халифман, 1978.

³⁶ Этот принцип (собственно, присутствовавший уже в практике работы Французской Академии) сформулирован даже в названии словаря: *A Dictionary of the English Language: in which the Words are <...> Authorized by the Names of the Writers in whose Works they are Found.*

³⁷ Отсюда обилие ограничительных помет, изгнание иностранных слов, попытки насаждения искусственных образований (Цейтлин, 1958).

фам этого времени весьма важными: им казалось неразумным разъяснять читателям то, что и без словаря хорошо знакомо. Поэтому на обозначаемое словом явление указывают косвенно: или путем (синонимической) эквиваленции, или через перевод (обычно на латынь), или прямой апелляцией к знаниям пользователей.

Ср., например, толкования в «Словаре Академии Российской» домашних животных: КОТ: *Felis catus*. Хищное животное, всем известное, содержащееся в домах для истребления мышей; СОБАКА: *Canis*. Животное, всем известное, наипаче прочих домашних животных к человеку привязанное, употребляемое как для стережения в домах, так и для ловитвы; ЛОШАДЬ: *Equus caballus*. Конь; животное четвероногое, всем известное, подъяремное, имеющее твердые нераздельные копыта; употребляется как для верховой езды, так и в упряжке и для перевозки тяжестей.

Хотя С. Джонсон внес большой вклад в практику лексикографической семантизации (он первым стал систематически различать и нумеровать значения полисемичного слова), тем не менее и он относился к толкованиям как ко второстепенной задаче. Например, домашние животные у Джонсона толкуются со ссылкой на общее знание; ср.: КОТ: домашнее животное, которое ловит мышей; СОБАКА: домашнее животное, весьма разнообразное по породам³⁸, и т. д.

Кодифицирующие словари, естественно, не преследовали цели охватить все наличествующее знание о мире, поэтому в дальнейшем произошло размежевание двух типов словарных книг. Словари языка (*dictionnaires de langue*) с преимущественно нормализующей функцией отделились от предметных словарей (*dictionnaires de choses*) с присущей последним систематико-научной функцией³⁹.

Если эксплицирующий этап лексикографии непременно сопряжен с элементом содержательной новизны для читателя (семантизируются исключительно «трудные слова»), то для кодифицирующих словарей (словарей языка) этот принцип не является обязательным (отсюда привлечение пользователя в помощники: «ты это и сам знаешь»). Взамен этой установки выдвиг-

³⁸ В подобных толкованиях Джонсон нарушает выдвинутый им же самим чрезвычайно важный лексикографический принцип обратимости объяснения и объясняемого слова. Под определение *собаки* подошли бы и *кошка*, и *лошадь*.

³⁹ Пользуемся терминологией Ж. Рей-Дебов (1969).

гается требование более или менее полного охвата всего словарного состава литературного языка⁴⁰.

Принцип содержательной новизны, однако, целиком сохраняет свое значение в предметных словарях. Внешняя организация материала не изменила природы энциклопедий, которые и в словарной форме удержали цель «замены библиотеки». Знаменитая энциклопедия новейшего времени («Энциклопедия»⁴¹ Дидро и Д'Аламбера) резко отличается от «Словаря Французской Академии» и противопоставляется ему именно своей целеустановкой⁴².

Содержательная новизна присутствует в словарях языка (когда поясняются заимствования, архаизмы, научные термины, вообще лексика за пределами основного, общеупотребительного словарного состава), но в противоположность энциклопедиям, непременно сообщаящим нечто неизвестное потенциальным читателям, словари языка нередко содержат семантизирующую часть, чтобы сохранить единообразие словарных статей, и в таких случаях пользователь, если он является носителем этого языка и членом соответствующей этнокультурной общности, не узнает для себя ничего нового.

Например, наш современник и соотечественник по Словарю Ожегова может навести справку о том, что такое *аргон* («химический элемент, бесцветный инертный газ без запаха, дающий синеватое свечение, применяемый в световых рекламах»), и, если он не является химиком, эти сведения для него окажутся новыми; однако толкования слов *дом*, *дверь*, *шкаф*, *бегать*, *пить*, *красивый*, *быстро* и другой многочисленной лексики основного словарного фонда едва ли сопряжены с элементом содержательной новизны.

Не случайно Г. Пауль в своем словаре давал толкования только «трудных» слов или при различении значений полисемичного слова, а «простую» (т. е. из основно-

⁴⁰ О принципах создания словаря Джонсона под этим углом зрения см.: Следд, Колб, 1955.

⁴¹ Encyclopédie, ou Dictionnaire raisonné des sciences, des arts et des métiers... publié par M. Diderot et par M. d'Alembert. Paris, 1751—1772.

⁴² Фундаментальное исследование истории создания энциклопедии см.: Пруст, 1966, а также: Лексика вчера и сегодня, 1976. Первая российская энциклопедия новейшего времени была начата историком В. Н. Татищевым («Лексикон российской, исторической, географической, политической и гражданской». СПб., 1793, т. 1—3, до статьи КЛЮЧНИК), однако она не была задумана в качестве универсальной. Первой общей энциклопедией является «Пространное поле <...> или Всеобщий исторический оригинальный словарь...» И. Алексеева (из задуманных 12 томов вышли в свет лишь 1-й и частично 2-й).

го фонда) лексику оставлял без пояснений⁴³. Следовательно, для семантизирующей части словаря языка содержательная новизна, конечно, возможна, но не обязательна.

Итак, к XVIII в. одноязычные словари, имеющие семантизирующую часть, отчетливо разделились на два типа. Разница между языковыми и предметными словарями заключалась: 1) в целеустановке (в первом случае преимущественно кодификация литературной речи в противоположность преимущественной экспликации во втором); 2) в степени охвата состава языка (по возможности исчерпывающий охват \longleftrightarrow избирательный охват «трудных» слов и особенно научных терминов); 3) в принципах семантизации с точки зрения как новизны (обязательность \longleftrightarrow факультативность), так и детализации (краткость \longleftrightarrow пространность). Если Лексикон Свида и подобные ему словари можно назвать комплексными, то с XVIII в. приходится отдельно говорить о филологических и энциклопедических словарях.

Таков краткий обзор развития теории и практики лексикографии, предпринятый с точки зрения решаемых в нашей книге задач.

Глава 3

О ПРИРОДЕ ФИЛОЛОГИЧЕСКИХ И ЭНЦИКЛОПЕДИЧЕСКИХ СЛОВАРЕЙ И О ПРИНАДЛЕЖНОСТИ ЛИНГВОСТРАНОВЕДЧЕСКИХ СЛОВАРЕЙ

Мы уже говорили (ч. 2, гл. 1), что все семейство ЛС-словарей сложилось эмпирически, исходя из потребностей преподавания русского языка иностранцам. Поэтому теоретическое осмысление особенностей этих словарей и их места в системе других словарных произведений — задача важная и необходимая.

⁴³ PauH. Deutsches Wörterbuch, Halle (Saale), 1959. В предисловии сказано: «Словарь адресован образованным людям... В нем нет <...> излишнего объяснения, понятного всем» (с. 3).

Хотя раньше мы уже предвосхищали решение этой проблемы и недвусмысленно относили ЛС-словари к числу филологических, тем не менее еще не было серьезного анализа различия между филологическим и энциклопедическим подходом к материалу. Естественно, что по этой причине предшествующие суждения могли показаться пристрастными, голословными.

Между тем в новейшее время количественный рост толковых словарей привел к определенным качественным переменам в целеустановках лексикографии. Кодифицирующие словари как бы признавали за тем или другим словом право гражданства, а если и охватывали лексику, не подходящую, по мнению составителей, для употребления в литературном языке, то сопровождали ее предупреждающими или запретительными пометами.

В связи с явным стремлением безгранично расширять лексику, охватываемую словарями (за счет широко известной научной терминологии, диалектных и областных выражений, а также архаизмов), возникли словари-тезаурусы¹, совершенно гигантские по размерам и требующие грандиозных затрат времени и сил. Тезаурусы никаких оценок лексики не предпринимают, стремясь только к полноте ее охвата.

Одновременно возникла и распространилась идея градуальности. Собственно, уже С. Джонсон понял, что его словарь должен выйти в свет в полном и в сокращенном вариантах. Сейчас лексикографическая градуальность имеет три ступени: словник и толкования могут быть небольшими и краткими («карманные словари»²), средними по объему («настольные словари»³) и весьма пространными («библиотечные словари»⁴), причем критерий отсечения слов и комментариев при движении от пространного словаря к менее пространному — это актуальность и употребительность слова и значения⁵. В се-

¹ В этой связи можно говорить о новом, тезаурусном, этапе словарной лексикографии, для которого типична целеустановка зафиксировать все без исключения слова и выражения, употребляемые национальным коллективом говорящих, употреблявшиеся или даже только входившие в употребление. Л. П. Ступин (1979) кодифицирующий этап в истории лексикографии (в его терминологии — предписывающий) противопоставляет регистрирующему.

² См., например: Карманный Ларусс, 1954; Новый американский Вебстер, 1972.

³ К этому виду в отечественной лексикографии принадлежат Словарь Ожегова, Словарь Ушакова и МАС.

⁴ Ср.: БАС, а также «Большой словарь» П. Ларусса (в 17-ти т.), Большой Оксфордский словарь (в 13-ти т.) и, наконец, Словарь Гриммов (в 33-х т.).

⁵ Конечно, определяющую роль при этом играет адресат и целеустановка. Три основных объема словарей (в английской терминологии: unabridged,

мантизирующем аппарате замечается также большая новизна: разработаны системы помет, приемы зрительного толкования, аппарат отсылок и т. д.

В частности, аппарат отсылок — яркий признак, благодаря которому филологические словари противопоставляются энциклопедическим. Например, в МАС *балалаечник* определяется как «музыкант, играющий на балалайке», *балалаечный* — как «прилагательное к балалайка», и только под словом *балалайка* не видим отсылки: «русский народный музыкальный инструмент с тремя струнами и корпусом треугольной формы». Из группы слов *дом, дома, домашний, домашность, домик, домовитость, домовитый, домовладелец, домовладелица, домовладельческий, домовладение, домовница, домовничать, домоводство, домовой, домовый, домой, домок, домоправитель (ница), домоправление, доморощенный, домосед (ка), домостроевский, домостроение, домостроительный, домострой, домотканый, домоуправление, домохозяин, домохозяйка, домохозяйство, домочадцы, домработница* только одно толкуется, а по отношению к другим приведены отсылки. В энциклопедических словарях отсылки также встречаются, но поскольку дериваты какого-либо корня в энциклопедиях не указываются, эти отсылки не занимают в них сколько-нибудь заметного места.

Короче гоЕоря, различий между двумя типами словарной литературы довольно много. Среди них обычно указывают и на различие в качестве семантизации. Так, А. А. Реформатский (1967) пишет, что «в энциклопедических словарях описываются и разъясняются не слова, а те явления, которые этими словами названы», в то время как «языковые же словари показывают именно слова с их значениями» (с. 148). Эта мысль повторяется во многих источниках. Между тем она едва ли является истинной. Так, в БСЭ *балалайка* толкуется точно так же, как в МАС («русский народный музыкальный инструмент с тремя струнами и корпусом треугольной формы»).

comprehensive, library size; semi-abridged, desk size; abridged, pocket size) предполагают различные степени запросов читателя. С другой стороны, градуальность может быть обусловлена возрастом потенциального адресата, ср. три словаря: для детей, старшеклассников и взрослых (Dictionary for Children, School Dictionary, Dictionary. N. Y.; London, 1977). Наконец, та же трехступенчатая градуальность в словарях для иностранцев проистекает из разницы в уровнях овладения языком, ср. три словаря Хорнби (The Progressive English Dictionary, An English-Reader's Dictionary, The Advanced Learner's Dictionary of Current English).

А. И. Киселевский (1977, с. 26, 27, 63, 64) сопоставил еще ряд толкований одних и тех же слов в обоих названных источниках (*баба, баббит, бабувизм, баз, байдарка, байка, бак, бакалавр, баланс*) и обнаружил их значительную близость, причем в некоторых случаях (как и в примере с *балалайкой*) толкования совпали слово в слово (*барометр, крона, кронциркуль, плазма*) или отличались друг от друга только одним словом (*баритон, бархан, бас, бурелом, кролиководство*). В его книге весьма много подобного материала, и автор (вслед за другими учеными) приходит к выводу «об отсутствии резкой границы между толкованиями и определениями в толковых словарях и энциклопедиях» (с. 108).

Ж. Маторэ (1968, с. 22) указывает, что общий принцип разделения языковых и энциклопедических словарей (*le dictionnaire explique des mots et l'encyclopédie décrit des choses*) никогда не выдерживается в практике словарного дела⁶.

Справедливо мнение В. Г. Гака (1971, с. 524): «...как бы ни старались некоторые исследователи провести водораздел между лингвистическим и экстралингвистическим, мир слов неотделим от мира вещей, и всякий толковый словарь является инвентарем не только слов, но и понятий, объектов, знаний, составляющих достояние людей, говорящих на данном языке». К аналогичным выводам пришли и другие лексикографы⁷.

Тем не менее различие в качестве семантизации обоих словарей несомненно, хотя оно отнюдь не кроется в противопоставленности слов предметам.

Интересно, что признаваемый сугубо филологическим прием толкования семантики слова, введенный, обоснованный и практически реализованный В. И. Далем, в интерпретации самого Даля был скорее энциклопедическим. Об этом хорошо написал Я. К. Грот (1876, с. 52): «В словаре Даля есть ряд объяснений, который <...> оправдывает данное ему в заглавии название *толкового*. Это реальные, или вещественные, толкования при таких словах, которые относятся к быту, к нравам, обычаям, поверьям русского народа, к промыслам,

⁶ Ср. аналогичные мнения его соотечественников (Дюбуа Ж., Дюбуа С., 1971, с. 14; Рей-Дебов, 1969, с. 185).

⁷ П. К. Далем (1963, с. 153) предлагает «говорить о различии между пространными энциклопедическими определениями слова или термина и краткими, сжатыми определениями тех же слов в толковых словарях филологического типа». Таким образом, филологический и краткий, а также энциклопедический и пространный попарно отождествляются. З. И. Комарова (1976, с. 26) со ссылками на других ученых демонстрирует совпадение объектов толкований в тех и других словарях.

торговле, мореплаванию, наконец, к естественным наукам». Грот приводит большой список таких «вещественных толкований», обращая внимание на чертежи (при словах *говядина*, *шляпа*), которые должны способствовать детальному пониманию разъясняемых «вещей». Не случайно толковый словарь на иностранных языках звучит как объяснительный: *explanatory dictionary*, *dictionnaire explicatif*, *Erklärungswörterbuch*.

Собственно, на качественное своеобразие филологической семантизации по сравнению с энциклопедической указал Л. В. Щерба (1974), различивший лексическое и одноименное научное понятия. По его мнению, филологический словарь не должен отражать научные понятия: «во всяком случае, нужно помнить, что нет никаких оснований навязывать общему языку понятия, которые ему вовсе не свойственны и которые — главное и решающее — не являются какими-либо факторами в процессе речевого общения» (с. 281). Правда, если научное и обиходное понятия совпадают (а такое мы видели раньше по отношению к словам *байдарка*, *баритон*, *бурелом* и т. д.), то, естественно, совпадают и семантизирующие тексты.

Таким образом, согласно Щербе, филологическая семантизация отличается от энциклопедической ровно настолько, насколько обиходные знания противопоставлены научным. И эта его мысль, думается, правильна. Отметим, однако, что она покоится на предположении, что филологические и энциклопедические словари описывают одни и те же сферы действительности.

Эта же противопоставленность касается лексических фонов, — при условии, конечно, что они вообще отражаются в словаре (мы уже обращали внимание на то, что в противоположность регулярному описанию научного фона в энциклопедиях лексические фоны столь же регулярно не описываются в филологических словарях).

Рассмотрим противопоставленность двух родов знания несколько подробнее.

Во-первых, филологические словари отражают некоторое количество антинаучных сведений, потому что язык в своем развитии в общем и целом отстает от прогресса общественного сознания, в частности, фиксирует и тот уровень постижения мира, который сейчас отвергнут наукой. Например, выражения *солнце заходит*, *садится* и *восходит*, *поднимается* или *громом убило* кого-либо и

разрази меня гром!, необходимые в словарях, описывают ходячие в прошлом мнения, что не Земля вращается вокруг Солнца, а Солнце вокруг Земли или что сокрушающая сила присуща не молнии, а грому. Конечно, для массового сознания людей нашего времени эти хранимые языком пережиточные сведения становятся ощутимыми лишь в случае специального внимания к форме языка, так как в актуальном обыденном сознании наших образованных современников Земля и Солнце или молния и гром присутствуют во взаимоотношениях, адекватных научному представлению.

Во-вторых, в филологических словарях отражаются сведения, которые по сравнению с научными являются менее строгими. Подобные обиходные знания прямо не противоречат науке, но все же не отвечают научным требованиям описания (эксплицитности, непротиворечивости, достаточности исходного основания, нетавтологичности и т. д.). Филологическое определение любого слова, одноименного математическому термину (например, *точка, сложение, доказательства, квадрат, функция*), не удовлетворит до конца математика, равно как лингвисты не удовлетворяются толкованиями *звука, слова, фразы, текста*, наличествующими в филологических словарях⁸. С другой стороны, конечно же, ни математик, ни лингвист, указав на нестрогость и неполноту толкований с точки зрения своей науки, не считают словарные сведения антинаучными.

До сих пор мы говорили о тех сферах действительности, которые отражаются как обыденным, так и научным сознанием. Между тем имеются области знания, которые свойственны исключительно науке (например, изучение далеких галактик или интерпретация иероглифов о. Пасхи), но немало и таких сфер действительности, которые расцениваются как очевидные, даже банальные и, естественно, обычно не бывают предметами научного описания.

Например, как правило, не подвергается научному исследованию (в виде законченной системы) текущее бытовое поведение. Этнографы тщательно кодифицируют памятники ушедшего быта или его реликтовые фор-

⁸ Об этой совместной (общезыковой и терминологической) лексике см. ч. 1, гл. 12.

мы, фольклористы во время экспедиций охотятся за исчезающими жанрами, но когда актуальный быт в свою очередь становится историей, последующим поколениям приходится прилагать много усилий, чтобы составить себе о нем представление: современники сами себя не описывают⁹.

Закономерность в общем виде такова: чем реже встречается некоторое бытовое явление в повседневной жизни, тем скорее оно привлечет к себе внимание исследователя; напротив, чем более распространено это явление в современном обиходе, тем меньше для него шансов попасть в какой-либо систематизирующий каталог. Этот парадокс отмечал уже Р. Декарт: «Слишком интересуясь делами прошедших веков, мы знаем обычно слишком мало о делах, происходящих в наше время»¹⁰.

Следовательно, хотя сферы действительности, отражаемые обыденным и научным сознанием, частично совпадают друг с другом, имеется немалое количество сфер, которые избирательно отражаются или обыденным сознанием, или научным, так что и оба вида словарей — филологический и энциклопедический — семантизируют как совпадающее или близкое знание, так и не совпадающие между собой области знания.

Вот в этом, в-третьих, и состоит, по нашему мнению, главное качественное отличие филологической семантизации от энциклопедической. Филологические словари демонстрируют те сферы действительности, которые не бывают объектами систематизирующего (т. е. научного) описания, а энциклопедии фиксируют области познания, которые не представлены в обыденном массовом сознании (т. е. в сознании подавляющего большинства образованных членов некоторой этнокультурной общности).

Отсюда несовпадения словников филологических словарей и энциклопедий. Отмеченное расхождение словников особенно ярко видно по отношению к филологическому словарю, с одной стороны, и к отраслевому энциклопедическому словарю¹¹, с другой, но оно наглядно

⁹ Например, современники Пушкина не оставили нам описания деталей бытовой корреспонденции с использованием *облаток* («облатка розовая сохнет») и *печаток* («и на письмо не напирает своей печати вырезной»); нашим современникам приходится их восстанавливать.

¹⁰ Цит. по кн.: Теория и история языкознания, 1974, с. 223.

¹¹ Ср., например: *Граллерт В., Грушке В.* Филателистический словарь. М., 1977; *Энциклопедия значкиста ГТО/Сост. В. В. Горбунов.* М., 1978; *Страти-*

выступает и применительно к общему (массовому) энциклопедическому словарю.

Ниже для примера приводятся два списка заголовочных слов: из общей энциклопедии (БСЭ, 3-е изд.) и из филологического словаря (БАС). Применительно к словнику БСЭ мы не учитывали многочисленных имен собственных (фамилий ученых, названий географических пунктов, заголовков произведений), поскольку ономастическая лексика принципиально не отражается в БАС (словник этого источника воспроизводится без пропусков). Заголовочные слова, совпадающие в обоих источниках, печатаются курсивом. Литера К была выбрана совершенно произвольно.

БСЭ

каама, каатинга, *кабак* (трактир), *кабала*, кабальерос, кабальные холпы, *кабан*, *кабарга*, *кабаре*, *кабачки*, *каббала*, кабелеискатель, кабелеукладчик, *кабель*, кабель связи, кабель-заправочная башня, кабельная канализация, кабельная муфта, кабельная муфта связи, кабельная теория, кабельное судно, кабельные масла, кабельные оконечные устройства, кабельный кран, кабельный экскаватор, *кабельтов*, каберне, *кабестан*, *кабилы*, кабинет его императорского величества, кабинет министров, кабинетские земли, кабинетские школы, кабинеты политического просвещения, кабиры, каблук (арх. деталь), кабомба, кабомбовые, *каботаж*, кабошьены, *кабриолет*, кабуки, кавал, *кавалер*, *кавалергарды*, *кавалерия*, кавалерская звезда, *кавасаки*, *каватина*, *каверна*, кавернит, каверномер, кавернометрия, кави, *кавитация*, кавказские пчелы, кавказский скот, кавказский тетерев, кавказский улар, *кавычки*, *каган*, кагатная гниль свеклы, *кагор*, кагу, кагуляры, *каданс*, *кадастр*, *каденция*, кадетские корпуса, *кадеты*, каджары, *кади*, *кадмий*, *кадмирование*, *кадр*, кадровая армия, кадровая развертка, кадровой развертки генератор, кадровое окно, кадровое устройство, *кадры*, *кадык*, казанская школа, казанские походы, *казарка*, *казарма*, «казарменный коммунизм», казаскер, *казахи*, казахская белоголовая порода, казахская лошадь, казахская тонкорунная порода, казахский архаромеринос, *казачество*, *казачок*, казачьи школы, казеин, казеиновые краски, *каземат* и т. д.

БАС

ка, *кабак* (трактир), кабак (тыква), *кабала*, кабалить, кабальеро, кабальный, *кабан*, кабаненок, кабаний, кабанина, кабаниха, кабанище, кабанний, кабанок, кабанчик, *кабарга*, кабаргинский, кабарговый, кабардинец (национальность), кабардинец (лошадь), кабардинка, кабардинский, кабардинцы, *кабаре*, кабаржинный, кабарожий, кабарожка, кабатчик, кабатчица, кабацкий, кабачишко, кабачище, кабач-

графический словарь СССР. М., 1975; Толковый словарь английских геологических терминов. В 2-х т. М., б. г.; Краткий экономический словарь пятилетки эффективности и качества/Под ред. Ю. И. Палкина. Киев, 1978. См. также: Словари отраслевые. Лексикографические обозначения. М., 1977.

ковый, кабачник, кабачница, кабачный, кабачок, *каббала*, каббалист, каббалистика, каббалистический, *кабель*, кабельный, *кабельтов*, кабельтовый, кабельщик, *кабестан*, кабестанный, *кабилы*, кабина, кабинет, кабинетец, кабинетик, кабинетность, кабинетный, кабинетский, кабинка, каблограмма, каблук, каблучище, каблучник, каблучница, каблучный, каблучок, *каботаж*, каботажник, каботин, каботинка, каботинский, каботинство, кабошон, *кабриолет*, кабриолетка, кабул (соус), кабы, *кавалер*, *кавалергард*, кавалергардия, кавалергардский, кавалерийский, кавалерист, *кавалерия*, кавалерский, кавалерственный, кавальер, кавалькада, кавардак, кавардачок, *кавасаки*, *каватина*, каверза, каверзить, каверзник, каверзница, каверзничать, каверзность, каверзный, *каверна*, кавернозный, *кавитация*, кавказец, кавказка, кавказовед, кавказоведение, кавказоведческий, кавказский, кавказцы, кавун, кавунок, кавыка, *кавычки*, кагал, *каган*, каганат, каганец, кагат, кагатирование, кагатный, кагатчик, *кагор*, кагуар, *каданс*, кадансированный, кадансировать, *кадастр*, кадастровый, кадевый, каденца, *каденция*, каденцевый, *кадет*, кадетик, кадетский, *кади* (устар. кадий), кадило, кадильница, кадильный, кадить, кадка, кадемиевый, *кадмий*, *кадмирование*, кадочка, кадочник, кадочный, *кадр*, кадриль, кадрильный, кадровик, кадровый, *кадры*, кадушечка, кадушечник, кадушечный, кадушка, *кадык*, кадычный, кадычок, кадь, каемка, каемочка, каемочный, каждение, каждо..., ежегодный, каждодневный и т. д.

Сопоставление словников ясно обнаруживает черты, как разводящие филологический и энциклопедический словари друг от друга, так и сближающие их между собой. С одной стороны, оба вида словарей, несомненно, демонстрируют качественно различные сферы действительности и познания; с другой — они отражают одинаковые, качественно однородные области жизни.

Так, в энциклопедическом словнике имеются единицы, которые заведомо неизвестны обычному, рядовому члену лингвокультурной общности, даже получившему высшее образование (при условии, конечно, что он не является специалистом в соответствующей отрасли науки или техники). Например, что такое *каама*? или *каатинга*? или *кабомба*? или *кавал*? или *казаскер*? Экспериментальное предъявление данных слов может оказаться для испытуемого первой встречей с ними.

Назовем эту группу единиц из энциклопедического словника (совершенно условно, в рабочем порядке) «неизвестной» лексикой. «Неизвестная» лексика нова для пользователя как со стороны формы (т. е. лексемы), так и со стороны содержания. Нужен внешний стимул, чтобы возникла нужда в справке.

Кроме того, в словнике немалое число слов, если и знакомых пользователю-неспециалисту, то лишь в ка-

честве индикаторов определенных сфер жизни, науки, но не более того. Например, *кагулятор* — какое-то химическое вещество, но как оно выглядит? каковы его свойства? где применяется? *Каджары* — вероятно, название народности, но ближе о ней ничего неизвестно. *Кабуки* — кажется, японский театр, но какого рода? оперный? драматический? пантомима?

Пусть такая лексика, которую носитель языка знает со стороны формы (т. е. лексема ему известна) и о значении которой он смутно догадывается, называется «малоизвестной».

Наконец, сопоставление дает возможность увидеть наличие в словнике универсальной энциклопедии некоторого числа общезыковых слов, в том числе и из активного словарного запаса носителя языка (например, *кабак, кабала, кабан, кабарга, кабачки, кабель* и др.). Некоторые словосочетания, выступающие в энциклопедии в виде заголовочных единиц словника, вполне понятны на основе знакомых компонентов (*кабельная канализация, кабельное судно*), равно как удаётся без труда догадаться о значении сложного слова на той же основе (*кабелеискатель, кабелеукладчик*). Конечно, содержание словарной статьи в каждом случае далеко выходит за пределы обыденного знания, и пользователь обращается к энциклопедии, чтобы проверить, подтвердить, а главное, расширить и углубить наличествующие у него начальные и приблизительные сведения. Содержание словарной статьи — вопрос другой, а сейчас нам важно указать, что в энциклопедическом словнике представлена обиходная, всем известная и достаточно понятная группа слов. Пусть подобная лексика называется «известной».

Таким образом, в энциклопедиях отражается «неизвестная», «малоизвестная» и «известная» лексика. Кавычки подчеркивают условный характер наших обозначений.

Имеется ли «неизвестная» лексика также и в филологических словарях? Несомненно. Она наличествует и в нашем сопоставлении. Например, что такое *кабестан*? или что такое *кавасаки*? или *кавитация*? Представлена ли в филологическом словаре лексика, известная только своей родовой принадлежностью? Да, «малоизвестная» лексика в словнике есть: *каботаж* — это нечто, связанное

с морскими перевозками; *каббала* — какой-то вид мистики; *каданс* — музыкальный термин и т. д. Естественно, и «неизвестная», и «малоизвестная» лексика описываются в филологическом словаре иначе, чем в энциклопедическом (хотя, как мы отмечали, возможны и дословные совпадения, см. ч. 2, гл. 2), однако фактом остается само присутствие этих двух групп единиц в филологическом словаре. Что же касается «известной» лексики, то ее-то, разумеется, в филологическом словаре больше всего.

Таким образом, мы убедились в однородности словарей энциклопедического и филологического словарей с точки зрения представленности в них единиц различных степеней известности; в них одинаковым образом содержится «неизвестная», «малоизвестная» и «известная» лексика. Тем не менее различия между словариками видны с первого взгляда.

Можно думать, что эти различия определяются не составом единиц, а мерой представленности каждой из трех групп лексики в том или ином словнике. Пропорции соотношения групп в словариках ответственны за их своеобразие и отвечают за качественное отличие филологического словарика от энциклопедического.

В самом деле, справедливость сказанного видна из следующих расчетов.

Отправной точкой служит словарь, выписанный из БСЭ; в нем 150 заголовочных единиц. Из БАС (по причинам, которые станут ясны позднее) было выписано заголовочных единиц больше. Отсчитаем в филологическом словнике также 150 заголовочных единиц, начиная с *ка*. Последним по счету словом оказалось *кадрильный*. Какова же область пересечения двух словариков равного (по числу заголовочных единиц) объема, т. е. сколько совпадающих единиц вошло как в первый словарь, так и во второй? Эти слова мы заранее выделили курсивом. Всего область пересечения словариков составила 30 единиц.

Казалось бы, словники двух лексикографических произведений совпадают между собой в $\frac{1}{5}$ части. Между тем корректность подобного подсчета вызывает немалые сомнения: 150 заголовочных слов энциклопедии охватывают лексику в промежутке *каа* — *каз*, а 150 единиц филологического словарика — лишь в промежутке *ка* —

кад. Филологические словари приводят значительное число дериватов от одного и того же корня (*каверза*: *каверзить*, *каверзник*, *каверзница*, *каверзничать*, *каверзность*, *каверзный*), поэтому корнеслов (т. е. единицы от разных корней) в БАС по сравнению с БСЭ возрастает медленно. Естественно, что однокоренные слова, как правило, не различаются по статусу известности/малоизвестности/неизвестности.

Следовательно, для того чтобы установить количественное соотношение лексики в обоих словарях на основании именно этого признака, все производные одного корня считать и учитывать в количественных выкладках было бы некорректно. Поэтому на втором этапе наших расчетов мы принимаем во внимание лишь исходное слово, а дериваты не учитываем.

С другой стороны, и в энциклопедическом словнике также встречаются дериваты (*кадмий*: *кадмирование*), хотя и несравненно реже; не увеличивают корнеслова главным образом составные номинативные наименования (например, *кабель*: *кабель связи*, *кабель-заправочная башня*, *кабельная канализация*, *кабельная муфта* и т. д.). Для соблюдения гомогенности подсчетов эти составные наименования в энциклопедических словарях, на тех же основаниях, что и дериваты, должны остаться в стороне. (В БАС составные наименования в виде заголовочных слов не встречаются, хотя они широко представлены в самих словарных статьях.)

Ниже излагаются новые расчеты. На этот раз мы исходили из филологического словаря. Взяли объем слов в пределах возрастания литер *к* — *кае*, т. е. начиная с *ка* и кончая *каемочный*. Всего заголовочных единиц оказалось 164, а корней (разных) — 53. Исследовали также объем энциклопедического словаря в границах тех же литер, т. е. начиная с *каама* и кончая *кадык*. Установлено: заголовочных слов — 82, корней — 47. В данном случае число заголовочных слов филологического словаря ровно в два раза превысило словарь энциклопедии (164 и 82), но разница между количеством корней совсем не столь разительная (53 и 47).

Сколько же совпадающих единиц в пределах корнесловов, отражающих одинаковый алфавитный рост словариков? Подсчитали единицы, выделенные курсивом: область пересечения составила 36 корней. Для энцикло-

педии это больше 2/3 от всего корнеслова, а для филологического словаря — несколько меньше 2/3!

Полученный результат качественно иной по сравнению с предыдущим: если раньше мы могли думать, что область совпадения словников двух книг сравнительно невелика, то сейчас выявилась как раз обширность этой области.

Ниже для наглядности представлены результаты сличения двух словников на уровне корней.

СЛОВНИК-КОРНЕСЛОВ, ОБЩИЙ ДЛЯ БСЭ и БАС
(36 единиц)

кабак, кабала, кабальеро, кабан, кабарга, кабаре, кабачки, каббала, кабель, кабельтов, кабестан, кабилы, кабинет, каблук, каботаж, кабириолет, кавалер, кавалергард, кавалерия, кавасаки, каватина, каверна, кавитация, кавказский, кавычки, каган, кагатный, кагор, каданс, кадастр, каденция, кадет, кади, кадмий, кадр, кадкы

СЛОВНИК-КОРНЕСЛОВ, ПРЕДСТАВЛЕННЫЙ
ТОЛЬКО В БСЭ (11 единиц)

каама, каатинга, каберне, кабиры, кабомба, кабуки, кавал, кави, кагу, кагулятор, каджары

СЛОВНИК-КОРНЕСЛОВ, ПРЕДСТАВЛЕННЫЙ
ТОЛЬКО В БАС (17 единиц)

ка, кабардинец, каботин, кабошон, кабул, кабы, кавардак, каверза, кавун, кагал, каганец, кагуар, кадило, кадка, кадриль, кадь, каемка

Избирательные словники довольно показательны. В корнеслов энциклопедии попала исключительно «неизвестная» или «малоизвестная» лексика. Вся «известная» лексика энциклопедии вошла в корнеслов, общий с филологическим словарем. Напротив, в корнеслове БАС довольно много «известной» лексики: *кабардинец, кавардак, каверза, каганец, кадило, кадка, кадриль, каемка*. В этом же корнеслове наличествуют территориальные, стилистические дублеты (синонимы) к нейтральной «известной» лексике, а также архаизмы: *кавун, кадь*.

Неожиданно обнаружилось, что филологический словник с точки зрения представленности «неизвестной» лексики даже «энциклопедичнее» словника БСЭ (ср. термины *каботин, кабошон*, а также такую редкую лексику, как *кабул, кагуар*). Перечисленным единицам место скорее в словнике БСЭ. Тем не менее в общем и целом можно сделать вывод: избирательный словник энциклопедии преимущественно состоит из «неизвест-

ной» лексики, а избирательный словник филологического словаря — преимущественно из «известной».

Что же касается общего для наших обоих источников корнеслова, то он преимущественно складывается из «малоизвестной» и «известной» лексики: всем хорошо известны такие слова, как *кабак* и *кабачки*, *кавычки* и *кадр*; в меньшей мере, но все же знакомы (в том числе известна и приблизительная семантика) *кавалергард* и *каданс*, *каган* и *кадастр*. Здесь есть и «неизвестная» лексика (*кабестан*, *кагатный*, *кавасаки*), однако, по сравнению с другими группами, в явном меньшинстве.

Следовательно, своеобразие двух словников вызвано не составом единиц (все три группы анализируемой лексики одинаково представлены в них обоих), а пропорцией соотношения групп в том и другом словнике: $2/3$ заголовочных слов совпадают, а $1/3$ словника энциклопедии состоит из «неизвестной» лексики, в то время как $1/3$ филологического словника складывается из «малоизвестной» и «известной» лексики.

Таким образом, расчеты на уровне корнесловов позволили значительно уточнить первоначальный вывод относительно мощности области пересечения словников двух лексикографических произведений: они совпадают не в $1/5$, а в $2/3$. Своеобразие словников обусловлено несовпадающими третями словников.

Конечно, выводы, к которым мы пришли, еще нуждаются в дальнейшей количественной проверке, чтобы их можно было экстраполировать на весь словник энциклопедии или на весь словник филологического словаря: обследованный нами материал слишком мал. Тем не менее, думается, уточнения, если они будут, затронут не общее заключение о наличии значительной совпадающей части и о качественном своеобразии избирательных частей, а лишь исправят пропорции¹².

Как выглядит словник ЛС-словаря в свете изложенного? Является он энциклопедическим или филологическим? Для ответа на вопрос, как и раньше, лучше всего прямо исследовать материал. Ниже печатаются в алфавитном порядке словник ЛС-словаря «Искусство и культура в СССР» (сост. Т. Н. Чернявская), подготовленно-

¹² Напоминаем, что речь идет об универсальной энциклопедии, которая предназначена для широчайших кругов читателей. Отраслевые энциклопедии адресуются специалистам.

го в секторе лингвострановедения Института русского языка им. Пушкина, и словник массовой энциклопедии «Художественная культура. Понятия. Термины» (сост. Л. Н. Дорогова. М., 1978). Они в количественном отношении сопоставимы, хотя и не совпадают полностью.

СЛОВНИК ЛС-СЛОВАРЯ

абонемент (театральный, концертный), агитбригада, академический (театр/оркестр/хор), Академия художеств СССР, ансамбль песни и пляски, Ансамбль песни и пляски Советской Армии, балаган, бала-лайка, барыня, баян, «Березка», библиотека, Библиотека иностранной литературы, библиотека-передвижка, библиотекарь, билет, Большой театр, ванька-встанька, ВГИК, вологодское кружево, вприсядку, ВТО, выездной спектакль, гармонь, ГИТИС, главный режиссер, Госкино СССР, Госконцерт СССР, Государственная Библиотека им. В. И. Ленина, Государственная Публичная библиотека им. М. Е. Салтыкова-Щедрина, Государственный ансамбль народного танца СССР, гусли, Детский театр, директор картины, Дом/Дворец культуры, дом-музей, Дом народного творчества, домра, дублирование, дымковская игрушка, жалейка, «живая газета», заслуженный (артист, архитектор, деятель искусств, работник культуры), Зеленый театр, идейность, изба-читальня, Институт искусств, Институт культуры, кадриль, казачок, камаринская, капуста, киножурнал, кино клуб, кинопередвижка, кинопрокат, киносеть, кинотеатр, киностудия, клуб, клуб по интересам, консерватория, концерт, концертный зал, краеведческий музей, красный уголок, Кремлевский Дворец съездов, крепостной театр, кружок, культпоход, культурно-просветительная работа, культурно-просветительное учреждение, Ленинградский театр драмы им. А. С. Пушкина, Ленинградский театр оперы и балета им. С. М. Кирова, «Ленфильм», ложки, лубок, любительское кино, Малый театр, марксистско-ленинская теория культуры, массовая песня, масовик-затейник, матрешка, «Мелодия», межбиблиотечный абонемент, мемориальный музей, Министерство культуры, «Мосфильм», Мстера, музей, музей-заповедник, Музей изобразительных искусств им. А. С. Пушкина, музей-квартира, Музей революции, музей-усадебка, музыкальное образование, МХАТ, народный (артист, архитектор, художник), народность искусства, народный театр, народный музей, народный университет, народный художественный промысел, общественный просмотр, «Окна РОСТА», оркестр народных инструментов, Оркестр народных инструментов им. В. В. Андреева, Оружейная палата, открытый доступ, Палех, парк культуры и отдыха, партийность искусства, передвижник, переляс, Петрушка, Политехнический музей, почетное звание, Праздник песни, Праздник поэзии, преемственность искусства, программа (театральная, концертная, цирковая), путеводитель, раек, рожок, русская (пляска), Русский музей, Русский народный оркестр им. Н. П. Осипова, Русский народный хор им. М. Е. Пятницкого, самодеятельность, свирель, сеанс, «Синяя блуза», скоморох, смотр-конкурс, социалистический реализм, Союз архитекторов СССР, Союз кинематографистов СССР, Союз композиторов СССР, Союз художников СССР, «Союзмультифильм», страдание, структура художественной культуры, сценарист, творческий вечер, творческий союз, творческое объединение, театр,

театр-студия, Театр юного зрителя, театральное образование, трепак, Третьяковская галерея, университет культуры, устный журнал, утренник, учебный театр, Федоскино, фестиваль искусств, филармония, филиал театра, Холуй, хоровод, художественная выставка, художественное образование, художественный руководитель, художественный салон, художественный совет, Художественный фонд СССР, «Центральная киностудия детских и юношеских фильмов им. М. Горького», Центральный Музей В. И. Ленина, «Центрнаучфильм», цирк, частушка, читальный зал, читательская конференция, читательский билет, экскурсия, Эрмитаж.

СЛОВНИК ТЕМАТИЧЕСКОЙ ЭНЦИКЛОПЕДИИ

археологическое изучение художественной культуры, архитектура, библиотeki, вкус эстетический, воспитание художественное, воспитание эстетическое, выразительность, декоративно-прикладное искусство, идеал эстетический, идейность, изобразительное искусство, изобразительность искусства, искусствоведение (искусствознание), кино, киноискусство, критерии оценки (произведений художественной культуры), культурно-просветительные учреждения и общества, литература, марксистско-ленинская теория культуры, марксистско-ленинская эстетика, «массовая» и элитарная культура, метод художественного творчества, модернизм, музыка, народность искусства, новаторство, образ художественный, освоение художественной культуры, основа художественной культуры — всеобщая грамотность, памятники старины, музеи, выставки, партийность, печать и книгоиздательское дело, потребность эстетическая, преемственность, прогресс художественный, психология художественного творчества, революция культурная, содержание художественных явлений, сознание эстетическое, социалистический реализм, Союз архитекторов СССР, Союз журналистов СССР, Союз кинематографистов СССР, Союз композиторов СССР, Союз художников СССР, стиль художественный, структура художественной культуры, творческие союзы, театр, театральные общества, телевидение, техничская эстетика, традиции, форма художественных явлений, художественная культура, художественное конструирование (дизайн), цирк, чувство эстетическое, этапы становления художественной культуры развитого социализма, этнографическое изучение народного искусства.

Сопоставление показывает, что словники имеют область пересечения (*библиотека, идейность, народность, преемственность, социалистический реализм, Союз архитекторов СССР* и т. д.), но в их отборе реализованы совсем разные целеустановки. Цель массовой тематической энциклопедии, как сказано в предисловии, состоит в попытке «осветить максимально полно те реальные общественные процессы и явления, которые могут быть отнесены к художественной культуре общества» (с. 4), причем это освещение стоит на прочной научной основе, представляет собой даже исследование с привлечением

«специалистов различных областей (искусствоведов, этнографов, экономистов, археологов, психологов и т. д.)» (с. 5). Словарника-филолога в перечне нет.

Цель ЛС-словаря «Искусство и культура в СССР», как сказано в аннотации, — «описать объем общих представлений современного советского человека по теме, чтобы «помочь иностранцам познакомиться с искусством и культурой в СССР через посредство изучаемого русского языка». Словарь составлялся словарником-филологом (с привлечением специалистов по общественным наукам).

В связи с разными целеустановками словники оказались обладающими мощными избирательными разделами. Энциклопедический словник содержит преимущественно обществоведческие термины (пусть составленные из обиходных слов), а ЛС-словарь — преимущественно лексику, отражающую явления окружающей повседневной жизни. Конечно, и в нем есть лексика, тяготеющая к терминологической, особенно если иметь в виду составные номинативные группы (*культурно-просветительная работа, музыкальное образование, преемственность искусства* и т. д.), однако большинство единиц словника — это обычные, повседневные слова и обычные, ничем не отличные от прочих, устойчивые словосочетания.

Если наличие даже обширной части в словнике, совпадающей со словником энциклопедии, не препятствует принадлежности словаря к филологическому семейству, то в равной степени область пересечения лингвостраповедческого словника с тематической энциклопедией отнюдь не меняет его филологической природы.

В этой главе наше внимание было преимущественно направлено на проблематику словника. Что же касается содержания словарных статей, то нами (см. ч. 2, гл. 1) уже было предпринято сопоставление аналогичных статей лингвострановедческого и энциклопедического словарей, наглядно показавшее филологический характер первых. Там же мы подчеркивали, что задача ЛС-словаря — моделирование обиходных, фоновых знаний с необходимыми уточнениями материала, причем речь идет о точно таких же уточнениях, которые в ответственных случаях наличествуют в филологических словарях (толкового типа и особенно в словарях иностранных слов).

В заключение мы хотели бы обобщить все сказанное выше с помощью схем. Сокращения означают: ЭС — энциклопедический словарь (универсальный); ТС — филологический толковый словарь; ЛС — лингвострановедческий словарь. Знаком + обозначается типичность определенного явления для данного словаря, (+) — нетипичность определенного явления. Знак — проставляется при отсутствии какого-либо фактора.

СЛОВНИК. ИНФОРМАЦИЯ ПРИ ЗАГоловочном СЛОВЕ

1. *Наличие/отсутствие, типичность/нетипичность деривационного гнезда (табл. 1).*

Таблица 1

Лексическая деривация	ЭС	ТС	ЛС
Одно исходное слово	+	—	+
Словообразовательное гнездо	—	+	—

Если деривация закономерна, т. е. если «все слова-дериваты, полученные от одного корня, служат для конкретизации его экспликативной функции» (Колесник, 1973, с. 95; см. также: Тихонов, 1971), то такое гнездо для лингвострановедения неинтересно, потому что возле дериватов будет помещена обычная отсылка к семантике исходного слова. Однако при наличии идиоматики в конкретном словопроизводстве (ср. *капуста — капустник, круг — кружок, передвигать — передвижник* и т. д.) в словник включается не исходное, а семантически модифицированное производное слово.

2. *Составные наименования в качестве заголовочных единиц (табл. 2).*

Составные наименования не остаются за бортом толковых словарей, однако они, как правило, приводятся не в заголовочной, а в семантизирующей части словарной статьи. Например, в заголовке статьи стоит одно лишь слово *заслуженный*, но в семантизирующей структуре (после толкования, в виде иллюстраций) имеются и за-

Таблица 2

Заголовочная единица	ЭС	ТС	ЛС
Из одного слова	+	+	+
Из словосочетания	+	—	+

служенный артист, и заслуженный деятель науки, и заслуженный врач. В ЛС-словаре подобные именованья могут стать заголовочными словами (ср. *ансамбль песни и пляски, выездной спектакль, институт культуры* и т. д.), потому что для определенной темы опорное слово может не иметь значения, а словосочетание оказывается тематическим.

3. Общая и терминологическая лексика (табл. 3).

Таблица 3

Лексические единицы	ЭС	ТС	ЛС
Слова	(+)	+	+
Термины	+	(+)	(+)

В ряде случаев слова и термины разграничиваются с трудом, особенно если говорить об общественно-политической, обществоведческой терминологии. Стало общим местом указывать на «общеизвестность значительной части общественно-политических терминов и, в связи с этим, трудность разграничения в них собственно терминологического и общераспространенного» (Хаятин, 1970, с. 8). В лингвострановедческом словнике особенно велика доля таких терминоподобных слов.

4. Грамматическая характеристика и сопутствующие языковые сведения (табл. 4).

В ЛС-словаре применяются обычные филологические пометы и пояснения, причем даже в расширенном объеме, так как словарь адресуется иностранцам.

Таблица 4

	ЭС	ТС	ЛС
Наличие грамматической характеристики	—	+	+

5. Охват лексики с точки зрения ее известности (табл. 5).

Таблица 5

Лексика	ЭС	ТС	ЛС
«Неизвестная»	+	(+)	—
«Малоизвестная»	+	+	(+)
«Известная»	(+)	+	+

Лексика, отраженная в тематических выпусках ЛС-словарей, не выходит за пределы лексических минимумов для продвинутого этапа обучения и безусловно входит в границы 5 тыс. единиц.

СЕМАНТИЗИРУЮЩАЯ ЧАСТЬ СЛОВАРНОЙ СТАТЬИ

6. Принадлежность моделируемых знаний (табл. 6).

Таблица 6

Уровень	ЭС	ТС	ЛС
Научно-теоретический	+	(+)	(+)
Обиходно-фоновый	—	+	+

Мнение, что толковые словари, вопреки высказываниям ряда ученых, суть инвентари знаний, а не «мира

слов», утверждается все прочнее. Признается и то, что отражаемые толковыми словарями знания имеют общеходный, массовый характер: «В словаре дается лишь то, что принято данным обществом как итог познания предмета, явления. Иначе говоря, семантическая информация в толкованиях в общих словарях социально обусловлена, она непосредственно отражает достигнутый данным обществом уровень познания, уровень развития науки и техники, господствующее мировоззрение» (Арбатский, 1977, с. 10). С другой стороны, все исследователи энциклопедий (как отраслевых, так и универсальных) единодушно указывают, что, даже если в словник вошло слово, обозначающее простейшее и всем известное явление, все же в семантизации пользователь почерпнет нечто новое и ему будет сообщена научная точка зрения на вопрос (Мельчарек, 1972).

7. Целенаправленность семантизации (табл. 7).

Таблица 7

Целеустановка	ЭС	ТС	ЛС
Сообщение новых знаний	+	(f)	+
Регистрация и систематизация семантики	—	+	+

Целеустановка на передачу новых знаний, как следует из схемы, одинаково присуща энциклопедическому и лингвострановедческому словарям, однако все же между ними большое различие: первый адресован соотечественникам, а второй иностранцам. Поэтому ЛС-словарь находится как бы на половине пути от толкового к энциклопедическому: он регистрирует и систематизирует фоновые знания, если иметь в виду соотечественников, и он сообщает новые сведения, если пользователем оказывается иностранец.

Таким образом, последовательное сличение лингвострановедческих словарей с энциклопедическими и толковыми приводит к выводу, что перед нами новый вид работы в границах филологической лексикографии.

ПРИНЦИПЫ ЛИНГВОСТРАНОВЕДЧЕСКОЙ ЛЕКСИКОГРАФИИ

Среди обсуждаемых в данной главе одни принципы уже практически претворены или претворяются в жизнь (таковы реализуемые принципы), а другие только разрабатываются, анализируются и пока предлагаются вниманию читателя в экспериментальном порядке (таковы экспериментальные принципы).

Думаем, что, будучи взятыми в совокупности, как цельная процедура составления словарей, все эти принципы действительно конституируют отдельный и самостоятельный жанр изданий в филологической лексикографии.

РЕАЛИЗУЕМЫЕ ЛЕКСИКОГРАФИЧЕСКИЕ ПРИНЦИПЫ

1. Лексический фон как объект семантизации.

Это один из важных и ведущих принципов лингвострановедческой лексикографии. Именно семантизация лексического фона (см. ч. 2, гл. 1) составляет и исчерпывает всю специфику ЛС-словарей, решающим образом сказывается на отборе заголовочных единиц в словник и дает четкие критерии для включения (или невключения) определенных сведений в словарные статьи.

Этот принцип реализуется прежде всего в лексикографическом приеме *изъяснения*, который представляет собой филологическое моделирование обиходных, быденных знаний, стоящих за словом, а также их единообразное изложение в словарной статье.

Поскольку вся наша книга посвящена лексическому фону и его семантизации, здесь, поставив ведущий принцип на должное место, ограничимся сказанным.

2. Ориентация на актуальное языковое сознание.

Ранее (см. ч. 1, гл. 2) мы исследовали жанр словарных изданий филологической природы, наиболее тесно приближающийся к ЛС-словарям. С течением времени лексические фоны меняются значительно скорее лексических понятий, поэтому и для носителей языка возникает потребность в словарях, семантизирующих эту динамику

фонов. В нашей стране для удовлетворения этой потребности сложилось семейство словарей-комментариев к произведениям авторов, творивших в предшествующие эпохи. В этих словарях изъясняются не современные лексические фоны, а только и исключительно прошлого. ЛС-словарь отличается от словаря-комментария своей принципиальной установкой не на ушедшее, сменившееся, а на актуальное языковое сознание. Насколько мы знаем, в отечественной лексикографии до самого последнего времени не встречалось словарей, которые семантизировали бы для современного читателя современные лексические фоны.

Эта ориентация на современность реализуется как в отборе словника (в нем преимущественное место занимают советизмы и слова — наименования нового быта), так и в процедуре написания словарных статей. Припоминание, извлечение стоящих за словом сведений сначала как бы из индивидуального языкового сознания составителя, а потом проверка их по другим современным источникам — именно так в типичных случаях возникают словарные статьи, а отнюдь не в результате архивных разысканий или наведения историко-культурных справок. Да и в объеме словарной статьи современность занимает преимущественное место (при этом, конечно, свою роль играет характер семантизируемой единицы). Тем не менее, как станет ясно из следующего ниже принципа, без исторических сведений обходиться невозможно и не нужно. (Предпринятые нами подсчеты соотношения современных и историко-культурных материалов в ЛС-словарях «Народное образование» и «Искусство и культура» — при всей условности их разделения и, следовательно, уязвимости количественных выкладок — показали, что исторические сведения занимают в общем объеме не больше 7—10%.)

3. Актуальный историзм как черта лингвострановедческой семантизации.

Историко-преемственный характер языковой семантики нет нужды доказывать; что касается лексического фона, то его динамике мы посвятили целую главу (см. ч. 1, гл. 8). Сейчас в дополнение к сказанному там подчеркнем две мысли.

Во-первых, историзм ЛС-словаря резко отличается от известного в исторической лексикологии типа исследований, которые называются «жизнью слов» (*vie des mots*,

life of words, *Leben der Wörter*)¹. В ЛС-словаре история вещи или явления присутствует ровно настолько, насколько она наличествует в памяти, в общественном сознании наших современников, и за указанные пределы, как правило, не выходит. Например, в статье УЧИТЕЛЬ словаря «Народное образование в СССР» говорится, среди прочего, об учителях земских школ или называется имя Ушинского: все эти сведения, безусловно, входят в активный багаж знаний советских людей.

Кроме того, в отличие от школ «жизни слов» или «слов и вещей» в ЛС-словаре неукоснительно используется прием «обращенной пирамиды». Он заключается в следующем: чем ближе к нам по времени определенный исторический период, тем больше ему уделяется в статье внимания и места; напротив, чем хронологически старше эпоха, тем она меньше представлена. Так, в частности, наиболее подробно излагается история советского времени. Прием «обращенной пирамиды» вытекает из принципиальной установки на моделирование современного естественного языкового сознания. Например, в той же статье УЧИТЕЛЬ история советского учительства изложена значительно подробнее истории дореволюционного. Таким образом, историзм ЛС-словаря — особого рода, и, чтобы отличить его от «обычного», в дальнейшем говорим об актуальном историзме.

Во-вторых, актуально-исторический подход к изъяснению фоновой семантики имеет немалое воспитательное значение. По словам Д. Дидро, «одно лишь сравнение словарей языка в разные эпохи дает возможность представить характер прогресса народа», так что если мы хотим представить культуру не объективистски, не просто как данное, а в ее достижениях и вершинах, то мы непременно должны приводить исторический фон, отправную точку движения. «В сравнении познается истина», и это особенно справедливо, если в истории общества имели место коренные социальные перемены.

¹ В этом направлении история семантики определенных (обычно ключевых для какой-либо эпохи) слов прослеживается как самоцель, вне увязки с современностью, и обычно даже не доводится до наших дней. Еще Л. В. Шерба говорил, что детальный анализ жизни одного-единственного слова выливается в обширную монографию. Ср. монографические исследования: Рудскогер, 1970; Такер, 1972; на русском материале: Роте, 1978; Кайль, 1978. Аналогичный характер имеет историзм школы «слов и вещей» (Г. Шухардт). См. подробнее: Будагов, 1971. Интересное продолжение обеих традиций, но с доведением анализа до современности, на русском материале см.: Степанов Ю. С., 1972.

С другой же стороны, в воспитательном плане важна также демонстрация длительности культурной традиции, так как всегда более обширной и развитой оказывается та культура, которая может оглянуться на многовековой пройденный путь. «Тысячелетние корни русской культуры»² несомненны, и гуманистические начала отечественного фольклора, красота архитектурных памятников или музыкальных форм, несмотря на продолжительнейший период бытования, ничуть не устарели. Пусть же иностранный читатель словаря узнаёт, что он знакомится с одной из самых молодых и динамичных и одновременно с одной из наиболее развитых и глубоких культур.

4. Опора на зрительную наглядность.

Этот принцип реализуется в методическом приеме дополнительности зрительного и вербального рядов (см. ч. 1, гл. 11).

Известный русский языковед А. И. Томсон (1910, с. 285) в свое время справедливо писал: «Разве слова *деревня*, *Dorf*, *village* и пр. возбуждают одинаковые представления у того, кто вполне владеет этими языками? Правда, например, русские, говорящие по-французски и не знакомые с французской *деревней*, поневоле представляют себе при чтении слова *village* русскую *деревню*. Но это не есть настоящее значение этого слова, а лишь подставное, извращенное. Отсюда видно, что для идеального знания иностранного языка или родного языка более древней эпохи необходимо по возможности непосредственное знакомство с так называемыми реалиями. Чтобы французское слово *village* или древнегреческое слово *ши́т* возбуждали настоящие значения их, нужно видеть эти предметы или по крайней мере знать о них по описаниям и рисункам. Только такое знание языка можно назвать полным. Очевидно, что при школьном или домашнем изучении иностранного языка учащиеся усваивают себе обыкновенно звуковую сторону иностранного языка с подставными значениями родного языка, так что у них этот язык искажается в значениях, хотя с звуковой стороны он может быть вполне безупречным».

Именно поэтому зрительная наглядность ни в коем случае не может быть опущена в словаре, основной целью которого является показ культуры.

² Так удачно названа книга, посвященная «отцу городов русских» — Новгороду. См.: Тысячелетние корни русской культуры. Новгород, 1972.

5. Демонстрация парадигматической и синтагматической сочетаемости заголовочного слова (см. ч. 2, гл. 1).

ЛС-словарь складывается из информации, которая в виде заготовок наличествует, с одной стороны, в идеографических, а с другой — в словарях словосочетаемости. Р. Халлиг и В. Вартбург (1952, с. 14) подчеркивали, что в идеографическом словаре следует отражать «то представление о мире, которое характерно для среднего интеллигентного носителя языка и основано на донаучных общих понятиях, предоставляемых в его распоряжение языком», однако идеографический словарь имеет смысл лишь для того, кто и без этого «владеет миром» (Брутян, 1973): ведь он не сообщает знаний, а лишь приводит выражения, в которых они зафиксированы. ЛС-словарь, напротив, не только указывает формы выражения, но и семантизирует их.

Идеографическая информация обычно имеет номинативный, назывной характер, она охватывает такие понятия, как «ассоциация», «лексическое поле», «родо-видовое соподчинение лексики»; технически эта информация выделена в тексте словарной статьи полужирным шрифтом (см. статью КОНЦЕРТ, приведенную нами в ч. 2, гл. 1). Что касается синтагматической сочетаемости, то она включает в себя понятия лексических солидарностей³, коллокации⁴, всех несвободных связей заголовочного слова (неноминативного характера) — как атрибутивных, так и глагольных; лексикографически синтагматическая сочетаемость выделена курсивом (см. ту же статью КОНЦЕРТ).

Таким образом, ЛС-словарь не просто обучает современной советской культуре: он обучает также языку, тем способам выражения фонового содержания, которые типичны для современного русского языка.

Для того чтобы парадигматическая и синтагматическая сочетаемость заголовочных слов наглядно и в одном месте предстала перед пользователем, к ЛС-словарям непременно прибавляется соответствующий указатель сло-

³ Э. Косериу (1969, с. 97) называет лексическими солидарностями такие предполагающие друг друга пары слов, как *лошадь — гнедая* или *лошадь — ржать*, т. е. лексическая солидарность — это «ориентированное отношение».

⁴ Дж. Ферс (1957) коллокацией называет то значение по сочетаемости, которое не имеет непосредственного отношения к понятийной семантике слова (например, по его терминологии, одно из значений слова *ночь* — его сочетаемость со словом *темная*, а в значении слова *темный* входит *ночь*). Иными словами, Ферс говорит о семантике, которую мы назвали фоновой.

восочетаемости. Так, в указателе словаря «Народное образование» дается следующая сочетаемость слова КЛАСС (отдельно для каждого из трех значений слова: 1. годовая ступень обучения в школе; 2. постоянный коллектив школьников одного и того же года обучения, объединенный для совместных занятий; 3. одно из учебных помещений в школе, в котором проходят уроки):

класс: 1. выпускной ~, подготовительный ~, младшие ~ы, начальные ~ы, средние ~ы, старшие ~ы, выпускник восьмого ~а, выпускник десятого ~а, завуч младших, старших ~ов, отличник какого-либо ~а, учащиеся каких-либо ~ов, ученики каких-либо ~ов, учитель начальных ~ов, школьники каких-либо ~ов, поступление в первый ~; окончить восемь ~ов, окончить десять ~ов, записать в подготовительный ~, перевести в следующий ~, перевести из ~а в —, учиться в каком-либо —е; 2. параллельные ~ы, сменные ~ы, первый, второй... ~ «А», «Б»...; актив ~а, староста ~а, родительский комитет ~а; 3. дежурить по ~у, заниматься в ~е.

После каждого словосочетания указываются страницы, на которых оно семантизировано (или употреблено) в основном корпусе словаря.

Составители ЛС-словарей главное внимание (в процессе написания статей) обращали на содержание, на отбор и эффективную презентацию материала, и в конце подобной работы обнаружили, что словари хорошо отражают сочетаемость заголовочных единиц. Можно утверждать, что ЛС-словарь, посвященный какой-либо теме, отражает иногда лексическую сочетаемость полнее, чем специальный словарь сочетаемости. Ср. сочетаемость того же слова *класс*, содержащуюся в подобном специализированном словаре (Словосочетания русского языка, 1979):

класс: младшие классы, просторный класс, светлый класс, старшие классы, ученик первого (второго...) класса, выгонять/выгнать кого-л. из класса, переводить/перевести кого-л. в следующий класс, переходить/перейти в следующий класс, учиться в первом (последнем...) классе.

Таким образом, можно вывести одно из важных правил написания лингвострановедческих словарных статей, — оно, правда, действует, если составитель действительно отражает массовое обыденное (языковое) сознание и не уклоняется в излишний энциклопедизм: позаботьтесь о содержании словарной статьи, а узуальная языковая форма обнаружится в ней сама собой.

б. Соблюдение филологической меры глубины содержания.

Поскольку целью ЛС-словаря является моделирование только и исключительно массового обыденного сознания⁵, глубина содержания статей является не энциклопедической, а филологической (см. об этом ч. 2, гл. 3).

Насколько толкование лексического понятия отличается от определения научного понятия (с точки зрения точности, полноты, непротиворечивости формулировок), настолько же лингвострановедческое изъяснение отличается от энциклопедического описания. Если читатель пожелает познакомиться, предположим, с педагогическими терминами или с терминологией клубного дела, библиотечной работы и т. д. (именно с научно-техническими терминами, а не с языковой тематической лексикой), то ему следует обращаться к терминологическим (энциклопедическим), а не языковым словарям.

Тем не менее хотя для филологического словаря характерна своя мера глубины и раскрытие темы каждой словарной статьи следует оценивать исходя из массового языкового сознания, составителям все же следует так готовить статьи, чтобы они вызвали удовлетворение и у специалиста. В этом отношении материалы словаря могут быть близки жанру массовых энциклопедий, но лишь тогда, когда формулируются руководящие принципы организации какой-либо сферы жизни или когда особенно важно воспроизвести установочное положение⁶.

Эта последняя мысль в одном из своих планов развивается ниже; на ней основан следующий, седьмой, принцип лингвострановедческой лексикографии.

Если же принять во внимание предыдущий, пятый, лексикографический принцип (демонстрация сочетаемости заголовочного слова), то именно он может быть важ-

⁵ При этом допускаются уточнения и научные справки (особенно в семантизации общественно-значимых и других ответственных слов), обычные в практике филологической словарной работы.

⁶ Мера глубины тесно связана с общей целью ЛС-словарей. Предпринимается попытка познакомить иностранца не просто с принципами организации, скажем, народного образования, но прежде всего с реализацией этих принципов в жизни и отражением в массовом сознании, а следовательно, и в языке. Между тем практический уровень системы образования в энциклопедиях и других научных книгах, как правило, не отражается.

Таким образом, например, словарь по образованию не является ни отраслевой (педагогической) энциклопедией, ни учебником дидактики, ни нормативным справочником по школьному делу, ни сборником должностных инструкций, ни какой-либо другой книгой из числа традиционно известных. Он является именно ЛС-словарем, охватывающим соответствующую тематическую лексику.

Найшим критерием при оценке филологической глубины содержания словарных статей. Важно добиться того, чтобы словарная статья адекватно и полно отражала необходимую, обязательную (и, может быть, желательную, даже избыточную) словосочетаемость, тогда и семантизирующая часть статьи обнаружит достаточную глубину.

Таким образом, филологическая глубина — это (насколько возможно) исчерпывающее отражение языкового окружения заголовочного слова, демонстрация производности языковых форм от лексического фона, от внеязыковой действительности, но одновременно и показ лингвистического аспекта лексической сочетаемости.

7. Необходимость ориентирующей (обзорной) тематической вводки в словарь.

Нами уже была подробно обоснована целесообразность двух этапов семантизации страноведчески ценной лексики (см. ч. 1, гл. 7): на первом по времени пользователь знакомится с общими принципами образа жизни, а на втором постигает конкретные лексические фоны. Вторым этапом семантизации обеспечивается, естественно, обычными словарными статьями, а на первом цель может быть достигнута, как мы полагаем, специальным обзором общей проблематики той сферы жизни, которой тематически посвящен словарь.

Эта тематическая вводка в основной корпус словаря должна быть написана специалистом в соответствующей области (например, вступительную статью к словарю «Народное образование» подготовил вице-президент АПН СССР М. И. Кондаков). Функции ее разнообразны.

Во-первых, вводка последовательно и полно излагает самую общую организацию некоторой сферы действительности: скажем, бесплатность, обязательность среднего образования молодежи, систему учебных заведений, основы советского законодательства в области народного образования, сочетание обучения и воспитания и др. Основной корпус словаря в этом свете представляет собой конкретизацию, реализацию, практическое воплощение общих принципов, изложенных в тематической вводке. Следовательно, вступительная статья представляет собой обзор вопроса на теоретическом уровне познания.

Во-вторых, вводка дает возможность пользователю составить себе представление о тематической лексике,

что особенно необходимо иностранному читателю: чтобы навести справку, нужно предварительно знать слово, под которым она помещается. Тематическая вводка отвечает этой потребности: на каждой странице (внизу, в виде подстрочных примечаний) указываются заголовочные слова, к которым читатель должен обратиться за более подробными и конкретными сведениями. Например, в обзорной статье кратко изложена история народного образования в нашей стране, и на странице, где она помещена, даются сноски на словарные статьи ВСЕОБУЧ, ЛИКБЕЗ. Следовательно, вступительная статья — не только обзор сферы действительности, но и ориентация пользователя в малоизвестной ему или даже совсем неизвестной тематической лексике.

Основная целеустановка семейства ЛС-словарей — познакомить иностранного школьника, студента, стажера с современной советской действительностью через посредство русского языка. Поэтому задача быть средством обучения в конечном итоге диктует и определяет все без исключения принципы, реализуемые в лингвострановедческой словарной работе. Отсюда проистекает центральная роль восьмого принципа, хотя он и поставлен на последнее по счету место.

8. Обучающая направленность.

Сначала восстановим то логическое построение, которое привело к выводу о необходимости семантизировать лексику особым образом — с помощью приема лингвострановедческого изъяснения.

Поскольку в слове наличествует национально-культурный компонент семантики, его усвоение изучающим язык предполагает знакомство с прошлым и настоящим народа — носителя языка, без этого слово в сознании иностранца оказывается еще одним способом выразить родную для него культуру. Со ссылкой на Ч. Фриза исследователь проблемы Н. Г. Комлев (1966, с. 48) пишет в этой связи: «Лингвистическое значение без социально-культурного значения составляет то, что называется „чистым вербализмом“»⁷. Со времен Я. А. Коменского преподаватели всех специальностей, в том числе и русисты, ведут с вербализмом (с употреблением слов без их понимания) самую решительную борьбу.

⁷ См. также очень важную для лингвострановедения монографию того же автора (Комлев, 1969).

Американский исследователь функций культуры в преподавании иностранных языков (Силье, 1974, с. 4) приводит подтверждающий пример: «Что стоит за фразой *My little brother goes to school* (Мой младший брат ходит в школу)? *What kind of school* (В какого рода школу)? *Public* (В общественную)? *Private* (Частную)? *Coed* (Совместного обучения)? *Half-day* (Половинного дня)? *Full-day* (Полного дня)? *Does he wear uniform* (Носит ли он форму)?»

Для советского читателя даже поставленные уточняющие вопросы в свою очередь требуют уточнений: что понимается под совместным обучением — обучение мальчиков и девочек или обучение белых и черных? что за школа половинного дня? что понимать под частной школой — школу владельца или, может быть, церковную, монастырскую школу?

С другой стороны, и для американских преподавателей-русистов, стажировавшихся в СССР и познакомившихся с ЛС-словарем «Народное образование», открылся за, казалось бы, привычными и понятнейшими словами *школа, учитель, класс, студент* незнакомый и новый мир: они не знали, например, сколько лет продолжается обучение в советской начальной школе, и отвечали — пять, шесть, восемь, даже десять лет.

Таким образом, ЛС-словари создаются для преодоления вербализма, для предупреждения и устранения лингвострановедческой интерференции, для овладения парадигматической и синтагматической сочетаемостью русского слова — короче говоря, для лучшего овладения изучаемым языком, т. е. в сугубо учебных, а для будущих филологов — и в профессиональных, целях. Значение этих прагматических задач невозможно переоценить, но все же необходимость «лингвострановедизации» языкового учебного процесса, в том числе создания ЛС-словарей, обусловлена не только ими.

Не менее значимы гуманистические мотивы. Процесс обучения неотделим от воспитания, следовательно, важно не просто сообщить школьнику или студенту сумму определенных сведений из области культуры, но также способствовать становлению человека как развитой личности, свободной от нигилистического и шовинистического отношения к другим культурам, а напротив, способной к

уважению иного народа, его вклада в развитие человечества⁸.

Итак, учебность ЛС-словарей совершенно очевидна, и именно она определяет специфику этого жанра книг.

Как же практически реализуется названная учебность?

Как и любой другой, ЛС-слэварь является источником всевозможных справок. Можно получить страноведческие сведения: скажем, из статьи КРУЖОК извлекается информация и о том, что это такое, и где и кем организуются кружки, и какие виды кружков имеются, и как проходит в них работа, и т. д. Можно получить и языковые сведения: например, из той же статьи (благодаря шрифтовым выделениям) совсем нетрудно вычленишь такие словосочетания, как *драматический, любительский, музыкальный, хоровой, хореографический* кружок, *заниматься, работать, участвовать* в кружке и т. д.

Получение справок — это, так сказать, пассивное начало в словаре. Чтобы справиться о чем-то, нужно заранее знать какие-то факты; во всяком случае, слово, под которым искать справку, должно всплыть в памяти пользователя. Именно пользователь в этом случае проявляет активность.

Однако как быть, если слово или выражение является безэквивалентным, если оно не входит в базовый лексический минимум? Ведь читатель просто не подозревает о существовании такого слова или выражения и, естественно, лишен возможности обратиться к соответствующей словарной статье. Например, типичные для нашей жизни *культурпоход* или *красный уголок* во многих культурах и соответственно в ряде иностранных языков не имеют эквивалентов. Поэтому для ЛС-словарей весьма существенно направлять внимание читателя, т. е. обеспечивать активное начало в самих словарях.

Для этого используются три канала: обзорная тематическая вводка, указатель тематической словосочетаемости и отсылки, которыми завершается каждая словарная статья (например, в конце статьи АКАДЕМИЧЕСКИЙ дано: см. ЗАСЛУЖЕННЫЙ, НАРОДНЫЙ, ПОЧЕТНОЕ ЗВАНИЕ).

⁸ Гуманистическое значение изучения иностранных языков подчеркивается в международных руководящих документах. В частности, оно недвусмысленно выражено в «Заключительном акте Совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе» (Хельсинки, 1975).

Что же касается конкретных приемов использования ЛС-словарей в учебном процессе, то они зависят от особенностей аудитории, подготовки и методической позиции преподавателя. Очень большую роль словарь может сыграть при создании учебных пособий по русскому языку и культуре: словарные статьи — это как бы лингвострановедческие паспорта ключевых слов, показывающие, какую информацию и в каком количестве желательно отразить в учебном пособии. Дозировка этой информации, отбор тематической и неноминативной сочетаемости остаются за составителями пособия; в ЛС-словарях эта информация и сочетаемость приведены в максимальном объеме (так что для начального и начально-продвинутого этапов обучения и та и другая должны быть сокращены).

Остается напомнить, что восемь принципов, только что разобранных нами, относятся к числу уже реализованных в подготовленных к настоящему времени словарях («Народное образование», «Искусство и культура») и реализуемых в книгах, которые сейчас находятся на стадии составления.

Однако лингвострановедческая лексикография весьма молода, она только складывается и пока что отнюдь не связана традициями. Те принципы, к которым мы сейчас обращаемся, не противоречат названным ранее восьми установкам: они их развивают, продолжают и углубляют. Эти новые принципы еще не проверены длительной практикой, поэтому они выносятся на суд читателя лишь для дискуссии, обмена мнениями.

ЭКСПЕРИМЕНТАЛЬНЫЕ ЛЕКСИКОГРАФИЧЕСКИЕ ПРИНЦИПЫ

1. Учебная функция семантизирующих речений.

До сих пор словарная статья исчерпывалась семантизирующим текстом. Между тем эффективность семантизации можно значительно повысить, если данный текст проиллюстрировать специально подобранными предложениями. Они могут быть, вероятно, двух видов. Во-первых, выписки из художественной литературы и публицистики. Во-вторых, речевые образцы, специально конструируемые составителями словаря, чтобы «показать, что то или иное слово может функционировать в известном зна-

чении или употребляться в определенном речевом обороте» (Бабкин, 1963, с. 41). Возможность включения в словарные статьи как выписок из художественной литературы, так и речевых образцов показана выше (см. ч. 2, гл. 1), однако сейчас мы говорим о превращении отдельных и спорадических опытов в регулярно реализуемый принцип работы.

Эпиграфом словарей Ларусс избран афоризм Вольтера *Un dictionnaire sans exemples est un squelette* (Словарь без примеров — скелет). Лучше не скажешь!

Подчеркнем, что предлагаемые нами речения должны иметь не оправдательный характер, как обычно бывает в толковых словарях, а семантизирующий. Поэтому очень важно отбирать такие выписки, которые однозначно понятны, законченны по содержанию, самодостаточны и лишены внутренних трудностей. Эти требования, конечно, легче выдержать применительно к речевым образцам, которые составители создают сами.

2. Дозировка и концентризм материала.

В настоящее время словарная статья содержит максимальное количество фоновой информации и отражает всю сочетаемость, которая характерна для заголовочного слова.

Между тем ясно, что для разных этапов обучения эти словарные материалы нужно дозировать: выбрать то, что обязательно следует усвоить и что отвечает языковым возможностям учащегося (например, начального этапа); затем собрать вместе менее важные, но все же существенные сведения, которые к тому же могут быть выражены более сложным языком; наконец, указать факультативную информацию, которая рассчитана на высший этап овладения языком и которая излагается без каких-либо ограничений со стороны формы. Речь идет, таким образом, о применении принципа концентризма к словарным материалам.

Нам неизвестны попытки дозировать и концентрически располагать информацию в одной словарной книге, хотя этот принцип регулярно наблюдается в разных словарных изданиях одного и того же жанра. Так, однотомная массовая, двух- или четырехтомная настольная и, наконец, многотомная библиотечная энциклопедии могут семантизировать одно и то же слово (или один и тот же термин), но мы столкнемся с тремя уровнями глуби-

ны семантизации и с тремя взглядами на важность отобранных сведений.

Целесообразно перенести этот опыт в лингвострановедческую лексикографию: конечно, можно было бы пойти по пути создания дозированных ЛС-словарей для каждого этапа обучения, однако лучше и нагляднее дать, например, три этапа чтения словарной статьи в одной книге. Таким образом устраняются повторы, а преподаватель ясно видит, что ему не следует поддаваться искушению «в один присест» сообщить все те сведения, которые стоят за словом.

3. Использование родного языка адресата в семантизирующей части.

Как было специально показано нами, обращение к родным языкам в метаязыковой функции не приводит к отрыву сведений от русского языка, особенно если сочетаемость заголовочного русского слова также давать по-русски.

Эту возможность предвидел Л. В. Щерба, перед взором которого, кстати, предстал учебный словарь для изучающих иностранные языки как раз лингвострановедческого типа. Убедительно показав неадекватность перевода как метода семантизации иностранной лексики, Л. В. Щерба (1974, с. 301) считал, что «радикальным решением вопроса явилось бы <...> создание толковых иностранных словарей на родном языке учащихся, где, конечно, могли бы фигурировать и переводы слов во всех тех случаях, когда это упрощает толкование. <...> Что такой толковый словарь, несомненно, увеличился бы в объеме <...> меня, откровенно, говоря, не пугает».

Образчиком словаря, в котором семантизирующая часть статей идет на родном языке адресата, может служить недавно изданная интересная книга «Великобритания. Лингвострановедческий словарь» (М., 1978).

Естественно, что к родному языку аудитории следует обращаться лишь на начальном этапе обучения, поэтому в словаре, построенном с учетом принципа дозирования материала, на родном языке может быть написана лишь та часть статьи, которая соответствует первому центру.

Таковы три лексикографических принципа, ждущие своего дальнейшего анализа и опробования в работе.

Из истории концепции слова как вместилища знаний

Мы посчитали полезным предложить читателю очерки, посвященные истории формирования и смены философских и лингвистических идей по поводу слова как вместилища знания. Континическая концепция не возникла на пустом месте — она является закономерным продолжением и развитием воззрений, высказанных еще в античности и высказываемых в наши дни.

Эти исторические очерки (их всего три) не дают полной и завершенной картины бытования и борьбы всех континических воззрений. Мы ограничились освещением наиболее интересных этапов, и специально останавливаемся не на общих декларациях, а на конкретных выводах из принципиального решения вопроса. Напомним, что назначение данной книги мы видим не в повторении тезиса о познавательных потенциалах слова: главный упор в ней сделан на конкретных характеристиках слова как вместилища знания.

Аналогичным образом и в историческом разделе исследования для нас не столь важно констатировать, что Гераклит, Филон Александрийский, В. Гумбольдт и А. А. Потенция принципиально признавали вербальную природу **знания** (или, что то же **самое, познавательную природу слова**),

сколь интересно уяснить, какие осязаемые результаты (в области «извлечения знания» из слова, роста его «смыслов» и т. д.) получили Филон или А. А. Потебня благодаря конкретным приложениям к действительности признаваемого ими общего принципа.

Остается заметить, что, по нашему мнению, очерки принадлежат не истории философии, а сфере истории лингвистических учений. Конечно, невозможно не коснуться и философской проблематики: античная наука не знала перегородок между областями знания, а В. Гумбольдт и А. А. Потебня регулярно переносили свои наблюдения над языком в область философии. Все же в очерках мы, в рамках своей компетенции, прослеживаем движение лишь из лингвистики в философию, но не в обратном направлении.»

Очерк первый

АНТИЧНОЕ УЧЕНИЕ О СЛОВЕ-ЛОГОСЕ И ИНТЕРПРЕТАЦИОННЫЕ КОНЦЕПЦИИ

Древние греки более или менее ясно сформулировали основной вопрос философии — как мышление относится к бытию. Оживленное обсуждение этого вопроса как в онтологическом, так и в гносеологическом плане, обострило внимание полемистов к природе и сущности языка, к его роли в познании человеком мира. Два противоположных ответа на основной вопрос философии (признание первичности или, напротив, вторичности материи и соответственно сознания) обусловили также и два принципиально различных подхода к языку. В кратком изложении их можно представить себе следующим образом: познание мира, мышление не зависят от языка, и сущность языка исключительно в том, чтобы быть ору-

днем общения между людьми, т. е. внешним для процесса гносиса средством; мир познается через язык, благодаря языку, и сущность языка состоит не только в передаче мысли от человека к человеку, но и в функции быть носителем мысли, всего знания в индивидуальном сознании человека. Ниже излагаются позиции ученых, придерживавшихся второй точки зрения.

Первым ее сторонником справедливо считается Гераклит из Эфеса (VI—V вв. до н.э.), греческий философ-материалист, «один из основоположников диалектики»¹, изложивший философское учение о слове-логосе, которому было суждено сыграть важную роль в истории развития и смены философских идей.

Сочинения Гераклита Эфесского дошли до нас лишь как выписки, цитаты в трудах позднейших ученых, поэтому его система известна лишь фрагментарно; к тому же выражается мыслитель чрезвычайно кратко и временами невразумительно (за что ему приписан атрибут Темного); в силу сказанного суждения философа допускают ряд толкований. Тем не менее почти все интерпретаторы согласны, что Гераклит считал логос не только средством передачи мысли, но и «седалищем», вместилищем знания².

Правда, Гераклит, с современной точки зрения, перевернул отношение между словом и сообществом говорящих: по его мнению, не люди, фиксируя свой коллективный опыт, вкладывают в слово знание, но, напротив, слово дается людям в качестве «готового» знания: людям надо лишь научиться извлекать преподаваемое знание из слова. В этой априорной концепции слова неясно, кто помещает в слово знания, и Гераклит развил пантеистическое понимание логоса — как универсального разума. Этим была намечена возможность последующих философско-религиозных решений Логоса (уже с большой буквы), т. е. слова как носителя знания, передаваемого божеством человечеству, и даже как самой божественной сущности.

Здесь нет нужды критически разбирать точку зрения Гераклита во всей ее полноте. Для решаемых в нашей книге вопросов важно установить одно: именно у этого

¹ Ленин В. И. Философские тетради. М., 1973, с. 30Я.

² Ср., например: Аалл, 1896—1899.

мыслителя впервые звучит мысль о слове как вместилище знания (как правило, позитивно оцениваемого знания: разума, премудрости) ³.

В. И. Ленин, конспектируя книгу Ф. Лассалья о философии Гераклита, дважды назвал Гераклитово учение прелестным ⁴ и высоко оценил его диалектический подход ⁵. Ленин отмечает также наличие у Гераклита теории «о сущности и происхождении слов и языка» ⁶ и в итоговой схеме проводит параллель между историей мысли и историей языка ⁷. В конспекте «Науки логики» Гегеля Ленин поставил знак равенства между «историей языка» и «историей мысли» ⁸. Наконец, Ленин отмечает приоритет Гераклита в употреблении термина «логос» в смысле объективном — закон ⁹.

После Гераклита к понятию логоса как средству познания и вместилища разума обращались и другие греческие ученые. Если стоики в общем и целом принимали взгляды Гераклита, то Платон и Аристотель, учившие, что имена, слова семантически «по договору», лишь за невербальной мыслью признавали познавательную функцию, а слова орудиями познания не считали. Платон явно думал, что знание предшествует слову: «...имена — это результат договора, и для договорившихся они выражают заранее известные им вещи, и в этом-то и состоит правильность имен...» ¹⁰. Аристотель стоял на аналогичных позициях. Его комментатор Аммоний, сопоставляя взгляды мыслителя с учением Платона, писал: «Ничем не отличается от этого и то, что говорит Аристотель <...> утверждая, что ни одно из имен не существует от природы: он, как и Платон, отрицает за ними существование от природы в том смысле, как его отстаивали ге-

³ Это подтверждается работами большинства интерпретаторов Гераклита (см.: Лосев А. Ф. Гераклит. — Философская энциклопедия. М., 1960, т. 1). А. Ф. Лосев (правда, вопреки традиции) отказывается видеть в Гераклите зачинателя учения о божественном слове, излагая его взгляды в сугубо материалистическом свете. Основные издания фрагментов Гераклита и их русских переводов перечислены А. Ф. Лосевым в указанной статье.

⁴ Ленин В. И. Философские тетради. М., 1973, с. 306, 308.

⁵ Комментируя фрагмент Гераклита («Мир, единый из всего, не создан никем из богов и никем из людей, а был, есть и будет вечно живым огнем, закономерно воспламеняющимся и закономерно угасающим»), В. И. Ленин отметил: «Очень хорошее изложение начал диалектического материализма» (там же, с. 311).

⁶ Там же, с. 313.

⁷ Там же, с. 314.

⁸ Там же, с. 81.

⁹ Там же, с. 310.

¹⁰ Платон, Кратил, М., 1968, с. 482 (пер. Т. В. Васильевой),

раклитовцы»¹¹. Такова апостериорная концепция. В согласии с ней познание, накопление сведений проходят без опоры на язык или слово, а лишь затем люди соединяют мысль со словом — преимущественно для задач поучения, коммуникации¹². Апостериорная точка зрения логически приводит к признанию за языком исключительно номинативно-коммуникативной функции и к отрицанию за ним функции познавательной, кумулятивной.

Наивысшего развития понимание логоса как носителя знания, мудрости достигло в учении Филона Александрийского (рубеж I в. н.э.), основная заслуга которого состоит в разработке вполне определенных приемов извлечения информации, заключенной в словах. Он считает, что слово является носителем априорного знания и что, следовательно, содержание слова определено для человека извне. Полагая, что язык получен людьми не как их собственное изобретение, а как внешнее (божественное) откровение, Филон развил совокупность приемов для «приближения» языка к пониманию современного ему человека. Слова текста, с точки зрения Филона, должны быть истолкованы, т. е. переведены в другие слова — с учетом аудитории — более современные, конкретные, по возможности однозначные, а также актуальные для событий и общественного сознания текущего момента. Филон ясно понимал, что для людей одного времени, но с разным уровнем образованности требуются различные толкования.

Оригинальным достижением ученого является основание науки экспликации, т. е. замены одних (непонятных) словесных знаков другими (понятными). В частности, Филон предложил аллегорический метод экспликации текста, противопоставив буквальное прочтение «мудрому», «высокому», символическому.

Указывая на заслуги Филона, мы, конечно, не должны забывать о религиозно-мистической сущности его мировоззрения; техника экспликации разрабатывалась им на материале библии и имела, по замыслу, целью углубление богословской мысли.

¹¹ Аммоний. Комментарий к «Об истолковании» Аристотеля. — В кн.: Античные теории языка и стиля/ Под ред. О. М. Фрейденберг. М.; Л., 1936, с. 76 (пер. Я. М. Боровского).

¹² В том же диалоге «Кратил» Платон ясно говорит, что «имя (т. е. слово. — Е. В., В. К.) есть некое орудие обучения», с помощью которого «мы учим друг друга и распределяем вещи соответственно способу их существования» (с. 422).

Если Гераклит достиг понимания слова как вместилища знания, то Филон ввел в учение о логосе совокупность конкретных приемов для извлечения этого знания из слова. Для Гераклита слово — это только носитель знания, а для Филона слово — это и носитель знания, и его источник. В дальнейшем идея логоса как источника знания, премудрости появляется в раннем христианстве (Иоанн Богослов), разрабатывается и детализируется Климентом Александрийским, Афанасием Великим, Августином и обобщается Фомой Аквином.

Таким образом, античная наука в лице Гераклита Эфесского и Филона Александрийского уже имела общую концепцию слова, названную в данной книге континической. Мысль о слове как вместилище (носителе и источнике) знания, «премудрости», несомненно, высказывалась с полной ясностью, и в этом заключена светлая сторона древности. Ее туманная сторона состоит в «перевернутости» природы семантики слова: слово мыслится исключительно как дарованный человеку инструмент общения ему божественного по происхождению знания. Слово наделяется полной самостоятельностью, автономностью, способностью без участия человека реализовывать себя в материальном мире, «воплощаться» и определять ход истории.

Как логическое развитие подобного понимания природы слова возникла наука (скорее процедура, даже искусство) истолкования заключенного в слове знания — экзегетика (греч. *exēgetikos* объясняющий, толкующий), в латинской традиции называемая также интерпретацией. Хотя экзегетика мыслилась как совокупность приемов истолкования только священных слов и текстов, ее значение выходит за пределы богословия и имеет общепилологическое значение. Именно она, например, привела к возникновению одноязычной лексикографии.

Надо в заключение отметить, что континическое понимание слова наблюдается не только в эллинском мире, но и в других древних цивилизациях¹³.

Принципиально новое отношение к сущности слова, вообще языка, начинается в эпоху Ренессанса и Просвещения, будучи порождено общей атмосферой интенсифи-

¹³ Например, аналогичные высказывания содержатся в Ригведе («Слово есть мудрость, исходящая от божества») и в Авесте («Слово Первоосциности творит мир»).

кации гражданской и духовной жизни. С укоренением понимания материалистического происхождения языка внимание мыслителей переключается с религиозных текстов на живую речь. Пример Лютера показал, что формировать свой язык может сам человек. В ходе интенсивной переводческой и нормирующей деятельности создаются национальные литературные языки. Осознается динамический характер природы языка; в противоположность средневековому универсализму открытие родства языков и зарождение сравнительно-исторического языкознания привело к обоснованию принципа языкового релятивизма. Наконец, энциклопедисты блестяще доказали, что семантика слова может быть вместилищем их собственного, личностного (в том числе и богоборческого) знания¹⁴.

Так мало-помалу распространилась и даже стала привычной мысль о том, что не божество, а сами люди вмещают в слова знания. Это мнение настолько согласовывалось с общей интеллектуальной атмосферой Возрождения, что мы его находим сразу у целого ряда ученых, причем высказывается этот взгляд как нечто разумеющееся, совсем не подлежащее аргументации; поэтому сочетать данную концепцию слова с каким-либо именем не представляется возможным.

Однако создание качественно новой процедуры истолкования слов и текстов, вытекающей из рассматриваемой концепции и получившей название герменевтики, представляет собой заслугу одного определенного ученого — Фридриха Даниэля Эрнста Шлейермахера (1768—1834).

Собственно, наименование герменевтика (от греч. *hermēneūō* — разъясняю, толкую, а также перевожу [с одного языка на другой]) рядом с традиционными названиями экзегетика и интерпретация начинает использоваться уже в середине XVII в., но именно Шлейермахер придал новому термину определенность и указал важные отличия герменевтического способа толкования от экзегетического (интерпретационного); он значитель-

¹⁴ Была вполне понятна вербальная природа знания. Дж. Локк (1898, с. 486) писал: «Я должен сознаться, что сначала не думал заниматься исследованием слов. Но когда я начал рассматривать границы и достоверность нашего познания, то нашел, что оно так тесно связано со словами, что если не рассмотреть внимательно их силы и значения, то и о познании можно сказать очень немногое».

Ной мере освободил его от теологической шелухи и приблизил к научной филологии.

Учение о герменевтике содержится в подробном конспекте читанного Шлейермахером курса лекций (1911). Здесь дано определение герменевтики («герменевтика как искусство понимания»¹⁵, с. 137), в котором уже видно отличие нового подхода к слову от экзегетического. Акцент здесь сделан не на толковании для другого, а на понимании слова или текста сначала для себя (это понимание — процесс), за которым может последовать (а может и не последовать) изложение понятого для другого. «Любая речь может быть <...> понята лишь благодаря знанию исторических обстоятельств жизни, которую она отражает» (с. 138); если священный текст абсолютен и для его понимания нет нужды знать историко-культурный контекст, в котором он создавался, то Шлейермахер тесно связывает слово, речь, повествование с «историческими обстоятельствами жизни». «...Любая речь должна пониматься лишь исходя из всей жизни, которой она принадлежит, т.е. так как любая речь постижима только как момент в жизни говорящего и через обусловленность всех его жизненных моментов, а эти последние определяют совокупностью его окружения, его развитием и настоящим существованием, то каждый говорящий постигается лишь через его национальность и его эпоху» (с. 140).

Если ранее содержание слова, будто бы порожденно божеством, рисовалось сугубо индивидуальным, то здесь речь отдельного человека признается манифестацией не только собственных его знаний, но и его «совокупного окружения», т.е. подчеркивается диалектика личного и общественного в слове и тексте. Национальность и эпоха — это такие же составляющие содержание слова и текста, как и собственный внутренний мир конкретного говорящего человека.

Конспект курса лекций содержит детально разработанную систему указаний для практического понимания, «схватывания» произведений словесности. Выделяются три ступени герменевтического искусства (см. с. 204): 1) историко-культурная; 2) художественная (понимание слова или текста с позиций эстетического вкуса); 3) спе-

¹⁵ Переводы выполнены авторами данной книги.

кулятивная (понимание замысла, второго плана произведения, его философской ценности).

Таким образом, герменевтический метод прежде всего обращается к постигающему человеку и хочет привлечь его внимание к трудностям усвоения чужой мысли. Постигающий человек должен не просто перевести трудное слово или выражение на общепонятный язык, но сначала приблизиться к этому слову и выражению со своей стороны, вжиться в них и их почувствовать.

Несмотря на очевидный эмоционально-оценочный субъективизм Шлейермахера, в его методике присутствует и внешний, общественный план: слово или текст понимаются и как продукт личного творчества, и как результат всех условий жизни человека. Оба этих плана в дальнейшем легли в основания позднейших герменевтических концепций.

Субъективно-психологический план развивал, например, видный философ-идеалист и психолог Вильгельм Дильтей (1833—1911)¹⁶. По его мнению, «в языке, в мифах, в литературе и искусстве, во всех исторических действиях вообще мы видим перед собою как бы объективированную психическую жизнь» (с. 74). Поэтому, желая сделать понятным для наблюдателя слово другого человека или истолковать текст, мы не можем просто перевести это слово или текст на понятный наблюдателю, родной ему язык, а должны переменить «менталитет» наблюдающего человека. Получается, что подлежащие истолкованию слова и тексты едва ли могут быть объяснены кому-либо третьим лицом, так как постигающий человек должен самостоятельно добиться их «постижения», и чужой опыт в деле «вчувствования», конечно, может помочь, но он не заменяет собственного опыта¹⁷.

Мартин Хейдеггер (1889—1976), философ-экзистенциалист, также довел учение Шлейермахера до крайности, но не до психолого-идеалистического предела Дильтея, а до вульгарно-социологического. Подчеркивая познавательные возможности языка, слова не только для обиходного, обыденного знания, но и для науки, в частности для философии, он утверждает, что «методическим

¹⁶ См.: Дильтей, 1924. На русском языке опубликован и второй важный труд философа (Дильтей, 1912).

¹⁷ Оценку понимающей, или описательной, психологии см. в работе: Ярошевский, Анцыферова, 1974, с. 216.

смыслом феноменологического описания является истолкование (Auslegung). Логос феноменологии бытия (des Daseins) имеет характер разъяснения, перевода, благодаря которому манифестируются для понимания бытия, принадлежащего к самому существованию, смысл бытия и основные структуры своего собственного бытия. Феноменология здесь-бытия (des Da-seins) — это герменевтика в самом исконнейшем значении слова, согласно которому оно называется «дело истолкования» (Хейдеггер, 1941, с. 37). И вся его обширнейшая книга фактически построена как анализ знания, заключенного в словах *бытие* и *время!* Слово или текст рисуются как общественное, социальное явление. По парадоксальному афоризму этого философа, не человек говорит на языке, а, наоборот, *die Sprache spricht*, т. е. язык говорит в человеке и через человека (Хейдеггер, 1959, с. 12). Язык фиксирует в себе всю культуру предшествующих поколений, определяет поведение сейчас живущих людей и в значительной (даже в полной) мере обуславливает их будущее. Следовательно, *die Sprache er-wirkt und er-gibt erst den Menschen*, т. е. язык производит и один создает человека (с. 14).

По отношению к языку Хейдеггер констатирует полнейшую пассивность говорящего человека: *der Mensch spricht nur, indem er der Sprache entspricht*, т. е. человек говорит лишь постольку, поскольку он соответствует языку (с. 33). Отсюда для герменевтики важно извлечь из языка отнюдь не личностное, а как раз специальное, общественное знание; отсюда пристальное внимание ученого к этимологии слов (очень тщательно анализируются ключевые слова *Sein* и *Dasein* бытия и *Zeit* время); отсюда почти непереводаемый собственный язык Хейдеггера, который постоянно опирается на созвучия немецких слов, широко прибегает к специфически немецкому словосложению — соположению бесконечного ряда чистых корней¹⁸. Вульгарный социологизм философствования Хейдеггера в конце концов выливается в идеализм: хотя язык постоянно «говорит» (людям и людьми), люди языка не понимают и должны «вслушиваться» в собствен-

¹⁸ П. П. Гайдено (Хейдеггер. — Философская энциклопедия. М., 1970. т. 5, с. 427) так перевела предпринятое Хейдеггером описание слова *забота* через словосложение: *бытие-вперед-себя-в-мире-в-качестве-бытия-при*.

ный язык, воспринимать его мудрость, в чем и призвана им помочь герменевтика¹⁹.

Отбрасывая идеалистический характер осмысления фактов действительности и свойственные отдельным ее представителям крайности, непоследовательности²⁰, нельзя не признать, что герменевтика как общая наука об истолковании отдельных слов и связанных текстов представляет значительный интерес, особенно в своей инструментальной, конкретно-языковедческой части. Под углом зрения задач, решаемых в данной книге, положительное значение герменевтики суммируется следующим образом.

1. Слово (и текст)²¹ вмещает в себе некоторое общественное знание, но может вместить в себя также и индивидуальное, личное знание.

2. Слово — не только носитель знания, но и его источник, так что постигающий человек способен через посредство слова усвоить заключенную в слове информацию.

3. Усвоение заключенной в слове информации проходит или непосредственно, или (если постигающий человек принадлежит иному времени и другой культуре) через посредство герменевта, интерпретатора, толкователя, «переводчика».

4. Простейший акт толкования — приближение слова к постигающему человеку путем перевода этого слова в другие, более понятные слова (экзегетический способ).

5. Адекватный акт толкования — приближение постигающего человека к слову, т. е. перемена внутреннего мира наблюдателя через его «вживание» в другое время и в иную культуру, постижение непонятого слова в контексте свойственной ему культуры (герменевтический способ).

6. В методическом отношении важно, что если в пер-

¹⁹ Оценку герменевтики Хейдеггера см.: Гайденко, 1963.

²⁰ Укажем избранную новейшую литературу по герменевтике: Гадамер, 1960; Мейер, 1965; Бетти, 1967; Герменевтика и критика идеологии, 1971; Герменевтика как дорога сегодняшней науки, 1971. См. также: Гайденко, 1977.

²¹ Дальше опускаем слова «и текст», хотя все тезисы относятся как к слову, так и к тексту.

вом случае постигающий человек выступает в роли (пассивного) ученика, то во втором он бывает (активным) помощником и соратником интерпретатора.

7. Сам интерпретатор должен быть «личностью на рубеже культур», т. е. он должен быть одновременно членом той национально-культурной общности, к которой принадлежит постигающий человек, и членом той культуры, слово которой истолковывается. Здесь подчеркнут синхронический аспект вопроса; в диахроническом аспекте герменевт сначала, конечно, бывает членом лишь одной культуры, а затем он «вживается» в другую, постигает ее и становится ее членом (даже если речь идет о культуре давно исчезнувшего народа).

8. Истолкование семантики слова — прежде всего общеязыковой акт²² (социальный план) и лишь затем личностный (психолого-индивидуальный план).

9. В обоих планах возможны три ступени истолкования: буквальная (или дословная, «прямая»), эстетическая (коннотационная, эвфонетическая) и высшая (прагматическая, идеологическая, «переносная»).

Учение о слове-логосе и концепции интерпретации (прежде всего герменевтики) в какой-то мере предугадывают то, что в соответствии с нуждами современности развивается в данной книге под именем континентальной теории слова. Однако в развитии мировой филологической мысли, направленной на изучение культуры и языка, на анализ культуры в том ее виде, в каком она выражена в языке, в письменности, в художественной литературе, обнаруживаются и еще более близкие, более конструктивные для этой теории предшественники.

²² Наиболее авторитетный современный исследователь герменевтики Г. Г. Гадамер (1966) всячески подчеркивает ее важность для истолкования языка. «Почему в современной философской дискуссии проблема языка заняла такое же центральное место, какое примерно 150 лет назад отводилось понятию мышления или самого себя мыслящего мышления (des sich selber denkenden Denkens)?» — спрашивает он (с. 215). Отвечая, Гадамер указывает, что постижение ребенком мира — это усвоение языка, языковое истолкование **мира** (eigle sprachliche Weltauslegung). Поиск слова для взрослого, по его мнению, — это поиск знания, что особенно заметно в случае перевода: «Мы все знаем, например, при попытке перевода <...> это странное, беспокойное и мучительное чувство, которое продолжается, пока не найдено адекватное слово. Когда же оно найдено <...> мы снова обретаем устойчивость в потоке чужого языкового процесса (des fremden Sprachgeschehens). Что я сейчас описываю — это вообще способ человеческого опыта мира. Я его называю герменевтическим» (с. 223);

ГУМБОЛЬДТИАНСТВО И СОВРЕМЕННАЯ КОНЦЕПЦИЯ ЛИНГВИСТИЧЕСКОЙ ДОПОЛНИТЕЛЬНОСТИ

Немецкий ученый Вильгельм фон Гумбольдт (1767—1835), считающийся основоположником общего языкознания, сформулировал и развил так называемую гипотезу лингвистической относительности. Эта гипотеза имеет большое влияние в современной науке — прежде всего за счет интенсивной деятельности неогумбольдтианцев.

Для неогумбольдтианцев реальный мир существует, поскольку он отражен в языке. Углубление в «дух» языка, который представляется сверхъестественной силой, определяющей духовное формирование, культурное творчество и историю народа, свойственно одному из ведущих представителей этого направления Л. Вейсгерберу¹. Если В. Гумбольдт писал о влиянии структуры языка на мышление, о тождестве языка и мировоззрения с преобладающей все же ролью последнего, то у Вейсгербера язык представляется единственным фактором развития мышления. Предостережение Гумбольдта (1936): «Не следует выводить круг понятий того или иного народа <...> из его словаря. Большое число понятий, особенно абстрактных, может быть выражено необычными и неизвестными нам метафорами или описательным путем» — игнорируется.

Для «понятийного» (inhaltbezogen) и «действенного» (energeiabezogen) подходов, составляющих методологию Вейсгербера, характерно полное отождествление понятия и слова или его значений (даже с отказом от этих терминов), построение «понятийного мира языка» (Denkwelt der Sprache), допущение существования языкового содержания в отрыве от звуков-носителей. Признавая особые «понятия немецкого языка», «понятия французского языка», Л. Вейсгербер видит смысл только в том, чтобы го-

¹ В изложении проблематики были учтены следующие критические публикации: Ермолаева, 1960; Сотникян, 1968; Панфилов, 1971, 1977; Мигирин, 1973; Коршунов, Мантатов, 1974; Слобин, Грин, 1976; Брунер, 1977; Чесноков, 1977; Альбрехт, 1975, 1977.

ворить о немецком или французском языках не как об «экземплярах» существующих языков, но лишь как о родных языках немцев и французов. Сравнительное изучение языков означает контрастивный анализ мировоззрений народов, говорящих на них.

В мышлении видятся только национальные черты, определенные языком, а возможность общего для всех народов мышления не рассматривается и даже ставится под сомнение. Теория родного языка увязывается с рассмотрением языка как «энергии», с его влиянием на мировоззрение говорящего на нем народа, на культуру, историю этого народа. Рассмотрение языка как «эргона» допускается в качестве предварительного этапа установления звучаний. Самый язык рисуется системой «языковых приемов» (Sprachzugriffe), при помощи которых формируются субъективные представления человека о внешнем мире и окружающий мир переводится в человеческое сознание. Свое формальное выражение эти приемы находят в «звучаниях» (Lautung), т. е. материальных языковых единицах, играющих роль знаков: словах, частях речи, членах предложения, типах предложений. «Языковой прием» и «звучание» образуют неразрывное единство, являясь двумя сторонами лингвистического языка, но именно приемы определяют характерные особенности, внутреннюю форму, «мировоззрение» (Weltbild).

Категорически не соглашаясь с гипертрофией зависимости мышления от языка, прокламируемой Л. Вейсгербером и другими неогумбольдтианцами, неверно было бы игнорировать роль языка в процессе познания, полагать, будто язык — просто индифферентное орудие образования и передачи мыслей. На самом деле язык играет тут активную роль, воспроизводя логическую мысленную картину действительности, внося в этот исключительно сложный процесс своеобразные коррективы, накладывая на познание свой отпечаток. В сознании появляется, сохраняя свою относительную самостоятельность, наряду с определенной системой мыслей как логической картиной мира, побочная — лингвистическая картина мира, не всегда соответствующая первой, сопутствующая ей. Эта лингвистическая картина мира варьируется от языка к языку. Механизм языкового выражения действительности — важная научная тема, ибо лингвистическое модели-

рование мира играет свою роль в процессе познания.

Образная сторона слова во многом зависит от фантазии народа, а признаки, положенные в ее основу, могут не иметь никакого значения для основного смысла слова, быть случайными. «Чувственное восприятие дает *предмет*, разум — *название* для него. В разуме нет ничего, чего бы не было в чувственном восприятии, но то, что в чувственном восприятии находится фактически, то в разуме находится лишь номинально, по названию. Разум есть высшее существо, правитель мира; но лишь по названию, а не в действительности. Что же такое название? Отличительный знак, какой-нибудь бросающийся в глаза признак, который я делаю представителем предмета, характеризующим предмет, чтобы представить его себе в его тотальности»².

Но объяснить смысловую структуру слова произвольным выбором случайного, скажем, бросающегося в глаза признака, еще не означает сбросить со счетов последствия такого выбора. В самом этом выборе — точка зрения говорящих на предмет, которая может забыться, но может и сохраниться, сопутствуя понятию о данном предмете и в определенной мере направляя процесс познания этого предмета и его отношений с другими. Специфические факторы лингвистического выражения мира, как правило, дополняют наши знания о существе данного предмета, поскольку его словесный образ несет иные ценные в познавательном отношении сведения.

Отличие языкового миропонимания у разных народов еще заключается в отсутствии в тех или иных языках названий определенных предметов, что, однако, в целом не мешает правильному воспроизведению действительной картины. В то же время нельзя игнорировать, что лингвистические представления могут отражать логические пути познания, суживать или расширять представления о тех предметах, понятия которых тождественны (ср. рус. *рука* в параллель англ. arm и hand; рус. *синий* и *голубой* в параллель англ. blue и т. д.).

Указав на то, что в английском языке родственные отношения как по восходящей, так и по нисходящей линии связываются со словом *большой* (grand-father, grand-son, great grand-son), а во французском более ло-

² Замечание принадлежит Л. Фейербаху и одобрено В. И. Лениным; см.: *Ленин В. И. Поли. собр. соч.*, т. 29, С. 74.

гично со словами *большой* и *маленький* (*grand-père, petit-fils, arrière-petit-fils*), Г. Брутян (1969а) замечает: «Хотя с помощью различных языков мы воспроизводим один и тот же фрагмент действительности (скажем, родственные отношения), языковое представление, сопутствующее однозначному понятийному мышлению, варьируется от языка к языку. Языки по-своему преобразуют итоги мыслительной деятельности, создают побочные представления, которые содержат экстралогические информации, дополняющие в том или ином смысле результат логического познания» (с. 49—50). Отсюда и происходит предложение назвать этот круг проблем лингвистической дополнительностью (в отличие от неогумбольдтианского термина «лингвистическая относительность», затушевывающего независимую от языка самостоятельность общечеловеческого мышления).

Составным компонентом языкового представления о мире выступают фразеологизмы, специфичность которых для каждого языка не вызывает сомнений. Одна и та же мысль, выраженная по-разному (см. прекрасный пример Р. А. Будагова: *с глазу на глаз, tête à tête, face to face, unter vier Augen*, где общ самый принцип неразложимого сочетания и то, что в основу кладется по одной из однородных примет собеседников наедине), вызывает различные образные ассоциации в зависимости от языкового оформления, а эти последние играют свою роль, пусть весьма периферийную, в процессе познания. Известны случаи зависимости смысловой стороны слова от особенностей их звучания.

В сложном механизме возникновения «мира языковых представлений» в сознании людей в зависимости от природы языка, истории его словаря и т. д. гибкость слова доходит до того, что оно способно выражать антонимические значения; то же наблюдается в области грамматики. Громадную роль здесь играет также передача этого «мира» от поколения к поколению, являющаяся сама по себе языкотворческим процессом.

В процессе познания возникновение «языковых представлений» о реальном мире, т. е. «вербальной картины» объективной действительности, происходит весьма сложным путем. Подобная «языковая модель» реальности — не беспредметная абстракция и имеет свое место в процессе познания, в многообразном отражении объективной

действительности в сознании людей. Роль языка, если рассматривать его в единстве живого созерцания и абстрактного мышления на базе практики, состоит в том, что при его посредстве возникают и фиксируются наши мысли, результаты мыслительной деятельности становятся духовным достоянием как членов данного поколения, так и будущих поколений.

Мир языковых представлений возникает и развивается в процессе познания; обусловленный имманентными законами данного языка, он обладает относительной самостоятельностью. Г. А. Брутян (1969а) особо подчеркивает именно относительность этой самостоятельности: выдвигание на первый план моментов, причинно обуславливающих языковую модель мира, допустимо лишь для того, чтобы отстоять правомерность ее существования и, следовательно, возможность видения мира через призму языка. Нельзя, однако, гипертрофировать ситуацию, так как в своей основе, во всем существенном «языковая картина мира» совпадает с логическим отображением действительности. На каком бы языке ни говорили люди, отображение мира в их сознании при прочих равных условиях в принципе является одним и тем же. Это совпадение не означает, что мысленное отображение объективной реальности полностью покрывает собою лингвистическую картину мира: «За пределами совпадения в главном и в существенном остаются языковые образы реальных предметов и их отношений, периферийные участки вербальных представлений, которые действительно сохраняют свою самостоятельность в познании мира. В целом они становятся источником дополнительных сведений, носителем побочных информации об окружающей нас действительности. Причем они часто производят стойкие отложения в сознании познающего субъекта в силу образного характера их информации» (Брутян, 1969 а, с. 54).

Понятийный образ мира в процессе познания сочетается с вербальным образом мира. В этом сочетании словесный образ предмета и отношений выступает как форма бытия логического отображения, как дополнительный вербальный фон, над которым возвышается логический образ. В итоге язык по-своему преобразует результаты мыслительной деятельности, выдвигает свое осмысление реальности, вносит «поправки» (не всегда правильные)

в логическое отображение окружающего нас мира, создает иллюзии, которые, впрочем, легко рассеиваются, ибо словесный образ относителен и вербальное искажение в сознании исправляется понятийным образом.

Такое «самоисправление» процесса познания — не исключение и имеет аналоги в других плоскостях познания, например при снятии логическим познанием иллюзий, связанных с органами чувств. Словесный образ, каким бы иллюзорным он ни был, не может свернуть с правильного пути познания, ибо в целом вербальная модель мира — лишь часть, и далеко не решающая, человеческой практики — реализуется под контролем мыслительного опыта.

Проблема языка и поведения, по мнению Г. А. Брутяна, выделяется условно, ибо поведение тесно связано с мышлением. Здесь также недопустимо смешение понятийного аспекта и вербального, поскольку люди отнюдь не отождествляют слова с вещами (это наблюдается у «примитивных» народов, у детей при низком интеллектуальном уровне). Слово, конечно, имеет большую силу воздействия на людей, ибо гносеологически это не только «ярлык», но и носитель определенного понятия и, следовательно, передает сущность вещей. Приобретая при общении определенную самостоятельность, «передатчик информации о предмете», действующий на поведение в принципе, преломляясь через мышление, часто весьма сокращает этот путь. Люди нередко реагируют непосредственно на слово, не замечая, как оно отдалено от референта.

Силу слова ценят те, кто, понимая психологию людей, доводит до них свои идеи наикратчайшим способом, используя гибкость языковых выражений: практика ораторов, сознательные приемы агитации и пропаганды. Эмоциональное воздействие слова иногда приобретает магическую силу, но все же не свойства языка сами по себе определяют поведение людей, а пользующиеся этими свойствами сознательно влияют на поведение других; не люди зависят от языковых норм, а эти нормы являются средством в руках людей. Языковые факторы находят применение не по причинам, обусловленным природой языка, а по соображениям внелингвистического характера, прежде всего становясь средством выражения эмоций.

Эмоциональное воздействие одного и того же логического содержания в разных высказываниях может оказаться даже противоположным в силу употребляемых языковых средств, ибо они способны подчеркнуть определенные признаки, оставить в тени другие, представить явление в более или менее привлекательном свете, протянуть этические и эстетические ассоциации, даже оказать воздействие на наше суждение. По существу, эмоциональное воздействие языка на поведение людей играет исключительную роль в их жизни, ибо эмоциональное так глубоко переплетается с рассудком, что их можно различать только по результатам, а не в самом процессе.

Изучение скрытых механизмов «силы слов» в поведении людей, по словам Г. А. Брутяна, — правильный призыв Б. Уорфа, а его теоретико-познавательные выводы здесь несостоятельны только из-за чрезмерных обобщений того зерна истины, которое он обнаружил и стал рекламировать больше, чем следует, быть может, потому, что другие упорно вообще не замечали эту истину.

Какие выводы, важные для лингвострановедения, можно сделать на основании изложенных концепций, и прежде всего — наиболее убедительной, основанной на марксизме концепции советского философа?

Во-первых, вывод об обязательной универсальности основных значений в системе любого языка. Многовековая практика интеллектуального общения между людьми совершенно разных языков, общность жизни на планете и другие внеязыковые факторы создали один и тот же логический строй мышления, общечеловеческие законы логики, идентичную реализацию познания и мыслей. Существовая только (или преимущественно) в формах конкретных языков, эти качества и обуславливают наличие общих значений в разных языках точно так же, как одно и то же содержание может облекаться в разную языковую форму и в пределах одного и того же языка. Анализ самих универсальных значений несуществен с точки зрения выявления национальной специфики каждого данного языка, хотя для проникновения в культуру именно данного народа представляется интересным отметить, какие из общечеловеческих значений были первоначально выработаны этим народом, и соответственно указать на «приоритет данного языка» в фиксации. Такой приоритет интересен для суждений о культуре данного наро-

да, впрочем, часто первоначальная языковая форма в таких случаях — особенно если речь идет о названии предмета — интернационализируется (*колхоз, спутник*).

Во-вторых, можно сделать вывод о несомненной роли языка как такового в мышлении, познании, поведении, даже мировоззрении — вплоть до признания в той или иной форме особого «языкового мира представлений о реальном мире». Здесь отмечается некоторый набор основных значений, существующих только в данном языке как отражения неповторимых особенностей культуры народа — носителя данного языка и (что гораздо важнее и сложнее) особые напластования на языковых средствах, вообще-то служащих для реализации общечеловеческих универсальных значений.

Самые эти значения, хотя адекватно и полно передаются в каждом языке, однако, расчленяются, выражаются, фиксируются в нем по-разному. Кроме того, выражая общие значения, языковые средства содержат дополнительную информацию, связанную с их национальной и культурной спецификой и неизбежно (как с положительными, так, видимо, и с отрицательными результатами) наслаивающуюся на выражение основных значений. Очевидно, что такая информация очень различна применительно к разным уровням и сторонам языка.

В-третьих, полное использование языка как средства общения и мышления не может в силу второго вывода не считаться с национально-культурной спецификой каждого данного языка. Эти стороны должны быть разделены в дидактических целях; поэтому изучение языка и страноведение рисуются как параллельные, но разные дисциплины.

Для первой желательно преодолеть всю специфику изучаемого языка и представить его как один из вариантов общечеловеческого способа общения и мышления (ведь на всех широтах и долготах люди говорят на одном языке — на человеческом).

Для второй главная цель — проанализировать как раз специфику изучаемого языка, выделить в ней все то (особые национально-культурные понятия и названия, своеобразия оформления общих значений, дополнительные информации при этих общих значениях), что более или менее заметно сказывается в функционировании языка, т. е. дополняет его освоение как орудия, и что

вводит учащегося в особенности культуры народа, которому принадлежит язык, т. е. обеспечивает культурно-воспитательные задачи.

Во всех случаях надо помнить основополагающие указания: «Так как процесс мышления сам вырастает из известных условий, сам является *естественным процессом*, то действительно постигающее мышление может быть лишь одним и тем же, отличаясь только по степени, в зависимости от зрелости развития и, в частности, развития органа мышления»³; «...Язык *есть* практическое, существующее и для других людей и лишь тем самым существующее также и для меня самого, действительное сознание, и, подобно сознанию, язык возникает лишь из потребности, из настоятельной необходимости общения с другими людьми»⁴.

Непонимание процесса развития мышления, например признание национального характера мышления, его зависимости от конкретного языка, рассуждения о «преимуществах» и «недостатках» языков и умственных способностей говорящих на них народов (как у Л. Вейсгербера), деление языков и народов на «примитивные» и «цивилизованные» (как в этнолингвистике) не могут составить базы для решения лингвострановедческих проблем в преподавании иностранного языка, как и во многих других прикладных областях, скажем в теории перевода (непереводимость возводится и Л. Вейсгербером, и «общими семантиками» в абсолют как свидетельство «неповторяемости духа языка», как невозможность передать одну и ту же мысль в разных языках).

Из сложных и диалектически противоречивых взаимоотношений языка, мышления, познания, культуры, поведения, из того, что законы языка независимы от воли людей, нельзя делать вывода о господстве языка над человеком, но можно говорить лишь об объективности существования языка. Ведь не язык определяет познание и его результаты, а человек, его общественная практика закрепляют в языке результаты своего познания действительности. Человек познает реальность, а не свой язык.

Задача (применительно к собственно страноведению) в том, чтобы из многообразия тематики отобрать то, что

³ Маркс К., Энгельс Ф. Избранные письма. М., 1953, с. 209.

⁴ Маркс К., Энгельс Ф., Соч. 2-е изд., т. 3, с. 29.

имеет педагогическую ценность, что способно содействовать научению адекватному владению русским языком.

Смысл поиска и смысл введения найденного материала в обучение в том, что, несмотря на свою популяризаторскую роль для переживания слов и (согласно с общим чувством языка) для формирования смысла в целом. С этим материалом тесно связываются дополнительные функции общения, кроме собственно коммуникативной: передача эмоциональной и стилистической информации, художественно-поэтический эффект и т. д.

Очерк третий

УЧЕНИЕ А. А. ПОТЕБНИ О ЛЕКСИЧЕСКОЙ СЕМАНТИКЕ И ЕГО ЗНАЧЕНИЕ ДЛЯ ЛЕКСИКОГРАФИИ И ЛИНГВОСТРАНОВЕДЕНИЯ

Александр Афанасьевич Потенбня (1835—1891) — ученый, личность и научная деятельность которого постоянно привлекают к себе внимание современных лингвистов¹.

Сам А. А. Потенбня постоянно причислял себя к ученикам и последователям В. фон Гумбольдта. Хотя, приступая к своему основному теоретическому труду «Мысль и язык»², А. А. Потенбня видел его назначение

¹ Библиография работ А. Л. Потенбни и литературы о нем, доведенная до последнего времени, составила 600 наименований (Франчук, 1975), и при этом список, особенно в его иноязычной части, далеко не полон. Информативную справку о жизни и трудах Л. А. Потенбни (с избранной, но вполне достаточной библиографией) см.: Булахов, 1976, а также Райнов, 1924; Белодед О. И., 1977; Березин, 1976, и др.

² Здесь и далее ссылаемся на последнее по времени издание «Мысли и языка» в кн.: Потенбня, 1976. На другие цитируемые работы, если нет оговорки, ссылаемся по этому же изданию.

Место «Мысли и языка» в научном творчестве А. А. Потенбни весьма метко подчеркнул М. И. Дринов (1892, с. 69): «Развитые здесь взгляды покойный автор проводил во всех последующих своих трудах, находящихся вследствие этого в столь тесной связи с его сочинением „Мысль и язык“, что читателю, не знакомому с последним, многое в них будет представляться неясным, недосказанным. Это особенно может относиться к запискам Ал. А-ча по русской грамматике. Здесь, рассыпая поражающие меткостью и новизной выводы при анализе отдельных явлений, он мало заботится об общей связи между частными своими обобщениями, полагая, по-видимому, что читатели и сами сумо-

в том, чтобы «изложить некоторые черты той теории языка, основателем коей может считаться В. Гумбольдт» (с. 35), на деле он, особенно в учении о семантике слова, пошел значительно дальше В. Гумбольдта: он конкретизировал теорию внутренней формы слова, разработал концепцию ближайшего и дальнейшего значений слова, а также на большом фактическом материале вскрыл роль слова в познании человеком мира.

Сложные философские основания потебнианского подхода к семантике слова в кратком изложении таковы. Вполне согласно с В. Гумбольдтом ученый различает язык и дух языка (или народа), хотя и подчеркивает свой собственный взгляд: «...если Гумбольдт утверждает тождество (хотя бы даже и высшее) языка и духа, если он старается выйти из круга: „без языка нет духа, и наоборот — без духа нет языка“ таким образом, что возводит рядом и дух и язык к высшему началу, то это должно быть следствием каких-нибудь недоразумений» (с. 67).

Дух для Потебни — это отнюдь не вся психическая деятельность человека, не противоположность материи, а лишь «сознательная умственная деятельность», предполагающая понятия и соответственно слова, т. е. это, как бы мы сейчас сказали, вербализированная внутренняя речь. (Так термин дух излагается только в «Мысли и языке»; в других своих работах Потебня понимает его в обычном философском смысле.)

Затем в концепции, кроме звука и духа, появляется и третий компонент — душа: «Язык и дух, взятые в смысле последовательных проявлений душевной жизни, мы можем вместе выводить из „глубины индивидуальности“, т. е. души как начала, производящего эти явления и обуславливающего их своею сокровенною сущностью» (с. 69; разрядка наша. — Е. В., В. К.).

Четвертым членом концепции Потебни является мысль, которая, в его понимании, соположена, равноположена духу, отличаясь от последнего степенью связи с языком. Если, как мы видели, «дух без языка невозможен», то «область языка далеко не совпадает с об-

ют найти ее при помощи сочинения „Мысль и язык“, представляющего стройное и полное изложение почти всех основных взглядов покойного на отношение слова к мысли. Этим своим взглядом Лл. Д-ч твердо держался до конца жизни...».

ластью мысли» (с. 68). Потебня многократно, настойчиво, с большой убежденностью подчеркивает нетождественность языка и мысли и, в частности, слова и мысли: «В середине человеческого развития мысль может быть связана со словом, но в начале она, по-видимому, еще не доросла до него, а на высокой степени отвлеченности покидает его как не удовлетворяющее ее требованиям...» (с. 68).

Если внешняя форма слова (в нашей терминологической системе — *лексема*) и план содержания слова, его семантика не связаны друг с другом жесткими отношениями, то семантика слова в противоположность лексеме — рассуждая чисто логически, априорно — может быть не только социальной, но и индивидуальной.

Потебня тщательно собрал и систематизировал аргументы, согласно которым каждый человек сопоставляет с внешней формой слова свое собственное содержание. Ссылаясь на Гумбольдта, он пишет (и многократно повторяет это мнение), что «никто не понимает слова именно так, как другой... Всякое понимание есть вместе непонимание, всякое согласие в мыслях вместе разногласие» (с. 61). Слова возбуждают в сознании говорящих «соответствующие, но не те же понятия» (с. 140).

Это положение разъясняется путем образного сравнения: «...взаимное понимание не есть переключивание одного и того же содержания из одной головы в другую, но состоит в том, что лицо А, связавшее содержание своей мысли с известным внешним знаком (движением, звуком, словом, изображением), посредством этого знака вызывает в лице Б соответствующее *содержание*. Понимающие друг друга могут быть сравнены с двумя различными музыкальными инструментами, приведенными между собою в такую связь, что звук одного из них вызывает не такой же, но соответствующий звук другого. Каким образом под словом „свеча“ я могу понимать точно то же, что мой собеседник, когда органы восприятий у нас различны, а накопление воспоминаний (об этом) различно гораздо более того? Этим объясняется парадокс, что всякое, даже самое полное понимание есть в то же время непонимание. Человек не может выйти из круга своей личной мысли» (с. 256). Таким образом, семантику слова ученый в общем и целом считает субъективной, индивидуальной,

С другой стороны, в столь же определенных выражениях А. А. Потебня известную часть лексической семантики объявляет объективной и социальной: «...каждый понимает слово по-своему, но внешняя форма слова проникнута объективной мыслью, независимую от понимания отдельных лиц. Только это дает слову возможность передаваться от рода в род; оно получает новые значения только потому, что имело прежние. Наследственность слова есть только другая сторона его способности иметь объективное значение для одного и того же лица» (с. 106).

Одновременное признание субъективности и объективности, индивидуальности и социальной семантики слова особенно ярко выступает в известном учении А. А. Потебни о ближайшем и дальнейшем значениях слова. Это учение намечено в «Мысли и языке», но в развитой форме оно содержится в первом томе более позднего труда «Из записок по русской грамматике»³. «Что такое „значение слова“? Очевидно, языкознание, не уклоняясь от достижения своих целей, рассматривает значение слов только до известного предела. Так как говорится о всевозможных вещах, то без упомянутого ограничения языкознание заключало бы в себе, кроме своего неоспоримого содержания, о котором не судит никакая другая наука, еще содержание всех прочих наук. Например, говоря о значении слова *дерево*, мы должны бы перейти в область ботаники, а по поводу слова *причина* или *причинного союза* — трактовать о причинности в мире. Но дело в том, что под значением слова вообще понимаются две различные вещи, из коих одну, подлежащую ведению языкознания, назовем *ближайшим*, другую, составляющую предмет других наук, — *дальнейшим* значением слова. Только одно ближайшее значение составляет действительное содержание мысли во время произнесения слова» (с. 19). «Ближайшее, или формальное, значение слов, вместе с представлением, делает возможным то, что говорящий и слушающий понимают друг друга. <...> Оба они думают при этом о различных вещах, но так, что мысли их имеют общую точку соприкосновения: представление⁴ (если оно есть) и фор-

³ Ссылаемся на издание: Потебня, 1958.

⁴ Представлением в отличие от одноименного психологического понятия Потебня называет то явление, которое сейчас именуется *мотивировкой наименования*, этимологическим значением слова,

маленькое значение слова» (с. 20). И далее исследователь делает весьма существенное для проблематики нашей книги замечание: «Общее между говорящим и слушающим обусловлено их принадлежностью к одному и тому же народу. Другими словами: ближайшее значение слова народно, между тем дальнейшее, у каждого различное по качеству и количеству элементов, — лично. Из личного возникает высшая объективность мысли, научная, но не иначе как при посредстве народного понимания, т. е. языка и средств, создание коих обусловлено существованием языка. Таким образом, область языкознания народно-субъективна. Она соприкасается, с одной стороны, с областью чисто личной, индивидуально-субъективной мысли, с другой — с мыслью научной, представляющей наибольшую в данное время степень объективности» (с. 20; разрядка А. А. Потебни. — Е. В., В. К.).

Итак, отправившись от признания членимости лексической семантики, А. А. Потебня выделил в ней объективную, народную часть, и часть субъективную, индивидуальную. В тесной связи с этим учением о ближайшем и дальнейшем значениях слова⁵ стоит признание А. А. Потебней познавательных потенций слова — как в процессе постижения мира этноязыковой общностью, так и в ходе индивидуальной мыслительной деятельности человека.

Он недвусмысленно указывает, что «в слове <...> совершается акт познания» (1958, с. 17), сопровождая декларацию ярким примером индивидуального «прозрения» при помощи слова. Малый ребенок впервые наблюдает круглый стеклянный матовый абажур на лампе, и в ответ на вопрос «Что это такое?» говорит: «Арбузик». «Тут происходит познание посредством наименова-

или его внутренней формой. Пример самого Потебни: «Знак верста означает меру долготы, потому что прежде означал борозду; он значит „борозда“, потому что прежде значил поворот плуга» (с. 17). «Знак в слове есть необходимая (для быстроты мысли и для расширения сознания) замена соответствующего образа или понятия; но есть представитель того или другого в текущих делах мысли, а потому называется представлением» (с. 18).

⁵ В употреблении этих терминов А. А. Потебня непоследователен. В «Мысли и языке» ближайшее значение слова он отождествляет с внутренней формой слова (с. 114). Поскольку внутренняя форма слова может быть мертвой, что признает и сам исследователь, должны быть мыслимы слова без ближайшего значения слова, — в духе понимания термина «ближайшее значение» в работе «Из записок...» (Потебня, 1958) такое, конечно, невозможно. Следовательно, «ближайшее значение» в «Мысли и языке» и «ближайшее значение» в «Из записок по русской грамматике» — вербально совпадающие, но содержательно совершенно разные термины.

ния, сравнение познаваемого с прежде познанным. Смысл ответа таков: то, что я вижу, сходно с арбузом» (там же, с. 17).

Пример подчеркивает, как это следует из интерпретации Потебни, прямую зависимость индивидуального познавательного акта от знания, содержащегося в общественном слове (арбуз — круглый), полученного членом этноязыковой общности в процессе освоения языка.

Общественную природу хранимого словом знания Потебня обсуждает многократно и с разных точек зрения. Так, он (здесь и далее: Потебня, 1976) утверждает зависимость понятия от слова («понятие рождается со словом и образуется только через посредство него», с. 47), выделяет общественный характер индивидуального мышления («язык есть необходимое условие мысли отдельного лица даже в полном уединении, потому что понятие образуется только посредством слова», с. 57). Социальность хранимого словом знания, по мысли Потебни, видна, далее, в том, что «слово только в устах другого может стать понятным для говорящего» (с. 111) и что «мыслимое нами содержание принадлежит вместе и другому», потому что «в слове человек находит новый для себя мир, не внешний и чуждый его душе, а уже переработанный и ассимилированный душою другого» (с. 141).

Если отвлечься от устарелых терминов, то фактически сказано, что благодаря слову член этнокультурной общности наследует накопленный до него опыт. Поскольку преувеличение индивидуального компонента в семантике слова может привести к признанию ее произвольности (а сам Потебня индивидуальной семантике всегда придавал большое значение), ученый предостерегает против ложного вывода и говорит: «...никто не имеет права влагать в язык народа того, чего сам этот народ в своем языке не находит» (с. 149).

Говоря об апперцепции, исследователь рассуждает о «готовой норме», преподаваемой словесным знанием, которая определяет отношение людей к миру и в содержательном отношении направляет их высказывания: так, «известная пословица „курица не птица, прапорщик не офицер“ предполагает знание, какова *должна быть* настоящая птица, настоящий офицер» (с. 162). Более того: «мысль, вскормленная словом, начинает относиться непосредственно к самим понятиям, в них находить искомое

знание», так что «путь науке уготовляется словом» (с. 164).

Все рассуждения лингвиста о слове как хранителе (индивидуального и общественного) знания достигли своей вершины в определении слова как «сгущения мысли» (с. 168 и 211). Будучи накопителем знания, «язык есть потому же условие прогресса народов, почему он орган мысли отдельного лица»; «известно, что истина, добытая трудом многих поколений, потом легко дается даже детям, в чем и состоит сущность прогресса; но менее известно, что этим прогрессом человек обязан языку»; следовательно, «одно только слово есть monumentum aere perennius» (с. 211).

Поскольку, таким образом, слово — это памятник познания, «показать на деле участие слова в образовании последовательного ряда систем, обнимающих отношения личности к природе, есть основная задача истории языка» (с. 171).

Говоря об общественной семантике слова, исследователь вскрывает национальную ее специфику: «Общечеловеческие свойства языков суть: по звукам — членораздельность, с внутренней стороны — то, что все они суть системы символов, служащих мысли. Затем все остальные их свойства суть племенные, а не общечеловеческие» (с. 259; курсив А. А. Потебни. — *Е. В., В. К.*).

Следовательно, изучение лексической семантики — это одновременно постижение историко-культурной самобытности народа, языку которого принадлежит рассматриваемое слово.

А. А. Потебня ясно понимал смысловую несоизмеримость слов разных языков: по его мнению, «слово одного языка не покрывает слова другого», но взаимопонимание между членами различных этнических общностей все же возможно, так как «могут покрывать друг друга комбинации слов» (с. 263). Из последнего высказывания, между прочим, можно сделать вывод, что семантика слова языка А может быть истолкована «комбинациями слов» языка Б (что немаловажно для нашей концепции).

Как видим, во взглядах А. А. Потебни на соотношение слова и знания вполне определенно выражены мысли, созвучные континентальной теории слова. Созданный самим Потебней суммирующий афоризм («Без слова не-

возможна никакая ступень человеческого знания»⁶) точно выражает суть его мыслей.

Учение Потебни о слове отличается многоплановостью, комплексностью, широтой, и, подобно любой другой всеобъемлющей концепции, оно развивалось учениками и последователями не как единое, неделимое целое, а в отдельных аспектах. Приверженцы потебнианства разошлись в своих исследованиях и, не отрываясь от Потебни, расставили собственные акценты.

Так, Дмитрий Николаевич Овсяннико-Куликовский (1853—1920) преимущественно развивал психологический план воззрений своего сослуживца по Харьковскому университету⁷, точнее, национально-психологический, доводя его до логического предела. Если А. А. Потебня указывал, что «язык <...> есть не только одна из стихий народности, но и наиболее совершенное ее подобие» (1976, с. 229), то Овсяннико-Куликовский (1922) прямо отождествляет язык и национальную психологию: «Язык и национальность <...> должны быть понимаемы, прежде всего, как особая форма накопления и сбережения психической энергии народов» (с. 24); «Если бы национальная психика не была так неразрывно, так интимно-тесно связана с языком, то она, функционируя в бессознательной сфере, скрываясь в глубине души, оставалась бы недоступною всяким воздействиям со стороны. Но язык, ее орган и выражение, проявляясь во вне, выходя за пределы личности, открывает, если можно так выразиться, „фронт национальной психики”» (с. 25; разрядка наша. — *Е. В., В. К.*).

Павел Александрович Флоренский (1882—1943), напротив, развивал объективный, социологический план лексической концепции А. А. Потебни. У Флоренского наличествуют соображения относительно слова как символа⁸, но для нас важнее другое.

В противоположность распространившемуся под влиянием Потебни подчеркиванию индивидуальности, неповторимости семантики слова в сознании человека, Флоренский выделяет в слове и всячески акцентирует коллектив-

⁶ Эпиграф к статье Б. Лезина (1910).

⁷ Вероятно, именно благодаря авторитету Овсяннико-Куликовского, наиболее известного популяризатора Потебни, все потебнианство стало оцениваться и классифицироваться как психологизм в языкознании и литературоведении. См., например: Звегинцев, 1964, с. 105; Кравцов, 1974, с. 302.

⁸ См.: Флоренский, 1922, 1971 — здесь, правда, речь идет о зрительных символах.

ные и регулярные, преемственные и устойчивые смыслы. По его мнению, слово не только «восприимчиво», но и «монументально», не только «текуче», но и «твердо»: «Я не могу, не разрывая своих связей с народом, к которому принадлежу <...> изменить устойчивую сторону слова и сделать внешнюю форму его индивидуальной, зависящей от лица и случая употребления» (Флоренский, 1973, с. 349).

Даже в экстремальных ситуациях слово объективно не теряет своей семантики: «Слово <...> духовно-физический процесс, а не чисто физический, не просто внешний звук <...> оно <...> непременно имеет смысл, и хотя бы „одними устами“, полубессознательно сказанное, хотя бы в бреду, во сне, все-таки слово не лишено своего смысла, и раз оно стало словом, раз оно не судорога языка, а некоторый акт нашего духа, оно непременно направлено на объект, им обозначаемый» (с. 349).

Наряду с объективностью, устойчивостью лексической семантики, Флоренский столь же явно указывает и на коллективный характер этой семантики: «Книга творится или сочиняется, изобретается, но выражения и слова не творятся и не сочиняются, а находятся или отыскиваются, обретаются» (с. 350).

Вслед за Потебней он говорит о словах как исторических свидетельствах, о сгущении в них народного опыта: «Все сказанное о словах вообще в особенности относится к сгущенным словам, которые составляют собою опорные пункты исторически сложившейся мысли народа, даже человечества: такие слова особенно могущественны, особенно реальны, имеют чрезвычайные последствия, и, следовательно, пользование ими особенно ответственно. Имена более других слов являются такими центрами сгущения, концентраторами общечеловеческого смысла» (с. 351).

В потебнианском духе решает Флоренский вопрос отношения индивидуального и коллективного в акте говорения: «Если нельзя говорить языком *своим*, а не народа, то нельзя также говорить от народа, а не от себя: *свое* мы высказываем *общим* языком (с. 350; курсив П. А. Флоренского. — Е. В., В. К.); «Процесс речи есть присоединение говорящего к надындивидуальному, соборному единству, взаимопроникновение энергии индивидуального духа и энергии народного, общечеловечес-

кого разума» (с. 350). Тем не менее Флоренский далек от мысли согласиться с безусловной статичностью семантики слова, как можно было бы подумать, приняв во внимание подчеркивание им объективной и коллективной природы лексики. Напротив (примечательно, что Флоренский, говоря о семантике слова, пользуется современным термином «семема»), ученый настаивает на том, что «семеме слова неправильно было бы представлять себе чем-то определенным, устойчивым» (с. 352).

Вслед за Потебней, его различием ближайшего и дальнейшего значений слова Флоренский вскрывает разницу понимания слова *береза* в сознании «человека из народа», ботаника, художника или философа. Однако в противоположность Потебне, для которого дальнейшее значение — это, собственно, всегда лишь научное знание, Флоренский понимает, что дальнейшее значение наличествует не только у ученого, но и у «человека из народа». Он пишет: «Но, кроме всего прочего, это совокупность почти неуловимых эмоциональных оттенков, которыми определяется самое проникновенное из того, что говорящий вот сейчас, в данном случае, вкладывает в произносимое им слово *береза*: может быть, растроганности воспоминаниями о далекой родине, а может быть, хозяйственной скорби о дороговизне дров и т. д., до бесконечности. <...> Семема способна беспредельно расширяться, изменяя строение соотношенных с ней духовных элементов, менять свои очертания, приглушать старое, одним словом, она *живет*, как и всякая душа, — жизнь ее в непрестанном становлении» (с. 356)⁹.

Следовательно, Флоренский несколько модифицировал учение Потебни о структуре семантики слова: членность этой семантики (наличие в ней, с одной стороны, устойчивых, «народных» компонентов и, с другой, компонентов переменных, индивидуальных) показана для любого говорящего, а не для группы лиц только¹⁰.

В свете концепции самого А. А. Потебни и воззрений его приверженцев понимание слова (с интересующей нас

⁹ Здесь Флоренский цитирует отрывок из К. Бальмонта: «Слова — хамелеоны, / Они живут спеша, / У них свои законы — / Особая душа, / Они спешат меняться, / Являя все цвета, / Поблекнут, обновятся, / И в том их красота».

¹⁰ Актуальность идей ученого для современного языкознания и литературоведения показана в комментариях С. С. Аверинцева к статье П. А. Флоренского (Контекст — 1972, 1973). О непреходящем значении конкретных языковых разысканий ученого см.: Хаммерих, 1976.

континентической точки зрения), как кажется, может быть суммировано в следующем виде.

Существует общественно закрепленная семантика слова. Слово аккумулирует общественное, коллективное знание, которое наследуется благодаря языку. Выдвигается «смелый и грандиозный замысел <...> понять и объяснить прогресс человечества, направление его культурно-исторического развития через язык» (Пресняков, 1978, с. 118). Семантика слова значительно превосходит все то, что обычно отражается в словарях. Сам Потевня (1976) в этой связи указывает: «Обыкновенно мы рассматриваем слово в том виде, как оно является в словарях. Это все равно, как если бы мы рассматривали растение, каким оно является в гербарии, то есть не так, как оно действительно живет, а как искусственно приготовлено для целей познания. Отсюда произошло то, что многие явления языка понимались ошибочно» (с. 465—466).

В связи с этой, кумулятивной функцией слова стоит другая — гносеологическая, познавательная. Познавательная функция действует в трех сферах: этнической, или общественной, потому что благодаря слову коллектив говорящих осваивает и в слове закрепляет для себя мир¹¹; индивидуальной, потому что при посредстве слова отдельный человек также расчленяет для себя лично окружающую действительность; общественно-индивидуальной, потому что, усваивая общественное слово, индивид присоединяется к коллективному опыту, замещающему личный путь познания. И кумулятивная, и гносеологическая функции слова возможны лишь «в силу того, что содержание слова может расти» (Потевня).

Из предложенного резюме, на наш взгляд, ясно видно, насколько тесно развиваемая нами континентическая теория слова примыкает к лексическому учению Потевни. В нем не просто декларирован тезис о слове как вместилище знания, но вскрыты конкретные механизмы накопления знаний в слове и эксплицитно описана гносеологическая роль слова — как для культуры в целом, так и для отдельного члена культуры. Поскольку в концепции Потевни социальные мотивы звучат не менее внятно, чем психологические, и даже превалируют, нам представляется

¹¹ «Родовая память человечества (реализующая себя, между прочим, и в языке) удерживается хотя бы смутно, бессознательно, „неотчетливо“, но реально все, что раз в нее вошло» (Контекст — 1972, 1973, с. 372).

неправильным зачислять потебнианство в психологическое направление в языкознании и филологии — перед нами отчетливая культурно-историческая концепция.

На этом заканчиваются очерки, посвященные истории формирования и смены философских и лингвистических идей относительно слова как вместилища знания.

Несмотря на разнородность тематики очерков, все же, по нашему мнению, они свидетельствуют о непрерывном потоке научной мысли, основанном на признании слова основным носителем знания.

Экзегетика и интерпретация античности, герменевтика Шлейермахера и его продолжателей, гумбольдтианский взгляд на язык как на «промежуточный мир», гипотезы относительности и дополнительности, учение Потебни и его последователей о жизни слова и «росте» его семантики — все эти концепции, в общем и целом, отражают отдельные аспекты и, вероятно, различные уровни изученности механизмов вербального постижения мира человеком. Человеком собирательным и человеком отдельным. Все они подходят к слову не только как к хранителю общественной или индивидуальной информации, но и как к источнику этой информации для другого члена языкового коллектива.

Каждая из перечисленных концепций вносит свой своеобразный вклад в конкретное понимание того или другого механизма вербализации мира людьми. Несомненно и то, что отрицательные черты, идеалистические основы ряда из этих концепций то и дело используются в идеологической борьбе нашего времени. Одной из причин рассмотрения в данной книге герменевтических теорий явилась, например, их гальванизация в современной западноевропейской науке о языке и методах преподавания языков.

Разработка континентальной теории семантики слова на последовательно марксистско-ленинской материалистической базе требует и критического анализа параллельных идеалистических концепций вербализации деятельности человеком, ибо они наносят очевидный вред как теоретическому знанию, так и прикладным задачам преподавания русского языка в современном мире.

ПОСЛЕСЛОВИЕ

Континическая концепция слова в ее более или менее законченном виде вниманию научно-педагогической общественности предлагается впервые. Концепция слова как вместилища и источника знаний молода, и сфера ее приложимости еще не очерчена. Во всяком случае, пока она была установлена только эмпирически. Возможно, та же практика (чисто лингвистического исследования или языкового учебного процесса) расширит эту сферу.

Думается, что общий вывод о накопительном характере лексической семантики, равно как и частные наблюдения над природой лексического фона, допускает экстраполяцию и на другие языковые единицы, изоморфные слову.

Этим двум важным для последующей судьбы континической концепции мыслям посвящаются последние страницы книги. Таким образом, вопреки традиции, послесловие посвящено не подведению итогов, а обсуждению дальнейших перспектив. С платформы достигнутого хотелось бы заглянуть в будущее.

Излагаемое ниже далеко отстоит от решения новых возникающих проблем, однако надеемся, что континическая концепция позволяет новые проблемы правильно ставить.

Сначала об увеличении числа проблем, которые могут рассматриваться с точки зрения лексического фона.

Представляется, что континическая концепция способна объяснить семантику производных слов, возникающих как с помощью морфемных средств деривации, так и благодаря процессу метафоризации.

В понятийной части семантики слова *дом* нет явно выраженного указания на то, что дома можно выполнять какую-то работу для заработка, хотя эта информация, несомненно, входит в фон слова. В понятийной семантике нет, далее, никакого упоминания о сверхъестественном существе, по суеверным представлениям обитающем в доме. Она же не содержит знания об имуществе, находящемся в доме. Все три СД (*труд в доме для заработка; домашнее божество; домашнее имущество*) для смыслового плана слова *дом* являются фоновыми (ср. толкование понятия слова *дом* лишь как «жилого здания» или как «квартиры» в Словаре Ожегова).

Между тем эти фоновые СД становятся понятийными в словах, производных от слова *дом*, образованных с помощью суффиксально-префиксальных деривационных моделей. *Надомник*, по толкованию понятия, — это человек, трудящийся ради заработка на дому; *домовой* — дух, якобы живущий в каждом доме и т. д. Те СД, которые были фоновыми для исходного слова, стали понятийными для производных; без соответствующей фоновой семантики исходного слова та семантика производных слов, которую наблюдаем, была бы невозможна. Абстрактное, общее значение деривационной модели лишь частично определяет итоговую семантику производного слова. В самом деле: с точки зрения деривационного значения указанные слова эквивалентны, потому что модель производит одно и то же значение имени деятеля (попел agentis или actionis), имеющего какое-то (не определенное ближе) отношение к *дому*. Закрепление каждого производного слова для выражения более узкого, конкретного смысла происходит благодаря узусу¹, но сама возможность для этого предоставляется фоновой семантикой исходного слова.

Обратимся к словопроизводству путем метафоризации. Если продолжить пользоваться примером слова *дом*, то на этом материале возможно такое наблюдение. *Чердак*, по толкованию, — это помещение между последним этажом дома и крышей, а *подвал* — помещение под первым этажом дома, ниже уровня земли. Такова понятийная семантика данных двух слов, однако фон первого слова содержит СД *расположен в верхней части вертикали строения*, а фон второго — *расположен в нижней части вертикали*. В речи в некоторых случаях фоновая семантика выступает на первый план, фактически нейтрализуя, совершенно исключая понятийную семантику. Например: «Да у тебя на *чердаке-то* что, говорит, напхано? Сено? — Извините, говорю, милостивый государь, у меня, слава моему создателю, пока еще на плечах не *чердак*, а голова» (Н. С. Лесков «Воительница»). Ср. также в мемуарах И. Эренбурга: «Редактор, не читая, подпisał статью в набор, и на следующее утро она вышла большим *подвалом*» (курсив в примерах наш. — Е. В., В. К.).

Следовательно, теория лексического фона позволяет дать объяснение сложной лингвистической проблеме метафоры. Метафора представляет собой перемещение определенной СД из фоновой части слова в понятийную. Метафора — это на самом деле перенос, но не слова на явление, чуждое семантике этого слова, а сначала перенос фоновой СД в понятийную часть слова, а лишь потом обычная номинация с включением «чуждого» явления в объем нового понятия. Результатом является то самое характерное для метафоры «сходство при несхожести» (В. Шкловский), которое вызывает столько научных споров и недоумений.

Любопытно, что при словопроизводстве путем метафоризации могут использоваться не только одна, а две, три или даже многие фоновые СД. Например, в обыденном сознании *обезьяне* (*мартышке, макаке*) приписываются СД: *гримасничанье, фиглярство, паясничанье; уродливость, морщинистость, некрасивость*. Отсюда две метафоры: *обезьяна* — страшный, некрасивый человек и *обезьяна* (или

¹ Обычно именно узус определяет, какое слово из производных удержится для выражения специализированной семантики. Так, в начале нашего века для обозначения авиатора конкурировали два слова: *летун* и *летчик*, эквивалентные по деривационной семантике, но узус отбросил первое и закрепил второе.

мартышка) — человек, который кривляется, гримасничает, передразнивает других².

А вот пример личностной, авторской метафоризации. В повести «Детство» А. М. Горького встречается глагол *мартышничать*, и писатель берет его в кавычки, чтобы подчеркнуть индивидуальное употребление этого производного слова или, во всяком случае, его необычность. Этот глагол мы предъявили ряду носителей русского языка (ради естественности во фразе: *Мы, мальчишки, много мартышничали*), и практически все опрошенные интерпретировали его как *строить рожи, копировать, изображать* кого-либо, т. е. в духе указанной выше СД. Однако у Горького слово помещено в такой контекст: «...главным образом занимались воровством с барж и вообще „мартышничали“ на Волге и Оке, хватая все, что было плохо положено». Следовательно, писатель в своей авторской метафоре активизировал не первую СД фона слова *обезьяна/мартышка* и не вторую, а третью — обезьянам приписывается вороватость.

В последнем примере перед нами в словопроизводстве сочетались два способа: метафоризация и морфологическая деривация. Между ними действительно имеется глубокое внутреннее родство: и там и здесь фоновая СД исходного слова становится в производном слове понятной.

Итак, континическая концепция слова обладает определенной объяснительной силой, и пример привлечения теории лексического фона для новой интерпретации морфемного словопроизводства или метафоры показывает, что сфера приложимости этой концепции способна расширяться.

Теперь об экстраполяции континической концепции на другие языковые единицы.

Прямой план фразеологизмов может многое рассказать об истории, культуре и быте русского народа (например, о тысячелетних корнях книжности и грамотности на Руси: *начать с азов, взять в толк, сделать на ять, слово в слово, от доски до доски, с красной строки*). Одновременно фразеологизмы своей прямой семантикой отражают и современную действительность: *брать курс, становиться на вахту, получить добро, ставить вопрос (ребром), брать на заметку/на карандаш, заложить фундамент, цементировать союз, выйти/вывести на орбиту, получить знак качества* и т. д.

То же самое характерно и для языковых афоризмов, которые, подобно фразеологизмам, имеют второй, переносный план семантики (скажем, поговорка *В Тулу со своим самоваром не ездят* означает: с собой не берут того, чего много, чем славится то место, куда едут), и для выражения этого второго смысла без труда найдутся английские, французские или немецкие эквиваленты. Однако (и в этом случае совершенно аналогично фразеологизмам) языковые афоризмы отнюдь не лишены прямого, переносного плана семантики. Примечательно, что прямой смысл поговорок и крылатых выражений зачастую переводим на иностранные языки (например, в рассмотренной поговорке национальны и топоним *Тула*, и реалия *самовар*).

Если мы уподобим (речь идет лишь о подобии, а не отождествлении) второй, переносный план фразеологизма или языкового афо-

² Ср. глагол *обезьяничать* 'гримасничать, строить рожи'.

ризма лексическому Понятию, то в первом, прямом плане тех же языковых единиц выявляется явное сходство с лексическим фоном. В составе семантики фразеологизмов и языковых афоризмов обнаруживается область, которая (подобно лексическому фону) обладает функцией быть вместилищем общественного опыта. Несомненно, что если эту область семантизировать путем той же процедуры, которая применяется при семантизации лексических фонов, то фразеологизмы и афоризмы могут быть источниками информации о национальной культуре, в том числе (вероятно, даже в первую очередь) для изучающих русский язык как иностранный. Если сделать дальнейший логический шаг, то следует предположить реальную возможность ЛС-словарей, изъясняющих фразеологизмы и афоризмы. Более того: первый подобный словарь уже вышел в свет (Фелицына, Прохоров, 1979).

Таким образом, в настоящий момент мы усматриваем три языковые единицы — слово, фразеологизм, афоризм, — обладающие способностью к накоплению внеязыковой информации и в семантике которых может вычлениваться область, называемая фоном.

Что же касается реляционных языковых единиц (т. е. фонетико-интонационного, деривационного, формообразовательного, синтаксического и стилистического уровней), то и они, конечно, обладают кумулятивными функциями, хотя и в меньшей мере, чем строевые единицы языка. По отношению к реляционным языковым единицам приходится говорить даже о скрытой лингвострановедческой информации, и мы не знаем пока исследовательской процедуры, способной ее объективировать с той же степенью отчетливости, с которой описывается фоновая лексическая семантика. Тем не менее само наличие этой информации ощущается несомненно. В подтверждение приведем отрывок из стихотворения Б. Слуцкого «Родной язык»:

...И я не только достижениями

и восхищен и поражен,
склонениями и спряжениями
клонен, а также сопряжен.

И я не только рубежами,
их расширением прельщен,
но суффиксами, падежами
и префиксами восхищен.

Отечественная история
и широка и глубока
как приращеньем территории,
так и прельщеньем языка.

Поэт далеко не случайно прямо соотнес отечественную историю с родным языком, причем он имеет в виду не слова, а как раз реляционные языковые единицы.

Таким образом, континентическая концепция не ограничивается единственным лексическим уровнем, а допускает закономерную экстраполяцию на другие языковые единицы. Изучить пределы этого переноса и качество подобия — дело последующих разысканий.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Аалл, 1896—1899; *Aall A.* Geschichte der Logosidee in der griechischen Philosophie. Leipzig, 1896—99. Bd. 1—2.
- Аделунг, 1774: *Adelung J. Ch.* Versuch eines vollständigen grammatisch-kritischen Wörterbuches der Hochdeutschen Mundart. Leipzig, 1774.
- Альбрехт, 1975: *Albrecht E.* Sprache und Philosophie. Berlin, 1975.
- Альбрехт, 1977: *Альбрехт Э.* Критика современной лингвистической философии. М., 1977.
- Альперин, 1973: *Альперин В. А.* Словарная статья БОЛЬНИЦА. — В кн.: Предварительные публикации Проблемной группы по экспериментальной и прикладной лингвистике Института русского языка АН СССР. М., 1973, вып. 42.
- Английский Ларусс, 1968: Longmans English Larousse. Harlow; London. 1968.
- Андрейчина, 1976а: *Андрейчина К.* К вопросу о лингвострановедческой компарации при преподавании русского языка болгарским студентам-русистам. — Болгарская русистика, 1976, № 3.
- Андрейчина, 1976б: *Андрейчина К.* К вопросу создания ориентированного лингвострановедческого пособия для болгарских студентов-русистов на основе Лингвострановедческого словаря русского языка. — В кн.: Научно-методические основы составления учебных словарей русского языка для нерусских и проблемы обучения лексике. Тезисы докладов и сообщений. М., 1976.
- Андрейчина, 1977а: *Андрейчина К.* Вопросы учета национальной культуры учащихся при составлении лингвострановедческого учебного словаря. Дис. на соиск. учен. степени канд. филол. наук. М., 1977.
- Андрейчина, 1977б: *Андрейчина К.* Компарация семантических долей фона слова как прием в написании ориентированных статей лингвострановедческого словаря. — В кн.: Из опыта создания лингвострановедческих пособий по русскому языку/Под ред. Е. М. Верещагина, В. Г. Костомарова, Ю. Е. Прохорова. М., 1977.
- Андрианова, Ионисиани, 1976: *Андрианова Т. П., Ионисиани М. А.* О соотношении обыденного и энциклопедического знания в структуре изъяснения русской безэквивалентной и фоновой лексики (из опыта создания учебного лингвострановедческого словаря). — В кн.: Научно-методические основы составления учебных словарей русского языка для нерусских и проблемы обучения лексике. Тезисы докладов и сообщений. М., 1976.
- Анпилогова, Владимирский, Зимин, Сосенко, 1973: *Анпилогова В., Владимирский Е., Зимин В., Сосенко Э.* Русско-английский лексический минимум. М., 1973.
- Апажев, 1971: *Апажев М. Л.* Лексикография и классификация словарей русского языка. Нальчик, 1971.
- Арбатский, 1977: *Арбатский Д. И.* Толкования значений слоя. Семантические определения. Ижевск, 1977.
- Арендт, 1975: *Arendt J. D.* Capturing students interest with visuals. — In: Careers, Communication and Culture in Foreign Language Teaching. Skokie, 1975.
- Арнольд, 1975: *Арнольд А. И.* Культура развитого социализма. М., 1975.
- Арнольд, 1976: *Арнольд А. И.* Социалистический образ жизни и культура. М., 1976.

- Астафьев, 1978; *Астафьев Б. В.* Путеводитель по концертам. Словарь наиболее необходимых терминов и понятий. 2-е изд. М., 1978.
- Атабеков, 1974: *Атабеков Н. А.* Словарь-справочник иллюстратора научно-технической книги. М., 1974.
- Аудиолингвальные материалы, 1970: *Audio-Lingual Materials, Russian. Teacher's Edition.* N. Y. e. a., 1970.
- Афанасьев, 1869: *Афанасьев А. Н.* Поэтические воззрения славян на природу. М., 1869, т. 2.
- Ахманова, 1966: *Ахманова О. С.* Словарь лингвистических терминов. М., 1966.
- Ахунзянов, 1955: *Ахунзянов Э. М.* Русские лексические заимствования, вошедшие в основной словарный фонд и словарный состав татарского языка. Дис. на соиск. учен. степени д-ра филол. наук, М., 1955.
- Ашукин, Ашукина, 1955: *Ашукин Н. С., Ашукина М. Г.* Крылатые слова. М., 1955.
- Бабкин, 1963: *Бабкин А. М.* Филологические словари и их источники. — В кн.: Проблема толкования слов в филологических словарях. Рига, 1963.
- Бабкин, 1965: *Бабкин А. М.* Лексикографическая традиция и пути ее обновления. — Изв. АН СССР, сер. лит. и яз., 1965, № 5.
- Бабов, 1974: *Бабов К.* Проблемы интерференции в процессе обучения русскому языку в болгарской школе. София, 1974.
- Бабов, Выргулев, 1961: *Бабов К., Выргулев А.* Тематичен руско-български речник. София, 1961.
- Базиев, Исаев, 1973: *Базиев А. Т., Исаев М. И.* Язык и нация. М., 1973.
- Бар-Хиллел, 1962: *Бар-Хиллел И.* Будущее машинного перевода. — Филологические науки, 1962, № 4.
- Бархударов, 1967: *Бархударов С. Г.* Русская лексикография. — В кн.: Советское языкознание за 50 лет/Отв. ред. Ф. П. Филин. М., 1967.
- Бахтелер, Верещагин, Прохоров, 1979: *Бахтелер Ф., Верещагин Е. М., Прохоров Ю. Е.* Лингвострановедческое приложение как составная часть учебного комплекса по русскому языку. — В кн.: Лингвострановедение в преподавании русского языка как иностранного/Под ред. Е. М. Верещагина, В. Г. Костомарова. М., 1979.
- Белодед И. К., 1977: *Белодед И. К.* Научно-технический прогресс и язык художественной литературы. — Вопросы языкознания, 1977, № 3.
- Белодед О. И., 1977: *Білодід О. І.* Граматична концепція О. О. Потєбні. Київ, 1977.
- Беляев, 1954: *Беляев Б. В.* О слове и понятии. — В кн.: Учен. зап. І Моск. гос. пед. ин-та иностр. языков. М., 1954, т. 8.
- Беляев, 1964: *Беляев Б. В.* Психологические основы усвоения лексики иностранного языка. М., 1964.
- Бергесс, 1973: *Burgess T. A.* Guide to English Schools. Middlesex, 1973.
- Березин, 1976: *Березин Ф. М.* Русское языкознание конца XIX — начала XX п. М., 1976.
- Бетти, 1967: *Betti E.* Allgemeine Auslegungslehre im Rahmen der Geisteswissenschaften. Tübingen, 1967.
- Бикчентай, Лаврова-Бикчентай, 1929: *Бикчентай Я., Лаврова-Бикчентай З.* Мышление на родном и чужом языках. М., 1929.
- Благова, 1976: *Благова Н. Г.* К вопросу о семантическом преоб-

разовании терминов в Художественной и публицистической речи. Л., 1976. [Машинопись, депонированная в ИНИОН АН СССР за № 685].

Боголепов, Верховская, Сосницкая, 1974: *Боголепов П. К., Верховская Н. П., Сосницкая М. Д.* Тропа к Пушкину. 2-е изд., испр. и доп. М., 1974.

Богуславский, 1957: *Богуславский В. М.* Слово и понятие. — В кн.: Мышление и язык/Под ред. Д. П. Горского. М., 1957.

Большой Дуден, 1958: *Der grosse Duden. Bd. 3. Bildwörterbuch.* Mannheim, 1958.

Боровой, 1963: *Боровой Л. Я.* Путь слова. Старое и новое в языке русской советской литературы. М., 1963.

Боуэрс, 1959: *Bowers F.* Textual and Literary Criticism. Cambridge, 1959.

Брагина, 1969: *Брагина А. А.* Киноурок: зрительный ряд — ситуация — тип речи. — Русский язык за рубежом, 1969, № 4.

Брандт, 1884: *Брандт Р. Ф.* Несколько замечаний об употреблении иностранных слов. — Известия историко-филологического института <...> в Нежине, 1884, т. 8.

Братусь, 1976: *Братусь Б. В.* Комплексный лингвостилистический анализ слова на занятиях с иностранцами-филологами. — В кн.: Русский язык для студентов-иностранцев. М., 1976, вып. 16.

Бронфенбреннер, 1976: *Бронфенбреннер У.* Два мира детства. Дети в США и СССР. М., 1976.

Брудный, 1972: *Брудный А. А.* Семантика языка и психология человека. О соотношении языка, сознания и действительности. Фрунзе, 1972.

Брунер, 1977: *Брунер Дж.* Психология познания. За пределами непосредственной информации. М., 1977.

Брутян, 1969а: *Брутян Г. А.* О гипотезе Сепира — Уорфа. — Вопросы философии, 1969, № 1.

Брутян, 1969б: *Брутян Г. А.* Принцип лингвистической дополнителности. — Философские науки, 1969, № 3.

Брутян, 1973: *Брутян Г. А.* Язык и картина мира. — Философские науки, 1973, № 1.

Брутян, 1976: *Брутян Г. А.* Языковая картина мира и ее роль в познании. — В кн.: Методологические проблемы анализа языка. Ереван, 1976.,

Брушлинский, 1968: *Брушлинский А. В.* Культурно-историческая теория мышления. М., 1968.

Будагов, 1971: *Будагов Р. А.* История слов в истории общества. М., 1971.

Будагов 1977: *Будагов Р. А.* Заметки о русском языке в современном мире. — Вопросы языкознания, 1977, № 1.

Булахов, 1976: *Булахов М. Г.* Восточнославянские языковеды. Библиографический словарь. Минск, 1976—1978, т. 1—3.

Булаховский, 1939: *Булаховский Л. А.* Иностранные элементы в русской художественной литературе. — В кн.: Учен. зап. Харьковск. гос. пед. ин-та иностр. языков. Харьков, 1939, т. 1.

Вайнберг, 1971: *Вайнберг И. И.* «Жизнь Клима Самгина» М. Горького. Историко-литературный комментарий. М., 1971.

Вайсбурд, 1972: *Вайсбурд М. Л.* Реалии как элемент страноведения. — Русский язык за рубежом, 1972, № 3.

- Ванников, Шукин, 1969: *Ванников Ю. В., Шукин А. Н.* Картинный словарь русского языка. 2-е изд. М., 1969.
- Васильев, 1971: *Васильев Л. М.* Семантические классы русского глагола (глаголы чувства, мысли, речи и поведения). Дис. на соиск. учен. степени д-ра филол. наук. Л., 1971.
- Васильева, 1973: *Васильева А. Н.* Базовый потенциальный словарь для чтения художественной литературы на продвинутом этапе обучения. М., 1973.
- Васильева, 1976: *Васильева А. Н.* Курс лекций по стилистике русского языка. Научный стиль речи. М., 1976.
- Васинский, Корнилов, 1974: *Образ жизни — советский!*/Сост. А. Васинский, Л. Корнилов. 2-е изд. М., 1974.
- Верещагин, 1966а: *Верещагин Е. М.* К проблеме опосредствованной ассоциации лексем с понятиями в условиях билингвизма. — Вопросы психологии, 1966, № 3.
- Верещагин, 1966б: *Верещагин Е. М.* К проблеме разносистемной принадлежности лексем при билингвизме. Дис. на соиск. учен. степени канд. филол. наук. М., 1966.
- Верещагин, 1967: *Верещагин Е. М.* Слово: соотношение планов содержания и выражения. — В кн.: Вопросы порождения речи и обучения языку/Под ред. А. А. Леонтьева, Т. В. Рябовой. М., 1967.
- Верещагин, 1968а: *Верещагин Е. М.* Понятие «интерференции» в лингвистической и психологической литературе. — В кн.: Иностранные языки в высшей школе. М., 1968, вып. 4.
- Верещагин, 1968б: *Верещагин Е. М.* Порождение речи: латентный процесс (предварительное сообщение). М., 1968.
- Верещагин, 1969а: *Верещагин Е. М.* Вопросы теории речи и методики преподавания иностранных языков. М., 1969.
- Верещагин, 1969б: *Верещагин Е. М.* Психологическая и методическая характеристика двуязычия (билингвизма). М., 1969.
- Верещагин, 1969в: *Верещагин Е. М.* Роль и место страноведения в практике преподавания русского языка как иностранного. — В кн.: Роль и место страноведения в практике преподавания русского языка как иностранного. М., 1969.
- Верещагин, 1975: *Верещагин Е. М.* Рец. на кн.: Бабов К. Проблемы интерференции в процессе обучения русскому языку в болгарской школе. София, 1974. — *Болгарская русистика*, 1975, № 6.
- Верещагин, 1978: *Верещагин Е. М.* К изучению семантики лексического фонда древнеславянского языка. Доклад на VIII Международном съезде славистов. М., 1978.
- Верещагин, Костомаров, 1973а: *Верещагин Е. М., Костомаров В. Г.* Лингвострановедческий аспект учебника русского языка для иностранцев. — В кн.: Вопросы страноведения в учебниках русского языка. II Международный конгресс преподавателей русского языка и литературы. Доклады советской делегации. М., 1973.
- Верещагин, Костомаров, 1973б: *Верещагин Е. М., Костомаров В. Г.* Язык и культура. Лингвострановедение в преподавании русского языка как иностранного. М., 1973.
- Верещагин, Костомаров, 1974: *Верещагин Е. М., Костомаров В. Г.* Об учебном лингвострановедческом словаре безэквивалентной лексики. — В кн.: Лингвострановедческий аспект преподавания русского языка иностранцам. М., 1974.
- Верещагин, Костомаров, 1975а: *Верещагин Е. М., Костомаров В. Г.*

- Лингвострановедческий словарь: зрительная семантизация русских слов. — Русский язык за рубежом. 1975, № 4.
- Верещагин, Костомаров, 1975б: *Верещагин Е. М., Костомаров В. Г.* О культурном компоненте русских собственных имен. — *Болгарская русистика*, 1975, № 6.
- Верещагин, Костомаров, 1976а: *Верещагин Е. М., Костомаров В. Г.* Лингвострановедческие рекомендации составителям учебных пособий по русскому языку для иностранцев. — В кн.: *Научные основы и практика преподавания русского языка и литературы. III Международный конгресс преподавателей русского языка и литературы. Доклады советской делегации.* М., 1976.
- Верещагин, Костомаров, 1976б: *Верещагин Е. М., Костомаров В. Г.* Язык и культура. Лингвострановедение в преподавании русского языка как иностранного. 2-е изд., перераб. и доп. М., 1976.
- Верещагин, Костомаров, 1977: *Верещагин Е. М., Костомаров В. Г.* Состав семейства учебных лингвострановедческих словарей: ономастический словарь. — В кн.: *Актуальные проблемы учебной лексикографии/Сост. В. А. Редькин.* М., 1977.
- Верещагин, Костомаров, 1979: *Верещагин Е. М., Костомаров В. Г.* К проблеме объекта и объема лингвострановедения. — В кн.: *Теория и практика преподавания русского языка и литературы. Роль преподавателя в процессе обучения. IV Международный конгресс преподавателей русского языка и литературы. Доклады советской делегации.* М., 1979.
- Верещагин, Костомаров, Морковкин, 1974: *Верещагин Е. М., Костомаров В. Г., Морковкин В. В.* Лингвострановедческий словарь: разъяснение русского слова в учебных целях. — *Русский язык за рубежом*, 1974, № 4.
- Верещагин, Костомаров, Морковкин, 1977: *Верещагин Е. М., Костомаров В. Г., Морковкин В. В.* Проспект учебного лингвострановедческого словаря современного русского литературного языка. — В кн.: *Проблемы учебной лексикографии/Под ред. П. Н. Денисова, В. В. Морковкина.* М., 1977.
- Верещагин, Костомаров, Морковкин, 1978: *Верещагин Е. М., Костомаров В. Г., Морковкин В. В.* Теоретические основы лингвострановедческого словаря. — В кн.: *Денисова М. А. Лингвострановедческий словарь. Народное образование в СССР.* М., 1978.
- Верещагин, Тамм, 1979: *Верещагин Е. М., Тамм Э. И.* К дальнейшему развитию теории и практики лингвострановедческой компарации лексики в преподавании русского языка иностранцам. — В кн.: *Лингвострановедение в преподавании русского языка как иностранного/Под ред. Е. М. Верещагина, В. Г. Костомарова.* М., 1979.
- Веселовский, 1945: *Веселовский С. Б.* Топонимика на службе у истории. — *Исторические записки*, 1945, № 17.
- Виноградов, 1938: *Виноградов В. В.* Очерки по истории русского литературного языка XVII—XIX вв. 2-е изд., перераб. и доп. М., 1938.
- Виноградов, 1977: *Виноградов В. В.* Лексикология и лексикография. *Избранные труды.* М., 1977.
- Виноградова, Эйслер, 1959: *Виноградова О. С., Эйслер Н. А.* Выявление систем словесных связей при регистрации сосудистых реакций. — *Вопросы психологии*, 1959, № 2.
- Винокуров, 1968: *Винокуров Д. И.* Методика подготовки отраслевой энциклопедии. М., 1968.

- Винс, 1969: *Wiens G.* Beginning Russian Reader. N. Y., 1969.
- Витгенштейн, 1958; *Витгенштейн Л.* Логико-философский трактат. М., 1958.
- Вифstrand, 1942: *Wifstrand A.* Die griechischen Verba für 'wollen'. — *Eganos*, 1942, v. 40, No 1.
- Войтоловская, 1971: *Войтоловская Э. Л.* Комедия Н. В. Гоголя «Ревизор». Комментарии. Л., 1971.
- Вопросы развития, 1964: Вопросы развития литературных языков народов СССР в советскую эпоху. Материалы конференции. Алма-Ата, 1964.
- Вуйович, 1972: *Вуйович И.* Страноведческие материалы в учебниках и в практике преподавания русского языка в Венгрии. — Русский язык за рубежом, 1972, № 1.
- Выготский, 1956: *Выготский Л. С.* Избранные психологические исследования. М., 1956.
- Габка, 1967: *Gabka K.* Theorie zur Darstellung eines Wortschatzes. Mit einer Kritik der Wortfeldtheorie. Halle (Saale), 1967.
- Гадамер, 1960: *Gadamer H.-G.* Wahrheit und Methode. Tübingen, 1960.
- Гадамер, 1966: *Gadamer H.-G.* Die Universalität des hermeneutischen Problems. — *Philosophisches Jahrbuch*. München, 1966, Jg. 73, Hlbd. 2.
- Гайденко, 1963: *Гайденко П. П.* Экзистенциализм и проблема культуры. Критика философии М. Хайдеггера. М., 1963.
- Гайденко, 1977: *Гайденко П. П.* Герменевтика и кризис буржуазной культурно-исторической традиции. — Вопросы литературы, 1977, № 5.
- Гак, 1971: *Гак В. Г.* От толкового словаря к энциклопедии языка (Из опыта современной французской лексикографии). — Изв. АН СССР. Сер. лит. и яз., 1971, № 6.
- Гак, 1975: *Гак В. Г.* Русский язык в сопоставлении с французским. М., 1975.
- Гак, 1977: *Гак В. Г.* Сопоставительная лексикология. На материале французского и русского языков. М., 1977.
- Гачев, 1976: *Гачев Г.* Гуманитарный комментарий к естествознанию. — Вопросы литературы, 1976, № 11.
- Гвоздев, 1961: *Гвоздев А. Н.* Вопросы изучения детской речи. М., 1961.
- Геллнер, 1962: *Геллнер Э.* Слова и вещи. М., 1962.
- Герменевтика и критика идеологии, 1971: *Hermeneutik und Ideologiekritik*. Frankfurt a. M., 1971.
- Герменевтика как дорога сегодняшней науки, 1971: *Hermeneutik als Weg heutiger Wissenschaft. Ein Forschungsbericht*. Salzburg; München, 1971.
- Герхардт, 1974: *Gerhart G.* The Russian's Words. Life and Language. N. Y. e. a., 1974.
- Гиллельсон, Мушина, 1977: *Гиллельсон М. И., Мушина И. Б.* Повесть А. С. Пушкина «Капитанская дочка». Комментарий. Л., 1977.
- Глезерман и др., 1976: Социалистический образ жизни и современная идеологическая борьба/Глезерман Г. Е. и др. М., 1976.
- Городилова, 1975: *Городилова Г. Г.* Технические средства в обучении русскому языку как иностранному. — Русский язык за рубежом, 1975, № 5.
- Грот, 1876: *Грот Я. К.* Филологические разыскания. Спб., 1876, т. 1.
- Груич, б. г.: *Груич Ђ.* Руско-српскохрватски школски речник. Титград, б. г.

Гумбольдт, 1936: *Humboldt W.* Über die Kawi-Spreche auf der Insel Java nebst einer Einleitung fiber die Verschiedenheit des menschlichen Sprechbaues und ihren Einfluss auf die geistige Entwicklung des Menschengeschlechtes. Berlin, 1936, Bd. 1.

Гусев, 1891: *Гусев А.* Орфографический словарь (буквы ъ и в). М., 1891.

Дале, 1963: *Дале П. К.* О кратких и подробных определениях значений слов в словарях филологического и энциклопедического типов.— В кн.: Проблема толкования слов в филологических словарях. Рига, 1963.

Даниленко, 1977: *Даниленко В. П.* Русская терминология. Опыт лингвистического описания. М., 1977.

Даугатс, 1974: *Даугатс Э. Ю.* Исследование семантической области слов, выражающих понятие прекращения жизни человека в современном немецком языке. Дис. на соиск. учен. степени канд. филол. наук. Минск, 1974.

Денисов, 1969: *Денисов П. Н.* Принципы отбора лексики для учебных словарей.— В кн.: Вопросы учебной лексикографии/Под ред. П. Н. Денисова, Л. А. Новикова. М., 1969.

Денисов, Морковкин, Новиков, 1971: *Денисов П. Н., Морковкин В. В., Новиков Л. А.* Проспект учебного словаря сочетаемости слов русского языка. М., 1971.

Денисов, Морковкин, Скопина, 1972: Лексические минимумы русского языка/Сост.: П. Н. Денисов, В. В. Морковкин, М. А. Скопина. М., 1972.

Денисова, 1978: *Денисова М. А.* Лингвострановедческий словарь. Народное образование в СССР/Под ред. Е. М. Верещагина, В. Г. Костомарова. М., 1978.

Дешериева, 1975: *Дешериева Ю. Ю.* Рец. на кн.: Бабов К. Проблемы интерференции в процессе обучения русскому языку в болгарской школе. София, 1974.—Русский язык за рубежом, 1975, № 6.

Дешериева, 1976: *Дешериева Ю. Ю.* Проблемы интерференции и языкового дефицита (на материале русской речи носителей английского языка). Дис. на соиск. учен. степени канд. филол. наук. М., 1976.

Диз, 1966: *Deese J.* The Structure of Associations in Language and Thought. Baltimore, 1966.

Дильтей, 1912: *Дильтей В.* Типы мировоззрения и обнаружение их в метафизических системах.— В кн.: Новые идеи в философии/Под ред. Н. О. Лосского, Э. Л. Радлова. Спб., 1912, 1.

Дильтей, 1924: *Дильтей В.* Описательная психология/Под ред. Г. Г. Шпета. М., 1924.

Дмитриев, 1930: *Дмитриев Н. Н.* Варваризмы в башкирской речи.— В кн.: Записки коллегии востоковедов. Л., 1930, т. 4.

Добрынина, 1976: Советский образ жизни: сегодня и завтра/Сост. В. И. Добрынина. М., 1976.

Дормидонтова, 1962: *Дормидонтова З. Н.* Картинный русско-эстонский словарь. Таллин, 1962.

Дохерти, 1968: *Doherty J. C., Marcus R. L., Lamoureux C.* Russian: Book One. Boston, 1968.

Дринов, 1892: *Дринов М. С.* Записка о сочинении А. А. Потебнии «Мысль и язык».— В кн.: Сборник Харьковского историко-филологического общества. Харьков, 1892, 4. -

Дубровин, 1977: *Дубровин М. И.* Русские фразеологизмы в картинках. М., 1977.

Духачек, 1960: *Duchaček O.* Le champ conceptuel de la beauté en français moderne. Praha, 1960.

Дюбуа, Дюбуа, 1971: *Dubois J., Dubois C.* Introduction à la lexicographie: le dictionnaire. Paris, 1971.

Ермолаева, 1960: *Ермолаева Л. С.* Неогумбольдтианское направление в современном буржуазном языкознании.— В кн.: Проблемы общего и частного языкознания/Под ред. Т. А. Дегтяревой. М., 1960.

Ефремов А. Ф., 1947: *Ефремов А. Ф.* Иноязычная лексика в языке Н. Г. Чернышевского и ее обработка.— В кн.: Учен. зап. Саратовск. гос. ун-та. Саратов, 1947, т. 35.

Ефремов Л. П., 1959: *Ефремов Л. П.* Сущность лексического заимствования.— Вестн. АН Казахской ССР, 1959, № 5.

Жуков, 1966: *Словарь русских пословиц и поговорок/Сост. В. П. Жуков. М., 1966.*

Журавлев, 1974: *Журавлев А. П.* Фонетическое значение. Л., 1974.

Залевская, 1971: *Залевская А. А.* Некоторые проблемы подготовки ассоциативного эксперимента и обработки его результатов.— В кн.: Экспериментальные исследования в области лексики и фонетики английского языка. (Учен. зап. Калининск. гос. пед. ин-та, т. 98, ч. 2). Калинин, 1971.

Заонегин, 1972: *Заонегин Е. В.* Глаголы, выражающие понятие «думать» в романских языках. Дис. на соис. учен. степени канд. филол. наук. М., 1972.

Звегинцев, 1964: *Звегинцев В. А.* История языкознания XIX и XX вв. в очерках и извлечениях. 3-е изд. М., 1964, ч. 1.

Згуста, 1971: *Zgusta L. e. a.* Manuel of Lexicography. Praha, 1971.

Зимняя, 1970: *Зимняя И. А.* О слуховой и зрительной наглядности в обучении иностранному языку.— В кн.: Проблемы зрительной и слуховой наглядности. М., 1970.

Иванов, 1962: *Иванов Вяч. Вс.* Лингвистика и исследование афазии.— В кн.: Структурно-типологические исследования/Отв. ред. Т. Н. Молошная. М., 1962.

Искусство, 1975: *Искусство и военно-патриотическое воспитание школьников/Под ред. А. И. Бурова. М., 1975.*

Исследование речемыслительной деятельности, 1974: *Исследование речемыслительной деятельности.* Алма-Ата, 1974.

Итс, 1974: *Итс Р. Ф.* Введение в этнографию. Л., 1974.

Кайль, 1978: *Keil D.* Nerukotvornyj.— In: Studien zu Literatur und Aufklärung in Osteuropa (Bausteine zur Geschichte der Literatur bei den Slawen, 13). Gießen, 1978.

Канделаки, 1968: *Канделаки Т. Л.* Взаимодействие терминологической и общеупотребительной лексики.— В кн.: Русский язык и советское общество. Лексика современного русского литературного языка. М., 1968.

Канделаки, 1977: *Канделаки Т. Л.* Семантика и мотивированность терминов. М., 1977.

Канкава, 1958: *Канкава М. В. В. И.* Даль как лексикограф. Тбилиси, 1958.

- Кантор, 1968: *Кантор И. М.* Педагогическая лексикография и лексикология. М., 1968.
- Капанадзе, 1965: *Капанадзе Л. А.* Взаимодействие терминологической и общеупотребительной лексики.— В кн.: Развитие лексики современного русского языка/Под ред. Е. А. Земской, Д. Н. Шмелева. М., 1965.
- Капустин, 1976: *Капустин Е. И.* Социалистический образ жизни. Экономический аспект. М., 1976.
- Караулов, 1975: *Караулов Ю. Н.* Общая и русская идеография. Дис. на соиск. учен. степени д-ра филол. наук. М., 1975.
- Караулов, 1976а: *Караулов Ю. Н.* Общая и русская идеография. М., 1976.
- Караулов, 1976б: *Караулов Ю. Н.* Словарь как компонент описания языков.— В кн.: Принципы описания языков мира/Отв. ред. В. Н. Ярцева, Б. А. Серебренников. М., 1976.
- Карманный Ларусс, 1954: *Larousse de poche.* Paris, 1954.
- Картинный словарь немецкого языка, 1975: *Bildwörterbuch Deutsch.* Leipzig, 1975.
- Касарес, 1958: *Касарес Х.* Введение в современную лексикографию. М., 1958.
- Кауфман, 1937: *Кауфман И. М.* Словари и энциклопедии. Вып. 1. Дореволюционные издания. М., 1937.
- Кауфман, 1961: *Кауфман И. М.* Терминологические словари. Библиография. М., 1961.
- Киселевский, 1977: *Киселевский А. И.* Языки и метаязыки энциклопедий и толковых словарей. Минск, 1977.
- Ковтун, 1963: *Ковтун Л. С.* Русская лексикография эпохи средневековья. М.; Л., 1963.
- Ковтун, 1972: *Ковтун Л. С.* Сближение разговорно-обиходной речи с научной.— В кн.: Актуальные проблемы лексикологии и лексикографии. Пермь, 1972.
- Ковтун, 1975: *Ковтун Л. С.* Лексикография в Московской Руси XVI—начала XVII в. Л., 1975.
- Ковтун, 1977: *Ковтун Л. С.* Древние словари как источник русской исторической лексикологии. Л., 1977.
- Коган, Вишневский, 1972: *Коган Л. //., Вишневский Ю. Р.* Очерки теории социалистической культуры. Свердловск, 1972.
- Колесник, 1973: *Колесник Т. В.* Применение деривационного анализа в лексикографии.— В кн.: Вопросы металингвистики. Л., 1973.
- Колесникова, 1977: *Колесникова А. Ф.* Проблемы обучения русской лексике. М., 1977.
- Коллисон, 1964: *Collison R.* Encyclopaedias. Their History throughout the Ages. A Bibliographical Guide with Extensive Historical Notes to the General Encyclopaedias Issued throughout the World from 350 B. C to the Present Day. N. Y.; London, 1964.
- Коломинский, 1970: *Коломинский Я. Л.* Человек среди людей. М., 1970.
- Колшанский, 1962: *Колшанский Г. В.* К проблеме понятия и значения слова. — В кн.: Иностранные языки в высшей школе, М., 1962. вып. 1.
- Комарова, 1976: *Комарова З. И.* О филологических и энциклопедических толкованиях. Степень энциклопедичное™ толкований в филологических словарях.— В кн.: Научн. труды Свердловск. гос. пед. ин-та, №261. Свердловск, 1976.

- Комлев, 1966: *Комлев Н. Г.* О культурном компоненте лексического значения.— Вести. Моск. ун-та. Филология, 1966, № 5.
- Комлев, 1969: *Комлев Н. Г.* Компоненты содержательной литературы слова. М., 1969.
- Кондратьева, 1967: *Кондратьева Т. Н.* Собственные имена в русском эпосе. Казань, 1967.
- Кондратьева, 1977: *Кондратьева Т. Н.* Сидорова правда и Сидорова коза (из истории фразеологизмов с собственными именами). — В кн.: Очерки грамматики и лексикологии русского языка. Казань, 1977.
- Контекст — 1972, 1973: Контекст — 1972. Литературно-теоретические исследования. М., 1973.
- Копецкий, 1974: *Kopeckij L. V.* Teoretické předpoklady dvojazyčné slovanské lexikografie. — Otázky lexikografie a vydávání slovníků. Praha, 1974.
- Копнин, 1966: *Копнин П. В.* Введение в марксистскую гносеологию. Киев, 1966.
- Корнфорт, 1968: *Корнфорт М.* Марксизм и лингвистическая философия. М., 1968.
- Коршунов, Мантатов, 1974: *Коршунов А. М., Мантатов В. В.* Теория отражения и эвристическая роль знаков. М., 1974.
- Косериу, 1969: *Косериу Э.* Лексические солидарности.— В кн.: Вопросы учебной лексикографии/Под ред. П. Н. Денисова, Л. А. Новикова. М., 1969.
- Кочневска, 1974: *Koczniowska L.* Страноведческий аспект в обучении русскому языку. — *Język gosyjski*, 1974, № 3.
- Кравцов, 1974: *Кравцов Н. И.* Психологическая школа (в изучении фольклора и литературы).— В кн.: Словарь литературоведческих терминов/Ред.-сост.: Л. И. Тимофеев, С. В. Тураев. М., 1974.
- Кристочурьян, 1976: Социалистический образ жизни/Н. Г. Кристочурьян, В. А. Дмитриев, Е. В. Маят. М., 1976.
- Крумбахер, 1897: *Krumbacher K.* Geschichte der byzantischen Literatur. München, 1897.
- Кузнецова, 1963: *Кузнецова А. И.* Понятие семантической системы языка и методы ее исследования (Из истории разработки данной проблемы в современном зарубежном языкознании). М., 1963.
- Кульчинский, 1934: *Кульчинский К. С.* Иллюстрирование учебной книги. М., 1934.
- Курч, 1967: *Kurcz I.* Polskie normy powszechności skojarzeń swobodnych na 100 słów z listy Kent-Rosanoffa.— In: *Studia psychologiczne*. Wrocław; Warszawa; Kraków, 1967, t. 8.
- Кутина, 1976: *Кутина Л. Л.* Термин в филологических словарях.— В кн.: Проблематика определений терминов в словарях разных типов. Л., 1976.
- Ледяева, 1973: *Ледяева С. Д.* История железнодорожной лексики в русском языке XIX в. М., 1973.
- Лезин, 1910: *Лезин Б.* Психология поэтического и прозаического мышления (из лекций А. А. Потемни).— В кн.: Вопросы теории и психологии творчества. Спб., 1910, т. 2, вып. 2.
- Лексика вчера и сегодня, 1976: *Lexika gestern und heute*. Leipzig, 1976.
- Лексикографический сборник, 1957—1964: Лексикографический сборник. М., 1957—1964, вып. 1—7.

- Ленерт, 1975: *Lehnert M.* Der englische Grundwortschatz. Leipzig, 1975.
- Леонидова, 1974: *Леонидова М. А.* Место собственного имени в лексической и фразеологической системе языка.— В кн.: Годичник на Софийский университет. Факультет по славянски филологии. София, 1974, т. 61, 1.
- Леонтьев А. А., 1966: *Леонтьев А. А.* Иноязычные вкрапления в русскую речь.— В кн.: Вопросы культуры речи. М., 1966, вып. 7.
- Леонтьев А. А., 1973: *Леонтьев А. А.* Психологические основы наглядности в учебнике русского языка для иностранцев.— В кн.: Аудиовизуальные пособия и психологические основы наглядности в учебниках русского языка. М., 1973.
- Леонтьев А. Н., 1972: *Леонтьев А. Н.* Проблемы развития психики. 3-е изд. М., 1972.
- Лизунов, 1976: *Лизунов В. С.* Русский язык в ГДР и ФРГ (историческое и социолингвистическое исследование). Автореф. дис. на соиск. учен. степени канд. филол. наук. М., 1976.
- Лихачев, 1962: *Лихачев Д. С.* Текстология. На материале русской литературы X—XVII вв. М.; Л., 1962.
- Локк, 1898: *Локк Дж.* Опыт о человеческом разуме. М., 1898.
- Ломтев, 1976: *Ломтев Т. П.* Принципы выделения дифференциальных семантических признаков.— В кн.: Общее языкознание. Хрестоматия. Минск, 1976.
- Лосев, 1976: *Лосев А. Ф.* Проблема символа и реалистическое искусство. М., 1976.
- Лурия, 1970: *Лурия А. Р.* Мозг человека и психические процессы. М., 1970, т. 2.
- Маас, 1957: *Maas P.* Textkritik. Leipzig, 1957.
- Малькова, Вульфсон, 1975: *Малькова З. А., Вульфсон Б. Л.* Современная школа и педагогика в капиталистических странах. М., 1975.
- Мануйлов, 1975: *Мануйлов В. А.* Роман М. Ю. Лермонтова «Герой нашего времени». Комментарий. 2-е изд., доп. Л., 1975.
- Маркарян, 1976: *Маркарян Э. Б.* Язык как способ существования сознания. — В кн.: Методологические проблемы анализа языка/Отв. ред. Г. А. Брутян. Ереван, 1976.
- Марьянова, 1939: *Марьянова Е. П.* Элементы русской речи в современном французском языке. — В кн.: Учен. зап. Харьковск. гос. пед. ин-та иностр. языков. Харьков, 1939, т. 11.
- Марьянова, 1958: *Марьянова Е. П.* Роль русского языка в обогащении французской лексики в послеоктябрьский период.— Філологічний збірник. Київ, 1958.
- Маслов, 1975: *Маслов Ю. С.* Введение в языкознание. М., 1975.
- Маторэ, 1968: *Matoré G.* Histoire des dictionnaires français. Paris, 1968.
- Мгеладзе, Колесников, 1970: *Мгеладзе Д. С., Колесников Н. П.* От собственных имен к нарицательным. Слова антропонимического происхождения в русском языке. Тбилиси, 1970.
- Медведев, 1972: *Медведев А. А.* Методы построения словарных определений для слов конкретной лексики (на материале русского языка). Автореф. дис. на соиск. учен. степени канд. филол. наук. Киев, 1972.
- Мейер, 1965: *Meier G. F.* Versuch einer allgemeinen Auslegungskunst. Düsseldorf, 1965.

- Мельчарек, 1972: *Mielczarek A. Z zagadnień leksykografii encyclopedycznej.* Warszawa, 1972.
- Методика преподавания, 1967: Методика преподавания русского языка иностранцам/Под ред. С. Г. Бархударова. М., 1967.
- Мигирич, 1973: *Мигирич В. Н.* Язык как система категорий отображения. Кишинев, 1973.
- Миллер, 1951: *Miller G. A.* Language and Communication. N. Y.; Toronto; London, 1951.
- Митрофанова, 1976: *Митрофанова О. Д.* Научный стиль речи: проблемы обучения. М., 1976.
- Морковкин, 1970: *Морковкин В. В.* Идеографические словари. М., 1970.
- Морковкин, 1973: *Морковкин В. В.* Идеографическое описание лексики (анализ слов со значением времени в русском языке). Дис. на соиск. учен. степени канд. филол. наук. М., 1973.
- Морковкин, 1977: *Морковкин В. В.* Опыт идеографического описания лексики. (Анализ слов со значением времени в русском языке)/Под ред. Л. А. Новикова. М., 1977.
- Муканов, 1972: *Муканов М. М.* К вопросу о генезисе внутренней речи в связи с трактовкой механизмов мышления и общения.— В кн.: Интеллект и речь. Алма-Ата, 1972.
- Муравьев, 1975: *Муравьев В. Л.* Лексические лакуны (на материале лексики французского и русского языков). Владимир, 1975.
- Наркевич, 1973: *Наркевич И. Ф.* Калькированные слова русского происхождения в современном немецком языке. Дис. на соиск. учен. степени канд. филол. наук. Киев, 1973.
- Наш образ жизни. М., 1976.
- Нерсисянц, 1977: *Нерсисянц В. С.* Сократ. М., 1977.
- Никонов, 1967: *Никонов В. А.* Личные имена в современной России.— Вопросы языкознания, 1967, № 6.
- Никонов, 1974: *Никонов В. А.* Имя и общество. М., 1974.
- Новиков, 1969: *Новиков Л. А.* Учебная лексикография и ее задачи.— В кн.: Вопросы учебной лексикографии/Под ред. П. Н. Денисова, Л. А. Новикова. М., 1969.
- Новый американский Вебстер, 1972: *The New American Webster Handy College Dictionary.* N. Y., 1972.
- Носков, Яновский, 1974: *Носков А. П., Яновский Р. Г.* Два уровня сознания и политические убеждения. Новосибирск, 1974.
- Общая методика обучения, 1967: Общая методика обучения иностранным языкам в средней школе/Под ред. А. А. Миролубова, И. В. Рахманова, В. С. Цетлин. М., 1967.
- Овсянко-Куликовский, 1922: *Овсянко-Куликовский Д. Н.* Психология национальности. Пг., 1922.
- Огден, Ричардс, 1927: *Ogden C., Richards I.* The Meaning of Meaning. N. Y., 1927.
- Ономастика, 1976: Ономастика. Указатель литературы, изданной в СССР с 1963 по 1970 г. М., 1976.
- Ономастика, 1978: Ономастика. Указатель литературы, изданной в СССР с 1971 по 1975 г. М., 1978.
- Павлов В. М., 1969: *Павлов В. М.* Понятие «синтетического отношения» и вопрос о словосочетании как синтаксической единице.— В кн.:

- Инвариантные синтаксические значения и структура предложений. М., 1969.
- Павлов И. П., 1951: *Павлов И. П.* Полн. собр. соч. 2-е изд., доп. М.; Л., 1951, т. 3, кн. 2.
- Палермо, 1966: *Палермо Д. С.* Словесные ассоциации и речевое поведение детей.— В кн.: Изучение развития и поведения детей/Под ред. Л. П. Липсигта, Ч. К. Спайкера. М., 1966.
- Панфилов, 1971: *Панфилов В. З.* Взаимоотношение языка и мышления. М., 1971.
- Панфилов, 1977: *Панфилов В. З.* Философские проблемы языкознания. Гносеологические аспекты. М., 1977.
- Пенфилд, Робертс, 1964: *Пенфилд В., Роберте Л.* Речь и мозговые механизмы. Л., 1964.
- Петровский, 1966: *Петровский Н. А.* Словарь русских личных имен. Около 2600 имен. М., 1966.
- Петушков, Сергеев, 1976: *Петушков В. П., Сергеев В. Н.* О классификации словарей.— В кн.: Проблематика определений терминов в словарях разных типов. Л., 1976.
- Платонов, 1957: *Платонов К. И.* Слово как физиологический и лечебный фактор (Вопросы теории и практики психотерапии на основе учения И. П. Павлова). 2-е изд., перераб. и доп. М., 1957.
- Поливанов, 1968: *Поливанов Е. Д.* Статьи по общему языкознанию. М., 1968.
- Полторак, 1976: *Полторак Д. И.* Технические средства в преподавании истории и обществоведения. М., 1976.
- Поспелов, 1961: *Поспелов Е. М.* Названо именем Ленина.— Природа, 1961, №4.
- Потебня, 1958: *Потебня А. А.* Из записок по русской грамматике. М., 1958, т. 1—2.
- Потебня, 1976: *Потебня А. А.* Эстетика и поэтика. М., 1976.
- Прессман, 1976: *Прессман Л. П.* Технические средства на уроках русского языка. 2-е изд., перераб. и доп. М., 1976.
- Проблематика определений терминов, 1976: Проблематика определенных терминов в словарях разных типов. Л., 1976.
- Прогрессивное влияние, 1965: Прогрессивное влияние русского языка на казахский/Под ред. С. К. Кенесбаева. Алма-Ата, 1965.
- Пруст, 1966: *Proust J. Diderot et l'Encyclopedie.* Paris, 1966.
- Пустовойт, 1964: *Пустовойт П. Г.* Роман И. С. Тургенева «Отцы и дети». Литературный комментарий. М., 1964.
- Райнов, 1924: *Райнов Т.* Александр Афанасьевич Потебня. Пг., 1924.
- Рей-Дебов, 1969: *Rey-Debove J.* La dictionnaire comme discours sur la chose et discours sur le signe.— Semiotica, 1969, vol. 1, No 2.
- Реформатский, 1962: *Реформатский А. А.* О сопоставительном методе.— Русский язык в национальной школе, 1962, №5.
- Реформатский, 1967: *Реформатский А. А.* Введение в языковедение. 4-е изд., испр. и доп. М., 1967.
- Речь и интеллект, 1930: Речь и интеллект деревенского, городского и беспризорного ребенка. Экспериментальное исследование/Под ред. А. Р. Лурия. Л., 1930.
- Роговин, 1976: *Роговин В. З.* Нравственные основы социалистического образа жизни. М., 1976.
- Розанова, 1970: *Розанова Л. А.* Поэма Н. А. Некрасова «Кому на Руси жить хорошо». Комментарии. Л., 1970.

- Романова, 1975: *Романова Г. Я.* Наименования Мер Длины в русском языке. М., 1975.
- Ромметвейт, 1969: *Rommetveit R.* Words, Meanings and Messages. N. Y.; London; Oslo, 1969.
- Pote, 1978: *Rhote H.* Prjamoj. — In: Studien zu Literatur und Aufklärung in Osteuropa (Bausteine zur Geschichte der Literatur bei den Slawen, 13). Gießen, 1978.
- Рудакова, Берг, Гилянова, 1976: *Рудакова И. Ф., Берг Ю. Г., Гилянова Г. Ф.* Учебный словарь общетехнической лексики (русско-англо-французско-немецкий). Для студентов-иностранцев. М., 1976.
- Рудскогер, 1970: *Rudskogger A.* Plain. A Study in Co-text and Con-text. Stockholm, 1970.
- Русский язык для всех. Учебный комплекс/Под ред. В. Г. Костомарова (Учебник/Е. Степанова, З. Ивлева, Л. Трушина; Упражнения/З. Богданова, Н. Зарубина, Н. Ожегова, Г. Сухина; Пособие по развитию речи/Б. Анпилогова, П. Драхлис, И. Протопопова, Э. Соценко; Книга для чтения/М. Нахабина, Р. Толстая; Грамматический справочник и словарь/Е. Степанова). 4-е изд. М., 1979. Лингвострановедческие тексты [в печати].
- Рыбаков, 1971: *Рыбаков Б. А.* «Слово о полку Игореве» и его современники. М., 1971.
- Самарин, 1962: *Самарин Ю. А.* Очерки психологии ума. М., 1962.
- Сахарный, Орлова, 1969: *Сахарный Л. В., Орлова О. Д.* Типы употребления в речи нескольких вариантов одной гиперлексемы (опыт психолингвистического анализа текста). — В кн.: Живое слово в русской речи Прикамья/Отв. ред. Ф. Л. Скитова. Пермь, 1969, вып. 1.
- Силье, 1974: *Seelye H. N.* Teaching Culture. Strategies for Foreign Language Educators. Skokie; Illinois, 1974.
- Синицын, 1969: *Синицын В. Г.* Советский образ жизни. М., 1969.
- Следд, Колб, 1955: *Sledd I. H., Kolb G. J.* Dr. Johnson's Dictionary. Essays in the Biography of the Book. Chicago, 1955.
- Слобин, Грин, 1976: *Слобин Д., Грин Дж.* Психоллингвистика. М., 1976
- Словосочетания русского языка, 1979: Словосочетания русского языка. Учебный словарь для говорящих на немецком языке/Б. В. Братусь, И. Б. Братусь, Е. А. Данциг и др. М., 1979.
- Смирнова-Чикина, 1974: *Смирнова-Чикина Е. С.* Поэма П. В. Гоголя «Мертвые души». Комментарий. 2-е изд., испр. Л., 1974.
- Соболева, 1976: *Соболева В. С.* Основные направления в обучении русскому языку в США. Дис. на соиск. учен. степени канд. пед. наук. М., 1976.
- Соловейчик, 1976: *Соловейчик С.* Как учатся советские дети. М., 1976. [Изд. АПН на англ., франц., нем. и итал. языках].
- Соссюр, 1977: *Соссюр Ф. де.* Труды по языкознанию. М., 1977.
- Сотникян, 1968: *Сотникян П. А.* Основные проблемы языка и мышления. Ереван, 1968.
- Социология в СССР, 1966: Социология в СССР/Ред.-сост. Г. В. Осипов. М., 1966, т. 1.
- Сперанский, 1904: *Сперанский М. Н.* Переводные сборники изречений в славяно-русской письменности. М., 1904.
- Станг, цит. по Макаев, 1977: *Stang Chr.* Vergleichende Grammatik der baltischen Sprachen. Oslo; Bergen; Tromsø, 1966. [Перевод Э. А. Макаева. См.: *Макаев Э. А.* Общая теория сравнительного языкознания. М., 1977.]

- Степанов Н. И., 1976: *Степанов Н. И.* Концепции элементарности в Научном познании. М., 1976.
- Степанов Ю. С., 1971: *Степанов Ю. С.* Семиотика. М., 1971.
- Степанов Ю. С., 1972: *Степанов Ю. С.* Слова *правда* и *цивилизация* в русском языке.— Изв. АН СССР. Сер. лит. и яз., 1972, № 2.
- Степанов Ю. С., 1975: *Степанов Ю. С.* Основы общего языкознания. 2-е изд., перераб. М., 1975.
- Сто японских вещей, 1975: *A Hundred Things Japanese.* Tokyo, 1975.
- Струков, 1977: *Струков Э. В.* Социалистический образ жизни. Теоретические и идейно-воспитательные проблемы. М., 1977.
- Ступин, 1979: *Ступин Л. П.* Проблема нормативности в истории английской лексикографии XV—XX вв. Л., 1979.
- Сулейменов, 1976: *Сулейменов Р. Б.* Общность культуры развитого социализма. Алма-Ата, 1976.
- Такер, 1972: *Tucker S.* Enthusiasm. A Study in Semantic Change. Cambridge, 1972.
- Теория и история языкознания, 1974: Теория и история языкознания. М., 1974, вып. 2.
- Титова А. И., 1975: *Титова А. И.* Устойчивые ассоциации лексем в некоторых славянских языках. Дис. на соиск. учен. степени канд. филол. наук. Минск, 1975.
- Титова Л. Н., 1975а: *Титова Л. Н.* Киргизско-русский ассоциативный словарь. Фрунзе, 1975.
- Титова Л. Н., 1975б: *Титова Л. Н.* Свободный ассоциативный эксперимент. Ассоциативные словари.— В кн.: Методы изучения лексики/Под ред. А. Е. Супруна. Минск, 1975.
- Тихонов, 1971: *Тихонов А. Н.* Проблемы составления гнездового словообразовательного словаря современного русского языка. Самарканд, 1971.
- Тихонов, Хатамов, Емельянова, Тихонова, 1975: *Тихонов А. Н., Хатамов Н. Т., Емельянова С. А., Тихонова М. Ю.* Русско-узбекский тематический словарь/Под ред. Н. М. Шанского. Ташкент, 1975.
- Толстой, 1963: *Толстой Н. И.* Из опытов типологического исследования славянского словарного состава. — Вопросы языкознания, 1963, № 1.
- Толстой, 1969: *Толстой Н. И.* Славянская географическая терминология. Семасиологические этюды. М., 1969.
- Толстых, 1975: *Толстых В. И.* Образ жизни. Понятие. Реальность. Проблемы. М., 1975.
- Томсон, 1910: *Томсон А. И.* Общее языковедение. Одесса, 1910.
- Трир, 1931: *Trier Y.* Der deutsche Wortschatz im Sinnbezirk des Verstandes. Heidelberg, 1931.
- Трубачев, 1959: *Трубачев О. Н.* История славянских терминов родства и некоторых древнейших терминов общественного строя. М., 1959.
- Трубачев, 1960: *Трубачев О. И.* Происхождение названий домашних животных в славянских языках. М., 1960.
- Трубачев, 1966: *Трубачев О. Н.* Ремесленная терминология в славянских языках. М., 1966.
- Уайзер, 1971: *Уайзер Г.* Ответы на вопросы читателей.— Иностранные языки в школе, 1971, № 4.
- Успенский, 1976: *Успенский Б. А.* Historia sub specie semioticae. — В кн.: Культурное наследие Древней Руси. Истоки, становление, традиции/Отв. ред. В. Г. Базанов. М., 1976.

- Уфимцева, 1968: *Уфимцева А. А.* Слово в лексико-семантической системе языка. М., 1968.
- Файер, 1961: *Fayer M. H.* Basic Russian. Book Two. N. Y., c. a., 1961.
- Файер, 1969: *Fayer M. H.* Basic Russian. Book One. 2 nd ed. N. Y., c. a., 1969.
- Фелицына, Прохоров, 1979: *Фелицына В. П., Прохоров Ю. Е.* Русские пословицы, поговорки и крылатые выражения. Лингвострановедческий словарь/Под ред. Е. М. Верещагина, В. Г. Костомарова. М., 1979.
- Ферс, 1957: *Firth J. R.* Modes of Meaning.— In: *Firth J. R. Papers in Linguistics.* London, 1957.
- Флоренский, 1922: *Флоренский П.* Символическое описание.— В кн.: Феникс. М., 1922, № 1.
- Флоренский, 1971: *Флоренский П.* Symbolarium (словарь символов).— В кн.: Учен. зап. Тартуск. гос. пед. ун-та. Тарту, 1971. вып. 284.
- Флоренский, 1973: *Флоренский Л. А.* Строение слов.— В кн.: Контекст — 1972. Литературно-теоретические исследования. М., 1973.
- Французский Дуден, 1962: *Duden Français. Dictionnaire en images.* Mannheim, 1962.
- Франчук, 1975: *Франчук В. Ю.* Олександр Опанасович Потебня. Київ, 1975.
- Фукс, 1962: *Fuchs H.* Enkyklios Paideia.— *Reallexikon für Antike und Christentum.* Stuttgart, 1962, Bd. 5.
- Фуррэ, б. г.: *Fourre P.* Premier dictionnaire en images. Les 1500 mots. Nouvelle edition. Paris, s. a.
- Халифман, 1978: *Халифман Э. А.* Пособие по французской лексикографии. М., 1978.
- Халлиг, Вартбург, 1952: *Hallig R., Wartburg W.* von Begriffssysteme als Grundlage für Lexikographie. Versuch eines Ordnungsschemas. Berlin, 1952.
- Хаммерих, 1976: *Hammerich L. L.* Phil. 2, 6 and P. A. Florenskij-København, 1976.
- Ханазаров, 1963: *Ханазаров К. X.* Сближение наций и национальные языки в СССР. Ташкент, 1963.
- Хант, Марин, Стоун, 1970: *Хант Э., Марин Док., Стоун Ф.* Моделирование процесса формирования понятий на вычислительной машине/ Под ред. А. В. Напалкова. М., 1970.
- Хаютин, 1970: *Хаютин А. Д.* Общественно-политическая терминология Жан-Жака Руссо в свете современного понимания термина. Автореф. дис. на соиск. учен. степени канд. филол. наук. Калинин, 1970.
- Хейдеггер, 1941: *Heidegger M.* Sein und Zeit. Halle a. d. S., 1941.
- Хейдеггер, 1959: *Heidegger M.* Unterwegs zur Sprache. Pfullingen, 1959.
- Хоберг, 1970: *Hoberg R.* Die Lehre vom sprachlichen Feld. Ein Beitrag zu ihrer Geschichte, Methodik und Anwendung. Dusseldorf, 1970.
- Хорнби, 1958: *Hornby A. S., Gatenby E. V., Wakefield H.* The Advanced Learner's Dictionary of Current English. London, 1958.
- Хохлаков, 1889: *Хохлаков П.* Язык и психология. Казань, 1889.
- Храпченко, 1973: *Храпченко М. Б.* О научных основах преподавания русского языка и литературы.— *Русский язык за рубежом*, 1973, №4.
- Цейтлин, 1958: *Цейтлин Р. М.* Краткий очерк истории русской лексикографии. М., 1958.

Цыганенко, 1970: *Цыганенке Г. П.* Этимологический словарь русского языка. Киев, 1970.

Чернов, 1958: *Чернов Г. В.* К вопросу о передаче безэквивалентной лексики при переводе советской публицистики на английский язык.— В кн.: Учен. зап. к. Моск. гос. пед. ин-та иностр. яз. М., 1958, т. 16.

Чесноков, 1977: *Чесноков П. В.* Неогумбольдтианство.— В кн.: Философские основы зарубежных направлений в языкознании. М., 1977. 4000 наиболее употребительных слов, 1978: 4000 наиболее употребительных слов русского языка. Учебный словарь для зарубежных школ/Под ред. Н. М. Шанского. М., 1978.

Чуприкова, 1967: *Чуприкова Н. И.* Слово как фактор управления в высшей нервной деятельности человека. М., 1967.

Шавтели, 1976: *Шавтели В. П.* Русская советская лексикография. М., 1976.

Шайкевич, 1963: *Шайкевич А. Я.* Распределение слов в тексте и выделение семантических полей.— В кн.: Иностранные языки в высшей школе. М., 1963, вып. 2.

Шайкевич, 1976: *Шайкевич А. Я.* Дистрибутивно-статистический анализ в семантике.— В кн.: Принципы и методы семантических исследований. М., 1976.

Шейман, Варич, 1976: *Шейман Л. А., Варич Н. М.* О «национальных картинах мира» и об их значении для курса русской литературы в нерусских школах.— В кн.: Вопросы преподавания русского языка и литературы в киргизской школе. Фрунзе, 1976, вып. 6.

Шичко, 1969: *Шичко Г. А.* Вторая сигнальная система и ее физиологические механизмы (Вторая сигнальная система и рефлекторная деятельность). Л., 1969.

Шлейермахер, 1911: *Schleiermacher F. D. E. Werke. Auswahl in vier Bänden.* Leipzig, 1911, Bd. 4.

Шмушкис, 1975: *Шмушкис Ю. Е.* Советские энциклопедии. Очерки истории. Вопросы методики. М., 1975.

Шретер, 1967: *Шретер Ф.* Преподавание новых языков.— В кн.: Методика преподавания иностранных языков за рубежом/Сост.: М. М. Васильева, Е. В. Синявская. М., 1967.

Щерба, 1958: *Щерба Л. В.* Избранные работы по языкознанию и фонетике. Л., 1958, т. 1.

Щерба, 1974: *Щерба Л. В.* Языковая система и речевая деятельность. Л., 1974.

Шукин, 1969: *Шукин А. Н.* Семантизация лексики русского языка на занятиях с иностранцами (экспериментальные данные).— Русский язык за рубежом, 1969, № 1.

Шур, 1974: *Шур Г. С.* Теория поля в лингвистике. М., 1974.

Юхас, 1970: *Juhász I.* Probleme der Interferenz. Budapest, 1970.

Якобсон, 1975: *Якобсон Р.* Лингвистика и поэтика.— В кн.: Структурализм: «за» и «против»/Под ред. Е. Я. Васина, М. Я. Полякова. М., 1975.

Ярошевский, 1976: *Ярошевский М. Г.* История психологии. М., 1976. Ярошевский, Анцыферова, 1974: *Ярошевский М. Г., Анцыферова Л. И.* Развитие и современное состояние зарубежной психологии. М., 1974.